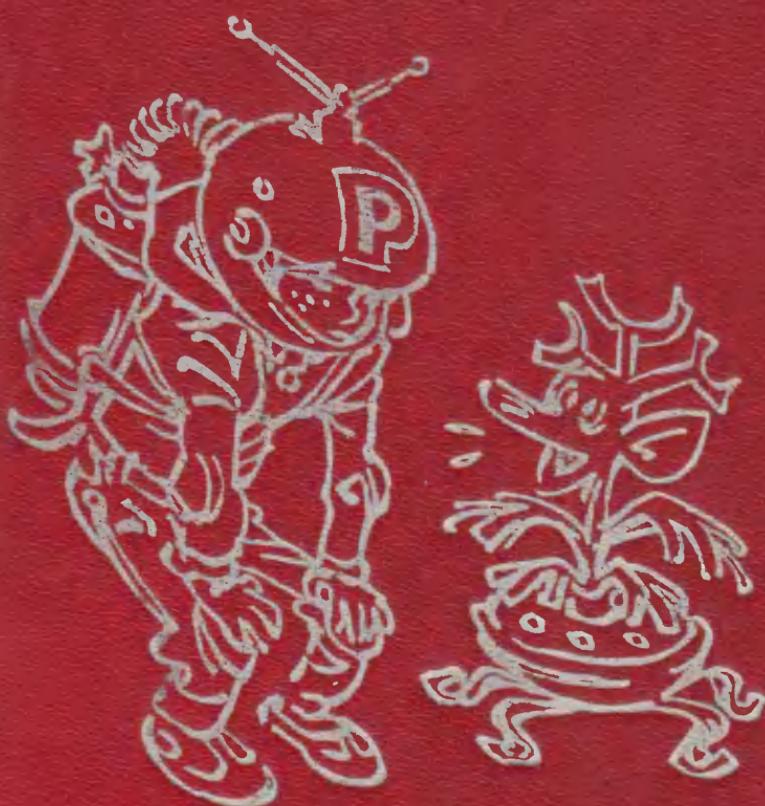

Кир
Бұлымчев

—
—

Алкуючения Исы

Кир Булычев

**Приключения
Алисы**

*

**Путешествие
Алисы**

Издательское
объединение
"КУЛЬТУРА"

1991

ББК 84Р7
Б 90

Рисунки Евгения Мигунова

Кир Булычев

Б90 **Приключения Алисы. В 6-ти книгах. Книга первая. Путешествие Алисы. Издательское объединение «Культура». 1991 г. 368 стр. с ил.**

Фантастические повести и рассказы о маленькой девочке Алисе, которой довелось участвовать в необычайных путешествиях, приключениях и происшествиях, случившихся в XXI веке.

ISBN 5-7158-0022-6

ББК 84Р7

ДЕВОЧКА, С КОТОРОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ

**Рассказы
о жизни маленькой девочки в XXI веке,
записанные ее отцом**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

3 автра Алиса идет в школу. Это будет очень интересный день. Сегодня с утра видеонянят ее друзья и знакомые, и все ее поздравляют. Правда, Алиса и сама уже три месяца, как никому покоя не дает — рассказывает о своей будущей школе.

Марсианин Бус прислал ей какой-то удивительный пенал, который пока что никто не смог открыть — ни я, ни мои сослуживцы, среди которых, кстати, было два доктора наук и главный механик зоопарка.

Шуша сказал, что пойдет в школу вместе с Алисой и проверит, достаточно ли опытная учительница ей достанется.

Удивительно много шума. По-моему, когда я уходил в первый раз в школу, никто не поднимал такого шума.

Сейчас суматоха немного утихла. Алиса ушла в зоопарк попрощаться с Бронтей.

А пока дома тихо, я решил надиктовать несколько историй из жизни Алисы и ее друзей. Я перешлю эти записи Алисиной учительнице. Ей полезно будет знать, с каким несерьезным человеком ей придется иметь дело. Может быть, эти записи помогут учительнице воспитывать мою дочку.

Сначала Алиса была ребенок как ребенок. Лет до трех. Доказательством тому — первая история, которую я собираюсь рассказать. Но уже через год, когда она встретилась с Бронтей, в ее характере обнаружилось

умение делать все не как положено, исчезать в самое неподходящее время и даже случайно делать открытия, которые оказались не по силам крупнейшим ученым современности. Алиса умеет извлекать выгоду из хорошего к себе отношения, но тем не менее у нее масса верных друзей. Нам же, ее родителям, бывает очень трудно. Ведь мы не можем все время сидеть дома; я работаю в зоопарке, а наша мама строит дома, и притом часто на других планетах.

Я хочу заранее предупредить учительнице Алисы — ей тоже будет, наверно, нелегко. Пускай же она внимательно выслушает совершенно правдивые истории, случившиеся с девочкой Алисой в разных местах Земли и космоса в течение последних трех лет.

Я НАБИРАЮ НОМЕР

Алиса не спит. Десятый час, а она не спит. Я сказал:

— Алиса, спи немедленно, а то ..

— Что «а то», папа?

— А то я провидефоню бабе-яге.

— А кто такая баба-яга?

— Ну, это детям надо знать. Баба-яга, костяная нога — страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких детей. Непослушных.

— Почему?

— Ну, потому что она злая и голодная.

— А почему голодная?

— Потому что у нее в избушке нет продуктопровода.

— А почему нет?

— Потому что избушка у нее старая-престарая и стоит далеко в лесу.

Алисе стало так интересно, что она даже села на кровати.

— Она в заповеднике работает?

— Алиса, спать немедленно!

— Но ты ведь обещал позвать бабу-ягу. Пожалуйста, папочка, дорогой, позови бабу-ягу!

— Я позову. Но ты об этом очень пожалеешь.

Я подошел к видеофону и наугад нажал несколько кнопок. Я был уверен, что соединения не будет и бабы-яги «не окажется дома».

Но я ошибся. Экран видеофона просветлел, загорелся ярче, раздался щелчок — кто-то нажал кнопку приема

на другом конце линии, и еще не успело появиться на экране изображение, как сонный голос сказал:

— Марсианское посольство слушает.

— Ну как, папа, она придет? — крикнула из спальни Алиса.

— Она уже спит, — сердито сказал я.

— Марсианское посольство слушает, — повторил голос.

Я повернулся к видеофону. На меня смотрел молодой марсианин. У него были зеленые глаза без ресниц.

— Простите, — сказал я, — я, очевидно, ошибся номером.

Марсианин улыбнулся. Он смотрел не на меня, а на что-то за моей спиной. Ну конечно, Алиса выбралась из кровати и стояла босиком на полу.

— Добрый вечер, — сказала она марсианину.

— Добрый вечер, девочка.

— Это у вас живет баба-яга?

Марсианин вопросительно посмотрел на меня.

— Понимаете, — сказал я, — Алиса не может заснуть, и я хотел провидефонить бабе-яге, чтобы она ее наказала. Но вот ошибся номером.

Марсианин снова улыбнулся.

— Спокойной ночи, Алиса, — сказал он. — Надо спать, а то папа позовет бабу-ягу.

Марсианин попрощался со мной и отключился.

— Ну, теперь ты пойдешь спать? — спросил я. — Ты слышала, что сказал тебе дядя с Марса?

— Пойду. А ты возьмешь меня на Марс?

— Если будешь хорошо себя вести, летом туда полетим.

В конце концов Алиса уснула, и я снова сел за работу. И засиделся до часу ночи. А в час вдруг приглушенно заверещал видеофон. Я нажал кнопку. На меня глядел марсианин из посольства.

— Извините, пожалуйста, что я побеспокоил вас так поздно, — сказал он, — но ваш видеофон не отключен, и я решил, что вы еще не спите.

— Пожалуйста.

— Вы не могли бы помочь нам? — сказал марсианин. — Все посольство не спит. Мы перерыли все энциклопедии, изучили видеофонную книгу, но не можем найти, кто такая баба-яга и где она живет . . .

БРОНТИЯ

К нам в Московский зоопарк привезли яйцо бронтозавра. Яйцо нашли чилийские туристы в оползне на берегу Енисея. Яйцо было почти круглое и замечательно сохранилось в вечной мерзлоте. Когда его начали изучать специалисты, то они обнаружили, что яйцо совсем свежее. И поэтому решено было поместить его в зоопарковский инкубатор.

Конечно, мало кто верил в успех, но уже через неделю рентгеновские снимки показали, что зародыш бронтозавра развивается. Как только об этом было объявлено по интервидению, в Москву начали слетаться со всех сторон ученые и корреспонденты. Нам пришлось забронировать всю восьмидесятиэтажную гостиницу «Венера» на улице Горького. Да и то она всех не вместила. Восемь турецких палеонтологов спали у меня в столовой, я поместился в кухне с журналистом из Эквадора, а две корреспондентки журнала «Женщины Антарктиды» устроились в спальню Алисы.

Когда наша мама провидеофонила вечером из Нукуса, где она строит стадион, она решила, что не туда попала.

Все телеспутники мира показывали яйцо. Яйцо сбоку, яйцо спереди; скелеты бронтозавра и яйцо...

Конгресс космофилологов в полном составе приехал на экскурсию в зоопарк. Но к тому времени мы уже прекратили доступ в инкубатор, и филологам пришлось смотреть на белых медведей и марсианских богомолов.

На сорок шестой день такой сумасшедшей жизни яйцо вздрогнуло. Мы с моим другом профессором Якатой сидели в этот момент у колпака, под которым хранилось яйцо, и пили чай. Мы уже перестали верить в то, что из яйца кто-нибудь выведется. Ведь мы больше его не просвечивали, чтобы не повредить нашему «младенцу». И мы не могли заниматься предсказаниями хотя бы потому, что никто до нас не пробовал выводить бронтозавров.

Так вот, яйцо вздрогнуло, еще раз... треснуло, и сквозь толстую кожистую скорлупу начала просовываться черная, похожая на змеиную, голова. Застрекотали автоматические съемочные камеры. Я знал, что над дверью инкубатора зажегся красный огонь. На тер-

ритории зоопарка началось что-то весьма напоминающее панику.

Через пять минут вокруг нас собирались все, кому положено было здесь находиться, и многие из тех, кому находиться было совсем не обязательно, но очень хотелось. Сразу стало очень жарко.

Наконец из яйца вылез маленький бронтозавренок.

— Папа, как его зовут? — услышал я вдруг знакомый голос.

— Алиса! — удивился я. — Ты как сюда попала?

— Я с корреспондентами.

— Но ведь детям сюда нельзя.

— Мне можно. Я всем говорила, что я твоя дочка. И меня пустили.

— Ты знаешь, что пользоваться знакомствами для личных целей нехорошо?

— Но ведь, папа, маленькому Бронте, может быть, скучно без детей, вот я и пришла.

Я только рукой махнул. У меня не было ни минуты свободной, чтобы вывести Алису из инкубатория. И не было вокруг никого, кто согласился бы это сделать за меня.

— Стой здесь и никуда не уходи, — сказал я ей, а сам бросился к колпаку с новорожденным бронтозавром.

Весь вечер мы с Алисой не разговаривали. Поскорились. Я запретил ей появляться в инкубаторе, но она сказала, что не может меня послушаться, потому что ей жалко Бронтию. И на следующий день она снова пребралась в инкубатор. Ее провели космонавты с корабля «Юпитер-8». Космонавты были героями, и никто не мог отказать им.

— Доброе утро, Бронтя, — сказала она, подходя к колпаку.

Бронтозавренок искоса посмотрел на нее.

— Чей это ребенок? — строго спросил профессор Яката.

Я чуть сквозь землю не провалился.

Но Алиса за словом в карман не лезет.

— Я вам не нравлюсь? — спросила она.

— Нет, что вы, совсем наоборот . . . Я просто подумал, что вы, может быть, потерялись . . . — Профессор совсем не умел разговаривать с маленькими девочками.

— Ладно, — сказала Алиса. — Я к тебе, Бронтя, завтра зайду. Не скучай.

И Алиса в самом деле пришла завтра. И приходила почти каждый день. Все к ней привыкли и пропускали без всяких разговоров. Я же умыл руки. Все равно наш дом стоит рядом с зоопарком, дорогу переходить нигде не надо, да и попутчики ей всегда находились.

Бронтозавр быстро рос. Через месяц он достиг двух с половиной метров длины, и его перевели в специально выстроенный павильон. Бронтозавр бродил по огороженному загону и жевал молодые побеги бамбука и бананы. Бамбук привозили грузовыми ракетами из Индии, а бананами нас снабжал совхоз «Поля орошения». В цементном бассейне посреди загона плескалась теплая солоноватая вода. Такая нравилась бронтозавру.

Но вдруг он потерял аппетит. Три дня бамбук и бананы оставались нетронутыми. На четвертый день бронтозавр лег на дно бассейна и положил на пластиковый борт маленькую черную голову. По всему было видно, что он собирается умирать. Этого мы не могли допустить. Ведь у нас был всего один бронтозавр. Лучшие врачи мира помогали нам. Но все было напрасно. Бронтя отказался от травы, витаминов, апельсинов, молока — от всего.

Алиса не знала об этой трагедии. Я ее отправил к бабушке во Внуково. Но на четвертый день она включила телевизор как раз в тот момент, когда передавали сообщение об ухудшении здоровья бронтозавра. Я уж не знаю, как она уговорила бабушку, но в то же утро Алиса вбежала в павильон.

— Папа! — закричала она. — Как ты мог скрыть от меня? Как ты мог? ..

— Потом, Алиса, потом, — ответил я. — У нас совещание.

У нас и в самом деле шло совещание. Оно не прекращалось последние три дня.

Алиса ничего не сказала и отошла. А еще через минуту я услышал, как рядом кто-то ахнул. Я обернулся и увидел, что Алиса уже перебралась через барьер, соскользнула в загон и побежала к морде бронтозавра. В руке у нее была белая булка.

— Ешь, Бронтя, — сказала она, — а то они тебя здесь голodom заморят. Мне бы тоже на твоем месте надоели бананы.

И не успел я добежать до барьера, как случилось невероятное. То, что прославило Алису и сильно испортило репутацию нам, биологам.

Бронтозавр поднял голову, посмотрел на Алису и осторожно взял булку у нее из рук.

— Тише, папа, — погрозила мне пальцем Алиса, удивившись, что я хочу перепрыгнуть через барьер. — Бронтя тебя боится.

— Он ей ничего не сделает, — сказал профессор Яката.

Я и сам видел, что он ничего не сделает. Но что, если эту сцену увидит бабушка?

Потом ученые долго спорили. Спорят и до сих пор. Одни говорят, что Бронтя нуждался в перемене пищи, а другие — что он больше, чем нам, доверял Алисе. Но так или иначе, кризис миновал.

Теперь Бронтя стал вполне ручным. Хотя в нем около тридцати метров длины, для него нет большего удовольствия, чем покатать на себе Алису. Один из моих ассистентов сделал специальную стремянку, и, когда Алиса приходит в павильон, Бронтя протягивает в угол свою длинную шею, берет треугольными зубами стоящую там стремянку и ловко подставляет ее к своему черному блестящему боку.

Потом он катает Алису по павильону или плавает с ней в бассейне.

ТУТЕКСЫ

Как я обещал Алисе, я взял ее с собой на Марс, когда полетел туда на конференцию.

Долетели мы благополучно. Правда, я не очень хорошо переношу невесомость и поэтому предпочитал не вставать с кресла, но моя дочка все время порхала по кораблю, и однажды мне пришлось снимать ее с потолка рубки управления, потому что она хотела нажать на красную кнопку, а именно: на кнопку экстренного торможения. Но пилоты на нее не очень рассердились.

На Марсе мы осмотрели город, съездили с туристами в пустыню и побывали в Больших пещерах. Но после этого мне некогда было заниматься с Алисой, и я отдал ее на неделю в интернат. На Марсе работает много на-

ших специалистов, и марсиане помогли нам построить громадный купол детского городка. В городке хорошо — там растут настоящие земные деревья. Иногда ребятишки ездят на экскурсии. Тогда они надевают маленькие скафандры и выходят вереницей на улицу.

Татьяна Петровна — так зовут воспитательницу — сказала, что я могу не беспокоиться. Алиса тоже сказала, чтобы я не беспокоился. И мы попрощались с ней на неделю.

А на третий день Алиса пропала.

Это было совершенно исключительное происшествие. Начать с того, что за всю историю интерната никто из него не пропадал и даже не терялся больше чем на десять минут. На Марсе в городе потеряться совершенно невозможно. А тем более земному ребенку, одетому в скафандр. Первый же встречный марсианин приведет его обратно. А работы? А Служба безопасности? Нет, потеряться на Марсе невозможно.

Но Алиса потерялась.

Ее не было уже около двух часов, когда меня вызвали с конференции и на марсианском вездеходе-прыгуне привезли в интернат. Вид у меня был, наверно, растерянный потому что, когда я появился под куполом, все собравшиеся там сочувственно замолчали.

А кого там только не было! Все преподаватели и работники интерната, десять марсиан в скафандрах (им приходится надевать скафандры, когда они входят под купол, в земной воздух), звездолетчики, начальник спасателей Назарян, археологи...

Оказывается, телестанция города уже час, как через каждые три минуты передавала сообщение о том, что пропала девочка с Земли. Все видеофоны Марса горели тревожными сигналами. В марсианских школах были прекращены занятия, и школьники, разделившись на группы, прочесывали город и окрестности.

Исчезновение Алисы обнаружили, как только ее группа вернулась с прогулки. С тех пор прошло два часа. Кислорода же в ее скафандре — на три часа.

Я, зная свою дочку, спросил, осмотрели ли укромные места в самом интернате или рядом с ним. Может быть, она нашла марсианского богомола и наблюдает за ним...

Мне ответили, что подвалов в городе нет, а все укромные места обследованы школьниками и студентами

марсианского университета, которые эти места знают на-
зубок.

Я рассердился на Алису. Ну конечно, сейчас она с самым невинным видом выйдет из-за угла. А ведь ее поведение натворило в городе больше бед, чем песчаная буря. Все марсиане и все земляне, живущие в городе, оторваны от своих дел, поднята на ноги вся спасательная служба. К тому же мной всерьез овладело беспокойство. Это ее приключение могло плохо кончиться.

Все время поступали сообщения от поисковых партий: «Школьники второй марсианской прогимназии осмотрели стадион. Алисы нет», «Фабрика марсианских сладостей сообщает, что ребенка на ее территории не обнаружено»...

«Может быть, она в самом деле умудрилась выбраться в пустыню? — думал я. — В городе ее бы уже нашли. Но пустыня... Марсианские пустыни еще толком не изучены, и там можно потеряться так, что тебя и через десять лет не найдут. Но ведь ближайшие районы пустыни уже обследованы на прыгунах-вездеходах...»

— Нашли! — вдруг закричал марсианин в синем хитоне, глядя в карманный телевизор.

— Где? Как? Где? — заволновались собравшиеся под куполом.

— В пустыне. В двухстах километрах отсюда.

— В двухстах?!

«Конечно, — подумал я, — они не знают Алису. От нее этого можно было ждать».

— Девочка себя хорошо чувствует и скоро будет здесь.

— А как же она туда забралась?

— На почтовой ракете.

— Ну конечно! — сказала Татьяна Петровна и заплакала. Она переживала больше всех.

Все бросились ее утешать.

— Мы же проходили мимо почтамта, и там загружались автоматические почтовые ракеты. Но я не обратила внимания. Ведь их видишь по сто раз на дню!

А когда через десять минут марсианский летчик ввел Алису, все стало ясно.

— Я туда залезла, чтобы взять письмо, — сказала Алиса.

— Какое письмо?

— А ты, папа, сказал, что мама напишет нам письмо.
Вот я и заглянула в ракету, чтобы взять письмо.

— Ты забралась внутрь?

— Ну конечно. Дверца была открыта, и там лежало много писем.

— А потом?

— Только я туда залезла, как дверь закрылась, и ракета полетела. Я стала искать кнопку, чтобы ее остановить. Там много кнопок. Когда я нажала последнюю, ракета пошла вниз, и потом дверь открылась. Я вышла, а вокруг песок, и тети Тани нет, и ребят нет.

— Она нажала кнопку срочной посадки! — с восхищением в голосе сказал марсианин в синем хитоне.

— Я немного поплакала, а потом решила идти домой.

— А как ты догадалась, куда идти?

— Я забралась на горку, чтобы посмотреть оттуда. А в горке была дверца. С горки ничего не было видно. Тогда я вошла в комнатку и села там.

— Какая дверца? — удивился марсианин. — В том районе только пустыня.

— Нет, там была дверца и комната. А в комнате стоит большой камень. Как египетская пирамида. Только маленькая. Помнишь, папа, ты читал мне книжку про египетскую пирамиду?

Неожиданное заявление Алисы привело в сильное волнение марсиан и Назаряна, начальника спасателей.

— Тутексы! — закричали они.

— Где нашли девочку? Координаты!

И половину присутствующих как языком слизнуло.

А Татьяна Петровна, которая взялась сама накормить Алису, рассказала мне, что много тысяч лет назад на Марсе существовала таинственная цивилизация тутексов. От нее остались только каменные пирамидки. До сих пор ни марсиане, ни археологи с Земли не смогли найти ни одного строения тутексов — только пирамидки, разбросанные по пустыне и занесенные песком. И вот Алиса случайно наткнулась на строение тутексов.

— Вот видишь, тебе опять повезло, — сказал я. — Но все-таки я немедленно увожу тебя домой. Там теряйся сколько хочешь. Без скафандра.

— Мне тоже больше нравится теряться дома, — сказала Алиса.

... Через два месяца я прочел в журнале «Вокруг света» статью под названием «Вот какими были тутексы». В ней рассказывалось, что в марсианской пустыне удалось наконец обнаружить ценнейшие памятники тутекской культуры. Сейчас ученые заняты расшифровкой надписей, найденных в помещении. Но самое интересное — на пирамидке обнаружено изображение тутекса, великолепное по сохранности. И тут же была фотография пирамидки с портретом тутекса.

Портрет показался мне знакомым. И страшное подозрение охватило меня.

— Алиса, — очень строго сказал я, — признайся честно, ты ничего не рисовала на пирамидке, когда потерялась в пустыне?

Перед тем как ответить, Алиса подошла ко мне и внимательно посмотрела на картинку в журнале.

— Правильно. Это ты нарисован, папочка. Только я не рисовала, а нацарапала камешком. Мне там так скучно было...

ЗАСТЕНЧИВЫЙ ШУША

У Алисы много знакомых зверей: два котенка; марсианский богомол, который живет у нее под кроватью и по ночам подражает балалайке; ежик, который жил у нас недолго, а потом ушел обратно в лес; бронтозавр Бронтя — к нему Алиса ходит в гости в зоопарк; и, наконец, соседская собака Рекс, по-моему, карликовая такса не очень чистых кровей.

Еще одним зверем Алиса обзавелась, когда вернулась первая экспедиция с Сириуса.

Алиса познакомилась с Полосковым на встрече этой экспедиции. Я не знаю, как она это устроила: у Алисы широкие связи. Так или иначе, она оказалась среди ребят, которые принесли космонавтам цветы. Представьте мое удивление, когда я вижу по телевизору — бежит Алиса через площадь с букетом голубых роз больше ее самой и вручает его самому Полоскову.

Полосков взял ее на руки, они вместе смотрели на представление и вместе ушли.

Алиса вернулась домой только вечером с большой красной сумкой в руках.

— Ты где была?

— Больше всего я была в детском саду, — ответила она.

— А меньше всего где ты была?

— Нас еще водили на Красную площадь.

— И потом?

Алиса поняла, что я смотрел телевизор, и сказала:

— Еще меня попросили поздравить космонавтов.

— Кто же это тебя попросил?

— Один человек, ты его не знаешь.

— Алиса, тебе не приходилось сталкиваться с термином «телесные наказания»?

— Знаю, это когда шлепают. Но, я думаю, только в сказках.

— Боюсь, что придется сказку сделать былью. Почему ты всегда лезешь, куда не следует?

Алиса хотела было на меня обидеться, но вдруг красная сумка у нее в руке зашевелилась.

— Это еще что такое?

— Это подарок от Полоскова.

— Ты выпросила себе подарок! Этого еще не хватало!

— Я ничего не выпрашивала. Это Шуша. Полосков привез их с Сириуса. Маленький шуша, шушонок, можно сказать.

И Алиса осторожно достала из сумки маленького шестилапого зверька, похожего на кенгурунка. У шушонка были большие стрекозинные глаза. Он быстро вращал ими, крепко вцепившись верхней парой лап в Алисин костюм.

— Видишь, он меня уже любит, — сказала Алиса. — Я ему сделаю постель.

Я знал историю с шушами. Все знали историю с шушами, а мы, биологи, в особенности. У меня в зоопарке было уже пять шуш, и со дня на день мы ожидали прибавления семейства.

Полосков с Бауэром обнаружили шуш на одной из планет в системе Сириуса. Эти милые, безобидные зверушки, которые ни на шаг не отставали от космонавтов, оказались млекопитающими, хотя по повадкам больше всего напоминали наших пингвинов. То же спокойное любопытство и вечные попытки залезть в самые неподходящие места. Бауэру даже пришлось как-то спасать шушонка, который собирался потонуть в большой банке сгущенного молока. Экспедиция привезла целый

фильм о шушах, который прошел с большим успехом во всех кинотеатрах и видеорамах.

К сожалению, у экспедиции не было времени как следует понаблюдать за ними. Известно, что шуши приходили в лагерь экспедиции с утра, а с наступлением темноты куда-то исчезали, скрывались в скалах.

Так или иначе, когда экспедиция уже возвращалась обратно, в одном из отсеков Полосков обнаружил трех шуш, которые, наверно, заблудились в корабле. Правда, Полосков подумал сначала, что шуш протащил на корабль контрабандой кто-нибудь из участников экспедиции, но возмущение его товарищей было таким искренним, что Полоскову пришлось отказаться от своих подозрений.

Появление шуш вызвало массу дополнительных проблем. Во-первых, они могли оказаться источником неизвестных инфекций. Во-вторых, они могли погибнуть в пути, не выдержать перегрузок. В-третьих, никто не знал, что они едят... И так далее.

Но все опасения оказались напрасными. Шуши отлично перенесли дезинфекцию, послушно питались бульоном и консервированными фруктами. Из-за этого они нажили себе кровного врага в лице Бауэра, который любил компот, а последние месяцы экспедиции ему пришлось отказаться от компота — его съели «зайцы».

Во время долгого пути у шуших родилось шесть шушат. Так что корабль прибыл на Землю переполненный шушами и шушатами. Они оказались понятливыми зверушками и никаких неприятностей и неудобств никому, кроме Бауэра, не причиняли.

Я помню исторический момент прибытия экспедиции на Землю, когда под прицелом кино- и телевизионных камер открылся люк и вместо космонавтов в его отверстии показался удивительный шестилапый зверь. За ним еще несколько таких же, только поменьше. По всей земле прокатился вздох удивления. Но оборвался в тот момент, когда вслед за шушами из корабля вышел улыбающийся Полосков. Он нес на руках шушонка, перемазанного сгущенным молоком...

Часть зверьков попала в зоопарк, некоторые остались у полюбивших их космонавтов. Полосковский шушонок достался в конце концов Алисе. Бог уж ее знает, чем она очаровала сурового космонавта Полоскова.

Шуза жил в большой корзине рядом с Алисиной кроватью, мяса не употреблял, ночью спал, дружил с

котятами, боялся богомола и тихо мурлыкал, когда Алиса гладила его или рассказывала о своих удачах и бедах.

Шуша быстро рос и через два месяца стал ростом с Алису. Они ходили гулять в садик напротив, и Алиса никогда не надевала на него ошейника.

— А вдруг он кого-нибудь испугает, — спрашивал я. — Или попадет под машину.

— Нет, он не испугает. А потом, он обидится, если я на него надену ошейник. Он ведь такой чуткий.

Как-то Алисе не спалось. Она капризничала и требовала, чтобы я читал ей про доктора Айболита.

— Некогда, дочка, — сказал я. — У меня срочная работа. Кстати, тебе пора читать книжки самой.

— Но это же не книжка, а микрофильм, и там буквы маленькие.

— Так он звуковой. Не хочешь читать — включи звук.

— Мне холодно вставать.

— Тогда погоди. Я допишу и включу.

— Не хочешь — Шушу попрошу.

— Ну попроси, — улыбнулся я.

И через минуту вдруг услышал из соседней комнаты нежный микрофильмированный голос: « ... И еще была у Айболита собака Авва».

Значит, Алиса все-таки встала и дотянулась до выключателя.

— Сейчас же обратно в постель! — крикнул я. — Простудишься.

— А я в постели.

— Нельзя обманывать. Кто же тогда включил микрофильм?

— Шуша.

Я очень не хочу, чтобы моя дочка выросла лживой. Я отложил работу, пошел к ней и решил серьезно поговорить.

На стене висел экран. Шуша орудовал у микрофона, а на экране несчастные звери толпились у дверей доброго доктора Айболита.

— Как ты умудрилась так его выдрессировать? — искренне удивился я.

— Я его и не дрессировала. Он сам все умеет.

Шуша смущенно перебирал передними лапами перед грудью.

Наступило неловкое молчание.

— И все-таки... — сказал наконец я.

— Извините, — раздался высокий хрипловатый голос.

Это говорил Шуша. — Но я в самом деле сам научился.

Это ведь не трудно.

— Простите... — сказал я.

— Это не трудно, — повторил Шуша. — Вы сами позавчера показывали Алисе сказку про короля богослов.

— Нет, я уже не о том. Как вы научились говорить?

— Мы с ним занимались, — сказала Алиса.

— Ничего не понимаю! Десятки биологов работают с шушами, и ни разу ни один шуша не сказал ни слова.

— А наш Шуша и читать умеет. Умеешь?

— Немного.

— Он мне столько интересного рассказывает...

— Мы с вашей дочкой большие друзья.

— Так почему же вы столько времени молчали?

— Он стеснялся, — ответила за Шушу Алиса.

Шуша потупил глаза.

ОБ ОДНОМ ПРИВИДЕНИИ

Мы летом живем во Внукове. Это очень удобно, потому что туда ходят монорельс и от него до дачи пять минут ходу. В лесу, по другую сторону дороги, растут подберезовики и подосиновики, но их меньше, чем грибников.

Я приезжал на дачу прямо из зоопарка и вместо отдыха попадал в кипение тамошней жизни. Центром ее был соседский мальчик Коля, который славился на все Внуково тем, что отнимал у детей игрушки. К нему даже приезжал психолог из Ленинграда и написал потом диссертацию о мальчике Коле. Психолог изучал Колю, а Коля ел варенье и ныл круглые сутки. Я привез ему из города трехколесную фотонную ракету, чтобы он поменьше хныкал.

Кроме того, там жила Колина бабушка, которая любила поговорить о генетике и писала роман о Менделе, бабушка Алисы, мальчик Юра и его мама Карма, трое близнецов с соседней улицы, которые пели хором под моим окном, и, наконец, привидение.

Привидение жило где-то под яблоней и появилось сравнительно недавно. В привидение верили Алиса и Колина бабушка. Больше никто в него не верил.

Мы сидели с Алисой на террасе и ждали, пока новый робот Щелковской фабрики приготовит манную кашу. Робот уже два раза перегорал, и мы вместе с Алисой ругали фабрику, но самим приниматься за хозяйство не хотелось, а бабушка наша уехала в театр.

Алиса сказала:

— Сегодня он придет.

— Кто — он?

— Мой привидений.

— Привидение — оно, — автоматически поправил я, не сводя глаз с робота.

— Хорошо, — не стала спорить Алиса. — Пускай будет мой привидение. А Коля отнял у близнецов орехи. Разве это не удивительно?

— Удивительно. Так что ты говорила о привидении?

— Он хороший.

— У тебя все хорошие.

— Кроме Коли.

— Ну, кроме Коли... Я думаю, если бы я привез огнедышащую гадюку, ты бы с ней тоже подружилась.

— Наверно. А она добрая?

— С ней еще никто не смог об этом поговорить.

Она живет на Марсе и брызгается кипящим ядом.

— Наверно, ее обидели. Зачем вы увезли ее с Марса?

Тут я ничего ответить не смог. Это была чистая правда. Гадюку не спрашивали, когда увозили с Марса. А она по пути сожрала любимую собаку корабля «Калуга», за что ее возненавидели все космонавты.

— Ну, так что же привидение? На что оно похоже? — переменил я тему.

— Оно ходит, только когда темно.

— Ну разумеется. Это испокон века так. Наслушалась ты ~~сказок~~ Колиной бабушки...

— Колина бабушка мне только про историю генетики рассказывает. Какие были на Менделя гонения.

— Да, кстати, а как реагирует твое привидение на крик петуха?

— Никак. А почему?

— Понимаешь, порядочному привидению положено исчезать со страшными проклятьями, когда на рассвете прокричит петух.

— Я спрошу его сегодня про петуха.

— Ну хорошо.

— И я сегодня лягу попозже. Мне нужно поговорить с привидением.

— Пожалуйста. Ладно, пошутили и хватит. Робот уже кашу переварил.

Алиса села за кашу, а я — за ученые записки Гвианского зоопарка. Там была интереснейшая статья об укусах. Революция в зоологии. Им удалось добиться размножения укусамов в неволе. Дети рождались темно-зелеными, несмотря на то, что у обоих родителей панцирь был голубым.

Стемнело. Алиса сказала:

— Ну, я пошла.

— Ты куда?

— К привидению. Ты же обещал.

— А я думал, что ты пошутила. Ну, если тебе так нужно в сад, то выйди, только надень кофточку, а то холодно стало. И чтоб не дальше яблони.

— Куда же мне дальше? Он меня там ждет.

Алиса убежала в сад. Я краем глаза следил за ней. Мне не хотелось вторгаться в мир ее фантазий. Пускай ее окружают и привидения, и волшебницы, и отважные рыцари, и добрые великаны со сказочной голубой планеты... Конечно, если она будет ложиться спать вовремя и нормально есть.

Я потушил свет на веранде, чтобы он не мешал мне присматривать за Алисой. Вот она подошла к яблоне, стояй и ветвистой, и встала под ней.

И тут... От ствола яблони отделилась голубая тень и двинулась ей навстречу. Тень будто плыла по воздуху не касаясь травы.

В следующий момент, схватив что-то тяжелое, я уже бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Это мне уже не нравилось. Либо это чья-то неостроумная шутка, либо... Что «либо», я не придумал.

— Осторожнее, папа! — сказала громким шепотом Алиса, услышав мои шаги. — Ты его спугнешь.

Я схватил Алису за руку. Передо мной растворялся в воздухе голубой силуэт.

— Папа, что ты наделал! Ведь я его чуть не спасла.

Алиса позорно ревела, пока я нес ее на террасу.

Что это было под яблоней? Галлюцинация?...

— Зачем ты это сделал? — ревела Алиса. — Ты же обещал...

— Ничего я не сделал, — отвечал я, — привидений не бывает.

— Ты же сам его видел. Зачем ты говоришь неправду? А он ведь не выносит движений воздуха. Разве ты не понимаешь, что к нему надо медленно подходить, чтобы его ветром не сдуло?

Я не знал, что ответить. В одном был уверен: как только Алиса заснет, выйду с фонарем в сад и обыщу его.

— А он тебе письмо передал. Только я его тебе теперь не дам.

— Какое еще письмо?

— Не дам.

Тут я заметил, что в кулаке у нее зажат листок бумаги. Алиса посмотрела на меня, я на нее, и потом она все-таки дала мне этот листок.

На листке моим почерком было написано расписание кормления красных крумсов. Я этот листок искал уже три дня.

— Алиса, где ты нашла мою записку?

— А ты переверни ее. У привидения бумаги не было, и я ему дала твою.

На обратной стороне незнакомым почерком было написано по-английски:

«Уважаемый профессор!

Я беру на себя смелость обратиться к Вам, ибо попал в неприятное положение, из которого не могу выйти без посторонней помощи. К сожалению, я не могу также и покинуть круг радиусом в один метр, центром которого является яблоня. Увидеть же меня в моем жалком положении можно только в темноте.

Благодаря вашей дочери, чуткому и отзывчивому существу, мне удалось наконец установить связь с внешним миром.

Я, профессор Кураки, являюсь жертвой неудачного эксперимента. Яставил опыты по передаче вещества на далекие расстояния. Мне удалось переправить из Токио в Париж двух индюшек и кошку. Они были благополучно приняты моими коллегами. Однако в тот день, когда я решил проверить эксперимент на себе, пробки в лаборатории перегорели как раз во время эксперимента, и энергии для перемещения оказалось недостаточно. Я рассеялся в пространстве, причем моя наиболее концентрированная часть находится в районе Вашей уважаемой дачи. В таком прискорбном состоянии я

нахожусь уже вторую неделю, и, без сомнения, меня считают погибшим.

Умоляю Вас, немедленно по получении моего письма пошлите телеграмму в Токио. Пусть кто-нибудь починит пробки в моей лаборатории. Тогда я смогу материализоваться.

Заранее благодарный
Кураки».

Я долго вглядывался в темноту под яблоней. Потом спустился с террасы, подошел поближе. Бледно-голубое, еле различимое сияние покачивалось у ствола. Приглядевшись, я различил очертания человека. «Привидение» умоляющее, как мне показалось, вздыхало к небу руки.

Больше я не стал терять времени. Я добежал до монорельса и со станции провидеофонил в Токио.

Вся эта операция заняла десять минут.

Уже на пути домой я вспомнил, что забыл уложить Алису. Я прибавил шагу.

Свет на террасе не был потушен.

Там Алиса демонстрировала свой гербарий и коллекцию бабочек невысокому изможденному японцу. Японец держал в руках кастрюльку и, не сводя глаз с Алисинах сокровищ, деликатно ел манную кашу.

Увидев меня, гость низко поклонился и сказал:

— Я — профессор Кураки, ваш вечный слуга. Вы и ваша дочь спасли мне жизнь.

— Да, папа, это мой привидение, — сказала Алиса. — Теперь ты в них веришь?

— Верю, — ответил я. — Очень приятно познакомиться.

ПРОПАВШИЕ ГОСТИ

Подготовка к встрече лабуцильцев проходила торжественно. Еще ни разу Солнечную систему не посещали гости со столы далекой звезды.

Первой сигналы лабуцильцев приняла станция на Плутоне, а через три дня связь с ними установила Лондеская радиообсерватория.

Лабуцильцы были еще далеко, но космодром Шереметьево-4 был полностью готов к их приему. Девушки с «Красной розы» украсили его гирляндами цветов,

а слушатели Высших поэтических курсов отрепетировали музыкально-литературный монтаж. Все посольства забронировали места на трибунах, и корреспонденты ночевали в буфете космодрома.

Алиса жила неподалеку, на даче во Внукове, и собирала гербарий. Она хотела собрать гербарий лучше, чем собрал Ваня Шпиц из старшей группы. Таким образом, Алиса не принимала участия в подготовке торжественной встречи. Она даже ничего не знала о ней.

Да и я сам к встрече не имел прямого отношения. Моя работа начнется потом, когда лабуцильцы приземлятся.

А тем временем события развивались следующим образом.

8 марта лабуцильцы сообщили, что выходят на круговую орбиту. Примерно в это время и произошла трагическая случайность. Вместо лабуцильского корабля станции наведения засекли потерянный два года назад шведский спутник «Нобель-29». Когда же ошибка была обнаружена, оказалось, что лабуцильский корабль исчез. Он уже пошел на посадку, и связь с ним временно прервалась.

9 марта в 6.33 лабуцильцы сообщили, что произвели посадку в районе $55^{\circ}20'$ северной широты и $37^{\circ}40'$ восточной долготы по земной системе координат, с возможной ошибкой в $15'$, то есть неподалеку от Москвы.

В дальнейшем связь прервалась, и восстановить ее, за исключением одного случая, о котором я скажу потом, не удавалось. Оказывается, земная радиация пагубным образом воздействовала на приборы лабуцильцев.

В тот же момент сотни машин и тысячи людей бросились в район посадки гостей. Дороги были забиты желающими найти лабуцильцев. Космодром Шереметьево-4 опустел. В буфете не осталось ни одного корреспондента. Небо Подмосковья было увшано вертолетами, винтокрылами, орнитоптерами, вихрелетами и прочими летательными аппаратами. Казалось, тучи громадных комаров нависли над землей.

Если бы даже корабль лабуцильцев ушел под землю, его все равно обнаружили бы.

Но его не нашли.

Ни один из местных жителей не видел, как спускался корабль. А это тем более странно, потому что в те часы

почти все жители Москвы и Подмосковья смотрели в небо.

Значит, произошла ошибка.

К вечеру, когда я вернулся с работы на дачу, вся нормальная жизнь планеты была нарушена. Люди боялись, не случилось ли чего-нибудь с гостями.

— Может быть, — спорили в монорельсе, — они из антивещества и при входе в земную атмосферу испарились?

— Без вспышки, бесследно? Чепуха!

— Но много ли мы знаем о свойствах антивещества?

— А кто тогда радировал, что совершил посадку?

— Может быть, шутник?

— Ничего себе шутник! Так, может быть, он и с Плутоном разговаривал?

— А может быть, они невидимы?

— Все равно их обнаружили бы приборы...

Но все-таки версия о невидимости гостей завоевывала все больше сторонников...

Я сидел на веранде и думал: а может, они приземлились рядом, на соседнем поле? Стоят сейчас, бедные, рядом со своим кораблем и удивляются, почему это люди не хотят обращать на них внимание. Вот-вот обидаются и улетят... Я хотел было уже спустится вниз и отправиться на то самое поле, как увидел цепочку людей, выходящих из леса. Это были жители соседних дач. Они держались за руки, будто играли в детскую игру «каравай, каравай, кого хочешь выбирай».

Я понял, что соседи предугадали мои мысли и ищут на ощупь невидимых гостей.

И в этот момент внезапно заговорили все радиостанции мира.

Они передавали запись сообщения, лойманного радиолюбителем из Северной Австралии. В сообщении повторялись координаты и затем следовали слова: «Находимся в лесу... Выслали первую группу на поиски людей. Продолжаем принимать ваши передачи. Удивлены отсутствием контактов...» На этом связь оборвалась.

Версия о невидимости немедленно приобрела еще несколько миллионов сторонников.

С террасы мне было видно, как цепочка дачников остановилась и затем снова повернула к лесу. И в этот

момент на террасу поднялась Алиса с корзинкой земляники в руке.

— Зачем они все бегают? — спросила она, не поздоровавшись.

— Кто «они»? Надо говорить «здравствуй», если не видела с утра своего единственного отца.

— С вечера. Я спала, когда ты уехал. Здравствуй, папа. А что случилось?

— Лабуцильцы потерялись, — ответил я.

— Я их не знаю.

— Их никто еще не знает.

— А как же они тогда потерялись?

— Летели на Землю. Прилетели и потерялись.

Я чувствовал, что говорю ерунду. Но ведь это была чистая правда.

Алиса взглянула на меня с подозрением:

— А разве так бывает?

— Нет, не бывает. Обычно не бывает.

— А они космодрома не нашли?

— Наверно.

— И где они потерялись?

— Где-то под Москвой. Может быть, и неподалеку отсюда.

— И их ищут на вертолетах и пешком?

— Да.

— А почему они не придут сами?

— Наверно, они ждут, пока к ним придут люди. Ведь они первый раз на Земле. Вот и не отходят от корабля.

Алиса помолчала, будто удовлетворенная моим ответом. Прошлась раза два, не выпуская из рук корзинки с земляникой, по террасе. Потом спросила:

— А они в поле или в лесу?

— В лесу.

— А откуда ты знаешь?

— Они сами сказали. По радио.

— Вот хорошо.

— Что хорошо?

— Что они не в поле.

— Почему?

— Я испугалась, что я их видела.

— Как так?!

— Да никак, я пошутила . . .

Я вскочил со стула. Вообще-то Алиса большая выдумщица...

— Я не ходила в лес, папа. Честное слово, не ходила. Я была на полянке. Значит, я не их видела.

— Алиса, выкладывай все, что знаешь. И ничего от себя не добавляй. Ты видела в лесу странных... людей?

— Честное слово, я не была в лесу.

— Ну хорошо, на поляне.

— Я ничего плохого не сделала. И они вовсе не странные.

— Да ответь ты по-человечески: где и кого ты видела? Не мучай меня и все человечество в моем лице!

— А ты человечество?...

— Послушай, Алиса...

— Ну ладно. Они здесь. Они пришли со мной.

Я невольно оглянулся. Терраса была пуста. И если не считать ворчливого шмеля, никого, кроме нас с Алисой, на ней не было.

— Да нет, ты не там смотришь, — Алиса вздохнула, подошла ко мне поближе и сказала: — Я их хотела оставить себе. Я же не знала, что человечество их ищет.

И она протянула мне корзинку с земляникой. Она поднесла мне корзиночку к самым глазам, и я, сам себе не веря, ясно разглядел две фигурки в скафандрах. Они были измазаны земляничным соком и сидели, оседлав вдвоем одну ягоду.

— Я им не делала больно, — сказала Алиса виноватым голосом. — Я думала, что они гномики из сказки.

Но я уже не слушал ее. Нежно прижимая корзиночку к сердцу, я мчался к видеофону и думал, что трава для них должна была показаться высоким лесом.

Так состоялась первая встречка с лабуцильцами.

СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОШЛОМ

Испытание машины времени проводилось в Малом зале Дома ученых. Я зашел за Алисой в детский сад, а там обнаружил, что, если поведу ее домой, опоздаю на испытание. Поэтому я взял с Алисы клятву, что она будет себя вести достойно, и мы пошли в Дом ученых.

Представитель Института времени, очень большой и очень лысый человек, стоял перед машиной времени и объяснял научной общественности ее устройство. Научная общественность внимательно слушала его.

— Первый опыт, как вы все знаете, был неудачен, — говорил он. — Посланный нами котенок попал в начало двадцатого века и взорвался в районе реки Тунгуски, что положило начало легенде о Тунгусском метеорите. С тех пор мы не знали крупных неудач. Правда, в силу определенных закономерностей, с которыми желающие могут познакомиться в брошюре нашего института, пока мы можем посыпать людей и предметы только в семидесятые годы двадцатого века. Надо сказать, что некоторые из наших сотрудников побывали там, разумеется совершенно тайно, и благополучно возвратились обратно. Сама процедура перемещения во времени сравнительно несложна, хотя за ней скрывается многолетний труд сотен людей. Достаточно надеть на себя хронокинний пояс... Я хотел бы, чтобы ко мне поднялся доброволец из зала, и я покажу на нем порядок подготовки путешественника во времени...

Наступило неловкое молчание. Никто не решался первым выйти на сцену. И тут, разумеется, на сцене появилась Алиса, которая только пять минут назад поклялась вести себя достойно.

— Алиса, — крикнул я, — немедленно вернись!

— Не беспокойтесь, — сказал представитель института, — с ребенком ничего не случится.

— Со мной ничего не случится, папа! — весело сказала Алиса.

В зале засмеялись и начали оборачиваться, ища глазами строгого отца.

Я сделал вид, что совершенно ни при чем.

Представитель института надел на Алису пояс, прикрепил к вискам что-то вроде наушников.

— Вот и все, — сказал он. — Теперь человек готов к путешествию во времени. Стоит ему войти в кабину, как он окажется в тысяча девятьсот семьдесят пятом году.

«Что он говорит! — мелькнула у меня в мозгу паническая мысль. — Ведь Алиса немедленно воспользуется этой возможностью!»

Но было поздно.

— Куда ты, девочка? Остановись! — крикнул представитель института.

Алиса уже вошла в кабину и на глазах у всего зала испарилась. Зал хором ахнул.

Побледневший представитель института размахивал руками, пытаясь унять шум. И, видя, что я бегу к нему

по проходу, заговорил, склонившись к самому микрофону, чтобы было слышнее:

— С ребенком ничего не случится. Через три минуты он окажется снова в этом зале. Я даю слово, что аппаратура совершенно надежна и испытана! Не волнуйтесь!

Ему было хорошо рассуждать. А я стоял на сцене и думал о судьбе котенка, превратившегося в Тунгусский метеорит. Я и верил и не верил лектору. Сами посудите — знать, что ваш ребенок находится сейчас в отдаленном прошлом... А если она там убежит от машины? И заблудится?

— А нельзя ли мне последовать за ней? — спросил я.

— Нет. Через минуту... Да вы не беспокойтесь, там ее встретит наш человек.

— Так там ваш сотрудник?

— Да нет, не сотрудник. Просто мы нашли человека, который отлично понял наши проблемы, и вторая кабина стоит у него на квартире. Он живет там, в двадцатом веке, но в силу своей специальности иногда бывает в будущем.

В этот момент в кабине показалась Алиса. Она вышла на сцену с видом человека, который отлично выполнил свой долг. Под мышкой она держала толстую старинную книгу.

— Вот видите... — сказал представитель института.

Зал дружно зааплодировал.

— Девочка, расскажи, что ты видела? — сказал лектор, не давая мне даже подойти к Алисе.

— Там очень интересно, — ответила она. — Бах! — и я в другой комнате. Там сидит за столом дядя и пишет что-то. Он меня спросил: «Ты, девочка, из двадцать первого века?» Я говорю, что наверно, только я наш век не считала, потому что еще плохо считаю, я хожу в детский сад, в среднюю группу. Дядя сказал, что очень приятно и что мне придется вернуться обратно. «Хочешь посмотреть, какая была Москва, когда твоего дедушки еще не было?» Я говорю, что хочу. И он мне показал. Очень удивительный и невысокий город. Потом я спросила, как его зовут, а он сказал, что Аркадий, и он писатель, и пишет фантастические книжки о будущем. Он, оказывается, не все придумывает, потому что к нему иногда приходят люди из нашего времени и все

рассказывают. Только он не может об этом рассказать никому, потому что это страшный секрет. Он мне подарил свою книжку... А потом я вернулась.

Зал встретил рассказ Алисы бурными аплодисментами.

А потом с места поднялся почтенный академик и сказал:

— Девочка, вы держите в руках уникальную книгу — первое издание фантастического романа «Пятна на Марсе». Не могли бы вы подарить мне эту книгу? Вы все равно еще не умеете читать.

— Нет, — сказала Алиса. — Я скоро научусь и сама прочту...

НОВОСТИ БУДУЩЕГО ВЕКА

Утром будильник становится на цыпочки, выглядывает в окно. Хоть он и помнит, какую обещали погоду, но проверить никогда не мешает. Если не знаешь погоды, можно ошибиться с пробуждением.

Будильник видит: за окном дует ветер, сгибаются березки, быстрые серые облака бегут по небу. Но дождя нет и не предвидится. Будильник подключается к домашнему компьютеру и получает от него следующие данные: какие уроки сегодня у Алисы в школе, причем ему очень важно узнать, какие из них Алиса любит, а какие только терпит? Что сегодня робот-домработник приготовил на завтрак? Не поссорилась ли Алиса вчера с кем-нибудь из друзей и знакомых?

Это все не пустые вопросы. Будильник должен решить: каким звуком ему сегодня будить свою хозяйку.

Наконец вся информация собрана. Оказывается, к пасмурной погоде Алиса относится равнодушно, уроки у нее сегодня сносные, если не считать тригонометрии, домработник приготовил геркулесовую кашу, которую Алиса не выносит, но с вишневым вареньем, которое Алиса обожает. Вчера Алиса ни с кем не ссорилась, если не считать чисто научного спора с Аркашой Сапожниковым и беспокойства за Пашку Гераскина, который сразу после уроков умчался в Эквадор, потому что выменял в соседнем классе тайную карту клада, зарытого в 1560 году конкистадором Хуаном Мон-

танья, а вернулся домой исцарапанный, искусанный москитами только в одиннадцать часов вечера. И, конечно, без клада.

Обдумав и взвесив всю информацию, будильник повернулся к Алисе и исполнил на кларнете старинный авиационный марш «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц!», так как именно эта мелодия именно на кларнете лучше всего подходила для того, чтобы разбудить Алису.

От звука марша Алиса открыла глаза, потянулась и подумала: «Почему же это у меня такое хорошее настроение?» Будильник почувствовал ее настроение и внутренне улыбнулся, потому что внешне улыбаться не умел.

Алиса вскочила. Распахнула окно, сделала гимнастику и побежала в ванную. Будильник, довольный собой, заснул до следующего утра.

Марсианский богомол, который чуть ли не с незапамятных времен живет у Алисы под кроватью, услышал, что она поднялась, захрустел суставами и зашагал на кухню, где его уже ждала миска с сушеным горохом. Домработник захлопнул кляссер с марками, до которых был большой охотник, и включил плиту.

Так что, когда Алиса, умывшись и одевшись, вернулась к себе в комнату, завтрак стоял на столе.

Первым делом Алиса покормила синиц, что прыгали по подоконнику, потом подошла к телевизору и попросила рассказать новости.

Телевизор в конце XXI века не совсем то же самое, что телевизор конца двадцатого века.

Внешне он представляет собой плоский экран, прикрепленный к стене. Если приказать экрану включиться, он начнет двигаться по стене таким образом, чтобы замереть точно перед глазами зрителя.

Потом телевизор начнет показывать, что ему велят. Если ты хочешь услышать новости, начнутся новости, а если у тебя настроение послушать новую модную песню «Моя бабушка летала на Венеру», то телевизор покажет тебе концерт популярных песен. В XXI веке не человек — раб телевизора, который что хочет, то и показывает, а телевизор — слуга человека, и показывает то, что ты желаешь видеть.

Алиса хотела узнать, что нового случилось в мире, пока она спала.

Экран сдвинулся ближе к столу, и в стене обнаружилось углубление, будто перед Алисными глазами была дверь в другую комнату. Оттуда вышла дикторша Нина, села за стол напротив Алисы и сказала ей: «Доброе утро». Стена за ее спиной стала большим окном. Иногда, чтобы не мешать Алисе смотреть на экран, дикторша исчезала.

— Приближается лето, — начала дикторша. — На деревьях в Москве набухли почки, в лесах появились первые подснежники. Снег остался только в старых еловых лесах, а на полянах и в березняках он уже сошел.

Алиса смотрела на деревья, гнувшиеся под ветром, и думала: и зачем человеку идти в школу, когда можно вместо этого отправиться в лес за подснежниками? Эх, если бы не эта контрольная по географии, села бы во флаер и полетела в лес!

— Ешь, Алиса, — сказал домработник, который стоял за спиной. — Многие великие люди ели геркулес.

— Напомни, кто, — попросила Алиса.

Услышав, что Алиса разговаривает с роботом, дикторша Нина замолчала и ждала, пока Алиса не кончит разговор.

— Кто? — Робот немного подумал и заявил: — Александр Македонский, наверняка Илья Муромец ничего другого не ел.

— А Юлий Цезарь? — спросила Алиса. — По-моему, он не выносил геркулес.

— Проверю, — осторожно ответил робот. — К обеду нужная информация будет в твоем распоряжении.

— Продолжай, Нина, — попросила Алиса.

— Новый рекорд установили вчера строители, — сказала Нина. За ее спиной появилось изображение громадного дома. — Вчера они вырастили двадцатисторонний дом на триста квартир за два часа тридцать одну минуту. Этот рекорд официально зарегистрировали в книге рекордов Гиннеса. При известии об этом рекорде... — Нина обернулась к стене, на ней возникло изображение веселого черноглазого скуластого человека в оранжевой строительной каске. — При известии об этом рекорде пекинский строитель Чжи Куанджи решил сегодня же построить дом за полтора часа. В этом доме будет на двенадцать квартир больше. К вечеру будем ждать вестей из Пекина.

— Это несолидно, — сказал домработник. — Дом надо строить не спеша, может быть, два или три дня. Что за спешка! Им некогда подумать о красоте.

— А по-моему, красивый дом, — сказала Алиса.

В конце двадцать первого века дома будут строить совсем иначе, чем в двадцатом. Из пластиковых прутьев строители будут возводить «скелет» первого этажа. Потом посыплют основание будущей стены сухими спорами специальных быстрорастущих кораллов. Стоит после этого полить коралловые споры водой, как коралл начнет быстро расти, обволакивая прутья. Через несколько минут первый этаж готов. Туда могут идти отделочки. А строители уже вяжут из пластика следующий этаж ...

— Вчера с планеты Струкка в системе 45-Б вернулась экспедиция Сергеева-Шумского. Пролетая сквозь зеркальное облако в трех парсеках от Земли, корабль экспедиции подвергся действию неизвестных еще лучей, в результате чего все члены экипажа удвоились. И на Землю вернулось вдвое больше космонавтов, чем отправилось в путь. К сожалению, это привело к очень большим неприятностям.

Дикторша вздохнула. На экране появилось изображение космического корабля, из которого парами близнецов выходили смущенные космонавты.

Вот видно было, как по полу к ним бегут родственники: жены, дети, родители... И останавливаются в суммении.

— Раздвоившиеся космонавты, — продолжала дикторша, — не знают, кто из них настоящий, а кто — дубль. Мы надеемся, что их женам и матерям удастся решить эту проблему. В ином случае, как заявил нашему корреспонденту начальник космических перевозок, придется отправлять родственников в полет к зеркальному облаку, чтобы они тоже раздвоились.

— Чепуха, — сказал домработник. — Зачем терзаться? У тебя был один сын — стало два сына. Один папа — стало два папы. Один будет летать в космос, а второй останется дома и займется хозяйством.

— Нет, — возразила Алиса. — Ничего не получится. Мама еще переживет, дети еще переживут. А вот с женами плохо.

— Почему?

— А потому, что один из космонавтов захочет поце-

ловать свою жену, а второй скажет: «Какое ты имеешь право целовать мою жену?»

— Я порой не понимаю людей, — вздохнул робот.

— Как нам сообщили из порта Дарвин в Австралии, — продолжала дикторша, — сегодня дельфин спас девочку, которая пошла купаться в районе Большого рифа и чуть не утонула. Дельфин принес ее на спине. Когда взволнованные родители девочки стали благодарить дельфина, он ответил им по-английски: «Не стоит благодарности». Это первый в истории достоверный случай, когда дельфин говорит по-английски.

Улыбающаяся морда дельфина заняла весь экран.

— Простите, — сказала Нина. — Срочное сообщение.

Перед ней загорелся экранчик. Нина прочла сообщение:

— Из Кишиневского зоопарка сбежал дракон, привезенный три года назад экспедицией на корабле «Пегас» под руководством профессора Селезнева.

— Ой! — ахнула Алиса. — Кузя сбежал!

— Вопрос в том, куда сбежал, — сказал робот. — Если он сбежал к нам, то скажите, чем я буду его кормить? Совершенно не представляю, что жрут эти драконы. Может быть ...

Робот посмотрел на марсианского богомола, и от его холодного взгляда перепуганный богомол спрятался под стол.

Богомол тоже не знал, чем питаются драконы и тоже не исключал, что марсианскими богомолами.

— Передаем описание сбежавшего дракона, — продолжала Нина. — Длина — сорок пять метров. Цвет красивый, переходящий в зеленый. Отзовывается на кличку Кузя.

На экране возникло изображение дракона. Дракон казался очень страшным.

— Знающих о его местопребывании, — сказала Нина, — просят сообщить в общество охраны животных или в пожарную команду.

— Почему в пожарную? — спросил робот.

— Потому что он огнедышащий, — ответила Алиса, отодвигая тарелку с геркулесом и наливая себе чаю.

— Посмотрите теперь сюжет, — сказала Нина, — о соревнованиях рыболовов на реке Сырдарья.

На экране показалась полноводная широкая река, по берегам которой росли финиковые пальмы. Под

пальмами сидели рыбаки. Вот они засуетились, начали перекликаться, сбежались к толстому мальчику, который тянул что-то большое и тяжелое. Общими усилиями рыбаки вытащили на берег двухметрового осетра.

— Ничего особенного, — сказал домработник.

— Ты не знаешь, — возразила Алиса. — Сто лет назад этой реки почти не было — ее всю разобрали на орошение. А теперь есть река и есть рыба. Разве плохо?

Тем временем дикторша продолжала рассказывать новости.

— В городе Вавилон, — сказала она, — закончена реставрация Вавилонской башни. Несколько лет реставраторы из сорока стран по кирпичику сооружали это древнее здание. Несмотря на то, что они говорили на разных языках, им удалось найти общий язык — язык науки и искусства.

Работу Вавилонская башня не понравилась. Он вообще был против увлечения людей древними постройками. Он был убежден, что хорошие вещи — это новые вещи. А старые никому не нужны. Но эта точка зрения характерна только для роботов.

— Разгорелась жаркая дискуссия, — продолжала дикторша, — в среде биологов. Как известно, на ферме в Караваеве выведено стадо коров, которые дают сливки вместо молока. Тамошний зоотехник Ремеслин решил сделать шаг вперед — его любимая корова Зорька дает в день три килограмма сметаны. Многие ученые осуждают действия Ремеслина, потому что Зорька питается теперь только кислой капустой и солеными огурцами. Вот что сказал нашему корреспонденту профессор Редькин...

На экране появился худенький, лохматый академик, который взмахнул руками и закричал.

— Ремеслин, остановись! Кислую капусту надо есть, как она есть! Соленые огурцы нужны человеку, а не корове! Что будет, если ты завтра изобретешь корову, которая вместо молока дает кефир? Ты оставишь народ без клюквы? Ты авантюрист, Ремеслин!

Профессор исчез с экрана, а дикторша сказала:

— Теперь о спорте!

На экране появился шахматный столик. За ним сидели два пожилых человека.

— Сегодня началась три тысячи восемьсот двадцатая партия в борьбе за шахматную корону между

Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. В партии разыграна защита Грюнфельда. До сорокового хода партия повторила позицию, уже встречавшуюся в четырнадцати предыдущих партиях. На сорок первом ходу партия отложена. Мы пользуемся случаем поздравить ветеранов шахмат со столетием начала их эпохального сражения.

— Ты за кого болеешь? — спросил домработник.

— Я, как и мой дедушка, — за Каспарова.

— А теперь о погоде, — сказала дикторша. —

В Москве облачно, дует ветер. Эта погода заказана сельскохозяйственным управлением, которое считает, что посевы получили уже достаточно солнечного света и тепла. После обеда облака уйдут на Украину, где нужны дожди. Бюро прогнозов приносит извинения жителям села Хивино, на которое сегодня ночью выпал снег. Это произошло из-за того, что компьютер перепутал Хибины, где требовался снег для проведения лыжных соревнований, с Хивином, где снег не требуется, потому что там уже посадили рассаду клубники.

— Эти компьютеры совершенно распустились, — проворчал домработник. — Делают, что хотят.

Алиса поднялась из-за стола, поблагодарила дикторшу Нину за новости и стала собираться в школу.

Так начался обыкновенный день XXI века.

ВТОРОГОДНИКИ

Фантастический рассказ

Сосед Алисы Всеволод Михайлович от случая к случаю работал на телестудии, где играл древних дедов или волшебных злодеев. К тому же любил давать консультации и советы. Не все они были ценными, потому что в сознании деда путалось то, что было при нем, и то, о чем он читал в исторических романах. Он жил на свете так долго, что порой ему казалось, что когда-то он даже встречался с Наполеоном. На самом деле Всеволод Михайлович родился примерно в середине двадцатого века, ему еще не было и ста пятидесяти лет.

Алиса любила к нему ходить, потому что дед за свою долгую жизнь так оброс воспоминаниями и сувенирами, как дно корабля ракушками. Часто Всеволод Михайлович рассказывал ей удивительные истории, где правда перемешивалась с вымыслом, отчего истории становились похожи на сон.

У деда было одно качество, не всегда приятное для собеседников. Ему казалось, что сто лет назад все было лучше, чем теперь.

Иногда он вдруг замирал посреди комнаты, держа на весу тяжелый комплект «Огонька» за 1979 год, и задумчиво произносил:

— Мы выходим с Андрюшой из кино. А там киоск. В нем самая вкусная вещь на свете — мороженое эскимо! Хрустит мороз. Мы стоим с Андрюшой и держим по мороженому за деревянные палочки!

— Зачем деревянные палочки? — спросила Алиса.

— От них был главный вкус. Какой вкус!

— Разве сейчас мало мороженого? — удивлялась Алиса.

— Это не мороженое. — Дед был категоричен. — Это развлечение для хлюпиков, которые поднимаются на Эверест на фуникулере. В наши дни мы шли туда пешком...

Всеволод Михайлович замолк. Потом вдруг сказал:

— Завтра у меня день рождения. Сто пятьдесят лет. Круглая дата. А кто об этом вспомнит?

За окном шел первый снег, начинался ноябрь, и Алисе стало грустно. Вот прожил человек столько лет, внуков-правнуоков много, да все разъехались. Один на Венере живет, другой улетел в звездную экспедицию. Некому деду подарок принести.

— А вы не пробовали заказать эскимо на фабрике? — спросила Алиса. — Там же могут сделать все что угодно.

— Ты угадала, — сказал Всеволод Михайлович. — В прошлом году я туда поехал. Они покопались в архивах и говорят: эскимо снято с производства шестьдесят лет назад. Рецепт утерян. Можем предложить «Марсианский рассвет», «Шоколадный восторг» и еще сто названий. И кому мешали деревянные палочки?

Алиса пришла домой и задумалась.

Если эскимо нет, надо его достать. День рождения не бывает без подарка.

Алиса достала альбом со старинными монетами, вынула из него металлический рубль с памятником Юрию Долгорукому, выпущенный к Олимпиаде 1980 года, и поехала в Институт времени.

Рабочий день кончился. Работы уже начали уборку, техники проверяли камеры для путешествий во времени, сотрудники, которые вернулись из командировок в прошлое, сдавали находки. Только в одном зале камеру готовили к работе. Перед ней стоял средних лет человек в длинном полосатом халате и белой чалме, в руке у него был суковатый посох, через плечо висел кожаный мешок.

— Простите, — спросила Алиса, — вы уезжаете в прошлое?

— Да.

— У меня к вам небольшая просьба, — сказала Алиса, протягивая человеку рубль. — Для одного де-

душки, у которого завтра день рождения, нужно привезти мороженое эскимо.

— К сожалению, — ответил человек, — я отправляюсь в Среднюю Азию в четырнадцатый век, чтобы поговорить с Ходжой Насреддином. Боюсь, что в те времена мороженое эскимо еще не делали.

Алисе стало неловко, что она задала такой глупый вопрос. Видно же, что человек едет совсем не туда.

Надо было возвращаться домой. Но Алиса — человек упрямый. Она пошла дальше. В небольшой комнате увидела камеру, возле которой никого не было. На ней надпись: «Не пользоваться. Испытания».

Не пользоваться — так не пользоваться. В Институте времени посторонним вообще находиться нельзя, а к камерам подходить строжайше запрещено.

Алиса сказала сама себе: «Я пошла домой». А ноги уже несли ее в камеру. Она включила «пуск». Камера работала нормально. «В конце концов, — подумала девочка, — мне недалеко и ненадолго».

Какой код набрать? Допустим «1986 гсд». И она нажала на клавиши.

Через минуту Алиса вышла из камеры, которая была спрятана в подвале старого дома в переулке у Арбата. В подвале было темно, сыро, туда редко кто заглядывал. А если бы заглянул, никогда бы не увидел камеру, искусно спрятанную за кирпичной стеной.

Алиса выбралась из подвала и побежала к Арбату. Она уже бывала в прошлом, поэтому не удивилась ни одежде людей, ни шуму.

Шел мокрый снег, дул холодный ветер. На углу Арбата у аптеки Алиса увидела добрую на вид бабушку.

— Простите, — спросила она, — где здесь продают мороженое эскимо?

— Не скажу, — ответила бабушка.

— Почему? — удивилась Алиса.

— Ты никогда не донесешь мороженое до дома, съешь его на улице. Тут же у тебя начнется ангина, ты ляжешь в постель и пропустишь занятия в школе. Отстанешь от своих товарищней по классу и останешься на второй год. И никто тебя не пожалеет, потому что ты сама во всем виновата.

Бабушка говорила очень строго, глаза ее за толстыми стеклами очков сверкали.

— Это не для меня, — сказала Алиса, — это для дедушки.

— Ах, ты еще и лжешь! — возмутилась бабушка. — Ни один дедушка не будет есть эскимо. Эскимо — это мороженое для прогульщиков и второгодников!

Алиса побежала прочь.

«Бабушка не представляет, — думала она, — что у нас нет ангины, свинки, коклюша и скарлатины, что я купаюсь в проруби и поднимаюсь на Эльбрус. Но ведь бабушка не поверит... И то, что на второй год у нас не оставляют, она тоже не подозревает».

Если бы Алиса знала в тот момент, как она ошибается!

Буквально через сто метров Алиса увидела нужного человека. Нужному человеку было лет двадцать. Он медленно шагал по улице и жевал мороженое.

— Где вы его купили? — спросила Алиса.

— В такую погоду... — начал было молодой человек, но увидел отчаянные глаза Алисы и быстро ответил: — У метро. Деньги есть?

— Спасибо! — Алиса бросилась в том направлении, которое указал молодой человек.

Киоск был открыт. У стекла выставлены в ряд пачки, но Алиса не знала, какое из них — эскимо. И сколько оно стоит. Поэтому довольно робко протянула рубль в оконечко и сказала:

— Мне одно эскимо, пожалуйста.

Толстая женщина в белом халате поверх пальто открыла крышку холодильника, вынула оттуда совсем маленькую, невзрачную на вид пачку, из которой торчала плоская деревянная палочка, и начала считать сдачу. Она подвинула мелочь Алисе, но та не уходила.

— Ты что? — спросила продавщица.

— Скажите, а у вас коробка есть? — спросила Алиса.

— Зачем коробка?

— Мне домой надо отнести, дедушке на день рождения. Я боюсь, что оно расстает. Я вам все деньги оставлю. Мне не нужно.

— Нет, вы только поглядите! — громко сказала продавщица, как будто выступала перед большим залом. — Ребенок о дедушке заботится, себя без мороженого оставляет, а я должна с нее деньги за пустую коробку брать! Да за кого вы меня принимаете? Держи свои деньги, дай мне сюда свое мороженое!

Продавщица отобрала эскимо у Алисы, вытащила из-под прилавка довольно большую коробку из-под торта и положила в нее кучу дымящихся кусков сухого льда. Потом спрятала в лед целых пять пачек эскимо, закрыла коробку, завязала ее и сказала:

— Бери, вот тебе еще пачка, сама съешь. И не суй мне свои деньги. Пускай мне внук на день рождения мороженого принесет!

И как ни старалась Алиса отдать продавщице деньги, ничего из этого не вышло. Так и вернулась она в будущее, прижимая к груди холодную коробку, а в кулаке сжимая горстку мелочи.

Когда Алиса вышла из временной кабинки, она очень удивилась.

В зале было человек пятьдесят. Среди них ее папа, мама, Всеволод Михайлович, врачи, ученые, техники и даже директор Института времени.

— Алиса, ты жива! — закричала мама, схватив ее в объятия.

— Осторожно! Коробку раздавишь.

— Я же говорил, что ничего не случится, — сказал директор института. Но голос его дрожал от волнения.

— Как вы успели сюда прийти? — спросила Алиса. — Меня ведь на было самое большое полчаса.

— Ты, по-моему, не умеешь читать, — сердито произнес директор института, — видишь надпись: «Не включать! Испытания!»

— Я виновата, — сказала Алиса, — но мне так хотелось сделать подарок Всеволоду Михайловичу на день рождения.

И она протянула коробку. Дед открыл коробку, из нее повалил белый пар.

— Эс-ки-мо! — изумился дед. — Девочка, дорогая моя девочка . . . — Больше он ничего не смог выговорить от волнения.

Тут Алиса поглядела в окно и увидела, что деревья одеты в молодую листву.

— Что такое? — удивилась она.

— Сейчас май, — ответила ее мама. — И мы полгода живем в ужасе.

— Это экспериментальная машина для исследования времени. Тебе казалось, что прошло полчаса, а ты отсутствовала полгода, — объяснил директор института.

К сожалению, эта история так просто не кончилась.
На следующий день Алиса пошла в школу.
Светило солнце, пели птицы, летали майские жуки.
Зацвела сирень.

В классе ее ждали. Но она ничего не успела рассказать — ее сразу же вызвал директор школы.

Директор ждал Алису в оранжерее. Сам он преподавал генетику и притом был крупным профессором по генному конструированию, так что растительные питомцы были сами на себя не похожи.

— Алиса, — спросил директор, — знаешь ли ты, что прошло полгода с тех пор, как ты в последний раз пришла в школу?

— Мне очень трудно в это поверить, — ответила Алиса. — Но все об этом твердят.

— А знаешь ли ты, — продолжал директор, как будто не услышав ответа, — сколько всего интересного и важного узнали за это время твои товарищи по классу?

Он сорвал с куста анютиных глазок нечто похожее на огурец и протянул Алисе. Она послушно откусила от этого зеленого, которое оказалось на вкус самой обыкновенной морковкой.

— Да, — ответила Алиса, — знаю, и мне очень жалко, что я так много пропустила.

— Что же будем делать? — поинтересовался директор. — Думаю, тебе придется остаться на второй год в третьем классе. Немного отдохни от своего путешествия, почитай, позанимайся сама, а со следующего сентября пойдешь снова в третий класс.

— Нет, — сразу ответила Алиса.

— Но почему?

— Я не могу остаться без моих ребят, — сказала Алиса. — Они все мои друзья. Я догоню. В конце концов я уже взрослый человек.

— Взрослые люди, — резонно возразил директор, — не лазят без спроса в сломанные машины времени и не сводят с ума своих родителей. Считай, что вопрос закрыт. Ты свободна, Алиса Селезнева.

Алиса послушно вышла из оранжереи и, понурив голову, побрела в класс.

— Ну что там? — спросил ее друг Пашка Гераскин. — Ругался?

— Хуже, — ответила Алиса. — Оставил на второй год.

Все ребята ахнули.

— Ни в коем случае! — сказал Пашка. — Я этого не допущу.

— Как же ты не допустишь? — спросила Машенька Белая. — Если наш директор решил... — И она, грустно вздохнув, добавила: — Но без тебя, Алиса, наш класс станет не тем.

— А я знаю, что сделаю, — сказал Аркаша Сапожников, самый умный ученик в классе.

Он включил свою пишущую машинку и начал диктовать. Все окружили Сапожникова и смотрели на лист бумаги, который медленно вылезал из машинки.

— «Заявление, — говорил Аркаша. — Директору школы. Сейчас я веду большую научную работу, и мне совершенно некогда заниматься текущими учебными делами. Очень прошу оставить меня на второй год. С уважением — Аркадий Сапожников, третий класс».

— Это что же получается! — закричал Пашка Гераскин. — Значит, Сапожников будет учиться с Алисой и дальше, а мы к ним в гости будем ходить? Где моя пишущая машинка?

Он тут же включил пишущую машинку и принялся ей диктовать.

Сестры-близнецы Маша и Наташа Белые тоже кинулись к своим пишущим машинкам, а Джавад сказал:

— Нельзя повторяться, это вызовет подозрения. Я скажу все честно.

В этот момент в класс вошла молоденькая учительница Каролина Павловна и, поздоровавшись, принялась с грустью разглядывать Алису.

Аркаша тихо подошел к столу и положил перед учительницей свое заявление.

— Ничего не понимаю, — сказала Каролина Павловна, — какую такую работу ты ведешь, которая тебе мешает учиться?

— А вот мое заявление, — Пашка Гераскин принес листок бумаги.

— «Директору школы, — прочла вслух Каролина Павловна. — Я должен признаться вам, что только сегодня понял, что весь год недостаточно вдумчиво занимался и материала за третий год совершенно не усвоил. Поэтому мне очень хочется еще раз прослушать весь курс третьего класса. Надеюсь, что мне не откажут в моей просьбе. С уважением — Павел Гераскин».

— Как? — удивилась Каролина Павловна. — Значит, ты меня обманывал? А я всегда думала, что тебе интересно на моих уроках.

— Интересно, — сказал Пашка, — вот я их еще раз и прослушаю.

Заявления одно за другим ложились на учительский стол.

— Невероятно! Я сойду с ума! — воскликнула Каролина Павловна, собирая со стола листочки. — Такого не было не только в истории нашей школы, но и в истории человечества.

И с этими словами она быстро ушла из класса.

А когда шум в классе немного утих, Алису и Пашку избрали от класса разведчиками, чтобы они подкрались к оранжерее, где уже заседал учительский совет, обсуждая необычайные события в третьем классе.

Когда ребята подкрались к оранжерее и спрятались за кустами, совет уже кончался. Говорил директор. Он держал в руке стопку заявлений.

— Мы воспитываем в нашей школе самостоятельных людей и всегда стараемся уважать их мнение, даже если это только первоклассники. Если сегодня по разным причинам весь третий класс хочет остаться на второй год, мы не можем подозревать, что все дети делают это из лени или нежелания трудиться. Таких в наше время почти не осталось. Следовательно, мы должны удовлетворить их просьбу. Но, с другой стороны... — директор сделал паузу, а Пашка прошептал Алисе на ухо:

— Если он и в самом деле оставит нас всех на второй год, мои родители ужасно удивятся...

— Но с другой стороны, — повторил директор, — я полагаю, что есть выход. Алиса, ты подслушиваешь?

— Да, — призналась Алиса, выходя из кустов.

— Подслушивать нехорошо, тем более что у нас нет секретов от учеников.

— Извините, — сказала Алиса. — Но мы переживаем.

— Передай своим товарищам, — попросил директор, чуть улыбаясь, — что мы удовлетворили просьбу твоего класса. И весь класс оставлен на второй год. И будет в будущем году снова называться третьим классом. Но если твои товарищи помогут тебе, Алиса, наверстать то, что ты пропустила за полгода, и ты сама поработаешь летом, то первого сентября мы устроим тебе эк-

замен, и если ты его выдержишь, то всех переведем в четвертый класс. Тебе ясно?

— Ясно, — обрадовалась Алиса. — Спасибо.

— Ну, конечно, если Паша Гераскин чувствует, что он не справился с годовой программой, мы сделаем для него исключение и оставим его...

— Не надо, — выскочил из кустов Пашка. — Я буду заниматься вместе с Алисой.

На том и порешили.

Разумеется, третий класс не остался на второй год. Уже в конце мая Алиса догнала своих ребят. Правда, всем, и ей в первую очередь, пришлось немало потрудиться.

ЭТО ТЫ, АЛИСА?

Корабль «Пегас» летел в соседнюю Галактику. Он только вышел из суперпрыжка, как Алиса Селезнева увидела на экране корабль, который летел навстречу.

— Папа! — воскликнула Алиса. — Я этот корабль где-то видела.

— Странно, — ответил профессор Селезнев. — Здесь еще не бывал ни один земной корабль.

— Не нравится мне это, — заметил капитан Полосков. — Это хорошо не кончится.

Уже через несколько минут стало ясно, что Алиса была права. Всем им уже приходилось видеть этот корабль: на его борту была надпись «Пегас».

Скоро корабли так сблизились, что включилась видеосвязь. И на экране, перед которым стоял капитан Полосков, появилось лицо другого Полоскова. Первый Полосков так удивился, что сначала себя даже не узнал.

— Вы откуда летите? — спросил он своего двойника.

— С Земли, — ответил тот. — А вы?

И тут капитаны оба замолчали и уставились друг на друга.

— Наверное, это оптический эффект, — сказал профессор Селезнев.

— И мы видим самих себя, — продолжал его двойник с экрана. — Но почему мы тогда говорим не одновременно?

— Папа! — воскликнула Алиса. — А может, у тебя был близнец?

— А ты тогда моя близняшка, — сказала с экрана вторая Алиса.

— Приготовиться к стыковке, — сказал первый капитан Полосков.

— Подготовиться к стыковке, — отозвался эхом второй капитан.

Алиса первой подбежала к переходному люку. За ней шел Полосков, который держал в руке пистолет.

— Зачем ты так? — удивилась Алиса.

— Не исключено, что там оборотни, — ответил капитан, — космические пираты. А у меня на борту ребенок.

В этот момент люк открылся. С той стороны люка стояла вторая Алиса, а за ее спиной второй Полосков с пистолетом.

Тут первый профессор Селезнев отобрал пистолет у первого Полоскова, а второй — у второго. Они подошли друг к другу и поздоровались.

— Папа, — хором воскликнули обе Алисы. — Скажи, что это значит?

— Вернее всего, — ответил профессор, — в этом виновато искривление пространства. В этой точке соприкоснулись два параллельных мира. В них все одинаково... или почти все.

Алиса уже все поняла и сказала своей двойняшке:

— Пошли ко мне.

— Нет, — сказала та, — пошли ко мне.

— У них даже характеры одинаковые, — засмеялись Селезневы.

Когда Алиса попала в каюту другой Алисы, она больше всего удивилась тому, что на таком же, как у нее, столике там были разложены такие же подарки для ребят из ее класса. Она подняла голубую раковину и спросила:

— Это ты для кого везешь?

— Разумеется, для Пашки Гераскина, — ответила вторая Алиса.

И девочки рассмеялись.

— Интересно, — спросила потом вторая Алиса, — у нас все точно совпадает или есть разница? Давай проверим.

И они начали исследовать оба корабля, чтобы найти разницу. В это время профессора Селезневы обсуждали

проблемы изогнутости пространства, а капитаны Полосковы жаловались друг другу на непослушных Алис.

За час, пока корабли летели вместе, девочки облизали оба корабля.

И тут зазвучал сигнал компьютера. Кораблям пора было расставаться, иначе они затеряются в пространстве и никогда не вернутся домой.

— Прошу всех собраться у переходной камеры, — раздался голос профессора Селезнева.

Через минуту оба экипажа стояли там.

— Я нашла, — воскликнула Алиса — у нас в камбузе зеленая кастрюля, а у вас синяя!

— И я нашла! — откликнулась вторая Алиса. — У нашего Полоскова усы длиннее.

— Давайте прощаться, — сказал Селезnev. — Осталось две минуты. В будущем мы наладим постоянную связь между нашими мирами. Надеюсь, никто не перепутал корабль?

Все засмеялись и стали прощаться. Было немного грустно — встретились с самими собой, а надо расставаться.

Потом люк закрылся, и Алиса вслед за старшими перешла на капитанский мостик. Они видели на экранах лица новых друзей. Потом связь прервалась, и второй «Пегас» превратился в зеленую звездочку на дисплее.

Алиса ушла к себе в каюту, чтобы записать в дневник события этого невероятного дня.

«С нами случилось удивительное приключение», — написала она и остановилась. Что-то неладно.

И тут она поняла: вся страница до последней фразы была написана черной пастой, а последняя фраза — синей.

Какой ужас! — подумала Алиса. Значит теперь она — не она, и ее папа — чужой. Она не заметила в беготне, что осталась на чужом корабле. Надо немедленно сказать... Но какое это будет горе для отца! И для капитана Полоскова! И для мамы! Нет, придется хранить тайну всю жизнь.

Тут открылась дверь, и в каюту вошел отец.

— Алиса, — сказал он, — ты не взяла случайно мою синюю ручку? А то я гляжу — у меня ручка с черной пастой. Наверное, твоя.

— Ой, моя! Как ты меня обрадовал. Значит, я — твоя дочь!

ОСТРОВ РЖАВОГО ЛЕЙТЕНАНТА

ЧТО СКАЗАЛИ ДЕЛЬФИНЫ

Алиса проснулась от не-громкого стука в окно. За стеклом, по карнизу, прыгал воробей и молотил в стекло клювом, норовя добраться до тарелки с клубникой на подоконнике. Воробью ничего не стоило сделать пять шагов в сторону и влететь в комнату через соседнюю распахнутую створку, но на это его воробышного умышка не хватало.

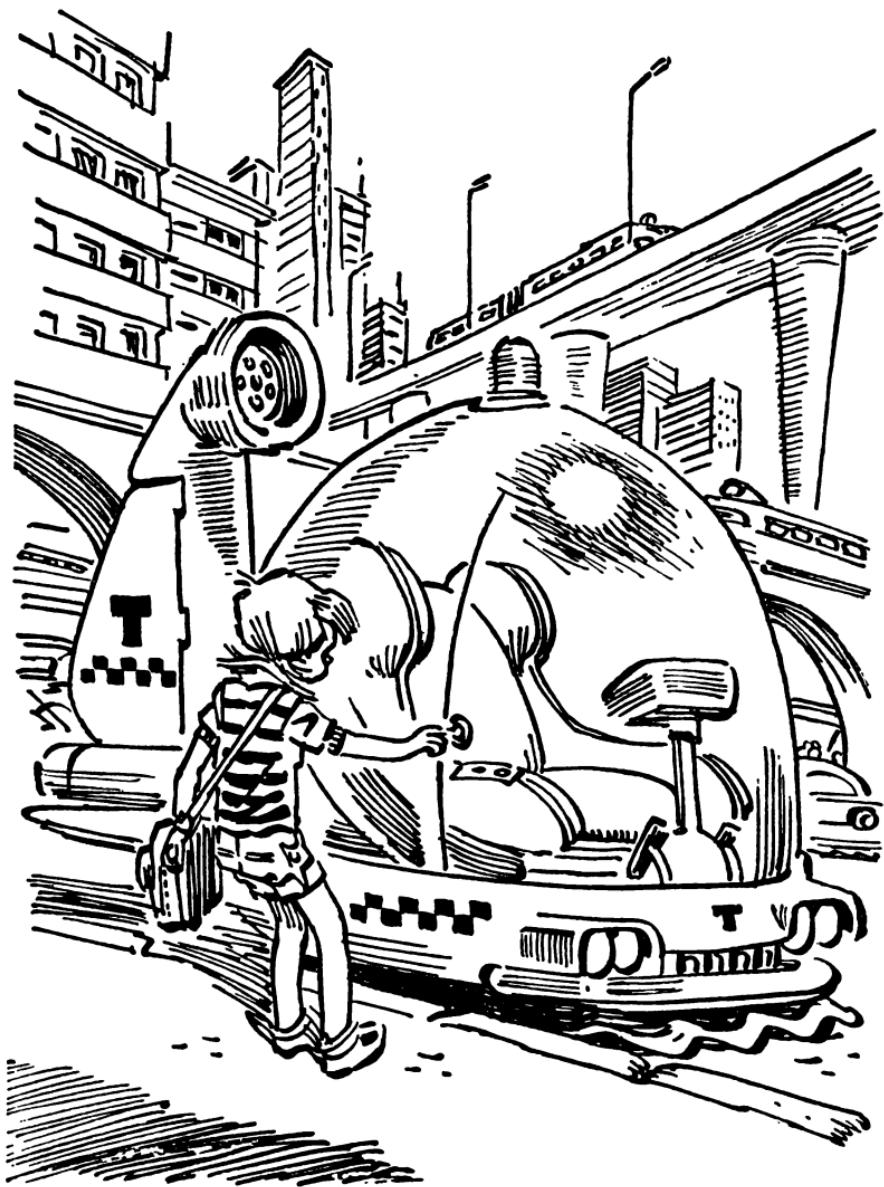
Алиса осторожно слезла с кровати, на цыпочках подошла к окну и переставила тарелку так, чтобы воробью было сподручней до нее добраться. Но воробей не понял, что Алиса хочет ему добра. Он раздраженно трепыхнул крыльями и улетел.

— Глупый! — сказала Алиса, потом выбрала самую большую ягоду и съела ее.

Она бы съела еще, но почувствовавший неладное робот — домработник, по имени Поля, — уже вкатился в комнату и сказал, что лучше сначала вычистить зубы и умыться, а клубника никуда не уйдет.

— Что ты понимаешь! — сказала Алиса. — К ней же птицы подбираются.

Вслед за роботом в комнату вошел, осторожно переставляя желтые, похожие на циркули, ноги, марсианский богомол. Он клубнику не ел, но, услышав, что Алиса проснулась, решил занять залитый солнцем подоконник.

— Сейчас иду, — сказала Поле Алиса. — Папа уже уехал?

— Ваш отец вернется к обеду, — сказал робот. — Он оставил вам записку.

Поля помялся немного в дверях и добавил не без гордости:

— Сегодня манная каша получилась без комков.

— Вот уж никогда не поверю! — сказала Алиса. — Когда такое бывало?

— Я ее размешивал.

Алиса с сожалением поглядела на клубнику, потом отодвинула тарелку, чтобы богомолу было где улечься. Алисе хотелось клубники, но робот не уходил, следил за ней от двери, а характер у него был занудный.

В столовой на столе лежала записка, которую отец надиктовал на машинку перед уходом.

«Алиска, слушайся нашего домработника. Я вернусь часам к двум. Громадная просьба: не уноси из дома миелофон — с тебя станется. Если не забудешь, прозвони деду, он скучает. Папа».

Письмо было ошибочным. Алиса, может, и не вспомнила бы про миелофон, но как только прочла записку, то подумала о дельфинах.

— Манная каша уже остыла, — сказал робот.

— А где зубная паста? — спросила Алиса из ванной. — Я ее вчера еще сюда клала.

Алиса отодвинула стакан с зубной щеткой. Тюбика нигде не было.

— Будьте добры, — сказал робот тихо, — возьмите пасту вашего отца.

— Ты зачем ее утащил?

— Простите, я сегодня же принесу новую, — сказал робот.

— А зачем она тебе?

— Но я же собираю медали, — сказал робот. — И мне их надо было почистить.

— Ох, уж эти мне коллекционеры! — вздохнула Алиса.

В Алисиной семье все были коллекционерами. Отец собирал бабочек с разных планет³ и старые книги, дед — фотографии знаменитых балерин, Алиса — марки, мама — тоже марки, но не научно, а только красивые. Ну и конечно, робот не удержался и стал собирать медали. Он даже ходил раза два в общество нумизматов,

и о нем была заметка в журнале «Коллекционер». Заметка называлась «Первый робот-нумизмат». Домработник вырезал ее и повесил в рамке на стену возле своего ночного выключателя.

— Какая сегодня будет погода? — спросила Алиса у телевизора.

Экран телевизора засветился, и на нем появилась дикторша Нина. Она улыбнулась Алисе и сказала:

— Сегодня будет ясный и свежий день. Ветерок уляжется к полудню, но жарко не станет. Два больших облака идут к Москве от Ярославля. Но их, наверно, остановят в Переяславле-Залесском, чтобы полить овощи. Купаться сегодня еще не стоит, вода довольно холодная. Спасибо за внимание.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Она отлично знала, что Нина говорит не в самом деле — это запись, и каждый может включить ее и прослушать точно такие же слова, — но все-таки Алисе хотелось верить, что Нина рассказывала про погоду специально для нее.

Робот подогрел манную кашу и присел рядом с Алисой. Он подпер пластиковой рукой свою пластиковую голову и внимательно смотрел Алисе в рот.

— Хорошая каша, — похвалила Алиса. — Почти совсем нет комков.

— Спасибо, — обрадовался робот. — Вы не пойдете сегодня в школу?

— Нет, у меня уже каникулы, — сказала Алиса. — Занимайся своими делами. Я сама со стола уберу.

— Хорошо, я тогда почищу медаль за взятие Базарджика, — сказал робот.

— Но ты же ее вчера чистил!

— Я немного оставил на сегодня.

Робот ушел. Алиса допила какао, собрала посуду и отнесла ее в автомойку. Потом вошла в кабинет отца и прикрыла за собой дверь. Где же миелофон, о котором писал отец?

Миелофон висел на стене. В сером футляре, на ремешке, он был похож на кинокамеру. Алиса стала на стул и достала аппарат. Теперь можно идти к дельфинам.

Дверь медленно отворилась, и в комнату втиснулся марсианский богомол. Богомол был совсем ручным и ласковым. Сначала, когда первых богомолов привезли с

Марса, некоторые люди их боялись, но богомолы оказались послушными и полезными в домашнем хозяйстве. Например, они могли колоть орехи своими твердыми челюстями. А кроме того, богомолы любили жонглировать разными предметами и умели долго стоять на одной ноге.

— Ой, я даже испугалась! — сказала Алиса богомолу. — Разве можно входить без стука?

Богомол сложился, как складная линейка, и ушел под стол. Переживать. Он считал, что Алиса была не права.

Алиса включила видеофон и позвонила Берте Максимовне. Та сидела в кресле и читала толстую книгу. На Берте был зеленый парик «северная русалка» и зеленые чешуйчатые рейтзузы.

— Здравствуй, коллега, — сказала Берта Алисе. — Что нового?

— У меня каникулы начались, — сказала Алиса. — Как себя чувствует Руслан?

— Лучше. Вчера прилетал врач с Черноморского центра и сказал, что к вечеру все будет в порядке. Он, наверно, объелся треской. Кстати, девочка моя, ты не говорила со своим отцом?

— Говорила. Но вы же знаете, Берта Максимовна, как он относится к нашей проблеме.

— Значит, они не дадут аппаратуру?

— Папа сказал, что Черноморский институт дельфинарного новедения получит аппарат, когда до него дойдет очередь.

Алису так и подмывало сказать, что аппарат у нее в руках. Но она отлично понимала, что Берта — человек ненадежный. Она раструбит на всю Москву, что заполучила миелофон, и, даже если ничего не получится, будет говорить, что получилось.

— Ну ладно, заходи ко мне, крошка, — сказала Берта. — Наши красавицы тебя с утра ждут не дождутся. Только не сейчас, а через часок, там чистят бассейн.

Алиса терпеть не могла, когда ее называли крошкой, малюткой, чижиком или цыпленком. Такое обращение можно еще понять, если ты дошкольница. Но когда ты перешла в четвертый класс и имеешь премии за алгебру и биологию, когда тебе уже девять лет и несколько месяцев, всякие «крошки» и «цыпленки» довольно сильно обзывают. Но Берта все равно бы не поняла, если

ей сказать про это. Может быть, даже и засмеялась. И стала бы рассказывать общим знакомым: «Знаете, эта Алисочка просто прелесть. Я ее зову крошкой, а она дуется». И так далее.

Алиса взяла синюю сумку, спрятала туда миелофон, чтобы робот не стал задавать лишних вопросов, и пошла к Берте. По дороге она вела себя не лучшим образом. Во-первых, съехала с третьего этажа вниз по перилам; во-вторых, вызвала такси, хотя надо было пройти всего два квартала; в-третьих, пока ждала машину, съела две порции мороженого в автомате у подъезда.

Машина выскочила из-за угла, фыркнула, разгоняясь воздушную подушку, и легла пузом на бетон. Алиса уселась на белое сиденье и, вместо того чтобы набрать адрес Берты, наиграла кнопками сложный и длинный маршрут с таким расчетом, чтобы проехать мимо бассейна у Института времени, заглянуть в Кунцевский ботанический сад и посмотреть, смонтировали ли уже в Филях экспериментальные дорожки. О них говорила вчера дикторша Нина.

Был уже одиннадцатый час, и улицы почти опустели. Москвичи разошлись кто в школу, кто на работу, кто в детский сад, только на бульварах сидели бабушки и роботы с детскими колясками.

У марсианского посольства остановился длинный автобус с герметическими дверями. Марсианские туристы в нем надевали дыхательные маски, собираясь выйти на улицу. Один марсианин в маске стоял на земле и ждал, когда можно будет открыть дверь. Само посольство было похоже на мяч, зарытый до половины в землю. Там, под куполом, у марсиан свой воздух и свои растения. Когда Алиса была на Марсе, она тоже ходила в маске. Только богомолам все равно, каким воздухом дышать.

Навстречу на четырех автомобилях ехал свадебный кортеж. Машины были украшены разноцветными лентами и ехали медленно, покачиваясь на воздушных подушках. Невеста была в длинном белом платье, и на голове у нее была фата. Наверно, невеста из тех, кто пишет в газетах статьи, что надо возрождать добрые традиции, подумала Алиса.

В бассейне, несмотря на предупреждение дикторши Нины, что купаться холодно, было довольно много

народа. Алиса и сама подумала, не выкупаться ли, но машина уже повернула к мосту, к Ботаническому саду. У сада Алиса остановила машину и заглянула в киоск у входа. Робот в венке из одуванчиков дал ей букет сирени, и Алиса положила его рядом с собой на сиденье. Один цветок, пятилепестковый, Алиса оторвала и съела. На счастье.

Машина ехала по окружному шоссе, по обе стороны которого поднимался густой лес. Такси замедлило ход и потом совсем остановилось. Из леса вышло стадо маралов и, поцокав копытами по шершавой пластиковой поверхности дороги, перешло на другую сторону, к кедровой роще.

— Они в виноградники не забредут? — спросила Алиса у такси.

— Нет, — ответила машина. — Там барьер.

Маралы вдруг подняли головы, принюхались и мгновенно исчезли в чащбе.

— Чего они испугались? — расстроилась Алиса. Ей хотелось еще посмотреть на оленей.

Такси не ответило, да и не надо было отвечать — по шоссе, пригнувшись к рулям, неслись велосипедисты. Они были в таких ярких разноцветных майках, что у маралов, наверно, в глазах круги пошли.

После того как машина проехала молодые посадки каучуковых деревьев, похожих на осины, Алиса попросила на минутку остановиться в роще финиковых пальм.

В роще было светло и спокойно. Только белки прыгали по земле, разыскивая меж мохнатых стволов завялышающие с осени финики. По краю рощи тянулся невысокий барьер сложенного пластикового купола, который автоматически накрывал рощу, как только погода портилась. Алиса села под пальмой и вообразила, что она в Африке и что белки — вовсе не белки, а мартышки или даже павианы. Одна из белок подбежала к ней и встала на задние лапки.

— Не попрошайничай! — укоризненно сказала Алиса. — Ты дикое и вольное животное.

Белка ничего не поняла и постучала себя передними лапами по животу.

Алиса рассмеялась и подумала, что в Африку поиграть не удастся. Придется ехать дальше.

— Теперь в Филевский парк, — сказала Алиса.

Машина осторожно гуднула.

— Ты чего? — удивилась Алиса.

— Я подумала, что вы забыли о своих делах.

— У меня каникулы, — сказала Алиса. — И кроме того, с каких это пор машины указывают, как себя вести людям?

— Прошу прощения, — сказало такси, — но, во-первых, я не указывало, а напоминало, а во-вторых, насколько я могу судить, вы еще далеко не совершеннолетняя, и потому в данном случае я выступаю и в качестве воспитателя. Если бы вы были дошкольницей, я бы вообще вас не повезло без разрешения или сопровождения родителей.

Произнеся такую длинную тираду, такси умолкло и больше до самого конца поездки не сказало ни слова.

Машина въехала в жилой пояс. Когда-то здесь стояли довольно скучные пятиэтажные дома, потом их снесли и поставили вместо них восемнадцать игл-небоскребов, каждый из которых был не только жильем для нескольких тысяч человек, но и включал в себя несколько магазинов, мастерских, станций обслуживания, гаражей, посадочных площадок для флаеров, театр, бассейн и клубы. Можно было прожить всю жизнь, не выходя из такого дома, хотя это, наверно, было бы очень интересно.

Небоскребы стояли на широких полянах и были окружены березовыми рощами, среди которых росло множество грибов-подберезовиков, семена которых и грибницы привозили каждый год с севера, так что можно было собрать за день сто корзин, но на следующее утро грибы вырастали снова. Подберезовики были гордостью жителей этого района, но сами они грибами обелились уже давно и потому всегда приглашали знакомых собирать грибы вокруг своих домов и даже посмеивались над грибниками.

За небоскребами начинался Филевский парк.

На широкой поляне человек сто любопытных смотрели, как работает экспериментальная дорожка. Техник в синем комбинезоне стоял посреди серебряной ленты, которая изгибалась, направляясь в ту сторону, в которую техник велел ей направляться. На груди техника висел микрофон, и он объяснял любопытным, как дорожка работает:

— Если мне хочется, чтобы дорожка привела меня к тому вон большому кусту, я мысленно говорю ей: направо. И дорожка поворачивает направо.

Все засмеялись, потому что дорожка так резко повернулась, что техник не удержался и упал на траву. Дорожка пробежала вперед и замерла.

Алиса хотела было покататься на новой дорожке, но желающих было так много, что пришлось бы стоять в очереди полдня, прежде чем удалось бы покататься самой. Алиса решила лучше подождать, пока такие дорожки построят во всех парках.

На соседней полянке тренировались космонавты, вернее, юные космонавты из ДОСКОСа — Добровольного общества содействия космонавтике. Люк в учебную ракету был открыт, и ребята по очереди спускались из него на траву по тросу. Они, наверно, воображали, что динодуки с Юпитера сожрали их трап. Алиса вернулась к машине. Пора было ехать к Берте.

Некоторое время машина шла под трубой монорельса, потом повернула по набережной Москвы-реки и через старый Бородинский мост выехала на Смоленскую. Солнце спряталось за тучу; наверно, метеорологи опять ошиблись — даже в двадцать первом веке им верить нельзя. Под тучей висел воздушный велосипед регулировщика. Велосипед был синий, и регулировщик был в синем, и туча была синей. Алиса сразу придумала сказку о том, что регулировщик — сын тучи, и, если станет жарко, он превратится в дождь.

Вот и зеленые арбатские переулки. Алиса почти что вернулась домой. Она оставила такси на стоянке, устланной разноцветными плитами, забрала букет сирени, проверила, на месте ли миелофон, и поднялась к Берте Максимовне.

— Чего же ты так долго? — удивилась Берта.

— Вы же сами сказали, чтобы через час.

— Ах да, я совсем забыла! Я думала, мне позвонят из Монтевидео. Там, знаешь, говорят, достигнут контакт. Видела последний номер нашего журнала? Спасибо за цветы.

Берта была немного сумасшедшая. Так думала Алиса, но, конечно, никому об этом не говорила, а перед ребятами даже иногда хвасталась немного своей дружбой с вице-председателем общества «Дельфины» — наши

братья. Берте уже лет пятьдесят, хотя она довольно молодая и носит парики «русалка» или «гавайский бриз». Она раньше была чемпионом Москвы по подводному плаванию, а потом вступила в общество «Дельфины — наши братья» и стала в нем главной. У нее во дворе дома большой дельфиний бассейн, и она все время старается найти с ними общий язык. Папа говорил Алисе, что Берта скоро разучится говорить с людьми и если достигнет взаимопонимания с дельфинами, то только потому, что будет обходиться без человеческого языка. Папа, конечно, шутил, но, по правде говоря, они с Бертой — научные противники. Папа — биолог и директор зоопарка, и он не верит в то, что дельфины — наши братья. А Алисе очень хотелось в это верить, и из-за этого у нее с папой были даже настоящие научные споры.

— Знаешь что, деточка? — сказала Берта, резким движением откидывая на плечо зеленый локон. — Ты иди к дельфинам, а я потом подойду. Может, все-таки позвонят из Монтевидео.

— Хорошо, — сказала Алиса.

Ей только этого и надо было. Она хотела испытать миелофон без Берты. А потом положить его на место, чтобы папа не узнал, что она пробовала его на дельфинах.

Папа принес миелофон вчера из зоопарка и объяснил, что миелофон экспериментальный. Он может читать мысли. Конечно, если эти мысли выражены словами. Папе дали аппарат для опытов с обезьянами, но сегодня он поехал не в зоопарк, а на совещание, и оставил аппарат дома.

Вчера вечером они с папой испытывали аппарат друг на друге, и Алиса слышала собственные мысли. Это очень странно — слушать собственные мысли. Они звучат совсем не так, как кажется тому, кто их думает. Алиса брала в руки серую коробочку, вставляла в ухо маленький наушник и слушала, как довольно тоненький голос говорит быстро-быстро: «Не может быть, чтобы мои мысли... смотри-ка, я слышу собственный голос... Это мой голос? Я подумала про голос и точно то же самое слышу...»

Алиса с папой попробовали послушать домработника. У домработника мысли были короткие и не путались, как у Алисы. Домработник думал о том, что надо поднести под плитой, почистить медаль и (тут люди узнали

его страшную тайну) подзарядить потихоньку аккумуляторы, чтобы ночью, когда все будут думать, что он спит, почитать при свете собственных глаз «Трех мушкетеров».

... Алиса подошла к бассейну. Оба дельфина, узнав ее, наперегонки поплыли к бетонной кромке. Они по пояс выпрыгивали из воды, чтобы показать, что они рады видеть гостью.

— Подождите, — сказала Алиса. — У меня для вас нет ничего вкусного. Берта мне не велела вас кормить — у Руслана живот болит. Ведь правда?

Один из дельфинов, которого звали Русланом, перевернулся на спину, чтобы показать Алисе, что живот у него уже совсем не болит, но Алису это не разжалобило.

— Не уплывайте далеко, — сказала Алиса. — Я хочу послушать, есть ли у вас мысли. Видите, я достаю миелофон. Вы такого аппарата еще никогда не видели. Он читает мысли. Его придумали врачи, чтобы лечить психических больных и вообще чтобы ставить точный диагноз. Мне папа сказал. Понятно?

Но дельфины ничего не ответили. Они нырнули и поплыли наперегонки по кругу. Алиса достала из сумки аппарат и, вставив в ухо наушник, нажала черную кнопку приема. Сначала ничего не было слышно, но когда Алиса покрутила ручку настройки, то вдруг совершенно явственно услышала мысль одного из дельфинов:

«Смотри-ка, что она делает. Наверно, опыт ставит».

Алиса чуть не закричала «ура». Может, позвать Берту? Нет, надо проверить.

Один из дельфинов подплыл ближе. Он думал:

«А на вид просто девчонка. Что же это она делает?»

— Я читаю твои мысли, — тихо сказала Алиса дельфину. — Понял, глупый?

Дельфин перевернулся и нырнул. Но мысли его тем не менее были ясно слышны.

«Может, поговорить с ней? — думал дельфин. — А то она что-то задается...»

Перебивая первую мысль, появилась другая — кто-то еще, наверно второй дельфин, подумал: «А я ее знаю, она из дома напротив, ее Алисой зовут».

«Вот молодец! — подумала Алиса. — Но откуда он знает, что я из дома напротив?»

И в тот же момент тот же голос, который звучал в миелофоне, сказал вслух и довольно громко:

— Алиса-барбариса, машинку сломаешь, нас не поймаешь!

Голос раздался, как ни странно, не из бассейна, а сзади.

Алиса вскочила и обернулась.

За низенькой бетонной оградой стояло двое мальчишек лет по шести и корчили ей дурацкие рожи.

— А ну, уходите сейчас же! — рассердилась Алиса. — Вы мне весь опыт испортили!

— Так мы и ушли, дождешься! — сказали мальчишки.

Но Алиса сделала два шага в их сторону, и мальчишок словно ветром сдуло.

Алиса огорчилась и снова села на берег бассейна. Опыт провалился. Хорошо еще, что она не позвала Берту, чтобы рассказать о своем открытии. Ну ладно, время еще есть. Можно продолжить.

Алиса снова включила миелофон и, вытянув наружу усик-актенну, направила его в сторону дельфинов. В ушах потрескивало, и иногда раздавались какие-то хрюкающие звуки и взвизгивание. Они приближались, когда дельфины подплывали ближе, и почти совсем пропадали, когда дельфины ныряли или отплывали к дальней стенке бассейна.

Так Алиса просидела минут пять, но ничего не дождалась. Наверху открылось окно, и Берта, высунув зеленую модную голову, сказала:

— Алисочка, дружок, поднимись ко мне. Звонили из Монтевидео, отличные новости. И скажи роботу, чтобы он достал из холодильника рыбу.

— До свидания, — сказала Алиса дельфинам. — Я к вам еще приду.

Она осторожно, чтобы Берта из окна не увидела, спрятала миелофон и, сказав, что нужно, роботу, пошла к дому.

Когда она скрылась за углом, дельфин по имени Руслан, высунул из воды курносое рыло и сказал негромко своему соседу на дельфиньем языке:

— Интересно, что там случилось в Монтевидео?

— Не знаю, — ответил второй дельфин. — Жалко девочку, она так расстроилась. Может, стоило с ней поговорить?

— Рано еще, — ответил дельфин Руслан. — Люди не доросли до общения с нами. Они многоного не поймут.

— К сожалению, ты прав, — сказал второй дельфин. — Взять хотя бы этих мальчишек. Крайне плохо воспитаны. Один даже кинул в меня палкой.

И дельфины, резвясь, поплыли вокруг бассейна.

ТУДЫ-СЮДЫ ДЕДУШКА

В первый день каникул человеку обычно нечего делать. Вернее, есть что делать и дел даже очень много, но трудно придумать, какое из них самое главное, и человек теряется среди многочисленных возможностей и соблазнов.

Алиса попрощалась с Бертой Максимовной, вышла на улицу и посмотрела на воздушные часы, висящие в небе над городом. Часы показывали двенадцать. Впереди еще был целый день, а за ним пряталось множество совершенно свободных летних дней, обещанное папой подводное путешествие, экскурсия в Индию, экспедиция юннатов в пустыню и даже, если мама достанет билеты, поездка в Париж на трехсотлетие взятия Бастилии, которую парижане уже специально построили из легкого пластика. Жизнь обещала быть интересной, но все это относилось к завтрашним дням.

А пока Алиса отправилась на Гоголевский бульвар. Миелофон лежал в сумке, и Алиса время от времени похлопывала по сумке ладошкой, чтобы проверить, на месте ли аппарат. Вообще-то говоря, стоило зайти домой и положить его на место, но жалко было терять время. Зайдешь домой, робот заставит обедать и будет говорить, что ты опять похудела, и что я скажу маме, когда она вернется, и всякие другие жалкие слова. Марсианский богомол просится гулять, а гулять с ним — одно мученье: он останавливается у каждого столба и обнюхивает каждую царапину на мостовой.

Так что понятно — Алиса домой заходить не стала, а отправилась на бульвар.

Гоголевский бульвар, широкий и тенистый — говорят, там как-то заблудилась целая детсадовская группа вместе с руководительницей, — тянется от Москвы-реки до Арбатской площади, и в него, как реки в длинное и широкое озеро, впадают зеленые улицы и переулки. Алиса по извилистой тропинке, мимо апельсиновых деревьев, которые очень красиво цвели, направилась

прямо к старинному памятнику Гоголю. Это печальный памятник, Гоголь сидит, кутаясь в длинный плащ, — Гоголь хоть и писал веселые книги, сам был довольно грустным человеком. За памятником, на боковой аллее должны расти ранние черешни. Они отцвели уже месяц назад. Вдруг ягоды уже поспели?

На лавочке сидел старишок с длинной седой бородой, в странной соломенной шляпе, надвинутой на кустистые брови. Старишок, казалось, дремал, но, когда Алиса проходила, вернее, пробегала мимо, он поднял голову и сказал:

— Куда ж ты, пигалица, несешься? Пыль поднимашь, туды-сюды!

Алиса остановилась.

— Я не поднимаю пыли. Здесь же крупный песок, он не пылится.

— Вот те раз! — удивился старишок, и борода его поднялась и уставилась пегим концом в Алису. — Вот те раз! Возражаешь, значит? — Дедушка явно был не в духе.

И Алиса на всякий случай сказала:

— Простите, я не нарочно, — и хотела уже бежать дальше.

Но старишок не дал.

— Подь сюды, — сказал он. — Тебе говорят!

— Как так — подь сюды? — удивилась Алиса. — Как-то странно вы разговариваете.

— А ты поспорь, поспорь. Сейчас возьму хворостину и отстегаю тебя по мягкому месту!

Старишок был совсем необыкновенный. Как старики Хоттабыч. И говорил удивительно. Не то чтобы Алиса его испугалась, но все-таки ей стало немножко не по себе. Больше никого на аллее не было, и если старики и в самом деле решит стегать ее хворостиной... «Нет, успею убежать», — подумала Алиса и подошла к старишку поближе.

— Что же это получается? — сказал старишок. — Оставили меня на этом проклятущем месте, а сами смылись! На что это похоже, я спрашиваю!

— Да, — согласилась Алиса.

— У тебя в сумке калачика не найдется? — спросил дед. — А то с утра маковой росинки во рту не держал.

— Нет, — сказала Алиса. — А что такое маковая росинка?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — сказал старичок.

Алиса засмеялась. Старичок был совсем не страшный и даже шутил. Она сказала:

— А здесь недалеко кафе есть. Диетическое. Пройдете два поворота . . .

— Обойдусь, — сказал дед. — Без ваших советов обойдусь. Нет, ты скажи, пигалица, что такое деется?

«Вот это старик! — подумала Алиса. — Вот бы его нашим ребятам показать».

— Сколько вам лет, дедушка? — спросила она.

— Все мои годки при мне, я еще царя-батюшку Николая Александровича, царство ему небесное, помню. Вот так-то. И генерала Гурко на белом коне. А может, это Скобелев был . . .

— Долгожитель! — поняла Алиса. — Самый настоящий долгожитель. Вы из Абхазии?

— Это из какой такой Абхазии? Ты это что? Да я тебя!

Дедушка попытался вскочить со скамейки и погнаться за Алисой, но в последний момент передумал и вставать не стал. Алиса отбежала на несколько шагов и остановилась. Ей уже совсем не хотелось уходить от сказочного деда.

— Так вот, говорю я, — продолжал дед, будто забыл вспышку гнева. — Что же это вокруг деется? Совсем с ума поспятили, туды-сюды!

Если он помнит царя и еще каких-то генералов, которых не проходят во втором классе, то деду должно быть, по крайней мере, двести лет. Как же он законсервировался, и даже в газетах о нем ни слова не было, и папа о нем не знает? Ведь если бы знал, то наверняка сказал бы Алисе.

— Ни те городового, ни те культурного обращения! Ходют туды-сюды голые люди, махают себе бесстыжими ногами. Ох, наплачетесь вы с ними, ох, и наплачтесь! . . Не видать вам . . .

Дед всхлипнул и вдруг завопил яростно и тонко:

— Конец света! Светопреставление! Грядет антихрист наказать за грехи великие . . .

«Ой-ой-ой, позвать кого-нибудь, что ли? — забеспокоилась Алиса. — Наверно, у него мания. Большой человек».

— А ты чего в трусах бегаешь? — вдруг спросил дед негромко, но сердито. — Юбки, что ль, у мамки

не нашлось? Небось загуляла мамка-то, а? Загуляла?..
Девки-то кто в штанах, кто в трусах...

— У меня мама архитектор, — сказала Алиса.

— То-то и говорю, — согласился дед. — Не те времена пошли. А то выйдешь спозаранку, наденешь лапти... Ты садись, девочка, на лавочку, сказку послушаешь... Буренка твоя уже копытом теребит. И поднимаемся мы вслед за генералом Гурко, царство ему небесное, туды, понимаешь, сюды, на высоту двенадцать — восемьдесят пять, а там уже турок позицию себе роет... И за царя...

Дед повторил несколько раз «за царя» и вдруг запел:

И за царя, за родину, за веру
Мы грянем громкое ура, ура. Ура-а-а-а!

Алиса медленно отступала по дорожке, чтобы не заметно исчезнуть с глаз деда. Она думала, куда лучше бежать, чтобы скорее найти помошь.

И вдруг из-за поворота показалась девушка со свертком чертежей под мышкой, обычная девушка, наверно студентка. Она была в шортах, безрукавке и без парика. Короткие светлые волосы падали челкой на загорелый лоб. Девушка услышала песню деда и остановилась.

— Ой! — обрадовалась Алиса.

Она подбежала к девушке и громко зашептала:

— Этот дед, наверно, сошел с ума. Он говорит странные вещи и совсем оторвался от действительности.

— Посмотрим, — сказала девушка.

Старичок заметил ее и очень рассердился.

— Час от часу не легче! — сказал он. — Еще одна бесстыдница, туды-сюды. Ты чего вырядилась?

— Здравствуйте, — сказала девушка. — Вы себя плохо чувствуете?

— Это еще почему? Это еще что за такие слова позволяешь? Я в своей жизни еще ничем не маялся, кроме как почечуем. Так-то.

— Странно он одет, — сказала девушка Алисе не-громко.

И тут Алиса тоже заметила, что дед странно одет. Как только она раньше этого не видела?

На деде были серые короткие брюки, обвисшие понизу грязной барабанной, из-под брюк выглядывали шерстяные носки, обмотанные веревкой. Веревка спуска-

лась к лодыжкам и была привязана к странным тапочкам, ужасно знакомым, но раньше Алиса их не встречала! Ах да, это же лапти, как на картинке в книжке, сказок! Плечи деда накрывал серый пиджак с подложенными на плечах ватными подушками, чтобы плечи казались шире. И еще была соломенная шляпа, но ее Алиса заметила с самого начала.

— Он несовременный, — сказала Алиса тихо и сама испугалась своего открытия.

Конечно же, дед был совершенно несовременным. Он и говорил странно, и одет был необыкновенно.

— Погоди-ка, — сказала девушка. — Вы где живете? — спросила она у старика.

— Много будешь знать... — начал дед. Потом задумался и добавил: — Сам уже не знаю.

— Может, вас проводить домой?

— Дом мой за высокими горами да за глубокими долами, — сказал дед уверенно, будто повторял знакомый всем адрес. — Ты мне лучше скажи, землю вы пашете?

— Пашем, — ответила девушка.

— И плуги у вас есть?

— Плугов уже нет. Автоматы пашут и все остальное делают.

— То-то я думал. А год-то сейчас какой?

— Две тысячи восемьдесят девятый.

— Это от рождества-то Христова?

— От нашей эры, — сказала девушка.

— А вы из какого года? — спросила Алиса. — Вы ведь путешественник во времени?

— Вот те туды-сюды! — сказал дед. — Путешественник, говоришь? А ты лучше мне скажи, как у вас с мясом? Мясо почем?

— Мясо? — Алиса не знала, что ответить.

Но ей на помощь пришла девушка.

— Мясо у нас, дедушка, бесплатное, — сказала она. — И все другие продукты тоже.

— Врешь, туды-сюды! Ктой-то запросто, так тебе теленка резать будет?

— Вы еще из дореволюции? — настаивала Алиса. — А как вы попали сюда? На нашей машине времени?

— А вот скажи мне, — оживился дед, — кто у вас наиглавнейший генерал?

— Нет у нас генералов.

— Вот и врешь! Не может быть, чтобы без генерала... Бог ты мой, кто идет!

По дорожке, припадая на суковатую палку, шел второй дед, точно такой же, как и первый, только шляпа у него была не соломенная, а суконная.

Алиса так удивилась, что спряталась за спину девушки. И тут же из-за поворота вышли еще три деда, двое с палками, один так, без палки; двое в соломенных шляпах, а один без шляпы совсем, и борода у последнего деда была подлиннее, чем у остальных.

Все деды не спеша направлялись к скамейке.

— Слава тебе господи! — сказал первый дед. — А то, туды-сюды, ни одной живой души не найдешь!

— Это верно, — ответил один из новых дедов. — Это верно, что ни одной живой души, все какие-то фигли-мигли с квасом.

И он погрозил палкой девушке и Алисе. Это они и были фигли-мигли с квасом.

— У них здесь дырка в прошлое, — прошептала Алиса, — и они из нее вылезают. Надо остановить. Ведь, может, их сто тысяч.

— Этих-то проучить бы не мешало, палкой, палкой!

— Это так, туды-сюды! — закричал другой дед.

— Сейчас мы их! — крикнул третий. — Я сам в городовых служил!

Сзади вышло еще три деда. Бежать было некуда. Деды, правда, с места не двигались, но шумели изрядно. Алиса крепко уцепилась за руку девушки.

И в этот момент ударил гонг, и громкий голос сказал:

— А ну-ка, Глебушка, обесточь массовку. Такие не пойдут.

За кустами что-то зашипело, и деды замерли в тех позах, в которых их застал громкий голос.

Из кустов выскочили несколько молодых ребят. Потом вышел старый знакомый Алисиного папы, оператор Герман Шатров. Лоб Шатрова закрывал длинный зеленый козырек от солнца, и на груди у него висел микрофон.

Не замечая девушки с Алисой, Шатров напустился на своих помощников.

— Как могло получиться, — сердился он, — как могло получиться, что восемь роботов из массовки ушли со съемочной площадки? Кто за это в ответе? А вдруг

один из них на машину бы налетел? Или ребенка бы до смерти испугал? Нет, я так не оставлю! Я сегодня же серьезно поговорю с конструкторами.

— Они же опытные, Герман, — сказал один из ассистентов. — Их только сейчас распаковали, даже проверить не успели. Вот они и расползлись по бульвару.

— Да разве это настоящие крестьяне начала двадцатого века? На основе чего их программировали?

Из кустов вышел еще один человек. Был он толст и печален.

— Гера, — сказал он, — милый, мы же не сами придумали. Взяли дедов из романов первой половины прошлого века, туды-сюды.

— Что?

— Туды-сюды, говорю. Это я, пока с ними возился, дедовских выражений нахватался. У них лет сто пятьдесят назад были обязательно любимые слова, необычные.

— Забирай своих старииков. Придумаем что-нибудь другое.

— А что же мне с ними делать? Они же никуда не годны.

— Поменяешь блоки памяти на стандартные, и получатся неплохие роботы-сиделки. Ей-богу, даже интересно. С бородами и запасом сказок, туды-сюды.

ЧЕМОДАН-УСТАНОВКА ПРОФЕССОРА ШЕЙНА

— Ты что здесь делаешь? — спросил вдруг Герман, заметив Алису. — И здесь успела?

— Мы очень испугались, — ответила Алиса. Она хотела показать девушку, которая тоже испугалась, но девушка, оказывается, незаметно ушла.

— Вот, — расстроился Герман, — я же говорил, что детей типовыми стариками запугать можно!

— Я думала, что он из прошлого, на машине времени.

— Нет, не бойся, таких упрощенных дедов даже сто пятьдесят лет назад не было. Хотя я точно не знаю. У тебя что, каникулы уже?

— Каникулы. А вы картину снимаете?

— Историческую ленту.

— С эффектом присутствия?

— И симфонией запахов и термоэффектом.

— А сегодня будете снимать?

— Сегодня? Вот не знаю, что нам теперь делать с массовкой. Старики неудачные... Знаешь что? Сговаряю мы на натуру! На Черное море. Хочешь с нами?

— Очень хочу! А как папа?

— С папой я свяжусь, — сказал Герман. — Надо только с режиссером поговорить. Володя! Володя, Чулюкин! Где ты?

— Ну что? — спросил голос из кустов, и тут же на дорожке показался режиссер, быстрый, невысокий, в очень модной мексиканской шляпе с бубенчиками.

Режиссер быстро передвигался и быстро говорил, но думал он, видно, еще быстрее, и часто фраза у него не договаривалась, потому что мысли заставляли, не кончив первую, начинать вторую.

— Что, у нас получилось несчастье? — спросил он. — Старики оплошали, и не только... А впрочем, у тебя есть соображения по части... Может, нам перейти в павильон?

— Володя, отпусти меня на побережье. Мне нужен закат, чтобы с фиолетовыми облаками. Все равно день пропал.

— А как же Мария Васильевна?

— Она обойдется.

— И все-таки... А впрочем, поезжай. Только чтобы к утру вернуться, а то Мария Васильевна...

Тут Чулюкин повернулся и исчез в кустах. Будто его и не было.

— Вот видишь, — сказал Герман. Он вынул из кармана видеофончик и набрал номер Алисиного отца.

— Слушай, Игорь, — сказал он, — я у тебя хочу дочку украсть на полдня. А к утру верну... Да нет, на Черное море, там тепло. Погоду я заказал... Вот и отлично!

Герман отключился и сказал Алисе:

— Твоего отца такой вариант вполне устраивает. Он все равно задержится до ночи. Крумы делятся у него. Что это такое, кстати?

— Какие-то звери с Сириуса. Я их никогда не видела. Но мне надо будет домой зайти.

— И не мечтай. Натура не ждет. Или мы летим сейчас, или ты остаешься в городе.

— Мне надо одну вещь домой занести.

— Завтра занесешь. По машинам!

Никаких машин не было, да им и нельзя заезжать на бульвар. Но при этих словах вдруг в кустах что-то загрохотало и зашуршало.

— Аппаратуру сворачивают, — сказал Герман. — Пошли.

Алисе пришлось пойти. Хоть она и жалела, что не смогла забежать домой и положить на место миелограф, который папа велел не трогать. Ведь невозможно же отказаться от такой поездки, не часто тебя зовут смотреть, как снимается настоящее кино.

Флаер ждал киношников на крыше одного из домов на краю бульвара.

Флаером лететь в Крым дольше, чем на метро, но киношники, как они не спешили, вынуждены были воспользоваться своей машиной, потому что у них было много оборудования — камер и осветительных приборов, — перегружать которое в вагоны метро было долго и трудно. Тем более, что метро шло только от Москвы до Симферополя, а оттуда все равно на побережье надо лететь флаером или ехать на монорельсе.

Обычно же после работы тысячи московских флаеров и такси отправлялись в Фили — Мазилово, к серебряному куполу с большой красной буквой «М» над ним. Здесь — московская станция Крымского метрополитена. Несколько параллельных туннелей тонкими ниточками связывают Фили с Симферополем. Ниточки эти совершенно прямые, и это значит, что на середине пути туннель метро углубляется на несколько километров под землю. В свое время строительство первых междугородных подземных линий было очень трудным делом, пока строители не ввели в работу проходческий автомат, который под температурой в несколько тысяч градусов расплавлял породу, облицовывал ее тугоплавким пластиком и оставлял за собой блестящую, оплавленную, гладкую, как серединка керамического стакана, трубу.

Такие же линии метро соединяют Москву и с Ленинградом, и с Киевом, и даже с Владивостоком. А к 2100 году будет закончена первая линия Варшава — Нью-Йорк. Ее строят уже третий год, потому что под океаном туннель проходит чуть ли не по центру Земли и потому работы там продвигаются медленно, и о них в двух словах не расскажешь.

А крымский туннель давно уже стал привычным и удобным — каждый москвич может после работы за сорок пять минут доехать в снаряде метровагона до Симферополя, а оттуда уже пятнадцать минут на флаере до любой точки побережья. К ночи можно вернуться в Москву загорелым и накупавшимся.

Герман с Алисой, три ассистента, два робота, пилот разместились в мосфильмовском флаере. Он бесшумно взвился с крыши и, набрав высоту, полетел на юг, к Чёрному морю.

Это было совсем неплохое начало для каникул.

Алиса осмотрелась, нашла ящик поудобнее, чтобы усесться на нем, и придинула его к окну. За ее спиной кто-то закряхтел. Алиса обернулась, удивившись, как это человек мог уместиться в такой узкой щели.

Сзади, насупившись, сидел старик из массовки и жевал набалдашник своей толстой палки.

— Ой, — сказала Алиса, — старик!

— Это что такое? — удивился Герман. — Как он сюда пробрался?

— Чулюкин просил взять на всякий случай, — сказал один из ассистентов. — Может, пригодится для первого плана.

— Я пригожусь, я те пригожусь! — сурово сказал старик. — Я с генералом Гурко Шипку брал. Молоко-сосы . . .

— Если ты, Алиса, боишься, то пересаживайся ко мне, — сказал Герман.

— Вот еще чего не хватало! — обиделась Алиса. — Чтобы я роботов боялась. Уж лучше я тут, у окошка.

Вообще-то она предпочла бы пересесть, но призналась, что она испугалась, ей совсем не хотелось. Все равно лететь меньше двух часов.

И когда один из ассистентов роздал киношникам, и в том числе Алисе, по галете и стакану сока, она даже отломила половину галеты и протянула старику.

— Не стесняйтесь, — сказала она. — Берите. Мне все равно столько не съесть.

Но старик робот покачал головой:

— Ешь сама, пигалица. Я с утра щец похлебал, вот и вся недолга.

Алиса поняла, что старик-типовик ее обманывает. Роботы не едят щей. Но, наверно, в нем такая заложена

программа, что он думает о себе, что он вовсе не робот, а древний старик. Чтобы естественней изображать в кино.

Не успела Алиса дожевать галету, как флаер пошел на снижение. Он проскользнул между невысокими лесистыми горами и полетел прямо в синее, чуть светлее неба, море. Над самым берегом, между двух высоких серых скал, флаер замер на месте и мягко опустился на площадку, обрывающуюся прямо к воде.

— Ну вот, — сказал Герман. — Мы тут были на прошлой неделе. Чем не рай?

На бугорке стояла палатка — маленький купол из легкого пластика. Из палатки вышел почти черный человек в плавках. Оказалось, его зовут Васей и он тоже киношник.

— Обследовал? — спросил Герман.

— Да, все точки выбраны. Хоть сейчас начинай.

— Ладно, покажешь. Но сначала всем купаться. Ты, Алиса, пойдешь со мной, и ни на шаг в сторону. Чтобы не утонула.

— Как же я утону? Я даже под водой плаваю сколько хочешь.

— И тем не менее. Перед твоим отцом отвечаю я, а не ты. Ясно?

— Ясно.

— Сумку оставь здесь.

— Нет, я ее с собой возьму.

— Ну, как хочешь.

Вася повел киношников по тропинке к воде, а роботы занялись устройством временного лагеря. Вода была теплой и ласковой. Алиса даже пожалела, что отец не возит ее по воскресеньям на море. Другие ребята ездят.

Старик в лаптях спустился к морю за киношниками и уселся на берегу.

— Не жарко? — крикнула ему из воды Алиса.

— Ты далеко не плавай, пигалица, — сказал дед. — Рыба какая укусить может.

Он уже привык к Алисе, да и Алиса к нему привыкла и совсем не боялась.

Дед подумал-подумал и принял разувать лапти.

— Эй, старик, — сказал ему Герман, — и не думай. Перегреешь внутренности, мастерской здесь нет.

Старик вздохнул и послушно надел лапоть обратно.

- Жалко его все-таки, — сказала Алиса.
- Жалко, конечно. Да что поделаешь, одежда для него — та же изоляция. А убедительно сделан?
- Убедительно, — согласилась Алиса и нырнула.
- Под водой она открыла глаза и так испугалась, что открыла рот, наглоталась воды и пулей вылетела на поверхность. Она чуть было не ушла обратно под воду, но Герман подхватил ее и легонечко стукнул по спине, чтобы она откашлялась.
- Что там такого страшного? — спросил он.
- Морда, — сказала Алиса. — Такая страшная морда, что я просто не могу!
- В этот момент вода перед ними расступилась, и на поверхности показалось смеющееся рыло дельфина.
- Пошел отсюда! — прикрикнул на него Герман. — Детей пугать вздумал!
- Он шутил, — сказала Алиса, которая уже опомнилась. — Это я виновата, что не узнала.
- Он у меня тут в друзьях числится, — сказал загорелый Вася.
- Привет от Руслана из Москвы! — крикнула Алиса вслед уплывающему дельфину.
- Итак, вылезаем — и за дело, — сказал Герман и поплыл к берегу.
- С легким паром! — сказал купальщикам старик.
- Спасибо, — ответила Алиса.
- Герман прыгал на одной ноге, стараясь вытрясти из уха воду. Потом остановился, пригляделся и спросил:
- А там кто обосновался?
- Какой-то отдыхающий, — сказал Вася.
- Чего ж ты ему не сказал, чтобы он со своим хозяйством за скалу отступил? Ведь в кадр попадет. Панораму мне испортит.
- Понимаешь, Герман, — сказал Вася смущенно. — Все это случилось как-то неожиданно. Я даже не успел среагировать. А сейчас хотел пойти к нему, да тут от Чулюкина звонок, что вы прилетаете, вот я и не успел.
- И давно он здесь?
- Часа два-три.
- Смотри, какой деловой! И палатку поставил, и печку растопил, и лодку в море спустил, и даже удочки подготовил.
- Вот-вот, — сказал Вася. — Сам удивляюсь. Понимаешь, какая штука получилась. Вижу, опускается

на тот холмик маленький флаер, из Курортного управления. Выходит из него человек этот с чемоданчиком и садится на песочек. Помахал флаеру рукой, тот и улетел. Ну, я решил тогда, что он ненадолго, рыбку половить и вечером обратно, к цивилизации. Поглядел я в бинокль — человек пожилой, солидный. Ну что, думаю, я его буду беспокоить. И тут начались удивительные вещи. Ты мне не поверишь.

Герман тем временем вытерся, надел тапочки и легкую распашонку. Распашонка не застегивалась, и под сердцем у Германа был виден тонкий шрам. Алиса знала, что сердце у Германа искусственное. Папа рассказывал. Еще много лет назад, когда Герман был почти юношей, сердце у него остановилось. Такой был в сердце порок. И пришлось врачам поставить искусственное сердце. Оно, конечно, лучше настоящего и работать будет всю жизнь, и все-таки Алиса Герману не завидовала. И всегда хотела спросить, заводит ли он сердце на ночь ключиком или оно само тикает. Но спрашивать о таких вещах не очень удобно.

— Давай рассказывай дальше, — сказал Герман, когда начали подниматься по тропинке к палатке.

— Так вот, смотрю я на него и вдруг вижу, что рядом с этим человеком появляется робот. Я голову могу дать на отсечение, что раньше его не было. И с флаера человек сошел один, и только с чемоданчиком. Отвернулся я на минутку, опять посмотрел — уже два робота. Один устанавливает кухонный комбайн, другой ставит палатку. Но самое интересное — палатка стационарная, большая, она даже в свернутом виде ни в какой чемодан не поместится.

— Ну-ну, — сказал Герман. — И как тут солнце, горячее?

— Думаешь, сочиняю? Ни в коем случае. Слушай дальше, что было. Спустился этот человек к морю, я уж за ним смотрю, глаз не спускаю. Нагнулся к воде, и в тот же момент — нет, ты не поверишь! — на воде покачивается лодка, довольно большая, сам знаешь — амфибия.

— Не верю, — сказал Герман. — Но ты все равно продолжай. Получается у тебя это красиво.

— Нет, мы сейчас к нему пойдем, я и сам собирался, и все узнаем.

— Хорошо. И все-таки признайся, что придумал всю эту историю для того, чтобы оправдаться, что про-

спал, пока твой сосед нам своей палаткой панораму кашировал.

— Клянусь чем угодно, ни слова лжи! — возмутился Вася. — Вот и сейчас, когда мы купаться шли, я обратил внимание — сидит между двух роботов и что-то им выговаривает.

— Да ты посмотри получше: где твой сосед, где его роботы?

В самом деле, холмик был пуст. И хоть до него было довольно далеко — метров триста, все равно, если бы на нем был хоть один человек или робот, заметить его было бы нетрудно.

— Наверно, в палатку ушли, — сказал Вася.

— Так. — Герман остановился посреди расставленного роботами кинооборудования и задумался. — Всетаки придется идти к соседу и попросить его подвинуться. Я думаю, что с нашей помощью он управится за десять минут. Кто пойдет со мной?

С Германом захотели идти все. Хоть над Васей и смеялись, но любая загадка привлекает людей. Герман взял с собой Васю и Алису. Они быстро перешли ложбину между двумя палатками и поднялись на холмик.

Дверь в палатку была распахнута, и перед ней стоял раскрытый чемодан. Было тихо, и только ветерок с моря шуршал по палаточной стенке.

— Здравствуйте! — громко сказал Герман. — Есть здесь кто живой?

Никто не откликнулся.

Герман заглянул в палатку. Палатка была пуста.

— Куда он мог деваться?

— Я бы увидел, — сказал Вася. — Я из моря в эту сторону поглядывал. И лодка на месте.

Обошли палатку. За ней тоже была пустота. Ровная площадка. Только складной стульчик и рядом с ним книга.

— Ну вот, — сказал Герман, — теперь придется ждать, а тем временем солнце уйдет! Куда же он мог отправиться?

Алиса заглянула в чемоданчик. Он все равно был открыт. В чемоданчике, как ни странно, лежали игрушки. Игрушечный письменный столик, игрушечные кастрюли и тарелки, игрушечные книжки и даже игрушечный батискаф. Алиса протянула руку, чтобы взять кни-

жечку размером меньше ногтя на мизинце, но вдруг случилась странная вещь: как только ее рука попала внутрь чемодана, она стала уменьшаться. Алиса отдернула руку. Рука стала такой же, как прежде. Очень интересно! Алиса снова сунула руку внутрь и подержала ее немножко. Рука на глазах сжималась, сжималась, пока не стала меньше кукольной.

— Да-а, — сказал Герман за ее спиной. — Вынь-ка руку оттуда. Мне это уже не нравится.

Герман быстро сунул руку в чемодан, вынул оттуда первую попавшуюся вещицу, и все увидели, как она на глазах превратилась в теплое пальто.

— Я был прав, — сказал Вася. — Он их всех доставал отсюда.

— Больше ничего не трогать, — сказал Герман. — Все-таки не наши вещи.

Он бросил пальто обратно в чемодан, и оно довольно быстро съежилось до размеров кукольной одежды.

— Смотрите, — сказала Алиса, — карман шевелится!

Она была права. Внутренний карман чемодана вздрогивал, будто в него попала большая муха или жук и хотели освободиться.

Герман, чтобы рука его не успела уменьшиться, отстегнул карман и быстро вытащил кисть наружу, подождал, пока она снова станет нормального размера, и опять запустил руку в карман.

— Все правильно, — сказал он, ставя осторожно на землю игрушечного человечка. — Вот и наш сосед. Только как его угораздило забраться в чемодан, этого мне не понять. Пусть сам расскажет.

Он еще не успел закончить фразу, как игрушечный человек начал расти, пока не перерос Алису и не оказался самым нормальным полным человеком среднего роста, с усами и в старомодных очках.

— Спасибо, — сказал человек. — Могло так случиться, что я бы здесь умер с голоду. Вы ко мне?

— Да. — Герман настолько удивился будничному вопросу, что сказал, как и собирался сказать, когда шел к палатке соседа. — У нас к вам большая просьба. Мы, понимаете, с киностудии Мосфильм-три, приехали снимать натурь...

Тут Герман спохватился, что говорит совсем не то, и, перебив самого себя, спросил:

— Как же вас угораздило?

— А, вы об этом? Если бы я мог сам понять...

— Вы умеете делать вещи игрушечными? — спросила Алиса.

— Не совсем так, девочка, не совсем так. А вы садитесь, садитесь... Впрочем, не на что. Понимаете, в этом чемодане наличествует поле, меняющее субатомную структуру материи. Короче, все попавшее в это поле уменьшается в двадцать раз. Примерно в двадцать. Точнее — в девятнадцать ноль семьдесят пять раза. Это опытная установка, плод деятельности нашего института за последние восемь лет. Кстати, я не представился. Профессор Шеин.

— И не нужно будет машин и транспорта, — сказал Вася, который уже все понял. — Оборудование для целого города уместится в одной ракете!

— Совершенно правильно, молодой человек, — сказал профессор Шеин. — И мой отпуск, который я решил провести здесь, в пустынном уголке на берегу Черного моря, является одной из завершающих стадий эксперимента. И недалек тот день, когда мы будем класть в такси восьмиэтажный дом и везти его... Постойте, но где мои роботы? Вы их не видели?

— Нет.

— Тогда я должен рассказать вам удивительную историю.

Профессор Шеин пригладил торчащие вперед рыжие усы, почему-то понизил голос и продолжал:

— Я собрался было ужинать и сказал об этом одному из двух роботов, которых я взял с собой. А робот ответил, что нужны тарелки. Да-да, он сказал про тарелки. Тогда я подошел к установке...

— К чемодану? — спросила Алиса.

— Да-да, к чемодану-установке, и нагнулся. И меня кто-то толкнул сзади. И так сильно, что я упал в чемодан. И кто-то пригнул мне голову, так что я не мог выпрямиться. Да-да. А потом уже было поздно. Я уменьшился в девятнадцать ноль семьдесят пять раз. И металлическая рука, да-да, металлическая рука быстро положила меня в карман чемодана и застегнула его. Я точно помню, что это была именно металлическая рука со следами ржавчины на ней.

— Робот? — спросила Алиса, замирая от ужаса.

Такие истории она читала только в фантастических рассказах.

— Робот не может напасть на человека, — сказал Герман.

— Это был робот, — сказал Шеин.

— А не могло так случиться, что в ваших роботах что-то вышло из строя, пока они были уменьшены?

— Исключено, — сказал профессор. — Ведь раньше с ними ничего подобного не случалось. И со мной тоже не случалось. Ведь я на вас не кидаюсь.

— Нет, — согласился Герман.

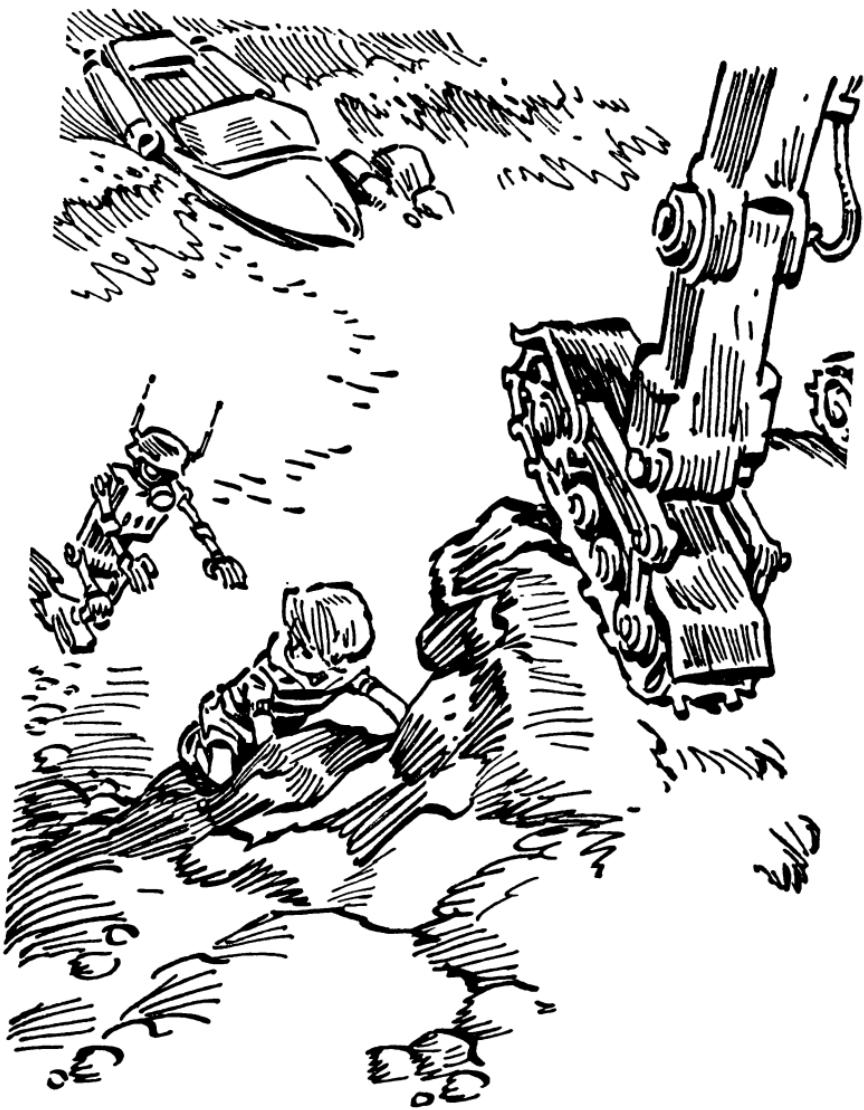
— Это был чужой робот, — сказал профессор уверенно. — Мои роботы цельнопластиковые, а это был металлический, с пятнами ржавчины на руке.

Алиса невольно оглянулась. Было по-прежнему тихо, так тихо, что слышно было, как в лагере киношников стучат посудой, готовя ужин, и несильные волны разбиваются о скалы, и чайки кричат над далеким островком, запирающим бухту.

ПИРАТЫ НА ЗАКАТЕ

Герман очерь трезвый человек. Может, виной тому его искусственное сердце. Он верит тому, что видит или может проверить в справочном телецентре. В остальном он сомневается. Герман поверил в чемодан-уставновку, но в чужого робота не поверил. Что делать чужому роботу в лагере профессора Шеина? И как может робот — чужой ли, свой ли — запихивать живого человека в чемодан? Но при этом Герман человек воспитанный, и за свою жизнь он перевидел множество разных людей, даже странных, поэтому он спорить с профессором не стал, а внимательно оглядел чемодан — Алиса догадалась, что он подозревает, не завалились ли роботы в складки подкладки, — а потом попросил Васю взять с собой ассистентов и поискать в окрестностях, не ушли ли роботы и не заблудились ли в скалах.

Тем временем профессор с помощью Германа и Алисы собрал все свое добро, сложил в удивительный чемодан, который, оказывается, имел даже научное название «ТСБ-12», что означало «Транспортное Средство Будущего, двенадцатая модель», и переехал жить в лагерь киношников.

Вася вернулся через полчаса, никого не найдя, но предпринимать еще какие бы то ни было меры было некогда. Солнце скатилось к горам, и пора было снимать закат.

Профессор предложил киношникам свои услуги, но оказалось, в его услугах не было надобности. Тогда он увеличил складной стульчик и уселся читать. Дед-робот взял палку и отправился к холму, по склону которого он должен был брести тяжелой походкой, так требовал кадр. Алиса спросила разрешения у Германа пойти к морю и поискать камешки и ракушки. Герман разрешил после того, как Алиса обещала ему к самой воде не подходить. Алиса взяла свою сумку и отправилась в путешествие.

Море к вечеру стало совсем ровным и маcлянистым. Только у самой кромки берега волны лениво шевелились, как край скатерти. Берег был покрыт крупным песком и мелкими ракушками, такими тонкими и хрупкими, что собирать их не было никакого смысла. Зато в воде и на полосе мокрого песка, зализанной волнами, блестели очень красивые камни. Некоторые были прозрачные и обкатанные водой, как бусины, а другие, разноцветные, хранили еще неправильность обломков настоящей скалы, только углы у них были сглажены. Еще на песке встречались, правда нечасто — таких больше на Кавказе, — плоские каменные лепешки, серые и бурье. Их очень удобно кидать по воде, так, чтобы они подпрыгивали по многу раз.

Когда Алиса набрала две горсти камней, ей это занятие надоело, и она выбрала несколько лепешек и принялась кидать их так, чтобы они прыгали до самого горизонта. Но лепешки были не самыми лучшими и после двух-трех прыжков тонули, поднимая столбик густой, глянцевой воды. Наконец Алисе удалось отыскать лепешку чуть толще бумаги и совсем круглую. Она должна была обязательно упрыгать до горизонта. Алиса прицелилась, кинула камень, и он послушно запрыгал по ровной воде. Раз-два-три-четыре-пять... На девятый раз он все-таки ушел под воду, и тотчас же в том месте из воды выпрыгнул дельфин. Он сейчас же нырнул обратно, но Алиса испугалась, что она его ушибла, и решила больше камней не бросать.

Она пошла дальше вдоль берега, чтобы найти самый красивый камень. Она шла довольно долго. Берег

несколько раз изгибался бухтами, но камень все никак не попадался. Алиса даже немного устала, отошла от воды и уселась под скалу на похожий на подушку большой камень, чтобы отдохнуть. Пора было возвращаться в лагерь, а то Герман будет волноваться.

Послышался шум воды, разрезаемой носом лодки. Наверно, еще отдыхающие приехали, подумала Алиса. Лодка, небольшая, открытая, показалась из-за скалы и повернула к берегу.

В лодке сидели два робота. Алиса хотела было встать и поздороваться, но роботы вели себя так, будто совсем не хотели, чтобы их кто-нибудь заметил. Они выключили мотор — Алиса услышала, как щелкнула кнопка, — и, пригнувшись, ждали, пока лодка ударится о берег носом. Потом один из них прыгнул вперед, на песок, и подошвы его глухо звякнули. Другой перевалил через борт и прошел до берега вброд.

— Ты иди, а я просохну на солнце, — сказал он, выбравшись на сухое.

— Нет, — ответил первый, — иди ты. Я уже ходил.

— Я должен сохнуть. У меня вода в суставах. Иди, а то доложу.

Это был очень странный разговор, и роботы, несмотря на то, что голоса их никаких чувств не выражали, показались ей злыми.

Наконец один из роботов начал медленно карабкаться на гору, а второй стал на солнце, стараясь обсохнуть под его почти горизонтальными закатными лучами.

Алиса еще некоторое время посидела на камне и тут почувствовала, что у нее затекли ноги, зачесался нос и глаз. Она с полминуты крепилась, а потом тихо-тихо, чтобы не заметил сохнущий робот — а стоял он всего в двадцати шагах от нее, — подняла руку и почесала нос. Ничего не случилось. Тогда Алиса почесала глаз и опустила затекшую ногу вниз... Все в порядке. Алиса вздохнула и решила, что пора отступать. «Интересно, если я побегу, — подумала она, — он меня догонит или нет? Он ведь металлический, и у него суставы мокрые».

Алиса скатилась с камня, надела сумку на плечо и сделала маленький шаг в сторону. Еще один шаг, еще шаг... Потом она повернулась спиной к роботу и бросилась бежать.

Сзади что-то звякнуло, и голос робота сказал:

— Человек, стой!

Алиса уже карабкалась по склону вверх. Сумка больно била по ногам, камешки, осыпавшиеся вниз, тянули за собой ноги, и поэтому Алисе казалось, что она взбирается очень медленно. Тяжелые шаги робота бухали сзади, но Алиса боялась обернуться, чтобы не испугаться еще больше. И в этот момент с разбегу уткнулась головой во что-то твердое.

Железная рука со следами ржавчины опустилась ей на плечо, и когда Алиса подняла голову, взгляд ее долго скользил по металлическим ногам, туловищу робота и только высоко, почти в самом небе, она увидала склоненную к ней грубо сделанную голову с одним большим, как у стрекозы, глазом посередине.

Шаги сзади умолкли. Второй робот остановился за ее спиной.

— Что это есть такое? — спросил робот, поймавший Алису.

— Я не знаю. Этот человек следил за нами.

— Почему ты дал ему убежать?

— Я его не заметил.

— Он все слышал?

— Он все слышал.

— Мы возьмем его с собой?

— Да.

Алисе не понравилось, что роботы разговаривают о ней так, будто она не живой человек, а вещь.

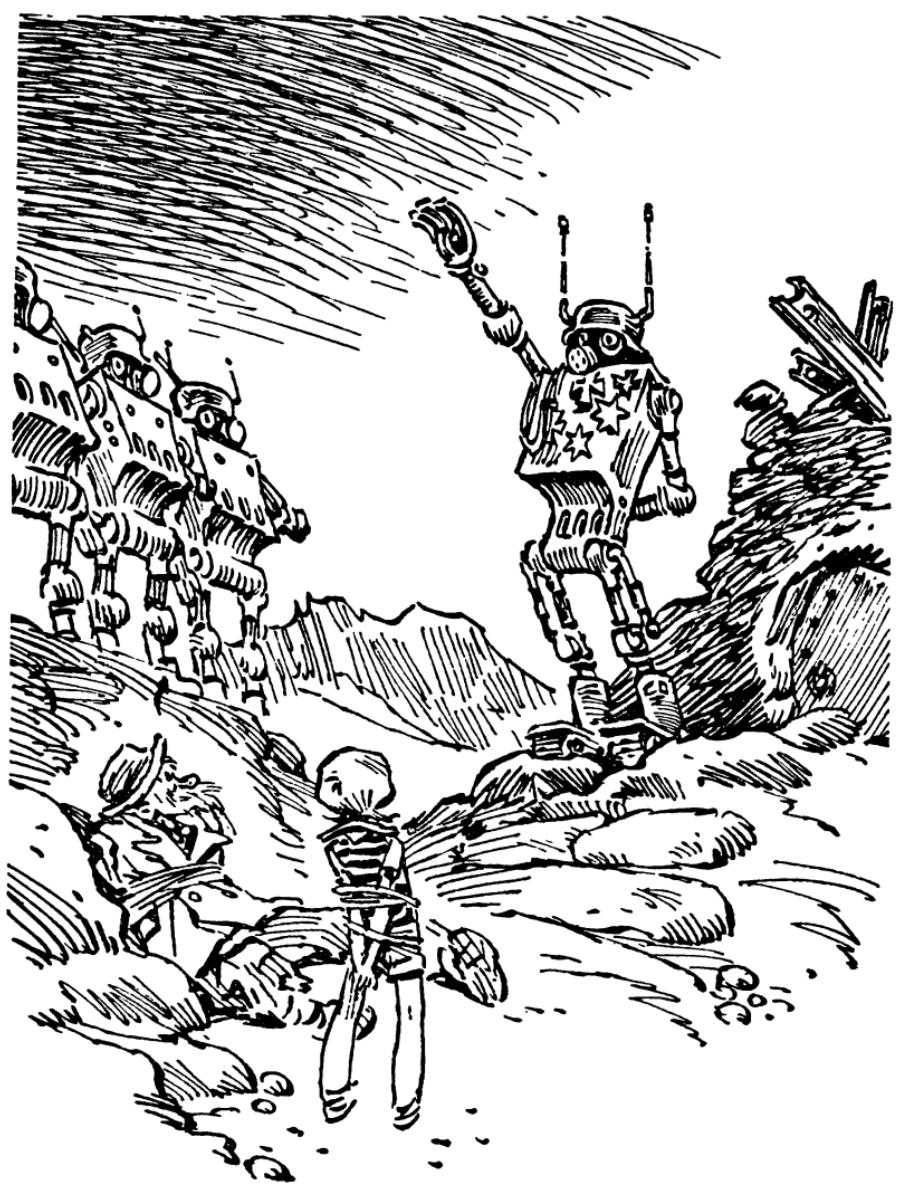
— Никуда вы меня не возьмете, — сказала она. — А то я сейчас крикну, и все наши прибегут.

Она даже открыла рот, чтобы крикнуть, но металлическая трехпалая рука в мгновение ока оказалась у ее рта и так сильно нажала на лицо, что Алисе показалось, что у нее расплющен нос.

— М-мм! — Она завертела головой.

Но тут же робот, не отпуская руки, взвалил ее на спину — земля перевернулась и оказалась далеко внизу — и быстро затопал вниз, к лодке.

Металл неприятно пахнул смазочным маслом и морской водой. Может быть, это тот самый робот, который засунул профессора в чемодан-установку? Наверно. Ведь Алисе никогда еще не приходилось слышать — наверно, такого и вовсе не бывало, — чтобы роботы не слуша-

лись людей. Они ведь были только машинами и специально сделаны для того, чтобы помогать людям.

Одна рука у Алисы была свободна, и она решила бросить что-нибудь на землю, чтобы Герман догадался, что ее украли. А то подумает, что утонула, — вот будет переживать! Но кинуть было нечего. Если только сумку, но в сумке миелофон.

Так Алиса ничего и не придумала. Робот приостановился, сделал широкий шаг, и небо над головой зашаталось. Робот опустил Алису на дно лодки и быстро, она даже не успела опомниться, заткнул ей рот какой-то тряпкой. Тряпка была вонючей, старой, она прижала язык, было трудно дышать. Робот завязал Алисе за спиной руки проволокой, потом посадил ее, чтобы она не занимала в лодке много места.

— Стереги ее, — сказал второй робот, который шел все время сзади, а теперь остался на берегу. — Я второго принесу.

Алиса пошевелила пальцами. Проволока была завязана крепко и впивалась в тело. Нет, так ее не развязешь.

— Подслушивать чужие разговоры плохо, — сказал робот, уставившись на нее круглым глазом. — Не подслушивала бы, ушла бы домой. Теперь ты есть наш пленник.

Алиса хотела ему возразить, но это очень трудно сделать с кляпом во рту. Она только покачала отрицательно головой, и это не понравилось роботу.

— Человек, — сказал он, — надо признавать факты. Ты потерпел поражение, а я победил. Значит, будешь слушаться.

Алиса снова помотала головой. Она, будь у нее возможность, сказала бы сейчас роботу все, что о нем думала. Никто на свете не имеет права плохо обращаться с детьми. Уж не говоря о роботах. Но даже если бы Алиса и не была ребенком, все равно человек всегда сильнее любой машины. Тут уж ничего не поделаешь. И Алиса снова отрицательно помотала головой, чтобы показать, что никакому взбесившемуся роботу с человеком не справиться.

Робот еще больше рассердился.

— Будешь сопротивляться, — сказал он, — я тебя положу в воду, и ты погрузишься в нее с головой и перестанешь получать кислород для дыхания.

Алиса на всякий случай перестала мотать головой. Если работу могла прийти в его железную голосу мысль напасть на человека, то он может и утопить. И Алиса пожалела, что в свое время мама не захотела сделать ей операцию по вживлению жабр. Некоторым детям такую операцию делают, особенно тем, кто живет у моря или на искусственных островах. С синтежабрами можно быть под водой сколько угодно. «Приеду домой, — решила Алиса, — обязательно уговорю маму согласиться на операцию. Она ведь безболезненная и ничем не грозит. Наверно, уже миллионов пять людей живут с жабрами. И хоть бы что».

Показался второй робот. Он шел медленно и важно, и последние лучи солнца играли на его теле. Он нес в руке палку и тыкал ею в спину старику — типовому деду, которого гнал перед собой. Руки деда были связаны за спиной, борода повисла на грудь, но рот был свободен. Старик что-то сердито бормотал.

«Робот робота ведет», — хотела сказать Алиса, но удержалась. Ведь старик был самым обычным и хорошо сделанным роботом, хоть и с причудами, потому что был кинозвездой. Он, правда, грозил Алисе палкой на бульваре, но, как потом объяснил Герман, никогда бы ее не ударили. Просто у него была такая роль в кино — сердитый старик.

— Ох, грехи наши тяжкие! — бормотал старик, забираясь в лодку. — За что же это такая напасть — поймали меня железные люди-антихристы!

Тут он увидел Алису и совсем расстроился.

— Дитё-то за что? Это как же получается? Дитё-то малое ...

— Молчать! — сказал робот. — Неповинующихся мы отправляем за борт.

— Ой-ой-ой! — сказал старик и умолк.

Робот включил двигатель, и лодка бесшумно прошла к выходу из бухты. Роботы вели ее поближе к скалам — видно, боялись попасться на глаза киношникам. Только отойдя вдоль берега на большое расстояние, лодка повернула в открытое море. Роботы приказали пленникам лечь на дно, а сами достали из-под скамейки широкие мексиканские шляпы, надели их и издали стали похожи на отдыхающих.

Тихонько шипел двигатель, стучали волночки о пласти-

ковый борт лодки, и Алисе показалось, что с берега кто-то кричит:

— Алисааа! Где ты?

Но, может быть, ей это только показалось.

ЦАРЬ ПИРАТСКОГО ОСТРОВА

Остров, к которому причалила лодка с пленниками, был невелик, каменист, и, хоть лежал неподалеку от берега, к нему редко приставали лодки. Нечего тут было смотреть. Когда-то, лет двести-триста назад, на острове жили контрабандисты и соорудили здесь каменный дом, вернее хижину. Крыша ее давно обвалилась, но в ней можно было укрыться от ветра. Недавно здесь работали археологи. Археологи ничего не нашли, но оставили после себя несколько ям и траншей, прорезавших центр острова.

На картах остров не значился — слишком он мал и незначителен, а для судоходства он никакой опасности не представлял — в этот пустынnyй уголок Крымского побережья редко заглядывали суда.

Всего этого Алиса, конечно, не знала. Для нее остров был большой скалой, вылезающей из воды, скалой пустынной, без единого деревца. Солнце уже зашло, и остров был сиреневым и мрачным.

Когда лодка подошла к самому берегу, из развалин хижины вышел робот, такой же большой и ржавый, как те, что взяли в плен Алису, и спустился к воде.

— Добыча есть? — спросил он.

— Один большой человек и один маленький, — сказал робот.

— Для начала неплохо, — сказал новый робот. — Я доложу шефу.

Он повернулся, скрипнув суставами, и скрылся в развалинах, бывшем приюте контрабандистов.

Робот вывел Алису и старика на берег, отключил пульт управления. Другой развязал пленникам руки и вынул кляп изо рта Алисы.

— Хулиганы какие-то! — сказала Алиса, отышавшись. — Со мной-то вы справились, а каково вам будет, когда люди возьмутся за вас всерьез?

Роботы как будто не слышали ее. Они стали по стойке «смирно», ожидая, когда снова вышедший из развалин робот подойдет к ним.

— Шеф благодарит за службу, — сказал он.

Роботы в ногу потоптались на месте и замерли.

— Шеф не может сейчас смотреть добычу. Он есть занят.

Роботы снова потоптались и снова замерли.

— Можете отдыхать, — сказал местный робот. — Но только знать меру. Ясно?

— Так точно! — сказали роботы хором, мигнули круглыми глазами и ушли, сразу забыв о пленниках.

Старик уселся на редкую желтую траву и сказал:

— Воистину хулиганы.

— Дедушка, — сказала ему Алиса, которая совсем забыла о том, что он сам робот, — дедушка, вы когда-нибудь видели металлических роботов?

— Чего-то, туды их в качель?

— Да, вы же не знаете.

Алисе приходилось видеть многих роботов, но никогда — металлических. Делать робота из металла непроизводительно. Он получится тяжелым, дорогим и непрочным.

— Дедушка, надо дать знак на берег, — сказала Алиса. — Пусть приедут и нас выручат.

— Это дело, внучка, — сказал дед. — Наши завсегда не спят. Помню как сейчас, поднимаемся мы на сопку в Маньчжурии, впереди генерал Гурко на белом коне...

И старик пустился в бесполезные воспоминания о событиях, о которых он по причине того, что был изготовлен всего неделю назад, помнить ничего не мог.

— Дедушка, у вас огня нет?

— Чего?

— Огня. Зажигалки, фонарика....

— Кремень где-то был и огниво...

Старик покопался в карманах серого пиджака, но ничего в них не нашел.

— Видно, обронил.

На каменистой тропинке показались два пластиковых робота. Они несли по большому камню. Сзади двигался еще один металлический большой робот. Он надзирал за ними.

Роботы положили камни на землю к гряде уже лежащих там глыб.

— Чего-то задумали, братцы? — спросил старик.

— Возводим укрепления, — сказал робот-надзиратель. — А ну, поторопливайтесь, чизшая раса!

Пластиковые роботы поспешили обратно.

— Это, наверно, те, что раньше были у профессора и пропали, — сказала Алиса.

— От кого это они фортификацию возводить задумали? — спросил старик. — Неужто опять турка грозит?

— Нет, они, наверно, людей с берега боятся. Пойдемте, найдем палку, наденем на нее вашу шляпу и будем махать.

— Чего ж не помахать, — согласился старик.

Но, как назло, на берегу не было ни одной палки.

— Пойдемте вдоль берега, — сказала Алиса. — Поищем.

— А это, оно можно бы... — сказал старик.

— Что? — спросила Алиса.

— Забыл, туды-сюды, ранний склероз у меня, инсультя побаиваюсь, — грустно сказал старик. — Беречься надо, да все недосуг. Ага, вспомнил: можно ведь это... оно... то самое, чтобы дымовой сигнал подать, костер разложить.

— Да у вас же огня нет.

— Чего нету, того нету, — согласился дед.

Алиса с дедом медленно шли по берегу, разыскивая палку. Вблизи было видно, что роботы немало потрудились на острове. К самой воде выходили неглубокие траншеи, снабженные брустверами, а в одном месте из-за бруствера повыше торчало бревно, грубо раскрашенное под старинную пушку. Бревно привело деда в состояние бурного восторга.

— Гляди-ка, — забормотал он, — гляди-ка, фузея, мортира дальнего боя! Из такой как шаражнем — ни одного басурмана на версту вокруг. Орудия, к б-о-о-ю-у! Картечью справа!! Картечью слева!!!

— Она ж деревянная, дедушка, — засмеялась Алиса. — Это чтобы обманывать. Из нее же стрелять нельзя.

— Это верно, — согласился дед-киноробот. — Обмануть хотели. Кого?

— Вас, наверно. А может, других людей.

— Меня-то обмануть? Меня-то? Да я их насквозь вижу! От меня они никуда не скроются, туды-сюды!

— Подождите,тише, — сказала Алиса. — Стойте.

За пушкой два пластиковых робота с трудом выворачивали из земли каменную глыбу. Робот-надзиратель подталкивал глыбу ногой. Роботам было нелегко, у них даже суставы похрустывали.

— А-а, предатели, перебежчики! — прошипел старик. — Я им сейчас покажу!

— Минутку.

Алиса присела на корточки и вынула из сумку миелофон. Она вытянула антенну в сторону роботов. «Может, они не предатели, — думала она. — Может быть, они такие же пленники, как и мы».

Слушать мысли было очень трудно, потому что в свободное ухо влезали слова, которые окружающие Алису роботы говорили вслух.

— Я им покажу! — шипел старик-киноробот.

— Давай навались еще разок, — скрипел робот-надзиратель.

— Тяни на себя, — пыхтел первый пластиковый робот.

— Осторожней, сломаешь мне ногу, — сердился другой пластиковый робот.

И сквозь эти слова пробивались мысли. Алиса узнавала их по голосам. Ведь голоса мыслей были такими же, как и настоящие голоса.

«Я им покажу! Я им задам!» — думал старик-киноробот, который всегда думал то же, что и говорил, потому что был очень простодушен.

«Мы победим, — думал робот-надзиратель. — Где бы маслица достать? Суставы скрипят... Эти недороботы даже камень сдвинуть не могут. Надо бы помочь, да жалко энергию тратить...»

«Почему мы здесь? — думал первый из пластиковых роботов. — Где профессор? Пора готовить ужин».

«Мы не обязаны подчиняться роботам, — думал второй. — Мне никто не давал указаний подчиняться роботам. Надо об этом сказать».

Пластиковый робот отпустил камень и спросил вслух:

— Разве мы вам обязаны подчиняться?

— Молчи! — ответил робот-надсмотрщик. — Одного моего удара достаточно, чтобы сломать твой череп. Хочешь, попробую?

— Нет, спасибо, — ответил робот. — Я допускаю, что вы правы. Меня никто не бил по голове.

— Тогда берите наконец камень и тащите на бастион.

Роботы подчинились и поволокли тяжелую глыбу к морю.

«Все-таки тут что-то неладно, — продолжал думать

пластиковый робот. — Несомненно, тут какая-то ошибка...»

Алиса спрятала миелофон обратно в сумку. Все ясно. Пластиковые роботы — такие же пленники, как и она. Это хорошо, потому что на них можно надеяться. Только какие они помощники? Ведь и в самом деле они совсем не приспособлены, чтобы их били по голове.

— Красота-то какая! — вздохнул вдруг старик.

Алиса даже удивилась, что старик думает в такой момент о красоте, хотя он был прав.

С берега за серебряной полосой воды поднималась зубчатая стена Крымских гор. Небо над ними было зеленым и лиловым — солнце скатилось за горы, но не ушло еще далеко и доставало лучами до редких длинных облаков.

Первые огни загорелись золотыми точками под горными зубцами и у края воды, но никак нельзя было разобрать, какой из огоньков — лагерь киношников. Зато Алиса увидела, как в море неподалеку от острова ходят кругами дельфины.

— Эй, дельфины, — крикнула Алиса, — скажите нам, что нас украли!

— Перестать кричать, а то в воду! — раздался голос сзади.

Алиса увидела, что сзади стоит ржавый робот.

— Сейчас я им покажу! — сказал он.

Робот ушел, но через минуту вернулся со странным сооружением в руках. Сооружение напоминало станичный лук. Робот положил на проволочную тетиву самодельную толстую стрелу и выстрелил. Лук был сделан кое-как, и потому стрела полетела вбок, совсем в сторону от дельфинов.

Тогда робот произвел поправку на неточность своего оружия и выстрелил не в дельфинов, а в сторону, только в другую. На этот раз стрела тяжело шлепнулась в воду, не долетев до дельфинов метров десять. Но дельфины, видно, поняли, что на острове — их враги, и сразу исчезли в море, будто их и не было.

Робот гордо похлопал по луку железной ладонью и сказал:

— Даже с этим примитивным оружием мы разобьем любого врага. Главное не оружие, а вождь.

— А кто ваш вождь? — спросила Алиса.

— Ты, жалкая рабыня, — сказал робот, — даже не имеешь права упоминать его имя.

— Я ничья не рабыня. Рабов больше нет, — сказала Алиса. Она уже проходила древнюю историю и знала про рабов.

— Будут, — сказал робот, положил на тетиву еще одну стрелу и пустил ее в море, по направлению к полу-затонувшему судну, напоровшемуся на камни у берега.

— Как вы сюда попали? — спросила Алиса. — Откуда вы такие странные?

— Мы приплыли на нем, — сказал робот, — на корабле, который я сейчас поразил моей точной стрелой, чтобы показать тебе неотразимость моего гнева.

— Ты красиво разговариваешь, — сказала Алиса.

— Я командир отделения, капрал. Другие так не умеют, они знают по сто слов. А я — целых триста.

Из развалин послышался звон, будто кто-то бил по железному листу палкой.

— Вечерняя поверка. — Робот вскинул лук на плечо, повернулся со страшным скрежетом и зашагал вверх.

— Может, нырнуть и доплыть до берега? — подумала вслух Алиса.

— И не думай, — сказал стариk. — Я тя не пущу. Опасно для твоей молодой жизни. Не могу, туды-сюды, допустить твоей кончины в пучине морской.

Алиса подумала, что он и впрямь ее не пустит. Роботы обязаны помогать людям в момент опасности и скорее погибнут, чем подвергнут опасности человека. И даже если ты киноробот, все равно блок защиты людей в тебе существует.

— Пойдем тогда посмотрим на поверку. Ведь мы даже не знаем, сколько их там.

Солнце совсем спряталось, вода стала сизой, а на небе высветились крупные южные звезды. Высоко, среди звезд, прошел золотой полосой рейсовый корабль. «Нас, наверно, ищут, — подумала Алиса. — Но как им догадатьсяся, что мы на острове?»

На площадке выстроились в ряд девять железных роботов. У трех были в руках луки, у остальных — толстые железные палки. Роботы чернели на фоне синего неба и были настолько неподвижны, что казались статуями, установленными здесь много лет назад.

— Равняйся! — сказал крайний робот. — Смирно!

Команда была лишней, потому что роботы и так были подравнены и стояли совершенно смироно. Робот, который командовал, начал стучать себя по животу железными руками, и барабанная дробь поскакала блинчиками по тихому вечернему морю.

Алиса взяла за руку старика. Два робота, украденные у профессора, которые подошли незаметно и стояли рядом, о чем-то беззвучно шептались.

Распахнулась сооруженная из листа стали дверь в хижину контрабандистов, и на площадку вышел, еле переставляя ноги, еще один железный робот. Он был выше других ростом, на голове у него была надета высокая помятая фуражка, а грудь разукрашена грубо нарисованными крестами. Алиса поняла, что это и есть «шеф» — самый главный из роботов.

Шеф несколько раз медленно раскрыл рот, но долго не мог извлечь из себя никакого звука. Наконец он повертел головой, что-то щелкнуло, и из глубин его вырвался неожиданно тоненький и скрипучий голос.

— Здорово, молодцы! — сказал он.

— Здорово, шеф! — ответили хором роботы.

— Докладывай, — сказал шеф.

Крайний робот вышел вперед и сказал:

— Роботы второго сорта строили стену. Второй и третий номера совершили экспедицию на Большую землю. Захвачено два пленных. Оружия не нашли.

— Плохо, — сказал шеф, — мало. Недостаточно. Неучи. Бомбоубежище?

— Кончим завтра. В два наката.

— Благодарю за службу. Привести пленных ко мне. Установить стражу на ночь. Да здравствую я, ваш вождь!

— Ура! — сказали роботы.

— Ржавейте, но порох держите сухим.

Шеф повернулся, поднял ногу, но нога не опустилась. Шеф покачивался в неустойчивом равновесии и мог каждую минуту рухнуть на камни. Стена роботов стояла неподвижно.

— На помощь! — сказал шеф. — Опустите мою ногу. Скорее!

— Кому идти на помощь? — спросил крайний робот.

— Тебе.

Робот повиновался. Он всем своим весом нажал на поднятое к небу колено шефа, и нога со скрежетом

опустилась на камни. Прихрамывая, шеф ушел к развалинам.

— Где пленные? — спросил робот, помогавший шефу.

— Да вот они. Слышали, что приказано?

Старик с Алисой поднялись к развалинам и вошли внутрь.

Внутри было почти совсем темно, и только сверху, сквозь щели в полуобвалившемся потолке проникал неизвестный, сумеречный свет.

Комната была завалена щебнем, трухой и старыми консервными банками. В углу стоял ящик, рядом с ним — грубо обтесанная глыба известняка. Робот-шеф сидел на глыбе рядом с ящиком и держал в руке большие ножницы. На ящике валялись куски консервных банок и коробок от концентратов. Видно, археологи и туристы, забредавшие на остров, почитали за лучшее не засорять отбросами море, а складывать их в развалинах. Шеф вырезал из крышки консервной банки сложную многоголучевую звезду.

— Пришли? — спросил он, не выпуская из рук ножниц. — Стойте и ближе не подходите. Не выношу людей. И молчите. Я занят. Я делаю награду. Красиво? Почему не отвечаете? Правильно делаете, я сам не велел вам отвечать.

Наконец робот закончил свою работу, примерил жестянку на грудь и остался доволен.

— Красиво, — сказал он. — Начнем допрос. Ты, с бородой, первый. Как твое имя?

— Это к делу не касается, — сказал старик. — Чтоб я железному чудищу сообщения давал? Этому не бывать.

— Какого полка? — продолжал как ни в чем не бывало робот. — Сколько техники? Пушки? Танки? Ну, отвечай теперь.

— Сказал — не буду, туды-сюды. Когда генерал Гурко нас в бой посыпал, он говорил: «Не видать вам, солдатушки, вдов своих и сирот, если не возьмем мы штурмом Сапун-гору». Так-то.

— Запиши, — сказал робот-шеф своему помощнику. — Командир у него генерал Гурко.

— Нечем писать, шеф, — сказал робот.

— Ну, не пиши. И меня не обманывай. Ты же писать не умеешь. Мы никто писать не умеем. И это хорошо. Когда мы победим, никто не будет писать. А что мы

будем делать? Ты скажи. А ты? А ты? Не знаете. Маршировать. Все. И работать. И чтобы порядок.

— Вот уж этого не будет, — сказала Алиса. — Вы, наверно, ничего не понимаете или сошли с ума. Вас пора отключить и выкинуть на свалку. Вы даже заржавели. Даже удивительно, что вы до сих пор не переплавлены.

— Молчать! — сказал робот. Что-то в нем закряхтевло, забулькало, затрепетало, и он повторил: — Молчать... — Робот помотал головой, продул акустическую систему и продолжал: — Молчать! После допроса в карцер пойдешь. Понятно? Теперь говори, как зовут? Какого полка? Сколько пушек? Где расположено тактическое атомное оружие?

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса. — Какое тактическое оружие? Какие пушки?

— Запирается, — сказал шеф. — Мы тебе всыплем. Мы тебя сгноим.

— Ты говори, да не заговаривайся! — рассердился стариик. — Как это — сгноим? Ты с кем так разговариваешь? Да я тебя сейчас...

— Держи его! — крикнул шеф своему помощнику. — Он нападает!

Робот обхватил старика сзади своими ручищами. У старика упала на землю шляпа и жидкие синтетические волосы рассыпались во все стороны.

— Хорошо, — сказал шеф роботу. — Получишь орден. Победить меня он бы не смог, я — фаталист. Понятно? Ничего не боюсь и не опасаюсь. Мне не страшен даже пулеметный огонь. И прямое попадание фугаса.

Шеф-робот поднялся во весь рост, скрипнув суставами.

— Проклятая ржавчина! — сказал он. — Нет смазки. Завтра в походе захватите смазочного масла. Нет, я сам вас поведу и сам захвачу смазочное масло. Пленных с утра заставить работать на строительстве укреплений. А днем расстрелять. Все. Я сказал. Приказал.

— Слушаюсь! — ответил робот.

— Возьми награду и приколи на грудь. Ты теперь награжден!

— Рад служить! — ответил робот и, прижимая к груди жестянку, чтобы не упала, вывел пленных наружу.

Оглянувшись, Алиса увидела, что шеф снова уселся перед ящиком и опять принялся вырезать.

— Стойте, — остановил их голос. — Совсем забыл. Ржавчина проклятая. Люди, хотите мне служить? Верно служить? Я награжу.

— Не хотим, — ответила за обоих Алиса. — Мы никому не служим и никого не боимся.

— Посмотрим, как завтра запоешь, — сказал шеф, — когда в твое мягкое человеческое сердце вонзится железная стрела. Идите.

Но не успели пленники с конвоиром пройти несколько шагов, как скрипучий голос шефа-робота призвал их обратно. Пришлось возвращаться.

— Опять забыл, — сказал шеф. — До Москвы нам еще далеко?

— Далеко, — ответила Алиса, — никогда не дойти своим ходом. Отвезут вас туда на грузовом метро и сделают из вас подсвечники. Самые модные.

— Расстрелять немедленно! — сказал шеф.

— Никак нельзя, — сказал робот. — Темно. Можем промахнуться.

— Поднимите по тревоге всех, пусть включат фары в головах.

— Нельзя. Вы приказали экономить энергию, шеф.

— Тогда в карцер. В карцер!

— Да ты, я скажу, помолчал бы. Очень ты меня раздражаешь, туды тя в качель! — сказал стариk. — Я сейчас сам тебя расстреляю из своей палки.

Стариk поднял палку и прицелился из нее, как из старого ружья, в шефа-робота. То ли у старика от обиды померк его роботный разум, то ли он в самом деле не знал разницы между ружьем и палкой, то ли хотел просто припугнуть робота, но результат оказался для киностаричка самым плачевным. Шеф-фаталист испугался и с грохотом рухнул на пол, а второй робот со всего размаху опустил на затылок старика свой железный кулак.

Голова стариичка с треском разломилась, и из нее посыпались мелкие детали электронного мозга. Старичик зашатался, сделал несколько неуверенных шагов, но центр координации его уже был разрушен, и он упал на пол рядом с шефом-роботом.

Алиса замерла от страха и горя. Стариk хоть и был не человеком, оставался на этом диком острове ее единственным защитником, и она уже привыкла относиться

к нему, как к живому дедушке. И вот его убили. Причем роботы-то ведь думали, что он человек. А это значит, что случилось что-то совсем страшное. Роботы могут убивать людей...

Роботов Алиса знала отлично — они были частью мира, в котором она жила. Когда Алиса была совсем маленькой, у нее был робот-сиделка, он знал всякие сказки и умел менять и стирать пеленки. Во многих домах у людей были и роботы-домработники. Но больше всего роботов было занято в тех местах, где людям работать неинтересно. Промышленные роботы мало похожи на людей — это, скорее, разумные машины, которые прокладывают дороги, добывают руду, убирают улицы. Машина-такси — это тоже робот, потому что она умеет не нарушать правил уличного движения. За день до того, как Алиса улетела в Крым, она видела по телевизору робот — космический корабль. Он будет возить грузы на лунные станции, причем не только возить, но и грузить их в себя, садиться в той точке лунного космодрома, которую ему укажет диспетчер, и не отдавать лунным колонистам больше контейнеров, чем им положено.

Роботы появились давно, лет двести назад, но только за последние сто лет — это Алиса проходила еще в первом классе — они заняли такое большое место в жизни людей. Роботов не меньше, чем людей на Земле, но никогда не было случая, чтобы роботы восставали против людей. Это невозможно. Это все равно, как если бы кастрюля, самая обыкновенная кастрюля, отказалась варить суп и начала бы кидать своей крышкой в бабушку. Ведь роботов делают люди, а люди обязательно вкладывают в роботов специальный блок защиты человека. И какой бы ни был у робота большой электронный мозг, этот мозг не может придумать непослушание.

Значит, роботы на острове или все сразу сломались так, как не ломались никогда другие роботы, или — впрочем, это Алисе не пришло в голову — они были построены людьми, которые почему-то решили, что роботы могут обойтись и без блока защиты людей.

Стало тихо. Шеф-робот поднял голову и увидел, что рядом лежит разбитый старик. Шеф-робот прибавил света в своей головной фаре и при свете ее разглядел, что старик сделан не из плоти и крови, а из электронных деталей.

— Предательство! — закричал он. — Нас предали!
Созывай всех. Совещание.

— А куда второго человека? Может, тоже . . .

— Пока в карцер. Некогда разбираться. Завтра придется допросить со всей строгостью. Ну . . .

И робот неожиданно перешел на совсем незнакомый Алисе язык.

Второй робот, видно, понимал его, потому что он наклонил голову и, подтолкнув Алису к выходу, пошел вперед, уткнув ей в спину граненый палец.

Карцер оказался ямой с крутыми стенами. Робот просто столкнул Алису вниз, и она больно ушиблась о какой-то камень, но плакать не стала. То, что случилось с ней и со стариком-кинороботом, было настолько серьезным, что плакать было просто некогда.

В ЗАМКЕ НА МЫСЕ САН-БОНИФАЦИО

Алиса никогда не слышала о мысе Сан-Бонифацио. Да и вряд ли кто-нибудь из читателей этой повести знает о мысе Сан-Бонифацио. Мыс Сан-Бонифацио акульим плавником поднимается над Средиземным морем, и окружающие его поля желты и неприветливы. Когда-то, лет шестьсот назад, в этом месте пиратская армада Хасан-бэя, состоявшая из двадцати трех быстроходных галер, подстерегла и вдребезги разбила генуэзскую эскадру. Хасан-бей сам завязал петлю на шее генуэзского адмирала, перед тем как того вздернули на ре. По крайней мере, так пишет в своей трехтомной «Истории беззаконий в Средиземном море и Северной Атлантике» известный аргентинский пиратовед дон Луис Эль Диего.

С тех пор мыс Сан-Бонифацио в истории не значился.

Ведь нельзя же считать историческим событием постройку у подножия мыса замка чудаковатым английским баронетом. Баронет грезил собственным привидением. Но привидением можно было обзавестись только построив соответствующий замок, хоть маленький. Конечно, лучше замок настоящий, но английский климат был вреден баронету, и он построил замок на Средиземном море, почти как настоящий, с подъемными воротами и неглубоким рвом, в котором водились лебеди. Баронет поселился в нем и стал ждать, пока в

замке заведется привидение. Может быть, приведение и завелось бы, но еще раньше баронет простудился и умер. Замок остался без хозяина. Кому придет в голову селиться в этом пустынном уголке побережья?

Замок пустовал почти полсотни лет. Обветшал и покосился. Туристы, проезжавшие мимо в прогулочных катерах, уже верили словоохотливым гидам, когда те уверяли их, что замок построен королевой Беллой Благочестивой.

Во второй половине двадцатого века замок снова ожила. Новые его владельцы подновили и подкрасили стены, обнесли замок и мыс двумя рядами колючей проволоки и у единственного проезда поставили часовых. Иногда к замку подъезжали крытые грузовики, и тогда во дворе начиналась суета. Рабочие и люди неизвестной национальности и неизвестных занятий разгружали с грузовиков ящики и контейнеры и вносили их в обширные подвалы замка.

Крестьяне соседней деревни некоторое время судачили о новых обитателях замка, но понемногу разговоры смолкли, как огонь, который ничто не поддерживает. Как-то в небольшой независимой газете была опубликована статья об одной тайной организации, готовящейся к войне, и в этой статье промелькнуло название замка у мыса Сан-Бонифацио как об одной из баз этой организации. Но лица, упомянутые в статье, привлекли газету к суду за клевету, и газете пришлось уплатить большой штраф, потому что она не могла представить суду никаких документов, а единственный ее свидетель был найден мертвым за день до процесса.

Прошло еще несколько десятков лет. Люди забыли уже и об организациях, которые готовили войну, и о самом замке. Замок, покинутый последними хозяевами, рассыпался, а колючую проволоку пастухи аккуратно собирали и свалили в выгребную яму.

Как видите, мыс Сан-Бонифацио пока не имеет ровным счетом никакого отношения к нашей повести, но случилось так, что дней за десять до того момента, когда Алиса прилетела в Крым, Туристский центр Северного Средиземноморья решил построить возле мыса флаерную станцию и небольшую гостиницу для любителей подводного плавания.

Туристский центр — крупная организация, и он не любит терять времени понапрасну. Утром было принято

решение, днем три грузовых флаера привезли к мысу строительных роботов-стройботов и одного студента.

Стройботы выдвинули широкие лопаты и принялись расчищать строительную площадку от каменных груд, оставшихся от старого замка, а студент нашел одиночную смоковницу и присел в ее тени читать бессмертный труд Ахмедзянова «Выведение шестиногих кроликов в домашних условиях». Студент учился на роботоэлектронном факультете, но был не удовлетворен жизнью и решил с осени поступить также и на факультет практической гинетики, факультет модный, куда попасть нелегко — конкурс восемьдесят человек и десять инопланетников на каждое место.

Стройботы разгребали мусор, студент упоенно листал Ахмедзянова, вокруг жужжали пчелы, и легкий ветерок перебирал листья смоковницы. И вдруг один из стройботов ухнул и провалился под землю. При этом он произвел такой шум, что студент оторвался от книги, пересчитал стройботов и сразу понял, что одного не хватает.

Студент побежал к темному провалу в земле. Стройбот грозно шевелился в темноте, раздвигая какие-то гремящие и шуршащие предметы.

Студент велел стройботу включить лобные фары и при свете их спустился в провал. Оказывается, стройбот упал в подвал замка, заваленный вещами и документами, оставшимися от его последних владельцев. Студент очень удивился, и, выбравшись на поверхность, немедленно связался с ближайшим городом, откуда через полчаса принеслись на катере три историка.

Найдка превзошла все ожидания. Последние владельцы замка и в самом деле, оказывается, готовились к войне. Этому были свидетельством ящики с документами, стрелковое оружие столетней давности, груды сухих батарей, патроны, мундиры несуществующих армий, консервы и даже разобранный на части танк с противоатомной защитой. В углу подвала стояли забытые роботы.

Это были удивительные роботы. Историкам был известен только один вконец проржавевший экземпляр подобного рода. Это были роботы-солдаты. Они умели подчиняться военным командам и, если слышали приказ «убей», могли убивать и людей. В этих роботах просто-напросто не было блока защиты человека. Роботы сильно

запылились и кое-где заржавели, но когда одного из них вытащили на поверхность и включили, он медленно повернул голову, оглядел желтую долину, море и похожий на акулий плавник мыс Бонифацио и сказал скрипучим голосом:

— К боевым действиям готов. — Потом помолчал, сердито сверкая единственным глазом на пораженных историков, и добавил: — Где есть твой командир? Далеко Москва?

Робот говорил по-русски и был явно предназначен для действий на Восточном фронте.

Вызванный срочно из Антарктибурга крупнейший специалист по истории роботики Синити Комацу обследовал роботов, задал им несколько наводящих вопросов и объявил, что использовать их уже не удастся. Они запрограммированы солдатами, и их куда проще переплавить, чем перестраивать и перевоспитывать.

Четырех роботов тут же поделили между собой музеи, им же досталось оружие и документы, а остальных отправили на переплавку.

Воспользовались для этого катером, на котором приехали историки. К нему прицепили небольшую пластиковую баржу. В катер уселся студент, не расстававшийся с книгой, а на баржу погрузили роботов. Никто не заметил, что при погрузке один из роботов случайно включился.

Студент читал о шестиногих кроликах и так увлекся, что не услышал предупреждения о надвигающемся шторме. Небо неожиданно потемнело, подул резкий ветер, и по морю пошли рядами белые, пенистые башки. Студент бы и дальше не замечал ничего вокруг, но первая же большая волна ворвалась в распахнутую дверь каюты и смыла за борт книгу Ахмедзянова и еще несколько не менее интересных учебников.

Только тогда студент спохватился, дал сигнал SOS и осторожно выглянул наружу. Баржа с роботами моталась на конце троса, стараясь оторваться от катера, тянула его назад и вообще угрожала безопасности молодого человека. Он сразу сообщил об этом на берег и получил разрешение отрубить трос и идти обратно. Так он и сделал и благополучно вернулся домой.

А одному своему близкому приятелю он рассказал (правда, приятель ему не поверил), что когда он хотел

обрезать трос, то увидел, что над баржей поднялась высокая фигура и оборвала трос с другой стороны. Больше того, студент уверял, что это был один из металлических роботов. Кроме своего приятеля, молодой человек никому об этом не сказал, законно опасаясь, что его могут заподозрить в трусости и с нею связанных галлюцинациях.

Все решили, что баржа утонула.

На самом же деле она не утонула. Несколько дней ее носили по Средиземному морю волны затянувшегося шторма, потом пронесли ее, полузатопленную, через Босфор (что очень удивительно) и в конце концов выбросили на берег небольшого островка у Крымского побережья.

Роботы, проржавевшие за дни скитания по волнам, повредившие в качке некоторые ценные детали своих электронных мозгов, выбрались на берег и тут, просохнув, начали действовать. Один из десяти в свое время был запрограммирован как робот-сержант, робот-шеф, способный принимать решения в присутствии противника и командовать другими.

Шеф-робот организовал свою команду на военный лад, и в его проржавевшем мозгу появилась мысль о том, что если уж он оказался на острове, то, значит, ожидавшаяся сто с лишним лет война все-таки началась и пора приступать к покорению противника. Противником — так уж роботы были устроены — мог оказаться в первую очередь тот, кто говорит на русском языке.

В первый же день пребывания на острове роботы обнаружили среди камней перевернутую пластиковую лодку прогулочного типа, настолько простую в управлении, что ею мог бы управлять и ребенок. И шеф-робот послал двоих своих солдат на берег, в разведку.

Они вернулись через несколько часов, и не одни, с добычей — двумя пленными роботами — и докладом о том, что первый встреченный ими человек говорил именно по-русски и был потому засунут в чемодан и уничтожен. Как он был уничтожен, роботы объяснить затруднились, но уверили шефа, что это случилось именно так.

Шеф-робот объявил на острове военное положение, приказал заложить себе памятник и тут же направил на берег еще одну экспедицию. Он надеялся, что удастся

достать оружие. Оружия не было. Зато попались еще пленные — Алиса и старик-киноробот.

Алиса обо всем этом не знала, да и не могла предположить, что когда-то на земле люди, которые были настолько учеными, что умели делать говорящих роботов, могли готовить их для войны с другими людьми, например с Алисиным дедушкой или прадедушкой.

Не подозревал об этом и Герман Шатров, который, как и вся киногруппа и профессор Шеин, не ложился спать в эту ночь, а обшаривал с фонарями ближайшие скалы в поисках Алисы и старика. Не спали спасатели Крымской станции, флаеры которых, плохо оборудованные для ночных полетов, кружили над побережьем; не спали и туристы, лагерь которых — двадцать три палатки — лежал за горой. Туристы тоже искали девочку и старика...

Не подозревал об этом и Алисин отец, директор Московского зоопарка. Правда, он спал спокойно, зная, что Алиса в полной безопасности в Крыму, с его приятелем Германом Шатровым, — отцу пока ничего сообщать не стали. Зачем беспокоить человека раньше времени?

... В половине первого ночи спасатель Соснин, пролетая на бреющем полете над одной незаметной бухточкой и осветив ее, увидел на песке несколько следов, превышающих размером человеческие. Следы вели наверх, по склону горы. Пролетев над цепочкой следов, он увидел в одном месте рассыпанные ракушки и камешки, которые переливчато засияли под светом его фонаря.

ПАДЕНИЕ РЖАВОГО ЛЕЙТЕНАНТА

Алисе было страшно, Алисе было жалко старика. Но еще Алисе очень хотелось пить и есть... Она сжалась в углу ямы и закрыла глаза. И сейчас же увидела большой, больше ее, бокал с лимонадом. Лимонад переливался через край, и шипучие брызги его прыгали по камням.

Алиса открыла глаза, чтобы отогнать наваждение. В яме было совсем темно, и только в неровном четырехугольнике неба горели звезды. Алисе пришла в голову мысль, что в сумке, о которой она совсем позабыла,

может завалиться что-нибудь съестное. Или даже тюбик сельтерской. Это, конечно, была чепуха, и Алиса понимала, что это чепуха, но все-таки она расстегнула сумку и, замерев от возможности удачи, тихонько сунула туда руку. Но ничего не произошло. В сумке лежали аппарат миелофон, носовой платок и кляссер с менными марками. И еще несколько ракушек и камешков, найденных на берегу. С горя Алиса положила один из них в рот и стала сосать. Но пить все равно хотелось.

— Робот! — позвала Алиса. — Робот, я хочу пить!

Никто не отзывался.

Может, закричать громко, так громко, чтобы все эти роботы испугались и забегали? Но Алиса не решилась. Она видела, как погиб старик, и понимала, что роботы могут убить и ее, если подумают, что она выдаст своим криком их убежище.

А может, на островке и вообще нет воды? Роботам ведь она не нужна. Пить хотелось так, что горело во рту и голова казалась большой и гулкой...

Алиса встала и обошла свою тюрьму, ощупывая стены руками. С одной стороны стена была покатой, и Алиса попробовала выкарабкаться, но утыканная камешками земля не удержала ее, и Алиса скользнула вниз. Алиса испугалась, что роботы могут услышать, как она барахтается в яме. Она прислушалась. Вроде бы все тихо. Но ведь роботы не спят. Один из них мог притаиться у ямы, и, когда Алиса вылезет, он ударит ее. Постойте, ведь есть же миелофон!

Алиса достала его из сумки и вставила в ухо наушник. В аппарате что-то очень тихо потрескивало, но ни мыслей, ни голосов не было слышно. Алиса покрутила колесико миелофона, посыпая его волны в разные стороны, но так ничего и не услышала. Значит, вблизи роботов нет.

Алиса выплюнула камешек и сделала еще одну попытку выкарабкаться из ямы. Она уминала ногами ступеньки в откосе и, прижимаясь животом к склону, медленно ползла вверх. Было темно, камешки и песчинки скатывались вниз, ноги скользили, и приходилось замирать, распластавшись, чтобы удержать равновесие. Путешествие наверх казалось Алисе бесконечным, и она уже начала думать, что никогда не выберется из этой ямы, как вдруг руки ее, протянутые вверх, вместо стены встретили пустоту...

Алиса выползла на поверхность островка и минуты две лежала, отдыхая и слушая не идет ли кто-нибудь. Тихо. Теперь надо решить, в какой стороне может быть вода, если она есть на островке. Алиса решила, что если вода здесь есть, то она должна, в конце концов, стекать с острова в море, и поэтому лучше всего обойти остров вокруг. Она спустилась на четвереньках к морю и присела за камнем.

Взошла луна, и море было разрезано лунным светом на две половинки. Лунная дорожка убегала к далекому берегу и упиралась в черную полосу гор. Среди гор мерцали разноцветные огоньки домов и палаточных лагерей. В одном месте на берегу горел костер, и белый столбик дыма от него был ясно виден на черном теле горы.

«Поздно спать не ложатся», — подумала Алиса, не догадываясь, что костер горит в лагере туристов потому, что на костре висит котелок с черным кофе, — группы, возвращающиеся с поисков Алисы, пьют этот кофе, чтобы не заснуть.

С неба протянулась к кромке воды полоска прожектора с невидимого в темноте флаера. Лучик ощупывал бухточки. Это тоже искали Алису. А горстка огоньков напротив островка означала вовсе не освещенный домик и не карнавальное шествие — киношники и спасатели обшаривали берег бухточки, где были обнаружены полчаса назад следы роботов.

Алисе захотелось нырнуть в воду и поплыть к далеким огонькам, но она понимала, что утонет — она очень устала и ослабела без воды и пищи, переволновалась, и руки двигались еле-еле, не слушались.

И даже коленки дрожали.

Только Алиса решилась продолжить свое путешествие в поисках воды, как неподалеку раздались тяжелые редкие шаги. Один из роботов медленно спускался к морю. На мгновение его силуэт заслонил лунную дорожку, и Алиса узнала по фуражке шефа-робота. Он подошел к воде и остановился, с хрустом подняв железные руки и скрестив их на груди.

Теперь Алисе никак нельзя было вылезать из-за камня: робот бы обязательно услышал ее. А шеф все не уходил. Он стоял на берегу, смотрел на огоньки далекого берега и, наверно, думал. Может, стоит узнать

его мысли? Алиса тихонько достала наушник из сумки. Повернула колесико на миелофоне, пока не настроилась на мысли робота. И вот они уже ясно слышны. Робот думал медленно и со скрипом. «Десант... Надо высаживать десант затемно. Они не ждут нападения... Они лягут спать. Захватим оружие... Где же подкрепления? Нет подкреплений. Нет связи с центром... Завтра будет связь... На острове в крепости оставим охранение... Пленные будут работать. Человека маленького надо убрать. И в воду. Чтобы следов не осталось... в воду... Всегда надо концы в воду... Крым — плацдарм... Послезавтра на Москву...»

— Я лейтенант, — сказал вдруг робот вслух. — Я произвожу себя в лейтенанты. Завтра произведу себя в майоры.

И снова мысли:

«... Мы освободим всех пленных роботов, и армия моя несокрушима... пора поднимать по тревоге... Нет, сначала сам уберу маленького человека... он слишком много знает...»

Робот перестал думать, опустил руки, ударив со звоном ладонями по бокам, и пошел наверх, к тюрьме, из которой Алиса так недавно выбралась.

Алиса поняла, что теперь не до воды. Надо спрятаться, пока ее не нашли. Она выскочила из-за камня и побежала вдоль берега, ища надежное укрытие. Но островок был гол, и обыскать его можно было в две минуты.

Меж камней темнело углубление. Алиса нырнула туда и замерла. Обеспокоенные роботы так топали по островку, что началось небольшое землетрясение.

Вот шаги робота все ближе и ближе... Топ-топ... Остановились у Алисиного убежища. Неужели она плохо спряталась?

Яркий свет ударили в глаза. Робот зажег фару на полную мощность и шарил ее лучом по камням.

— Здесь! — крикнул он. — Человек есть здесь!

Железная рука протянулась к Алисе, и она попыталась увернуться от нее, прижимаясь к стенке. Рука прошла в сантиметре от Алисиного лица и ударила протянутыми вперед пальцами о камень. Алиса воспользовалась секундной заминкой и, оцарапав плечо о ржавую ногу, выбежала на берег.

И тут же ей в лицо ударили свет прожектора другого робота. Ее заметили. Алиса металась по берегу, увертываясь от протянутых рук, от камней, которые кидали в нее, правда не очень метко, железные солдаты, но кольцо сдвигалось...

— Бери живой! — крикнул лейтенант-робот над самым ее ухом, и Алиса скорее почувствовала, чем увидела руку, тянущуюся к ее голове. Деваться было некуда.

И в этом момент между железной рукой и Алисой появилась другая рука, блестящая, белая, тонкая рука пластикового робота.

— Беги! — сказал он. — Беги прямо. Мы задержим.

Алиса послушалась его, и в тот же момент прожектор, светивший ей в лицо, погас — это второй пластиковый робот бросился наперерез солдату и разбил прожектор.

Алиса ударила носом о что-то твердое, пробежала несколько шагов и остановилась перевести дух и оглядеться.

Она стояла на берегу, у самой воды. Сзади, освещенные луной, шевелились угловатые фигуры, и можно было различить пластиковых роботов — они были пониже ростом, потоньше, чем солдаты, но двигались куда быстрее и проворнее.

Железные роботы молотили пластиковых по головам и плечам, но внешняя хрупкость пластика совсем не означала, что он был податливее солдатской брони.

Из толпы роботов вырвался лейтенант и побежал за Алисой. Видно, он не выпускал ее из виду. Пластиковый робот, заметив его рывок, высоко подпрыгнул и упал ему под ноги. Лейтенант споткнулся и с грохотом покатился по камням.

Из воды, метрах в двадцати от берега, черным углом торчал нос полу затопленной баржи, на которой роботы приплыли на остров. Вот где можно спрятаться. Алиса вошла в воду, подняв высоко над головой сумку с миелофоном, и, как только вода достигла груди, поплыла, подгребая одной рукой и стараясь не производить никакого шума.

Сумка оказалась тяжелой, и очень хотелось бросить ее в воду, но Алиса знала, что миелофон — ценный аппарат и надо его обязательно сберечь.

Плавала Алиса неплохо и даже сейчас, усталая и избитая, добралась до черного носа минуты за три, перебралась через борт и уселась на угол рубки, уходящей в воду.

На берегу шум боя утихал. Железные роботы доламывали своих пластиковых противников. Все-таки их было как-никак десять штук, и они были специально приспособлены для того, чтобы убивать. Пластиковые же роботы хорошо умели готовить пищу и носить вещи.

Как только бой кончился, беготня железных роботов возобновилась. Они обнаружили, что пленница исчезла, и снова затопали по острову, разыскивая ее. Вот один подбежал к самому берегу напротив баржи и осветил фарой песок, чтобы разыскать следы. Алисе было холдно и хотелось попрыгать, чтобы согреться, а приходилось сидеть и не двигаться.

Стрекотание флаера послышалось почти над головой. Флаер зажег прожектор и рыскал им по острову. Роботы замерли и замолчали. Луч скользнул по берегу, по барже, но Алиса не посмела пошевелиться и привлечь внимание летчика к себе. Вдруг тогда роботы догадаются, что она прячется так близко от них, и заберутся на баржу раньше, чем придет помочь!

Теперь Алиса не сомневалась, что флаер был послан ее друзьями. Ее разыскивают. И обязательно найдут. Но сейчас важнее было другое — надо предупредить людей на берегу, что роботы собираются вот-вот начать наступление. А ведь люди там, туристы и отдыхающие, даже не подозревают, что роботы могут нападать на людей. И роботы застанут их врасплох и могут кого-нибудь убить или ранить. Жалко, что не удалось найти, где у них спрятана лодка. Хотя лодку они, как сказал шеф, охраняют. «Придется, видно, плыть к берегу, — решила Алиса. — Может быть, я не утону и тогда успею раньше, чем роботы. Только надо это сделать незаметно. Подождать, пока они не прекратят поиски».

Флаер улетел, и роботы, включив прожекторы, шарили лучами по воде, думая, наверно, что Алиса попыталась уплыть с острова и не успела отплыть далеко.

— Человек мог спрятаться на барже, — сказал вдруг явственно скрипучий голос на берегу.

— Но мы теряем время. Пора в поход.

— Сначала убьем человека. Проверьте баржу.
Шаги робота удалились по берегу.

Алиса поняла, что больше ждать нельзя. Она спрятала сумку с миелофоном в углубление на палубе баржи, надеясь, что работы в спешке не найдут аппарата. Потом она спустила ноги за борт, повисла на руках и, оторвавшись от борта, сразу ушла вглубь. Вынырнула и поплыла к берегу. Алиса еще не успела высохнуть, на ветру было холодно, и вода поэтому показалась ей в первый момент теплой, как будто ее специально нагрели.

Алиса плыла, и ей казалось, что вот-вот должен раздаться сзади крик: «Вот она!» — луч прожектора должен догнать ее...

И когда луч прожектора в самом деле настиг ее и, поймав в круг света мокрые светлые волосы, поплыл рядом с ней, она даже не удивилась и не очень испугалась. Она просто поплыла быстрее, хоть и понимала или, по крайней мере, должна была понимать, что так ей долго не продержаться.

— Вот она! — догнал ее голос шефа-робота. — Оружие к бою!

Алиса не оборачивалась, но и без этого она чувствовала, как роботы натягивают большие луки. «Вз-з!» — пролетела сбоку стрела. Вторая шлепнулась в воду далеко впереди.

Алиса почувствовала, что устает. «Еще немного, — говорила она себе, — совсем немного, берег близко». Но она обманывала себя. До берега было еще очень далеко.

— Спускайте лодку! — приказал шеф-робот. — Жаль, нет у меня моего верного пистолета. Я бью из него без промаха на тысячу метров.

Алиса даже удивилась, как хорошо она слышала слова робота, хоть сердце ее стучала так громко, чтоказалось, молоточки бьют по вискам.

— Заводи! — догонял ее неумолимый голос. — Пошли!

Все погибло, поняла Алиса, и ей стало очень жалко себя, потому что теперь она никогда не полетит в Париж на праздники, и никогда не придет снова в школу, и никогда не прокатится на дорожке, которая идет туда, куда ты захочешь.

Вода стала вдруг ненадежной и зябкой, как воздух, и перестала держать ее, а затягивала вглубь, и руки

отказывались загребать, и ноги повисли, как неживые, и тоже потянули вниз. И Алиса подумала, что все равно ни Герман, ни папа никогда не узнают, что с ней случилось...

Она увидела, запрокинув голову, в последний раз звезды, и в этот момент что-то твердое легоночко ударило ее снизу и вынесло на поверхность.

Алиса попыталась вырваться, не понимая еще, что с ней случилось, но упругая поверхность, вынесшая Алису, не поддавалась и продолжала нести Алису вперед, к горам.

Если бы не было так темно, Алиса сразу бы догадалась, что ее подхватили дельфины, но она так устала и плохо понимала, в чем дело, что прошло, наверно, с полминуты, прежде чем до нее дошло, что она уже не плывет сама, а несется к берегу на своеобразном корабле — на спинах двух сомкнувшихся бок к боку дельфинов. Спинные плавники их были стенками люльки, и протянутые вперед руки Алисы лежали на их выпуклых лбах.

Алиса не смела приподняться и посмотреть, что происходит сзади, — а вдруг дельфины расплывутся и она упадет снова в воду. А ведь она отлично знала, что в воде ей не продержаться и минуты — ноги и руки были ватными.

Сзади послышалось легкое стрекотание лодочного мотора. Значит, роботы продолжали преследовать ее.

— Скорее! — прошептала Алиса дельфинам. — Нам надо как можно скорее успеть к берегу, а то они начнут убивать людей.

— Хорошо, — сказал вдруг один из дельфинов. Он говорил с трудом, еле выговаривая человеческие слова. — Не бойся. Мы скоро.

— А все думают, что вы не умеете говорить! — обрадовалась Алиса.

— Мы учимся, — сказал дельфин.

Полоса света догнала дельфинов и осветила их блестящие спины и Алису, лежащую меж плавников.

— Вперед, скорее! — кричал шеф-робот. — Они не уйдут!

Дельфины поплыли еще быстрей, но все-таки Алиса чувствовала, что берег приближается медленней, хоть чуть-чуть, но медленней, чем лодка с роботами. Прожектор с лодки уже не отпускал дельфинов и уверен-

но следовал за ними, когда они пытались поворачивать, чтобы выйти из круга света.

Рядом в воду вонзилась тяжелая стрела — роботы обстреливали дельфинов.

— Очень плохие, — сказал дельфин и фыркнул. — Плохие люди. Таких не знаем.

— Это не люди, — сказала Алиса. — Это сумасшедшие роботы. Они хотят убивать всех людей. Их надо остановить и предупредить людей, а то они могут такого натворить...

— Роботы, — сказал дельфин, — машины. Машины делают люди.

— Это, наверно, старые машины, и они попали в воду и сломались. Скорее.

Лодка уже была совсем близко, и Алиса, оглянувшись, увидела, что нос лодки и белые бурунчики по его сторонам ясно видны на фоне черной воды.

— Они нас догонят! — сказала Алиса. Это было уже совсем страшно.

Дельфин хрюкнул громко и сердито.

Рядом — Алиса скорее почувствовала, чем увидела, — показались над водой спины других дельфинов. Один из них повернулся и пошел навстречу лодке.

— Смотри! — крикнул шеф-робот. — Торпеда! Стреляй!

Белая стрела, видная издалека, просвистела и вонзилась в дельфина. Все это происходило очень близко.

Она навсегда запомнила эту сцену — неверные мятущиеся лучи прожекторов, черные спины дельфинов, бурунчики, пена и короткий крик умирающего дельфина.

Алиса посмотрела вперед. Метнувшийся луч прожектора высветил скалу впереди, и она поняла, что берег уже близко. Совсем близко. Но добраться до него дельфины не успеют.

— Каждому по ордену! — кричал шеф-робот. — Живой или мертвый!

И вдруг дельфины, которые везли Алису, резко вильнули в сторону, и на какое-то мгновение лодка оказалась сбоку, совсем рядом, и Алиса совершенно явственно увидела, как остальные дельфины — она не знала, сколько их: может, десять, может, двадцать, — темной массой ударили лодку в борт. Лодка резко накренилась, черпнула бортом воды. Роботы бросились

к другому борту, чтобы удержать равновесие, но это только ускорило гибель их корабля. Лодка опрокинулась, и лишь секунду или две шефу-роботу удалось удержаться на поверхности, цепляясь за ускользающий борт. Остальные роботы пошли ко дну, как железные кувалды. Да, впрочем, так оно и было. Они же были железными.

Шеф проскрипел отчаянно:

— Я фаталист! В конце кон...

Волны от лодки разбежались в разные стороны, и только дно ее виднелось из воды, как будто среди черных дельфинов затесался белый, в несколько раз больше ростом, чем остальные.

В следующую секунду дельфины развернулись и как ни в чем не бывало подплыли к берегу, подплыли лихо и грациозно, и как бы шутя выгнули у полосы песка свои черные спины и подбросили Алису в воздух.

Она шлепнулась на песок и хотела засмеяться, но заплакала и никак не могла остановиться.

Дельфины крутились у берега, выпрыгивали из воды, фыркали, а Алиса ревела в четыре ручья.

...И тут наступила тишина. Такая тишина, какой давно не было. Небо над морем начало бледнеть — майская ночь коротка, — лодка куда-то делась, видно унесло ее прибрежным течением или увлекли с собой дельфины, и ветерок, поднявшись к утру, был таким тихим и ласковым, что только чуть ворошил Алисины волосы. И если бы не нудная боль в исцарапанных ногах и руках, не смертельная усталость и возвратившаяся в тишине жажда, могло бы показаться, что вся ночь только приснилась Алисе.

Алиса вздохнула и поднялась. Подниматься не хотелось, но надо было возвращаться в лагерь киношников. Они ведь, наверно, с ума посходили от беспокойства.

Алиса поплелась в гору, чтобы сверху посмотреть, в какой стороне палатки.

Здесь, на полпути к лагерю, ее и встретили спасатели специального отряда водослужбы. Они собирались с рассветом начать прочесывать морское дно.

Днем, выспавшись, вся обклеенная пластырем и обмазанная лечебной мазью, Алиса вместе с киношни-

ками отправилась на остров. Катер отчаливал из бухты, на берег которой уже были вытащены и лежали в ряд колодами утонувшие роботы. Рядом с одним из них валялся лук. Любопытные, собравшиеся со всего побережья, окружили стеной железные трупы, жужжали стереокамерами и громко удивлялись. Алиса спряталась за спину Германа, чтобы ее не узнали и не начали задавать глупые вопросы. Еще на рассвете ее фотографировали для утренней газеты, и весь Крым уже знал кое-что о ее приключениях.

Берта, примчавшаяся из Москвы на метро, была одета в фиолетовый парик и живое платье из венерианских водорослей, которое меняло цвет и рисунок каждую минуту. Берта семенила рядом с Алисой и допрашивала ее с таким пристрастием, что Герману приходилось вежливо оттеснять ее.

Остров был пустынен, и ветер гудел в развалинах. На ящике в резиденции ржавого лейтенанта валялись большие ножницы и жесть, из которой он вырезал награды. В углу кучей деталей и одежды лежало то, что еще вчера было стариком-кинороботом.

Алиса показала журналистам и Герману яму, в которой она сидела. На одной из стенок ее, той, что была покатей остальных, сохранились выемки — ступеньки, по которым Алиса выбралась на свободу.

На обратном пути заехали на полу затопленную баржу и взяли оттуда сумку с миелофоном.

Остров уменьшался и уменьшался, уплывая в море. Катер подходил к берегу. Приключение окончилось.

Совсем недалеко от берега катер догнали дельфины. Они плыли некоторое время рядом, резвясь и ныряя, как простые неразумные рыбы. Потом дельфины повернули к морю, а один отстал, повернулся к катеру и сказал тонким голосом:

— Хорошо, Алиса.

— До свиданья! Спасибо! — крикнула ему Алиса.

А Берта сначала не поверила собственным ушам, а когда поверила, упала в обморок.

ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ

Фантастическая повесть

Г л а в а

1

ПРЕСТУПНИЦА АЛИСА

Я обещал Алисе: «Кончишь второй класс — возьму тебя с собой в летнюю экспедицию. Полетим на корабле «Пегас» собирать редких животных для нашего зоопарка».

Я сказал об этом еще зимой, сразу после Нового года. И заодно поставил несколько условий: хорошо учиться, не делать глупостей и не заниматься авантюрами.

Алиса честно выполняла условия, и, казалось, ничто не угрожало нашим планам. Но в мае, за месяц до отлета, случилось происшествие, которое чуть было все не испортило.

В тот день я работал дома, писал статью для «Вестника космозоологии». Сквозь открытую дверь кабинета я увидел, что Алиса пришла из школы мрачная, бросила с размаху на стол сумку с dictaphonом и микрофильмами, от обеда отказалась и вместо любимой в последние месяцы книги «Звери дальних планет» взялась за «Трех мушкетеров».

— У тебя неприятности? — спросил я.

— Ничего подобного, — ответила Алиса. — С чего ты взял?

— Так, показалось.

Алиса подумала немного, отложила книгу и спросила:

— Пап, а у тебя нет случайно золотого самородка?

— А большой тебе нужен самородок?

— Килограмма в полтора.

— Нет.

— А поменьше?

— Честно говоря, и поменьше нет. Никакого нет у меня самородка. Зачем он мне?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Просто мне понадобился самородок.

Я вышел из кабинета, сел с ней рядом на диван и сказал:

— Рассказывай, что там у тебя произошло.

— Ничего особенного. Просто нужен самородок.

— А если совсем откровенно?

Алиса глубоко вздохнула, поглядела в окно, наконец решилась:

— Пап, я преступница.

— Преступница?

— Я совершила ограбление, и теперь меня, наверно, выгонят из школы.

— Жалко, — сказал я. — Ну, продолжай. Надеюсь, что все не так страшно, как кажется с первого взгляда.

— В общем, мы с Алешей Наумовым решили поймать щуку-гиганта. Она живет в Икшинском водохранилище и пожирает мальков. Нам о ней рассказал один рыбак, ты его не знаешь.

— А при чем здесь самородок?

— Для блесны.

— Что?

— Мы в классе обсуждали и решили, что надо щуку ловить на блесну. Простую щуку ловят на простую блесну, а гигантскую щуку надо ловить на особенную блесну. И тогда Лева Званский сказал про самородок. А у нас в школьном музее есть самородок. Вернее, был самородок. В полтора килограмма весом. Его школе один выпускник подарил. Он его с пояса астероидов привез.

— И вы украли золотой самородок весом в полтора килограмма?

— Это не совсем так, папа. Мы его взяли взаймы. Лева Званский сказал, что его отец геолог и он привезет новый. А пока мы решили сделать блесну из золота. Щука наверняка клюнет на такую блесну.

— А дальше что?

— Дальше ничего особенного. Мальчишки испугались открыть шкаф. И мы тянули жребий. Я бы никогда не стала брать золотой самородок, но жребий упал на меня.

— Пал.

— Что?

— Жребий пал на тебя.

— Ну да, жребий упал на меня, и я не могла отступить перед всеми ребятами. Тем более, что этого самородка никто бы и не хватился.

— А потом?

— А потом мы пошли к Алеше Наумову, взяли лазер и распилили этот проклятый самородок. И поехали на Икшинское водохранилище. И щука откусила нашу блесну.

Алиса подумала немного и добавила:

— А может, и не щука. Может быть, коряга. Блесна была очень тяжелая. Мы искали ее и не нашли. Ныряли по очереди.

— И ваше преступление открылось?

— Да, потому что Званский обманщик. Он принес из дома горсть алмазов и говорит, что золота нет ни кусочка. Мы его отправили с алмазами домой. Нужны нам его алмазы! А тут приходит Елена Александровна и говорит: «Молодежь, очистите музей, я сейчас сюда первоклашечек на экскурсию приведу». Бывают же такие несчастливые совпадения! И все тут же обнаружилось. Она к директору побежала. «Опасность, — говорит (мы под дверью слушали), — у кого-то пробудилось в крови прошлое!» Алешка Наумов, правда, сказал, что он всю вину на себя возьмет, но я не согласилась. Если жребий упал, пусть меня и казнят. Вот и все.

— И все? — удивился я. — Так ты созналась?

— Не успела, — сказала Алиса. — Нам срок дали до завтра. Елена сказала, что или завтра самородок будет на месте, или состоится крупный разговор. Значит, завтра нас снимут с соревнований, а может, даже выгонят из школы.

— С каких соревнований?

— Завтра у нас гонки в воздушных пузырях. На первенство школы. А наша команда от класса — как раз Алешка, я и Егоров. Не может же Егоров один лететь.

— Ты забыла еще об одном осложнении, — сказал я.

— О каком? — спросила Алиса таким голосом, будто догадывалась.

— Ты нарушила наш договор.

— Нарушила, — согласилась Алиса. — Но я надеялась, что нарушение не очень сильное.

— Да? Украдь самородок весом в полтора кило, распилить его на блесны, утопить в Икшинском водохранилище и даже не сознаться! Боюсь, что придется тебе оставаться, «Пегас» уйдет без тебя.

— Ой, папа! — сказала Алиса тихо. — Что же теперь делать будем?

— Думай, — сказал я и вернулся в кабинет дописывать статью.

Но писалось плохо. Очень уж чепуховая история получалась. Как маленькие детки, распилили музейный экспонат.

Через час я выглянул из кабинета. Алисы не было. Куда-то убежала. Тогда я позвонил в Минералогический музей Фридману, с которым я когда-то встречался на Памире.

На экране видеофона появилось круглое лицо с черными усами.

— Леня, — сказал я, — у тебя нет в запасниках лишнего самородка весом килограмма в полтора?

— Есть и в пять килограммов. А зачем тебе? Для работы?

— Нет, дома нужно.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответил Леня, закручивая усы. — Они ведь все заприходованы.

— Мне какой-нибудь самый заваляющий, — сказал я. — Дочке в школе понадобился.

— Алисе?

— Алисе.

— Тогда знаешь что, — сказал Фридман, — я тебе дам самородок. Вернее, не тебе, а Алисе. Но ты мне заплатишь добром за добро.

— С удовольствием.

— Дай на один день синебарса.

— Что?

— Синебарса. У нас мыши завелись.

— В камнях?

— Не знаю уж, чем они пытаются, но завелись. И кошки не боятся. И мышеловку игнорируют. А от запаха и вида синебарса мыши, как всем известно, убегают со всех ног куда глаза глядят.

Что мне было делать? Синебарс животное редкое, и мне самому придется ехать с ним в музей и там смотреть, чтобы синебарс кого-нибудь бы не искусал.

— Ладно, — сказал я. — Только пришли самородок к завтрашнему утру, по пневмопочте.

Я отключил видеотелефон, и тут же прозвучал звонок в дверь. Я открыл. За дверью стоял беленький мальчик

в оранжевом костюме венерианского разведчика, с эмблемой первопроходчика Сирианской системы на рукаве.

— Простите, — сказал мальчик. — Вы Алисин отец?

— Я.

— Здравствуйте. Моя фамилия Еговров. Алиса дома?

— Нет. Ушла куда-то.

— Жаль. Вам можно доверять?

— Мне? Можно.

— Тогда у меня к вам мужской разговор.

— Как космонавт с космонавтом?

— Не смейтесь, — покраснел Еговров. — Со временем я буду носить этот костюм по праву.

— Не сомневаюсь, — сказал я — Так что за мужской разговор?

— Нам с Алисой выступать на соревнованиях, но тут случилось одно обстоятельство, из-за которого ее могут с соревнований снять. В общем, ей надо вернуть в школу одну потерянную вещь. Я вам ее даю, но никому ни слова. Ясно?

— Ясно, таинственный незнакомец, — сказал я.

— Держите.

Он протянул мне мешочек. Мешочек был тяжелый.

— Самородок? — спросил я.

— А вы знаете?

— Знаю.

— Самородок.

— Надеюсь, не краденый?

— Да нет, что вы! Мне его в клубе туристов дали. Ну, до свидания.

Не успел я вернуться в кабинет, как в дверь снова позвонили. За дверью обнаружились две девочки.

— Здравствуйте, — сказали они хором. — Мы из первого класса. Возьмите для Алисы.

Они протянули мне два одинаковых кошелька и убежали. В одном кошельке лежали четыре золотые монеты, старинные монеты из чьей-то коллекции. В другом — три чайные ложки. Ложки оказались, правда, не золотыми, а платиновыми, но догнать девочек я не смог.

Еще один самородок рука неизвестного доброжелателя подкинула в почтовый ящик. Потом приходил Лева Званский и пытался всучить мне маленькую шкатулку с алмазами. Потом пришел один старшеклассник и принес сразу три самородка.

— Я в детстве камни собирал, — сказал он.

Алиса вернулась вечером. От двери она сказала торжественно:

— Пап, не расстраивайся, все обошлось. Мы с тобой летим в экспедицию.

— Почему такая перемена? — спросил я.

— Потому что я нашла самородок.

Алиса еле вытащила из сумки самородок. По виду в нем было килограммов шесть-семь.

— Я поехала к Полоскову. К нашему капитану. Он всех своих знакомых обзвонил, когда узнал, в чем дело. И еще накормил меня обедом, так что я не голодная.

Тут Алиса увидела разложенные на столе самородки и прочие золотые вещи, скопившиеся за день в нашем доме.

— Ой-ой-ой! — сказала она. — Наш музей разбогатеет.

— Слушай, преступница, — сказал я тогда, — я бы тебя ни за что не взял в экспедицию, если бы не твои друзья.

— А при чем тут мои друзья?

— Да потому, что они вряд ли стали бы бегать по Москве и искать золотые вещи для очень плохого человека.

— Не такой уж я плохой человек, — сказала Алиса без лишней скромности.

Я нахмурился, но в этот момент в стене звякнуло приемное устройство пневматической почты. Я открыл люк и достал пакет с самородком из Минералогического музея. Фридман выполнил свое обещание.

— Это от меня, — сказал я.

— Вот видишь, — сказала Алиса. — Значит, ты тоже мой друг.

— Получается так, — ответил я. — Но попрошу не зазнаваться.

На следующее утро мне пришлось проводить Алису до школы, потому что общий вес золотого запаса в нашей квартире достиг восемнадцати килограммов.

Передавая ей сумку у входа в школу, я сказал:

— Совсем забыл о наказании.

— О каком?

— Придется тебе в воскресенье взять из зоопарка синебарса и пойти с ним в Минералогический музей.

— С синебарсом — в музей? Он же глупый.

— Да, он будет там пугать мышей, а ты посмотришь, чтобы он кого-нибудь еще не напугал.

— Договорились, — сказала Алиса. — Но в экспедицию мы все-таки летим.

Глава

2

СОРОК ТРИ ЗАЙЦА

Последние две недели перед отлетом прошли в спешке, волнениях и не всегда необходимой беготне. Алису я почти не видел.

Во-первых, надо было приготовить, проверить, перевезти и разместить в «Пегасе» клетки, ловушки, ультразвуковые приманки, капканы, сети, силовые установки и еще тысячу вещей, которые нужны для ловли зверей. Во-вторых, надо было запастись лекарствами, продуктами, фильмами, чистой пленкой, аппаратами, диктофонами, софитами, микроскопами, гербарными папками, записными книжками, резиновыми сапогами, счетно-вычислительными машинами, зонтиками от солнца и дождя, лимонадом, плащами, панамами, сухим мороженым, автолетами и еще миллионом вещей, которые могут понадобиться, а могут и не понадобиться в экспедиции. В-третьих, раз уж мы по дороге будем опускаться на научных базах, станциях и разных планетах, надо взять с собой грузы и посылки: апельсины для астрономов на Марсе, селедку в банках для разведчиков Малого Арктура, вишневый сок, тушь и резиновый клей для археологов в системе 2-БЦ, парчовые халаты и электрокардиографы для жителей планеты Фикс, гарнитур орехового дерева, выигранный жителем планеты Самора в викторине «Знаете ли вы Солнечную систему?», айвовое варенье (витаминизированное) для лицензианцев и еще множество подарков и посылок, которые нам приносили до последней минуты бабушки, дедушки, братья, сестры, отцы, матери, дети и внуки тех людей и инопланетников, с которыми нам придется увидеться. В конце концов наш «Пегас» стал похож на ноев ковчег, на плавучую ярмарку, на магазин «Универсам» и даже на склад торговой базы.

Я похудел за две недели на шесть килограммов, а капитан «Пегаса», известный космонавт Полосков, постарел на шесть лет.

Так как «Пегас» — небольшое судно, то и экипаж на нем маленький. На Земле и других планетах командую экспедицией я, профессор Селезnev из Московского зоопарка. То, что я профессор, совсем не значит, что я уже старый, седой и важный человек. Так получилось, что я с детства люблю всяких животных и никогда не менял их на камни, марки, радиоприемники и другие интересные вещи. Когда мне было десять лет, я пришел в кружок юннатов в зоопарке, потом кончил школу и пошел в университет учиться на биолога. А пока учился, продолжал каждый свободный день проводить в зоопарке и биологических лабораториях. Когда я кончил университет, то я знал о животных столько, что смог написать

о них свою первую книжку. В то время еще не было скоростных кораблей, которые летают в любой конец Галактики, и потому было мало космических зоологов. С тех пор прошло двадцать лет, и космических зоологов стало очень много. Но я оказался одним из первых. Я облетел множество планет и звезд и незаметно для себя самого стал профессором.

Когда «Пегас» отрывается от твердой земли, то хозяином на нем и главным начальником над всеми нами становится Геннадий Полосков, известный космонавт и командир корабля. Мы с ним встречались и раньше, на далеких планетах и научных базах. Он часто бывает у нас дома и особенно дружит с Алисой. Полосков совсем не похож на отважного космонавта, и когда он снимает форму капитана-звездолетчика, то его можно принять за воспитателя в детском саду или библиотекаря. Полосков невысокого роста, беленький, молчаливый и очень деликатный. Но когда он сидит в своем кресле на мостике космического корабля, он меняется — и голос становится другим, и даже лицо приобретает твердость и решительность. Полосков никогда не теряет присутствия духа, и его очень уважают в космофлоте. Мне с трудом удалось уговорить его полететь капитаном на «Пегас», потому что Джек О'Кониола уговаривал его принять новый пассажирский лайнер на линии Земля — Фикс. И если бы не Алиса, никогда бы мне Полоскова не уговорить.

Третий член экипажа «Пегаса» механик Зеленый. Это мужчина большого роста, с пышной рыжей бородой. Он хороший механик и раз пять летал с Полосковым на других кораблях. Главное для него удовольствие — копаться в двигателе и что-нибудь чинить в машинном отделении. Это вообще-то отличное качество, но иногда Зеленый увлекается, и тогда какая-нибудь очень важная машина или прибор оказываются разобранными именно в тот момент, когда они очень нужны. И еще Зеленый — большой пессимист. Он думает, что «это» добром не кончится. Что «это»? Да все. Например, он бороду отпустил, потому что прочитал в какой-то старинной книге, что один купец порезался бритвой и умер от заражения крови. Хотя теперь на всей Земле не найти такой бритвы, чтобы порезаться, и все мужчины смазы-

вают утром лицо пастой, вместо того чтобы бриться, он на всякий случай отпустил бороду. Когда мы попадаем на неизвестную планету, он сразу советует нам улететь отсюда, потому что зверей здесь все равно нет, а если есть, то такие, что зоопарку не нужны, а если нужны, то нам все равно их не довезти до Земли, и так далее. Но мы все привыкли к Зеленому и на его воркотню внимания не обращаем. А он на нас не обижается.

Четвертым членом нашего экипажа, если не считать кухонного робота, который вечно ломается, и вездеходов-автоматов, была Алиса. Она, как известно, моя дочь, кончила второй класс, с ней всегда что-нибудь случается, но все ее приключения пока кончались благополучно. Алиса полезный в экспедиции человек — она умеет ухаживать за зверями и почти ничего не боится.

Ночью перед отлетом я спал плохо: мне казалось, что кто-то ходит по дому и хлопает дверьми. Когда я встал, Алиса была уже одета, как будто и не ложилась спать. Мы спустились к автолету. Вещей с нами не было, если не считать моей черной папки и Алисиной сумки через плечо, к которой были привязаны ласты и гарпун для подводной охоты. Утро было холодное, зябкое и свежее. Метеорологи обещали дать дождь после обеда, но, как всегда, немного ошиблись, и их дождь вылился еще ночью. На улицах было пусто, мы попрощались с нашими родными и обещали писать письма со всех планет.

Автолет не спеша поднялся над улицей и легко полетел к западу, к космодрому. Я передал управление Алисе, а сам вынул длинные списки, тысячу раз исправленные и перечеркнутые, и принял их изучать, потому что капитан Полосков поклялся мне, что, если не выкинуть по крайней мере три тонны груза, мы никогда не сможем оторваться от Земли.

Я не заметил, как мы долетели до космодрома. Алиса была сосредоточена и как будто о чем-то не переставая думала. Она так отвлеклась, что опустила автолет у чужого корабля, который грузил пороссят на Венеру.

При виде опускающейся с неба машины пороссята прыснули в разные стороны, сопровождавшие их роботы бросились ловить беглецов, а начальник погрузки изругал меня за то, что я доверяю посадку маленькому ребенку.

— Она не такая маленькая, — ответил я начальнику. — Она второй класс кончила.

— Тем более стыдно, — сказал начальник, прижимая к груди только что пойманного поросенка. — Мы их теперь до вечера не соберем!

Я поглядел на Алису укоризненно, взял руль и перенес машину к белому «Пегасу». «Пегас» в дни своей корабельной молодости был скоростным почтовым судном. Потом, когда появились корабли быстрее и вместительнее, «Пегас» переделали для экспедиций. В нем были вместительные трюмы, и он уже послужил и геологам и археологам, а теперь пригодился и зоопарку. Полосков ждал нас, и не успели мы поздороваться, как он спросил:

— Придумали, куда три тонны деть?

— Кое-что придумал, — сказал я.

— Рассказывай!

В этот момент к нам подошла скромная бабушка в синей шали и спросила:

— Вы не возьмете с собой маленькую посыпочку моему сыну на Альдебаран?

— Ну вот, — махнул рукой Полосков, — еще этого не хватало!

— Совсем маленькую, — сказала бабушка. — Грамм двести, не больше. Вы представляете, каково ему будет не получить никакого подарка ко дню рождения?

Мы не представляли.

— А что в посылке? — спросил деликатный Полосков, сдаваясь на милость победительницы.

— Ничего особенного. Торт. Коля так любит тортики! И стереопленочка, на которой изображено, как его сынок, а мой внучек учится ходить.

— Таштите, — сказал мрачно Полосков.

Я посмотрел, где Алиса. Алиса куда-то пропала. Над космодромом вставало солнце, и длинная тень от «Пегаса» достигла здания космопорта.

— Слушай, — сказал я Полоскову, — мы перегоним часть груза на Луну на рейсовом корабле. А с Луны будет легче стартовать.

— Я тоже так думал, — сказал Полосков. — На всякий случай снимем четыре тонны, чтобы был запас.

— Куда посыпочку передать? — спросила бабушка.

— Робот на входе примет, — сказал Полосков, и мы с ним стали проверять, что выгрузить до Луны.

Краем глаза я посматривал, куда делась Алиса, и потому обратил внимание и на бабушку с посыпочкой. Бабушка стояла в тени корабля и тихо спорила с роботом-погрузчиком. За бабушкой возвышалась сильно перегруженная автотележка.

— Полосков, — сказал я, — обрати внимание.

— Ой, — сказал отважный капитан. — Я этого не переживу!

Тигриным прыжком он подскочил к бабушке.

— Что это?! — громовым голосом произнес он.

— Посыпочка, — сказала бабушка робко.

— Тортик?

— Тортик. — Бабушка уже оправилась от испуга.

— Такой большой?

— Простите, капитан, — сказала бабушка строго.

Вы что, хотите, чтобы мой сын в одиночестве ел присланный мной тортик, не поделившись со своими ста тридцатью товарищами по работе? Вы этого хотите?

— Я ничего больше не хочу! — сказал загнанный Полосков. — Я остаюсь дома и никуда не лечу. Ясно? Я никуда не лечу!

Бой с бабушкой продолжался полчаса и кончился победой Полоскова. Тем временем я прошел в корабль и приказал роботам снять с борта апельсины и гарнитур орехового дерева.

Алису я встретил в дальнем переходе грузового трюма и очень удивился встрече.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я.

Алиса спрятала за спину связку бубликов и ответила:

— Знакомлюсь с кораблем.

— Иди в каюту, — сказал я. И поспешил дальше.

Наконец к двенадцати часам мы закончили перегрузку. Все было готово. Мы еще раз проверили с Полосковым вес груза — получился резерв в двести килограммов, так что можно было спокойно подниматься в космос.

Полосков вызвал по внутренней связи механика Зеленого. Механик сидел у пульта управления, расчесывая свою рыжую бороду. Полосков наклонился к самому экрану видеофона и спросил:

— Можем стартовать?

— В любой момент, — сказал Зеленый. — Хотя погода мне не нравится.

— Диспетчерская, — сказал Полосков в микрофон, — «Пегас» просит взлет.

— Одну минуточку, — ответил диспетчер. — У вас нет свободного места?

— Ни одного, — твердо сказал Полосков. — Мы пассажиров не берем.

— Но, может, хоть человек пять возьмете? — сказал диспетчер.

— А зачем? Неужели нет рейсовых кораблей?

— Все перегружены.

— Почему?

— Неужели вы не знаете? На Луне сегодня футбольный матч на кубок Галактического сектора Земля — планета Фикс.

— А почему на Луне? — удивился Полосков, который не интересовался футболом и вообще за дни подготовки к полету отстал от действительности.

— Наивный человек! — сказал диспетчер. — Как же фиксианцы будут играть при земной тяжести? Им и на Луне нелегко придется.

— Значит, мы их обыграем? — спросил Полосков.

— Сомневаюсь, — ответил диспетчер. — Они переманили с Марса трех защитников и Симона Брауна.

— Мне бы ваши заботы, — сказал Полосков. — Когда даете взлет?

— И все-таки мы победим, — вмешалась в разговор Алиса, которая незаметно проникла на мостик.

— Правильно, девочка, — обрадовался диспетчер. — Может, возьмете болельщиков? Чтобы отправить всех желающих, мне нужно восемь кораблей. Не представляю, что делать. А заявки все поступают.

— Нет, — отрезал Полосков.

— Ну, дело ваше. Заводите двигатели.

Полосков переключился на машинное отделение.

— Зеленый, — сказал он, — включай планетарные. Только помаленьку. Проверим, нет ли перегрузки.

— Откуда быть перегрузке? — возмутился я. — Мы же все пересчитали.

Корабль чуть задрожал, набирая мощность.

— Пять-четыре-три-два-один — пуск, — сказал капитан.

Корабль вздрогнул и остался на месте.

— Что случилось? — спросил Полосков.

— Что у вас случилось? — спросил диспетчер, который наблюдал за нашим стартом.

— Не идет, — сказал Зеленый. — Я же говорил: ничего хорошего из этого не выйдет.

Алиса сидела, пристегнутая к креслу, и не смотрела в мою сторону.

— Попробуем еще раз, — сказал Полосков.

— Пробовать не надо, — ответил Зеленый. — Значительная перегрузка. У меня приборы перед глазами.

Полосков попытался еще раз поднять «Пегас», но корабль стоял на месте как прикованный. Тогда Полосков сказал:

— У нас какие-то ошибки в расчетах.

— Нет, мы проверили на счетной машине, — ответил я. — У нас резерв двести килограммов.

— Но что же тогда происходит?

— Придется выбрасывать груз за борт. Мы не можем терять время. С какого трюма начнем?

— С первого, — сказал я. — Там посылки. Подождем их на Луне.

— Только не с первого, — сказала вдруг Алиса.

— Ну ладно, — ответил я ей машинально. — Тогда начнем с третьего — там клетки и сети.

— Только не с третьего, — сказала Алиса.

— Это еще что такое? — спросил строго Полосков И в этот момент диспетчер снова вышел на связь.

— «Пегас», — сказал он, — на вас поступила жалоба.

— Какая жалоба?

— Включаю справочное бюро.

На экране показался зал ожидания. У справочного бюро толпились люди. Среди них я узнал несколько знакомых лиц. Откуда они мне знакомы?

Женщина, стоявшая ближе всех к справочному бюро, сказала, глядя на меня:

— Стыдно все-таки. Нельзя так потакать шалостям.

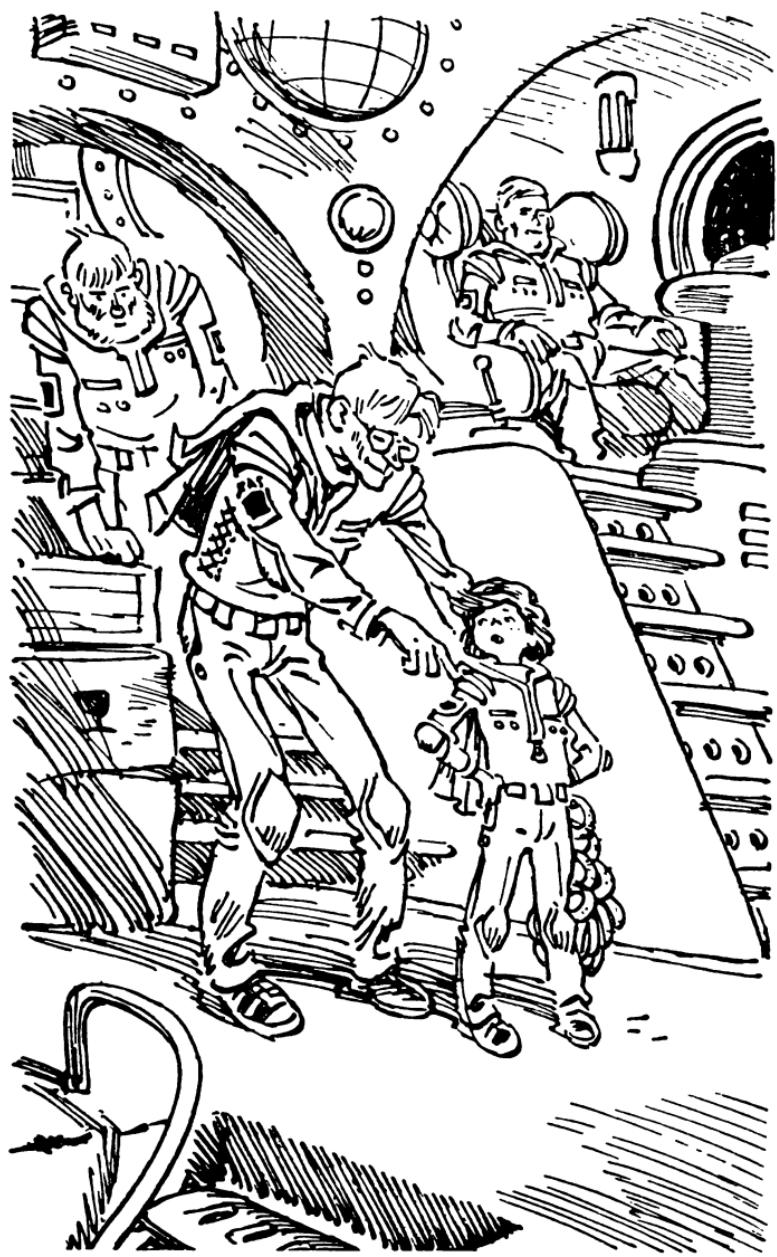
— Каким шалостям? — удивился я.

— Я сказала Алеше: на Луну ты не летишь, у тебя пять троек за четвертую четверть.

— И я запретила Леве лететь на этот матч, — поддержала ее другая женщина. — Отлично мог бы посмотреть по телевизору.

— Ага, — сказал я медленно. Я узнал наконец людей, которые собрались у справочного бюро: это были родители ребят из Алисиного класса.

— Все ясно, — сказал Полосков. — И много у нас на борту «зайцев»?

— Я не думала, что у нас перегрузка, — сказала Алиса. — Не могли же ребята пропустить матч века! Что же получается — я погляжу, а они нет?

— И много у нас «зайцев»? — повторил Полосков стальным голосом.

— Наш класс и два параллельных, — сказала тихо Алиса. — Пока папа ночью спал, мы слетелись к космодрому и забрались на корабль.

— Никуда ты не летиши, — сказал я. — Мы не можем брать в экспедицию безответственных людей.

— Папа, я больше не буду! — взмолилась Алиса. — Но пойми же, у меня сильно развито чувство долга!

— Мы разбиться могли из-за твоего чувства долга, — ответил Полосков.

Вообще-то он все Алисе прощает, но сейчас он очень рассердился.

— Пошли извлекать «зайцев», — добавил он. — Если справимся за полчаса, останешься на корабле. Нет — летим без тебя.

Последнего «зайца» мы извлекли из трюма через двадцать три минуты. Еще через шесть они все уже стояли, страшно огорченные и печальные, у корабля, и к ним от здания космодрома бежали мамы, папы и бабушки.

Всего «зайцев» на «Пегасе» оказалось сорок три человека. Я до сих пор не понимаю, как Алисе удалось их разместить на борту, а нам — ни одного из них не заметить.

— Счастливо, Алиса! — крикнул снизу Алеша Наумов, когда мы наконец поднялись к люку. — Поболей за нас! И возвращайся скорее!

— Физкультпривет! .. — ответила ему Алиса. — Нехорошо получилось, папа, — сказала она мне, когда мы уже поднялись над Землей и взяли курс к Луне.

— Нехорошо, — согласился я. — Мне за тебя стыдно.

— Я не о том, — сказала Алиса. — Ведь третий «Б» улетел в полном составе еще ночью в мешках из-под картошки на грузовой барже. Они-то будут на стадионе, а наши вторые классы — нет. Я не оправдала доверия товарищей.

— А куда картошку из мешков дели? — спросил, удивившись, Полосков.

— Не знаю, — сказала Алиса. Подумала и добавила: — Какими глазами я буду смотреть на стадионе на третий «Б»? Просто ужас!

Глава 3

ТЫ СЛЫШАЛ О ТРЕХ КАПИТАНАХ?

Когда «Пегас» опустился на лунном космодроме, я спросил у своих спутников:

— Какие у кого планы? Вылетаем завтра в шесть ноль-ноль.

Капитан Полосков сказал, что он остается на корабле готовить его к отлету.

Механик Зеленый попросил разрешения сходить на футбол.

Алиса тоже сказала, что пойдет на футбол, хотя и без всякого удовольствия.

— Почему? — спросил я.

— Разве ты забыл? На стадионе будет весь третий «Б», а из вторых классов только я одна. Ты во всем виноват. — Я?

— А кто же высадил с «Пегаса» моих ребят?

— Мы же не могли подняться! Да и что бы сказали обо мне их родители? Вдруг что-нибудь случится?

— Где? — возмутилась Алиса. — В Солнечной системе? В конце двадцать первого века?

Когда Алиса с Зеленым ушли, я решил в последний раз выпить чашечку кофе в настоящем ресторане и пошел в «Луноход».

Громадный зал ресторана был почти полон. Я остановился неподалеку от входа, отыскивая место, и услышал знакомый громовой голос:

— Кого я вижу!

За дальним столом восседал мой давнишний приятель Громозека. Я не виделся с ним лет пять, но ни на минуту о нем не забывал. Когда-то мы были очень дружны, а началось наше знакомство с того, что мне удалось спасти Громозеку в джунглях Эвридики. Громозека отбился от археологической партии, заблудился в лесу и чуть не попал в зубы Малому дракончику — злобной твари в шестнадцать метров длиной.

При виде меня Громозек спустил на пол свернутые для удобства щупальца, в очаровательной улыбке разинул свою полуторовую пасть, дружески потянулся мне навстречу острыми когтищами и, набирая скорость, ринулся в мою сторону.

Какой-то турист, никогда раньше не видевший обитателей планеты Чумароз, взвизгнул и упал в обморок. Но Громозека на него не обиделся. Он крепко обхватил меня щупальцами и прижал к острым пластинкам на своей груди.

— Старина! — ревел он, как лев. — Сколько лет, сколько зим! Я уж собрался лететь в Москву, чтобы тебя повидать, и вдруг — глазам своим не верю... Какими судьбами?

— Едем в экспедицию, — сказал я. — В свободный поиск по Галактике.

— Это замечательно! — сказал с чувством Громозека. — Я счастлив, что тебе удалось преодолеть козни зложелателей и уехать в экспедицию.

— Но у меня нет зложелателей.

— Ты меня не обманешь, — сказал Громозека, тряся укоризненно перед моим носом острыми, загнутыми когтями.

Я не стал возражать, потому что знал, как мнителен мой друг.

— Садись! — приказал Громозека. — Робот, бутылку грузинского вина для моего лучшего друга и три литра валерьянки для меня лично.

— Слушаюсь, — ответил робот-официант и укатил на кухню выполнять заказ.

— Как жизнь? — допрашивал меня Громозека. — Как жена? Как дочка? Уже научилась ходить?

— В школе учится, — сказал я. — Второй класс кончила.

— Великолепно! — восхликал Громозека. — Как быстро бежит время...

Тут моего друга посетила печальная мысль, и, будучи очень впечатлительной особой, Громозека оглушительно застонал, и дымящиеся едкие слезы покатились из восьми глаз.

— Что с тобой? — встревожился я.

— Ты только подумай, как быстро течет время! — произнес Громозека сквозь слезы. — Дети растут, а мы с тобой стареем.

Он, расчувствовавшись, выпустил из ноздрей четыре струи едкого желтого дыма, окутавшего ресторан, но тут же взял себя в руки и объявил:

— Извините меня, благородные посетители ресто-

рана, я постараюсь больше не причинять вам неприятностей.

Дым струился между столиками, люди кашляли, и некоторые даже ушли из зала.

— Пойдем и мы, — сказал я, задыхаясь, — а то ты еще что-нибудь натворишь.

— Ты прав, — покорно согласился Громозека.

Мы вышли в холл, где Громозека занял целый диван, а я притулился рядом с ним на стуле. Робот принес нам вино и валерьянку, бокал для меня и литровую банку для чумарозца.

— Ты где сейчас работаешь? — спросил я Громозеку.

— Будем копать мертвый город на Колеиде, — ответил он. — Сюда прилетел за инфракрасными детекторами.

— Интересный город на Колеиде? — спросил я.

— Может быть, интересный, — ответил осторожно Громозека, который был страшно суеверен. Чтобы не сглазить, он провел четыре раза хвостом у правого глаза и сказал шепотом: — Баскури-барипарата.

— Когда начинаете? — спросил я.

— Недели через две стартуем с Меркурия. Там наша временная база.

— Странное, неподходящее место, — сказал я. — Половина планеты раскалена, половина — ледяная пустыня.

— Ничего удивительного, — сказал Громозека и снова потянулся за валерьянкой. — Мы там в прошлом году отыскали остатки корабля Полуночных скитальцев. Вот и работали. Да что я все о себе да о себе! Ты мне лучше о своем маршруте расскажи.

— Я знаю о нем только приблизительно, — ответил я. — Мы облетим сначала несколько баз по соседству с Солнечной системой, а потом уйдем в свободный поиск. Времени много — три месяца, корабль вместительный.

— На Эвридику не собираешься? — спросил Громозека.

— Нет. Малый дракончик уже есть в Московском зоопарке, а Большого дракончика, к сожалению, еще никто не смог поймать.

— Даже если бы ты его поймал, — сказал Громозека, — все равно на твоем корабле увезти его нельзя.

Я согласился, что Большого дракончика на «Пегас» не увезешь. Хотя бы потому, что его дневной рацион — четыре тонны мяса и бананов.

Мы помолчали немного. Приятно сидеть со старым другом, никуда не спешить. Старушка-туристка в лиловом парике, украшенном восковыми цветами, подошла к нам и робко протянула блокнот.

— Не откажитесь ли, — попросила она, — написать мне автограф на память о случайной встрече?

— Почему бы и нет? — сказал Громозека, протянув когтистое щупальце за блокнотом.

Старушка зажмурилась в ужасе, и ее тонкая ручка задрожала.

Громозека раскрыл блокнот и на чистой странице размашисто написал:

«Прекрасной, юной землянке от верного поклонника с туманной планеты Чумароз. Ресторан «Луноход». 3 марта 2074 года».

— Спасибо, — прошептала старушка и отступила мелкими шажками.

— Я хорошо написал? — спросил меня Громозека. — Трогательно?

— Трогательно, — согласился я. — Только не совсем точно.

— А что?

— Это совсем не юная землянка, а пожилая женщина. И вообще — землянкой раньше называли первобытное жилье, выкопанное в земле.

— Ой, какой позор! — расстроился Громозека. — Но ведь у нее цветочки на шляпе. Сейчас же догоною ее и перепишу автограф.

— Не стоит, друг, — остановил я его. — Ты ее только перепугаешь.

— Да, тяжело бремя славы, — сказал Громозека. — Но приятно сознавать, что крупнейшего археолога Чумарозы узнают даже на далекой земной Луне.

Я не стал разубеждать друга. Я подозревал, что старушка никогда в жизни не встречалась ни с одним из космоархеологов. Просто ее поразил облик моего друга.

— Слушай, — сказал Громозека, — меня посетила идея. Я тебе помогу.

— Как?

— Ты слышал о планете имени Трех Капитанов?
— Где-то читал, но не помню, где и почему.
— Тогда замечательно.

Громозека наклонился ближе, положил мне на плечо тяжелое, горячее щупальце, расправил блестящие пластиинки на круглом, словно небольшой воздушный шар, животе и начал:

— В секторе 19-4 есть небольшая необитаемая планета. Раньше у нее даже названия не было — только цифровой код. Теперь космонавты зовут ее планетой имени Трех Капитанов. А почему так? Там на ровном каменном плато возвышаются три статуи. Поставлены они в честь трех космических капитанов. Это были великие исследователи и отважные люди. Один из них был родом с Земли, второй — с Марса, а третий капитан родился на Фиксе. Рука об руку эти капитаны проходили созвездия, снижались на планетах, на которых снизиться невозможно, спасали целые миры, которым грозила опасность. Это они первыми одолели джунгли Эвридики, и один из них подстрелил Большого дракончика. Это они отыскали и уничтожили гнездо космических пиратов, хотя пиратов было вдвадцатеро больше. Это они опустились в метановую атмосферу Голгофы и отыскали там философский камень, потерянный конвом Курсака. Это они взорвали ядовитый вулкан, грозивший истребить население целой планеты. Об их подвигах можно говорить две недели подряд...

— Теперь я вспомнил, — прервал я Громозеку. — Конечно, я слышал о трех капитанах.

— То-то, — проворчал Громозека и выпил стакан вальерьянки. — Быстро мы забываем героев. Стыдно. — Громозека укоризненно покачал мягкой головой и продолжал: — Несколько лет назад пути капитанов разошлись. Первый капитан увлекся проектом «Венера».

— Как же, знаю, — сказал я. — Так, значит, он — один из тех, кто меняет ее орбиту?

— Да. Первый капитан всегда любил грандиозные планы. И когда узнал, что решено перетащить Венеру подальше от Солнца и изменить период ее вращения, для того чтобы люди смогли ее заселить, он тут же предложил свои услуги проекту. И это славно, потому что ученые решили превратить Венеру в громадный космический корабль, а нет человека в Галактике, который

бы лучше первого капитана разбирался в космической технике.

— А остальные капитаны? — спросил я.

— Второй, говорят, погиб неизвестно где и неизвестно когда. Третий капитан полетел в соседнюю галактику и вернется через несколько лет. Так я хочу сказать, что капитаны наверняка встречали множество редких, чудесных зверей и птиц. От них наверняка остались какие-то записки, дневники.

— А где они?

— Дневники хранятся на планете Трех Капитанов. Рядом с монументами, возведенными благородными современниками по подписке, проведенной на восьми-десяти планетах, есть лаборатория и мемориальный центр. Там постоянно живет доктор Верховцев. Он знает о трех капитанах больше всех в Галактике. Если заедешь туда — не пожалеешь.

— Спасибо, Громозека, — сказал я. — Может, тебе хватит пить валерьянку? Ты сам мне жаловался, что она плохо влияет на сердце.

— Что делать! — всплеснул щупальцами мой друг. — У меня же три сердца. На какое-то из них валерьянка влияет очень пагубно. Но я никак не могу понять, на какое.

Мы еще целый час вспоминали старых знакомых и приключения, которые нам пришлось пережить вместе. Вдруг дверь в холл распахнулась, и появилась толпа людей и инопланетчиков. Они несли на руках футбольистов сборной Земли. Играла музыка, раздавались веселые крики.

Из толпы выскочила Алиса.

— Ну что! — крикнула она, увидев меня. — Не помогли фиксиантам варяги с Марса! Три — один. Теперь встреча на нейтральном поле!

— А как же третий «Б»? — спросил я ехидно.

— Их не было, — сказала Алиса. — Я бы их обязательно увидела. Наверно, третий «Б» перехватили и отправили обратно. В мешках из-под картошки. Так им и надо!

— Ты вредный человек, Алиса, — сказал я.

— Нет! — взревел оскорбленно Громозека. — Ты не имеешь права так оскорблять беззащитную девочку! Я не дам ее в обиду!

Громозека обхватил Алису щупальцами и поднял к потолку.

— Нет! — повторял он возмущенно. — Твоя дочь — моя дочь. Я не позволю!

— Но я не ваша дочь, — сказала сверху Алиса. Она, к счастью, не очень испугалась.

Но куда сильнее испугался механик Зеленый. Он в тот момент вошел в холл и вдруг увидел, что Алиса бьется в щупальцах громадного чудовища. Меня Зеленый даже не заметил. Он бросился к Громозеке, размахивая рыжей бородой, как знаменем, и с разбегу врезался в круглый живот моего друга.

Громозека подхватил Зеленого свободными щупальцами и посадил на люстру. Потом осторожно опустил Алису и спросил меня:

— Я немного погорячился?

— Немного, — ответила за меня Алиса. — Спустите Зеленого на пол.

— Не будет бросаться на археологов, — ответил Громозека. — Не хочу его снимать. Привет, увидимся вечером. Я вспомнил, что мне надо до конца рабочего дня побывать на базовом складе.

И, лукаво подмигнув Алисе, Громозека, пошатываясь, удалился в сторону шлюза. По холлу волнами расходился запах валерьянки.

Зеленого мы сняли с люстры с помощью футбольной команды, а на Громозеку я немного обиделся, потому что мой друг хоть и талантливый ученый и верный товарищ, но плохо воспитан, и его чувство юмора иногда принимает странные формы.

— Так куда летим? — спросила Алиса, когда мы подходили к кораблю.

— Первым делом, — сказал я, — отвезем груз на Марс и разведчикам Малого Арктура. А оттуда — прямым ходом в сектор 19-4, на базу имени Трех Капитанов.

— Да здравствуют три капитана! — сказала Алиса, хотя она о них никогда раньше не слышала.

Глава

4

ПРОПАЛИ ГОЛОВАСТЫ

Разведчики Малого Арктура встретили «Пегас» очень торжественно. Как только мы опустились на металли-

ческий настил посадочной площадки, которая зашаталась под грузом корабля и в щели между полосами брызнула рыжая гнилая вода, они лихо подкатили к нам на вездеходе. Из вездехода вышли три добрых молодца в красных кафтанах, надетых поверх скафандров. За ними последовали еще три космонавта в роскошных сарафанах, также надетых поверх скафандров. Молодцы и младицы несли хлеб-соль на блюдах. А когда мы сошли на мокрые металлические полосы космодрома, они надели нам на шлемы скафандров венки из местных пышных цветов.

В нашу честь в тесной кают-компании базы разведчиков был приготовлен торжественный ужин. Нас угостили консервированным компотом, консервированной уткой и консервированными бутербродами. Механик Зеленый, который был на «Пегасе» шеф-поваром, тоже не ударили в грязь лицом — он поставил на праздничный стол настоящие яблоки, настоящие взбитые сливки с настоящей смородиной и, главное, самый настоящий черный хлеб.

Алиса была главным гостем. Все разведчики люди взрослые, их дети остались дома — на Марсе, на Земле, на Ганимеде, и они очень соскучились без настоящих детей. Алиса отвечала на всякие вопросы, честно старалась казаться глупее, чем она есть на самом деле, а когда вернулась на корабль, пожаловалась мне:

— Им так хочется, чтобы я была маленьkim несмышленышем, что я не стала их огорчать.

На следующий день мы передали разведчикам все грузы и посылки, но, к сожалению, оказалось, что на охоту за местными зверями они нас пригласить не смогут: начался сезон бурь, все реки и озера вышли из берегов и путешествовать по планете было почти невозможно.

— Хотите, мы вам головаста поймаем? — спросил начальник базы.

— Ну, хоть головаста, — согласился я.

Мне приходилось слышать о разных рептилиях Арктура, но с головастом я еще не встречался.

Часа через два разведчики принесли большой аквариум, на дне которого дремали метровые головасты, похожие на гигантских саламандр. Потом разведчики втащили по трапу ящик с водорослями.

— Это корм на первое время, — сказали они. — Учтите, головасты очень прожорливы и быстро растут.

— Надо готовить аквариум побольше? — спросил я.

— Лучше даже бассейн, — ответил начальник разведчиков.

Его товарищи между тем втаскивали по трапу еще один ящик с кормом.

— А как они быстро растут? — спросил я.

— Довольно быстро. Точнее сказать не могу, — ответил начальник разведчиков. — Мы их не держим в неволе.

Он загадочно улыбнулся и заговорил о другом.

Я спросил начальника разведчиков:

— Вам не приходилось бывать на планете имени Трех Капитанов?

— Нет, — ответил он. — Но иногда к нам прилетает доктор Верховцев. Как раз месяц назад он здесь был. И должен вам сказать, он большой чудак.

— А почему?

— Зачем-то ему понадобились чертежи корабля «Синяя чайка».

— Простите, а что в этом странного?

— Это корабль Второго капитана, пропавший без вести четыре года назад.

— А зачем Верховцеву этот корабль?

— Вот именно — зачем? Я об этом его и спросил. Оказывается, он пишет сейчас книгу о подвигах трех капитанов, документальный роман, и не может продолжать работу, не зная, как устроен этот корабль.

— А разве этот корабль был особенный?

Начальник базы снисходительно улыбнулся.

— Вы, я вижу, не в курсе дела, — сказал он. — Корабли трех капитанов были сделаны по специальному заказу, а потом еще перестроены самими капитанами — они ведь были на все руки мастера. Это были удивительные корабли! Приспособленные для всевозможных неожиданностей. Один из них, «Эверест», который принадлежал Первому капитану, стоит сейчас в Парижском космическом музее.

— Почему же Верховцев не мог запросить Парижский космический музей? — удивился я.

— Так все три корабля были разными! — воскликнул начальник разведчиков. — Капитаны были люди с характером и никогда ничего не делали по два раза.

— Ну ладно, — сказал я, — мы полетим к Верховцеву. Дайте нам, пожалуйста, координаты его базы.

— С удовольствием, — ответил начальник разведчиков. — Передавайте ему наш большой привет. И не забудьте перенести головастов в бассейн.

Мы распрощались с гостеприимными разведчиками и улетели.

Перед тем как лечь спать, я решил осмотреть головастов. Оказалось, что их сходство с саламандрами только внешнее. Они были покрыты твердой блестящей чешуей, у них были большие печальные глаза с длинными ресницами, короткие хвосты раздавливались и заканчивались густыми жесткими щетками.

Я решил, что перенесу головастов в бассейн с утра — ничего с ними за ночь в аквариуме не случится. Я бросил головастам две охапки водорослей и потушил свет в трюме. Начало было сделано — первые животные для зоопарка уже на борту «Легаса».

Утром меня разбудила Алиса.

— Пап, — сказала она, — проснись.

— А что случилось?

Я посмотрел на часы. Было еще только семь утра по корабельному времени.

— Ты чего вскочила ни свет ни заря?

— Захотела поглядеть на головастов. Ведь их никто еще на Земле не видел.

— Ну и что? Разве для этого надо будить старика отца? Ты бы лучше включила робота. Пока он готовит завтрак, мы бы не спеша встали.

— Да погоди ты, пап, со своим завтраком! — невежливо перебила меня Алиса. — Я тебе говорю, встань и посмотри на головастов.

Что-то в ее голосе меня встревожило.

Я вскочил с койки и, не одеваясь, побежал в трюм, где стоял аквариум. Зрелище, которое я увидел, было потрясающим. Головасты, хоть это и невероятно, за ночь выросли больше чем вдвое и уже не помещались в аквариуме. Их хвосты высовывались наружу и висели почти до самого пола.

— Не может быть! — сказал я. — Срочно надо готовить бассейн.

Я побежал к механику Зеленому и разбудил его:

— Помоги, головасты так выросли, что мне их не поднять.

— Я предупреждал, — сказал Зеленый. — Еще не то

будет. И зачем только я согласился работать в бродя-
чем зоопарке! Зачем?

— Не знаю, — сказал я. — Пошли.

Зеленый надел халат и поплелся, ворча, в трюм.
Когда он увидел головастов, то вцепился себе в бороду
и застонал:

— Завтра они весь корабль займут!

Хорошо еще, что бассейн был заранее наполнен
водой. С помощью Зеленого я перетащил головастов.
Они оказались совсем не тяжелыми, но сильно вырыва-
лись и выскользывали из рук, так что, когда мы опустили
в бассейн третьего, последнего головаста, мы запы-
хались и вспотели.

Бассейн на «Пегасе» невелик — четыре на три метра
и глубина в два метра, — но головастам в нем было при-
вольно. Они начали кружиться по нему, искать пищу.
Не мудрено, что они проголодались — ведь эти существа,
видно, собирались установить рекорд Галактики по ско-
рости роста.

Пока я кормил головастов — на это ушла половина
одного из ящиков с водорослями, — в трюме появился
Полосков. Он был уже умыт, побрит и одет по форме.

— Алиса говорит, что у тебя головасты подросли, —
сказал он, улыбаясь.

— Да нет, ничего особенного, — ответил я, делая
вид, что такие чудеса мне не в диковинку.

Тут Полосков заглянул в бассейн и ахнул.

— Крокодилы! — сказал он. — Настоящие кро-
ко-
дилы! Они же человека проглотить могут.

— Не бойся, — сказал я, — они травоядные. Развед-
чики бы нас предупредили.

Головасты плавали у поверхности воды и высовывали
наружу голодные пасти.

— Опять жрать захотели, — сказал Зеленый. — Ско-
ро за нас примутся.

К обеду головасты достигли длины в два с половиной
метра и доели первый ящик с водорослями.

— Могли бы предупредить, — ворчал Зеленый, имея
в виду разведчиков. — Знали ведь и думали: пускай
специалисты помучаются.

— Не может быть! — возмутилась Алиса, которой
разведчики на прощание подарили вырезанную из де-
рева модель вездехода, шахматы из кости ископаемого

параллелепипеда, ножик для разрезания бумаги, выточенный из коры стеклянного дерева, и еще множество интересных вещей, которые они сами мастерили длинными вечерами.

— Ну что ж, посмотрим, — сказал философски Зеленый и пошел проверять двигатели.

К вечеру длина головастов достигла трех с половиной метров. Им уже трудно было плавать в бассейне, и они покачивались у дна, всплывая, только чтобы схватить пучок водорослей.

Спать я уходил с тяжелым предчувствием, что головастов до зоопарка мне не довезти. Первый зверь оказался комом. Космос порой загадывает загадки, которые простому земному биологу не по зубам.

Встал я раньше всех. На цыпочках прошел по коридору, вспоминая кошмары, которые меня мучили ночью. Мне снилось, что головасты стали длиннее «Пегаса», выползли наружу, летят рядом с нами в космосе и еще пытаются проглотить наш корабль.

Я отворил дверь в трюм и с секунду стоял на пороге, оглядываясь, не выползет ли из-за угла головаст.

Но в трюме стояла тишина. Вода в бассейне была неподвижна. Я подошел ближе. Тени головастов, длиной метра по четыре, не больше, темнели на дне. У меня от сердца отлегло. Я взял швабру и пошевелил ею в воде. Почему головасты не двигаются?

Швабра уперлась в одного из головастов, и он легко отплыл в сторону, прижав к дальней стенке бассейна своих сородичей. Те и не пошевельнулись.

«Подохли, — понял я. — И наверно, от голода».

— Ну и что, папа? — спросила Алиса.

Я обернулся. Алиса стояла босиком на холодном пластике, и вместо ответа я сказал:

— Немедленно надень что-нибудь на ноги, простишься.

Тут открылась дверь и вошел Полосков. За его плечом виднелась огненная борода Зеленого.

— Ну и что? — хором спросили они.

Алиса убежала надевать туфли, а я, не отвечая товарищам, попытался растолкать недвижного головаста. Тело его, словно пустое, легко плавало по бассейну. Глаза были закрыты.

— Сдохли, — сказал печально Зеленый. — А мы так

старались, перетаскивали их вчера! А ведь я предупреждал.

Я перевернул головаста шваброй. Это было сделать нетрудно. Пятнистое пузо головаста было разрезано вдоль. В бассейне плавали лишь шкуры чудовищ, которые сохраняли форму их тел, потому что твердая чешуя, покрывавшая их, не давала шкурам съежиться.

— Ого! — сказал Зеленый, оглядываясь. — Они вылупились.

— Кто? — спросил Полосков.

— Если бы я знал!

— Послушай, профессор Селезнев, — обратился ко мне официально капитан Полосков, — судя по всему, я подозреваю, что на моем корабле находятся неизвестные чудовища, которые скрывались в так называемых головастах. Где они?

Я перевернул шваброй остальных головастов. Они тоже были пусты.

— Не знаю, — честно признался я.

— Но когда ты пришел сюда, дверь была закрыта или открыта?

В голове у меня царило смятение, и я ответил:

— Не помню, Полосков. Может, и закрыта.

— Дела! — сказал Полосков и поспешил к выходу.

— Ты куда? — спросил Зеленый.

— Обыскивать корабль, — сказал Полосков. — И тебе советую осмотреть машинное отделение. Только вооружись чем-нибудь. Неизвестно, кто выводится из головастов. Может, драконы.

Они ушли, а через несколько минут Полосков вернулся бегом и принес мне бластер.

— Чем черт не шутит, — сказал он. — Алису я бы запер в каюте.

— Еще чего не хватало! — сказала Алиса. — У меня есть теория.

— И слышать не хочу твоих теорий, — сказал я. — Пойдем в каюту.

Алиса сопротивлялась, как дикая кошка, но мы заперли все-таки ее в каюте и начали обыск помещений.

Это удивительно, как много трюмов, отсеков, коридоров и прочих помещений таится в сравнительно небольшом экспедиционном корабле! Мы втроем, прикрывая друг друга, потратили три часа, пока не осмотрели весь «Пегас».

Чудовищ нигде не было.

— Ну что ж, — сказал я тогда, — давайте позавтракаем, потом осмотрим корабль еще раз. Куда-то же они должны были деться.

— Я тоже буду завтракать, — сказала Алиса, которая слышала наш разговор по внутреннему телефону. — Выпустите меня из заключения.

Мы выпустили Алису и провели под конвоем в кают-компанию.

Перед тем как начать завтрак, мы заперли дверь и положили бластеры рядом с собой на стол.

— Чудеса! — сказал Полосков, принимаясь за манную кашу. — Куда они спрятались? Может, в реактор? Или выбрались наружу?

— Зловещие чудеса, — сказал Зеленый. — Чудеса не в моем вкусе. Мне с самого начала головасты не понравились. Передай мне кофейник.

— Боюсь, что эту загадку нам никогда не решить, — сказал Полосков.

Я кивнул, соглашаясь с ним.

— Нет, разрешить, — вмешалась Алиса.

— Ты уж молчи.

— Не могу молчать. Если хотите, я их найду.

Полосков засмеялся, и смеялся долго и искренне.

— Трое взрослых мужчин искали их три часа, а ты хочешь их найти в одиночку.

— А так легче, — ответила Алиса. — Спорим, что найду?

— Конечно, спорим, — смеялся Полосков. — На что хочешь?

— На желание, — сказала Алиса.

— Согласен.

— Только я одна их буду искать.

— Ничего подобного, — сказал я. — Никуда ты одна не пойдешь. Ты что, забыла, что по кораблю, может быть, бродят неизвестные чудовища?

Я был сердит на разведчиков с их опасными шутками. Сердит и на себя за то, что лег спать и упустил тот момент, когда оболочки головастов опустели. Сердит на Алису с Полосковым, которые затеяли детский спор в такой серьезный момент.

— Пошли, — сказала Алиса, вставая из-за стола.

— Сначала чай допей, — ответил я строго.

Алиса допила чай и уверенно пошла в трюм, где стоял аквариум. Мы шли за ней, чувствуя себя дураками. Ну зачем, скажите, мы ее послушались?

Алиса быстро оглядела отсек. Попросила Полоскова отодвинуть ящики от стены. Он с улыбкой послушался. Потом Алиса вернулась к бассейну и обошла его кругом. Пустые оболочки головастов темнели на дне. По поверхности воды плавали недоеденные водоросли.

— Вот, — сказала Алиса, — ловите их. Только осторожно: они прыгают.

И тут мы увидели, что на водорослях в ряд сидят три лягушонка. Вернее; не совсем лягушонка, а три создания, очень похожие на лягушат. Ростом с наперсток каждый.

Мы поймали их, посадили в банку, и тогда я, раскавшись в своем упрямстве, спросил Алису:

— Слушай, дочка, как ты догадалась?

— Не в первый раз спрашиваешь, папа, — ответила она, не скрывая гордости. — Все дело в том, что вы все — взрослые, умные люди. И вы мыслите, как ты сам говорил, логически. А я не очень умная и мыслю, как в голову взбредет. Я так подумала: если это головасты, то потом должны быть лягушки. А лягушата всегда меньше головастиков. Вы ходили по кораблю с пистолетами и искали больших чудовищ. И даже их боялись заранее. А я сидела запертая в каюте и думала, что наверно, не надо всегда смотреть вверх и искать что-то громадное. Может быть, посмотреть по углам и поискать ма-а-а-леньких лягушат. И нашла.

— Но зачем же лягушатам такие большие вместилища? — удивился Полосков.

— Я об этом не подумала, — призналась Алиса. — Не догадалась подумать. А если бы подумала, никогда бы не нашла лягушат.

— А что ты скажешь, профессор? — спросил Полосков меня.

— Что сказать? Надо будет тщательно исследовать оболочки головастов. Наверно, они что-то вроде фабрик, которые перерабатывают корм в сложный концентрат для лягушонка... А может быть, большим головастам легче обороняться от врагов.

— А про желание не забудь, Полосков, — строго сказала Алиса.

— Я никогда и ни о чем не забываю, — четко ответил капитан.

Г л а в а

5

СОВЕТЫ ДОКТОРА ВЕРХОВЦЕВА

Мы послали с дороги радиограмму доктору Верховцеву: «Прилетаем в пятницу. Встречайте». Верховцев сразу же ответил, что с радостью встретит нас и проведет на своем космокатере через опасный пояс астероидов, который окружает планету Трех Капитанов.

В назначенный час мы затормозили у пояса астероидов. Густой рой каменных глыб, словно облака, скрывал от нас поверхность планеты. Почему-то нас всех охватило волнение. Нам казалось, что встреча с доктором Верховцевым приведет к важным и интересным событиям. Может быть, даже и к приключениям.

Космокатер доктора мелькнул среди астероидов, словно серебряная стрела. И вот он несется перед нами.

— «Пегас», вы меня слышите? — раздался в динамике глуховатый голос. — Следуйте за мной.

— Какой он, интересно. Ему, наверно, скучно одному на планете, — сказала Алиса, сидевшая с нами на мостике в маленьком, специально для нее сделанном амортизационном кресле.

Никто ей не ответил. Полосков управлял кораблем, я исполнял обязанности штурмана, а Зеленого на мостике не было — он остался в машинном отделении.

«Пегас» изменил курс, обошел клыкастый астероид и тут же послушно скользнул вниз.

Под нами расстилалась пустыня, кое-где изрезанная ущельями и отмеченная оспинами кратеров. Серебряная стрелка катера летела впереди, указывая путь.

Мы заметно снизились. Можно было уже различить скалы и высохшие реки. Потом впереди показалось темнозеленое пятно оазиса. Над ним поднимался купол базы. Катер доктора вошел в вираж и опустился на ровную площадку. Мы последовали его примеру.

Когда «Пегас», чуть покачиваясь, встал на амортизаторы и Полосков сказал «добро», я увидел между зеленью оазиса и нашим кораблем три каменные статуи.

На высоком постаменте стояли три каменных капитана. Даже издали было видно, что два из них — люди. Третий — трехногий тонкий фикс.

— Прилетели, — сказала Алиса. — Можно выйти?

— Погоди, — ответил я. — Мы не знаем состава атмосферы и температуры. Какой ты скафандр собираешься надевать?

— Никакого, — ответила Алиса.

Она показала на иллюминатор. Из серебряного космокатера вышел человек в сером обычном костюме и серой помятой шляпе. Он поднял руку, приглашая нас.

Полосков включил внешний динамик и спросил:

— Атмосфера пригодна для дыхания?

Человек в шляпе быстро закивал — идите, не бойтесь! Он встретил нас у трапа.

— Добро пожаловать на базу, — сказал он и поклонился. — Так редко вижу здесь гостей!

Он говорил немного старомодно, под стать своему костюму.

На вид ему было лет шестьдесят. Это был невысокий, худенький и похожий на добрую старушку человек. Его лицо было исчерчено тонкими морщинками. Доктор все время жмурился или улыбался, и, если иногда его лицо разглаживалось, морщинки становились белыми и широкими. У доктора Верховцева были длинные, тонкие пальцы. Он пожал нам руки и пригласил к себе.

Мы пошли вслед за доктором к зеленым деревьям оазиса.

— Почему здесь кислородная атмосфера? — спросил я. — Ведь планета — сплошная пустыня.

— Атмосфера искусственная, — сказал доктор. — Ее сделали, когда сооружали монументы. Через несколько лет здесь построят большой музей, посвященный героям космоса. Сюда будут привозить отслужившие срок космические корабли и всякие диковинки с дальних планет.

Доктор остановился перед каменной глыбой. На ней были выбиты слова на космоязыке:

«Здесь будет построен Главный музей космоса».

— Вот видите, — сказал Верховцев. — Музей будут строить вместе восемьдесят разных планет. А пока, для начала, в центре планеты установлен мощный реактор, который выделяет кислород из горных пород. Сейчас

здесь еще не очень хороший воздух, но к открытию музея воздух станет самым лучшим во всей Галактике.

Между тем мы подошли к подножию монумента.

Монумент был очень велик, с двадцатисторонней головой, смотревшей в стороны. Мы остановились и, запрокинув головы, рассматривали трех капитанов.

Первый капитан оказался молодым, широкоплечим, стройным. У него был чуть курносый нос и широкие скулы. Капитан улыбался. На плече у него сидела странная птица с двумя клювами и красивой короной из каменных перьев.

Второй капитан был выше его ростом. У него была очень широкая грудь и тонкие ноги, как у всех людей, которые родились и выросли на Марсе. Лицо Второго было острое и сухое.

Третий капитан, трехногий фиксианец в тугом скафандре со шлемом, откинутым на спину, опирался ладонью о ветку каменного куста.

— Они совсем не старые, — сказала Алиса.

— Ты права, девочка, — ответил доктор Верховцев. — Они прославились, когда были молодыми.

Мы вступили в тень деревьев и по широкой аллее дошли до базы. База оказалась обширнейшим помещением, заваленным ящиками, контейнерами и приборами.

— Экспонаты начали в музей присыпать, — словно извиняясь, сказал доктор. — Идите за мной, в мою берлогу.

— Ну прямо как «Пегас» в начале нашего путешествия! — восхитилась Алиса.

И в самом деле, путешествие по базе к жилью доктора Верховцева было похоже на хождение по нашему кораблю, когда он был перегружен посылками, грузами и всяческим оборудованием.

Небольшой закуток между контейнерами, заваленным книгами и микрофильмами, в котором еле умещалась койка, тоже заваленная бумагами и пленками, оказался спальней и рабочим кабинетом хранителя музея доктора Верховцева.

— Рассаживайтесь, чувствуйте себя как дома, — сказал доктор.

Всем нам, кроме хозяина, было совершенно ясно, что рассаживаться здесь негде. Верховцев смахнул груду бумаг на пол. Листки взлетели вверху, и Алиса принялась их собирать.

— Роман пишете? — спросил Полосков.

— Почему роман? Ах да, конечно, жизнь трех капитанов интереснее любого романа. Она достойна того, чтобы ее описать как пример для будущих поколений. Но я лишен литературного дара.

Я подумал, что доктор Верховцев скромничает. Ведь сам прилетал к разведчикам, чтобы найти чертежи корабля одного из капитанов.

— Итак, — сказал доктор, — чем могу быть полезен моим дорогим гостям?

— Нам сказали, — начал я, — что вы все знаете о трех капитанах.

— Ну уж, — Верховцев даже покраснел от смущения, — это явное преувеличение!

Он положил шляпу на груду книг; шляпа старалась съехать вниз, и доктор ловил ее и снова клал на старое место.

— Капитанам, — сказал я, — удалось побывать на многих неизвестных планетах. Они встречали чудесных зверей и птиц. От них, говорят, остались записи, дневники. А мы как раз ищем на других планетах неизвестных животных. Не поможете ли вы нам?

— Ага, вот в чем дело... — Верховцев задумался. Его шляпа воспользовалась этим моментом, соскользнула вниз и исчезла под койкой. — Ах, — сказал он, — если бы я знал заранее...

— Папа, можно, я подскажу доктору? — спросила Алиса.

— Да, девочка, — обернулся к ней доктор.

— У одного каменного капитана на плече сидит птица с двумя клювами и с короной на голове. Такой птицы нет в зоопарке. Может, вы знаете что-нибудь о ней?

— Нет, — сказал Верховцев. — Почти ничего не знаю. А где моя шляпа?

— Под койкой, — сказала Алиса. — Сейчас я достану.

— Не беспокойтесь, — сказал Верховцев и нырнул под койку. Оттуда торчали только его ноги. Он искал там, в темноте, шляпу, шуршал бумагами и продолжал говорить. — Скульпторам дали последние фотографии капитанов. Они выбирали те фотографии, которые им больше нравились.

— Может, они придумали эту птицу? — спросил я, наклоняясь к койке.

— Нет-нет! — воскликнул Верховцев, и его ботинки задергались. — Я сам видел эти фотографии.

— Но хоть известно, где они сняты?

— Первый капитан никогда не расставался с птицей, — ответил Верховцев, — но, когда улетел на Венеру, подарил птицу Второму капитану. А Второй капитан, как вам известно, пропал без вести. Пропала и птица.

— Значит, даже неизвестно, где она водится?

Верховцев наконец вылез из-под кровати. Шляпу он смял в кулаке, и вид у него был смущенный.

— Простите, — сказал он, — я отвлекся.

— Значит, неизвестно, где водится птица?

— Нет-нет, — быстро ответил Верховцев.

— Жалко, — вздохнул я. — Значит, неудача. Ничем мы нам помочь не сможете. А мы так надеялись...

— Почему же не смогу? — обиделся доктор Верховцев. — Я и сам много путешествовал... Дайте только подумать.

Доктор думал минуты три, потом сказал:

— Вспомнил! На планете Эвридика водится Малый дракончик. И еще, говорят, Большой дракончик.

— Знаю, — сказал я. — Большого дракончика как-то застрелил один из капитанов.

— А вы откуда знаете? — спросил Верховцев.

— Знаю. Мне рассказал мой друг археолог Громозека.

— Странно, — произнес Верховцев и наклонил голову, рассматривая меня, словно видел в первый раз. — Тогда я еще подумаю.

Он думал еще минуту и сообщил нам о марсианском богомоле. Это было даже смешно. Марсианские богомолы живут не только во всех зоопарках — их даже дома держат. У Алисы один живет, например.

Тогда Верховцев рассказал нам о головастах, о мухоколе с Фикса, об адских птицах с планеты Труль и о других зверях, известных по книге «Животные нашей Галактики».

— Нет, эти звери нам не нужны.

— Простите, — сказал Верховцев вежливо, — но я всю жизнь интересовался разумными существами, и животные как-то мне не встречались. Можно, я подумаю?

Верховцев снова задумался.

— Где же я бывал? — спросил он сам себя. — Ага, — ответил он, — я бывал на Пустой планете.

— Где?

— На Пустой планете. Это недалеко отсюда, в седней звездной системе.

— Но если это Пустая планета, то какие же там звери? — удивилась Алиса.

— Этого никто не знает. Понимаете, были мы там в понедельник, все небо кишило птицами. А во вторник ни одной птицы — только волки рыщут стаями. И олени. А в среду — ни тех, ни других. Планета опустела.

— Но, может, звери просто откочевали куда-нибудь?

— Нет, — сказал Верховцев, — не в этом дело. У нас был разведкастер, и мы из любопытства облетели всю планету. Ни зверей, ни птиц. Пустота. И не мы одни этому удивлялись. Я вам координаты дам.

— Спасибо, — сказал я. — Но если вы больше ничего вспомнить не можете, тогда покажите нам дневники капитанов. Они-то уж наверно видели разных зверей.

— А кто вам сказал про дневники? — спросил доктор и наклонил голову.

— Наш друг археолог Громозека, — ответил я.

— Никогда не слышал. Да и зачем вам дневники? Я вспомнил о склиссах. О склиссеах с планеты Шешинеру. Их там тьма-тьмущая. Мне рассказывали.

— И за это тоже спасибо, — сказал я. Но мне очень хотелось взглянуть на дневники капитанов, а доктор Верховцев почему-то дневников показывать не хотел. Чем-то мы вызвали у него недоверие.

— Пожалуйста.

— А дневники? — спросила Алиса.

— Ой, девочка, что вам в этих дневниках? Кстати, их здесь и нет. Они на Фиксе. Хранятся в архиве. Да-да, в архиве. — И доктор Верховцев вдруг оживился, словно придумал удачную ложь.

— Ну, как хотите, — сказала Алиса.

Доктор смущался, напялил мятую шляпу на глаза и сказал тихо:

— А еще вы можете побывать на рынке в Палапутре.

— Мы там обязательно побываем, — сказал я. — Мы о нем знаем.

— Тогда я вас провожу, — сказал доктор.

Он встал и повел нас между ящиками и контейнерами к выходу с базы. Он шел быстро, словно боялся, что мы передумаем и не улетим.

Мы вернулись к памятникам. Остановились возле них.

— А что случилось со Вторым капитаном? — спросил я.

— Он погиб, вы же знаете, — ответил Верховцев.

— Нам сказали, что он пропал без вести.

Доктор Верховцев пожал узенькими плечиками.

— А можно найти Первого капитана? — не сдавался я. — Он жив?

— Да, работает где-то в космосе.

— На проекте «Венера»? Но ведь там несколько тысяч человек.

— Вы же сами знаете, как его искать. И ничего вы от меня больше не добьетесь.

— Ну что ж, — сказал я тогда, — спасибо за прием. Мы, правда, думали, что встреча будет иной.

— Я тоже так думал, — сказал Верховцев.

— Может, когда напишите роман, пришлете нам экземпляр?

— Я не пишу романов! Не умею! Кто это придумал?

— Я говорю о том романе, ради которого вы летали месяц назад к разведчикам на Малый Арктур и спрашивали у них об устройстве «Синей чайки».

— Что? — доктор Верховцев взмахнул руками. — Какая «Синяя чайка»? Какие разведчики? Я там полгода уже не был!

— Ну хорошо, хорошо, — сказал я, видя, что доктор совсем растерялся. — Мы не хотели вас обидеть.

— То-то, — сказал Верховцев. — Будете мимо лететь, заходите, всегда буду рад вас видеть. Особенно эту очаровательную девчурку.

Он протянул руку, чтобы погладить Алису по голове, но Алиса отошла на шаг в сторону, и рука доктора повисла в воздухе.

— Значит, не забудьте, — сказал он, остановившись у монумента Трех Капитанов. — Склиссы на Шешинеру и загадка Пустой планеты.

— Спасибо, доктор, — ответил я. — Мы не забудем.

Г л а в а

6

КУСТИКИ

Доктор долго стоял на фоне громадных каменных капитанов и размахивал шляпой. Золотые лучи заходя-

ших солнц освещали его, и казалось, что он тоже статуя, только поменьше остальных.

— А-а-а-а! — донесся вдруг до нас далекий крик. Мы обернулись.

Доктор бежал к нам, увязая в песке.

— За-бы-ыл! — кричал он. — Совсем забы-ыл!

Доктор подбежал к нам и минуты две пытался отышаться, все время начинал одну и ту же фразу, но дыхания не хватало, чтобы ее закончить.

— Ку... — говорил он. — У па...

Алиса попыталась помочь ему.

— Курица? — спросила она.

— Не-ет... ку-устики. Я... забыл про кустики сказать.

— Какие кустики?

— Стоял у самых кустиков и забыл про них сказать.

Доктор показал на монумент. Даже отсюда, издали, было видно, что у ног третьего капитана скульптор изобразил пышный куст, тщательно выпилив из камня его ветви и листья.

— А я думала, что это просто для красоты, — сказала Алиса.

— Нет, это же кустик! Вы никогда не слышали о кустиках?

— Никогда.

— Тогда послушайте. Всего две минуты... Когда Третий капитан был на восьмом спутнике Альдебарана, он заблудился в пустыне. Ни воды, ни пищи — ничего. Но капитан знал, что, если он не дойдет до базы, корабль погибнет, потому что все члены экипажа лежали, пораженные космической лихорадкой, а вакцина была только на базе, на пустой, покинутой базе в горах Сьерра-Барракуда. И вот, когда силы покинули капитана и путь был потерян в песках, он услышал отдаленное пение. Сначала капитану показалось, что это галлюцинация. Но он все-таки собрал последние силы и пошел по направлению к звукам. Через три часа он дополз до кустиков. Кустики растут в тех местах вокруг небольших водоемов, и перед песчаной бурей их листья трутся друг о друга, издавая мелодичные звуки. Кажется, что кустики поют. Вот таким образом кустики в горах Сьерра-Барракуда своим пением указали капитану дорогу к воде, дали возможность переждать страшную

песчаную бурю и спасли жизнь восьмерым космонавтам, погибвшим от космической лихорадки. В честь этого события скульптор на памятнике Третьему капитану изобразил кустик. Так что, я думаю, вам стоит заглянуть на восьмой спутник Альдебарана и в горах Сьерра-Барракуда найти кустики. Кроме того, Третий капитан говорил, что вечером на кустиках раскрываются большие нежные светящиеся цветы.

— Спасибо, доктор, — сказал я. — Мы обязательно постараемся найти эти кустики и привезти их на Землю.

— А они могут в горшках расти? — спросила Алиса.

— Наверно, — ответил доктор. — Но, по правде говоря, я никогда кустиков не видел — они очень редки. И встречаются только у источника в самом центре пустыни, окружающей горы Сьерра-Барракуда.

... Система Альдебарана лежала неподалеку, и мы решили отыскать кустики и, если можно, послушать их пение.

Восемнадцать раз наш космокатер облетел всю пустыню, и лишь на девятнадцатом заходе мы увидели в глубокой ложбине зелень. Разведкатель снизился над песчаными барханами, и нашим глазам предстали кусты, окружавшие родник.

Кусты были невысоки, мне по пояс, у них были длинные, серебристые с изнанки листья и довольно короткие, толстые корни, которые легко выходили из песка. Мы осторожно выкопали пять кустов, выбирая те, на которых нашли бутоны, набрали в большой ящик песка и перенесли наши трофеи на «Пегас».

В тот же день «Пегас» стартовал с пустынного спутника и взял курс дальше.

Как только кончился разгон, я начал готовить к съемкам камеру, потому что надеялся, что на кустах вскоре распустятся светящиеся цветы, а Алиса подготовила бумагу и краски, чтобы эти цветы зарисовать.

И в этот момент мы услышали тихое, благозвучное пение.

— Что такое? — удивился механик Зеленый. — Я не включал магнитофон. Кто включил? Почему мне не дают отдохнуть?

— Это поют наши кусты! — закричала Алиса. — Надвигается песчаная буря?

— Что? — удивился Зеленый. — Откуда в космосе может быть песчаная буря?

— Пошли к кустам, пап, — потребовала Алиса. — Посмотрим.

Алиса побежала в трюм, а я немного задержался, заряжая камеру.

— Я тоже схожу, — сказал механик Зеленый. — Никогда не видел поющих кустов.

Я заподозрил, что на самом деле ему хочется выглянуть в иллюминатор, потому что он опасается, а вдруг и в самом деле надвигается песчаная буря.

Только я кончил заряжать камеру, как услышал крик. Я узнал голос Алисы.

Я бросил камеру в кают-компанию и побежал скорее вниз, к трюму.

— Папа! — кричала Алиса. — Ты только посмотри!

— Спасите! — шумел механик Зеленый. — Они идут!

Еще несколько шагов — и я подбежал к двери в трюм. В дверях я столкнулся с Алисой и Зеленым. Вернее, я столкнулся с Зеленым, который нес на руках Алису. Вид у Зеленого был испуганный и борода разевалась, словно от ветра.

В дверном проеме показались кустики. Зрелище было и на самом деле ужасное. Кустики вылезли из полного песку ящика и, тяжело переступая на коротких уродливых корнях, двигались на нас. Они шли полукругом, покачивая ветвями, бутоны раскрылись, и среди листьев горели, словно зловещие глаза, розовые цветы.

— К оружию! — крикнул Зеленый и протянул мне Алису.

— Захлопните дверь! — сказал я.

Но было поздно. Пока мы толкались, стараясь разминуться, первый из кустов миновал дверь, и нам пришлось отступить в коридор.

Один за другим кустики последовали за своим предводителем.

Зеленый, нажимая по пути все кнопки тревоги, побежал на мостик за оружием, а я схватил стоявшую у стены швабру и попытался прикрыть Алису. Она смотрела на наступление кустиков зачарованно, как кролик на удава.

— Да беги же! — крикнул я Алисе. — Мне их долго не сдержать!

Кустики упругими, сильными ветвями схватились за швабру и вырывали ее из моих рук. Я отступал.

— Придержи их, пап — сказала Алиса и убежала. «Хорошо, — успел подумать я, — что хоть Алиса в безопасности». Мое положение продолжало оставаться опасным. Кустики старались загнать меня в угол, а шваброй я уже не мог действовать.

— Зачем Зеленому огнемет? — услышал я вдруг в динамике голос капитана Полоскова. — Что случилось?

— На нас напали кустики, — ответил я. — Но огнемета Зеленому не давай. Я постараюсь запереть их в отсеке. Как только я отступлю за соединительную дверь, я тебе дам знать, и ты тут же закроешь трюмный отсек.

— Тебе не грозит опасность? — спросил Полосков.

— Нет, пока я держусь, — ответил я.

И в тот же момент ближайший ко мне куст сильно дернулся за швабру и вырвал ее из рук. Швабра отлетела в дальний конец коридора, и кусты, будто ободренные тем, что я безоружен, двинулись ко мне сомкнутым строем.

И в этот момент я услышал быстрые шаги сзади.

— Ты куда, Алиса! — крикнул я. — Сейчас же назад! Они сильные, как львы!

Но Алиса проскользнула у меня под рукой и кинулась к кустам.

Что-то большое, блестящее было у нее в руке. Я кинулся за ней следом, потерял равновесие и упал. Последнее, что я увидел, была Алиса, окруженная зловещими ветвями оживших кустов.

— Полосков! — крикнул я. — На помощь!

И в ту же секунду пение кустов прервалось. Сменилось тихим журчанием и вздохами.

Я поднялся на ноги и увидел мирную картинку.

Алиса стояла в самой гуще кустиков и поливала их из лейки. Кустики раскачивали ветвями, стараясь не упустить ни капли влаги, и блаженно вздыхали . . .

Когда мы загнали кусты обратно в трюм, убрали сломанную швабру и вытерли пол, я спросил Алису:

— Но как же ты догадалась?

— А ничего особенного, пап. Ведь кустики — растения. Значит, их надо поливать. Как морковку. А мы ведь их выкопали, посадили в ящик, а полить забыли. Когда Зеленый схватил меня и старался спасти, я успела подумать: ведь они у себя дома живут у самой воды. И Третий капитан по их пению отыскал воду. А поют они,

когда надвигается песчаная буря, которая сушит воздух и засыпает песком воду. Вот они и волнуются тогда, что воды им не хватит.

— Так чего же ты сразу не сказала?

— А ты бы поверил? Ты с ними воевал, как с тиграми. Ты совсем забыл, что они — самые обыкновенные кустики, которые надо поливать.

— Ну уж самые обыкновенные! — проворчал механик Зеленый. — Гоняются за водой по коридорам!

Тут уж наступила моя очередь как биолога сказать свое последнее слово.

— Так эти кусты борются за существование, — сказал я. — Воды в пустыне мало, родники пересыхают, и, чтобы остаться живыми, кустам приходится бродить по песку и искать воду.

С тех пор кусты мирно жили в ящике с песком. Только один из них, самый маленький и непоседливый, часто вылезал из ящика и подстерегал нас в коридоре, шелестел ветками, напевал, выпрашивал воду. Я просил Алису не перепаивать малыша — и так уж вода сочится из корней, — но Алиса его жалела и до самого конца путешествия таскала ему воду в стакане. И это еще бы ничего. Но как-то она напоила его компотом, и теперь кустик вообще никому прохода не дает. Топает по коридорам, оставляя за собой мокрые следы, и тупо тычется листьями в ноги людям.

Разума в нем ни на грош. Но компот любит до безумия.

Глава

7

ЗАГАДКА ПУСТОЙ ПЛАНЕТЫ

— Куда сначала? — спросил Полосков.

Он разглядывал космическую карту. На ней был проложен курс на Палапутру, где находится рынок зверей. Но там же пунктиром мы наметили курс на Пустую планету, о которой рассказал Верховцев.

— На Палапутру мы всегда попадем, — ответил я. — А вот Пустая планета не указана ни в одном космическом справочнике. Может быть, рискнем?

— Но даже сам доктор Верховцев сказал, что на ней звери пропали. Может, они умерли и мы только время потеряем?

— И горючего мало осталось, — вмешался в наш разговор Зеленый. — Все равно в Палапутре заправляться придется. А разве на Пустой планете заправишься? Вот и останемся без горючего — жди потом, пока кто-нибудь мимо полетит.

Но Зеленого мы не стали слушать. Он ведь пессимист. И мы были уверены, что у него горючего наверняка хватит. Он просто хотел перестраховаться.

— И все-таки, — сказал я, — заглянем на Пустую планету. Это загадка, а нет на свете ничего интереснее, чем разгадывать загадки.

И мы взяли курс на Пустую планету.

К сожалению, через два дня оказалось, что доктор Верховцев дал не совсем точные координаты. Мы должны были уже увидеть звезду, вокруг которой эта планета вращается, а впереди была пустота.

Что делать? Мы решили: летим еще один день и, если ничего не изменится, повернем обратно.

Мы решили так вечером, перед ужином, и после этого Зеленый пошел в радиорубку, чтобы послать радиограмму на Землю о том, что у нас все в порядке, полет проходит нормально. Я отправился вслед за Зеленым.

Я люблю слушать, когда Зеленый включает радио и космос, такой пустынный и необъятный, оживает. Мы слышим, как разговаривают далекие космические базы и планеты, как перекликаются корабли и автоматические маяки передают информацию с ненаселенных планет и астероидов об обстановке, о путях метеоритных потоков и пульсирующих звездах.

Пока Зеленый готовил радиограмму, я вертел ручку приемника.

И вдруг услышал слабый женский голос:

— Нахожусь в секторе 16-2, зарегистрировала неизвестный метеоритный поток, летящий в системе Блук. Через трое суток поток пересечет пассажирскую трассу Блук — Фикс. Прошу сообщить всем кораблям.

— Мы как раз в этом секторе, — сказал я Зеленому.

— Я слышал, — ответил Зеленый, который, оказывается, отложил радиограмму и занес сообщение неизвестного корабля в бортовой журнал.

— А раз уж этот корабль в нашем секторе, давай спросим его о Пустой планете, — сказал я Зеленому. — Может быть, мы сбились с курса.

Зеленый сказал, что тот корабль слишком далеко от нас и не услышит, что наша рация наверняка откажет, что та женщина, которая предупреждала о метеорах, все равно не знает ничего о планете, потому что ее не существует. Зеленый ворчал, а тем временем его руки крутили настройку радио и, когда неизвестный корабль принял наш вызов, он сказал:

— Говорят корабль «Пегас». Мы находимся в вашем секторе и направляемся к Пустой планете, но не знаем, правильно ли летим.

— Сейчас проверю, — ответил женский голос. — Дайте мне ваши точные координаты.

Мы включили связь с мостиком, и Полосков сообщил нам координаты. Мы их передали по назначению.

— Все понятно, — ответил женский голос. — Между вами и Пустой планетой висит облако космической пыли, поэтому вам не видна звезда. Смело летите вперед и завтра минуете облако.

— Большое спасибо, — сказал я неизвестному кораблю. — А то нам дали эти координаты на планете имени Трех Капитанов, но дал не космонавт, а хранитель музея, и мы опасались, что он ошибся.

— Доктор Верховцев? — спросил женский голос.

— Да. А вы его знаете?

— Отлично знаю, — ответила женщина. — Он чудесный и добрый старик. Как жаль, что мы с вами не встретились раньше! Мне надо передать ему письмо, а я не смогу к нему залететь. Некогда. Вы не вернетесь к Верховцеву?

— Нет, — ответил я. — Мы потом полетим на Блук, в город Палапутру. Мы биологи и ищем редких животных.

— Я тоже, — ответил женский голос. — Может, когда-нибудь мы встретимся. Но сейчас некогда. Сейчас я должна спешить. Я ищу живую туманность.

— Последний вопрос, — сказал я. — Вы сами не бывали на Пустой планете?

— Была, — ответил женский голос. — Моря там кишат рыбой, но на суше ни единого животного. Желаю успеха.

В динамике раздался глухой шум, разряды.

— Она включила двигатели на полную мощность, — сказал Зеленый, — она куда-то спешит. Что это за живая туманность?

— Живой туманности не существует, — сказал я. — Эту женщину я встретил на конференции и сказал ей, что она заблуждается. Ты слышал, как она отзывалась о докторе Верховцеве? Чудесный, говорит, старик.

— И все-таки я ему не доверяю, — проворчал Зеленый. — Если он такой чудесный, зачем говорил неправду? Почему он то пишет роман, то не пишет? Почему уверяет, что не летал на Малый Арктур? Почему не захотел показать нам дневники трех капитанов?

И Зеленый снова принялся за радиограмму.

Женщина была права. На следующий день мы засекли в локаторах маленькую звезду, вокруг которой вращалась всего одна планета. Судя по всему, это и была Пустая планета.

Мы опустились в сумерках на берегу большого озера, на краю бесконечной равнины, поросшей ровной, пожелтевшей травой. Шел мелкий дождь, долгий и скучный. Мы долго стояли перед иллюминаторами — ни зверя, ни птицы. Может, и в самом деле здесь и нет ничего?

Алиса с Зеленым пошли за водой к озеру. Вернулись они не скоро, но я не волновался, потому что мне из иллюминатора видно было, что они заняты чем-то на берегу.

Потом Зеленый вернулся, но прошел не на мостик, а к себе в каюту.

— Ты чего ищешь? — спросил я по внутренней связи.

— Удочку, — ответил Зеленый. — Здесь рыбы в озере — тьма-тьмующая. Мы ведром воды зачерпнули, а в ведре сразу три рыбины. Неужели ты, профессор, не хочешь свежей ухи?

— Нет, — ответил я. — И вам не советую. Даже на Земле бывают ядовитые рыбы, а варить уху на неизвестной планете по крайней мере легкомысленно.

— Ну ладно, ладно, — сказал Зеленый. — Тогда поймаем чего-нибудь тебе в коллекцию.

Зеленый убежал обратно на берег, а я захватил Алисин плащ, чтобы она не простудилась, взял сеть и пошел к озеру.

Зеленый сетью ловить рыбу отказался, заявив мне, что это не спорт, а он спортсмен. Но мы с Алисой наловили целое ведро. Отнесли рыбу на корабль. Вслед за нами пришел промокший Зеленый, который тащил свой улов в садке.

— Не забудь дверь на корабль закрыть, — сказал я, ставя ведро у люка.

— Не забуду, — отозвался взволнованным голосом Зеленый, который так стосковался по рыбалке, что готов был ловить рыбу всю ночь, если бы не было так темно.

Утром я первым делом выглянул в иллюминатор. За стеклом светило яркое солнце и множество птиц кружило над кораблем.

— Вот тебе и Пустая планета, — сказал я вслух и пошел будить товарищей. — Вот тебе и Пустая планета, — повторял я. — Вчера рыбы наловили, сегодня птицы стаями кружат.

Алису и Полоскова я разбудил, но Зеленый уже сам поднялся. Он разбирал крючки и лески.

— Готовлю счастье на большую добычу, — сказал он мне. — Чует мое сердце, что здесь щуки водятся с меня ростом.

— Только осторожно, — ответил я. — Смотри, чтоб какая-нибудь щука тебя не поймала.

Потом я спустился к люку, чтобы поглядеть на птиц поближе. И обнаружил неприятную деталь: оказывается, охваченный рыбакским угаром, наш механик забыл закрыть на ночь дверь «Легася». Хорошо еще, что никакой зверь не забрался внутрь, но все до одной рыбы пропали. Видно, птицы залетали в люк, как в пещеру, и перетаскали весь наш вчерашний улов.

— Это очень серьезное нарушение космической дисциплины, — сказал Полосков за завтраком, узнав об оплошности Зеленого. — Но я сам виноват в этом. Так же как и профессор. Мы обязаны были проверить люк.

— Но ничего же не произошло, — сказала Алиса. — Мы сейчас с Зеленым наловим хоть десять ведер. Вы не представляете, сколько в озере рыбы!

— Не в этом дело, — вздохнул Полосков. — Если такое еще раз повторится, мы можем смело поворачивать обратно домой. Значит, мы все такие легкомысленные, что в космосе нам делать нечего.

— Прости, капитан, — сказал Зеленый. Он понимал, конечно, что натворил, но мысль о рыбалке так его взволновала, что одной ногой он был уже на берегу озера.

Я заготовил сети для ловли птиц и вынес ружье, которое стреляет иглами, смазанными сонным составом. Пока я готовился к охоте на птиц, Зеленый сидел на

берегу, и я краем глаза следил за ним. Меня удивило, что он такой понурый. «Может, переживает?» — подумал я.

Тут погода внезапно испортилась. Откуда-то налетел сильный ветер. Он гнул траву, сдувал птиц с неба, поднял на озере высокие волны. Через несколько минут ни одной птицы на небе не осталось. Куда-то они пропятались.

Зеленый поднялся и пошел к кораблю.

Я тоже решил спрятать в корабль сети и подождать, пока погода исправится и птицы вернутся обратно.

— Ну как? — спросил я Зеленого. — Можно поздравить с уловом?

— Никакого улова, — ответил Зеленый. — Не клюет.

— Как — не клюет? Ты же сам говорил, что в озере рыбы полным-полно.

— Это вчера было. А сейчас, видно, вся рыба в глубину ушла.

— А у меня птицы разлетелись, — сказал я. — Так что нам обоим не повезло. Подождем, пока погода исправится. А ты вечером снова к озеру пойдешь? Может, здесь рыба только вечером клюет?

— Не знаю, не верю я этой планете, — мрачно сказал Зеленый. — Ведь не зря ее Пустой планетой называют. Были рыбы — нет рыб. Были птицы — нет птиц.

— Глядите, — сказала Алиса, которая стояла рядом и слышала весь наш разговор. — Смотрите, заяц!

Какой-то зверек прыгал в траве. За ним гнался другой, побольше ростом. Мы не успели разглядеть их как следует, а они уже пропали, только трава колыхалась под ветром.

— Вот видишь, — сказал я, — не пустая планета. Звери здесь есть.

— И зверей тоже не будет, — ответил Зеленый. — Помнишь, что Верховцев говорил? Хоть я Верховцеву и не верю.

— Зеленый, — сказал я, — давай проверим, куда ушла твоя рыба. Запустим в озеро биоискатель. Настроим его на рыб, и как только он обнаружит рыбу, даст сигнал.

— Как хочешь, — сказал Зеленый. — Только нет в озере рыбы. Я же старый рыбак, я знаю, когда озеро пустое.

Я вынес из «Пегаса» биоискатель и запустил прибор в озеро. Биоискатель был в водонепроницаемом кожухе и снабжен двигателем. Я надел наушники и стал ждать сигналов. Приборы показывали, что биоискатель опустился к самому дну озера, потом отплыл дальше, к самой середине. Но сигналов не поступало. Озеро было мертвым. Через полчаса мне пришлось отказаться от поисков. Биоискатель ошибиться не мог — в озере не было ни единой рыбешки.

— Если бы я вчера собственными руками не вытаскивал рыб из воды, никогда бы не поверил, что здесь может что-нибудь водиться, — признался я. — Верховцев был прав, планета странная.

— То-то и я говорю, — сказал Зеленый, смотал удочки и ушел в «Пегас».

— На горизонте большое стадо антилоп, — громко сказал динамик.

Это Полосков сверху, с мостика, увидел животных у самого горизонта.

Но я и без него уже понял, что степь кишит зверьем. В траве бегали мыши полевки, суслик поднялся столбиком неподалеку, какой-то зверь, очень похожий на медвежонка, прошел по берегу озера.

— Ничего страшного, — сказал я. — Будем готовить вездеход и отправимся ловить зверей.

И только мы вывели вездеход из «Пегаса», как начался ливень. Это был дождь куда сильнее вчерашнего; налетел он внезапно и гулко застучал по крыше вездехода. Мы с Алисой нырнули внутрь и, не обращая на стук дождя внимания, взяли курс в глубь степи, туда, где паслось стадо антилоп.

Антилоп не было видно. Не нашли мы и других зверей. И когда я вылез из вездехода и наклонился, чтобы рассмотреть мышей, что бегали в траве совсем недавно, оказалось, что и мыши исчезли. На этот раз я запустил биоискатель над равниной. Биоискатель вернулся обратно, долетев до самого горизонта, и не было никаких сомнений — на этой планете нет ни одного зверя.

— Что же будешь делать? — спросил я с отчаянием у Полоскова, когда мы загнали вездеход обратно в «Пегас» и уселись в кают-компании. — В самом деле пустая планета. И мне не хочется улетать отсюда, пока мы не разгадаем эту тайну.

— Мы же не можем здесь оставаться вечно, — сказал Полосков. — И мы не первые, кто столкнулся с этой загадкой. Может быть, тайна Пустой планеты так и останется неразгаданной.

— Жалко, что Зеленый забыл люк закрыть, — сказала Алиса. — Хоть бы рыбы у нас остались.

— Ладно, он и так расстроен, — прервал я Алису. — Это все-таки удивительно: прилетели вчера, дождь идет — рыб полно озеро, утром птицы летают, потом ветер поднялся, птиц разогнал — звери появились...

— Пап, — сказала вдруг Алиса, — я разгадала тайну этой планеты.

— Ну вот, конечно, — сказал мрачно Зеленый. — Никто не разгадал, а Шерлок Холмс, по прозвищу Алиса, разгадал!

— Осторожней, Зеленый, — сказал Полосков, — я уже проиграл Алисе желание, когда мы искали голо-вастов.

— Правильно, — согласилась Алиса. — У меня ведь не научное мышление.

— Ну, рассказывай, дочка, — сказал я.

— А можно, я буду не рассказывать, а показывать?

— Если хочешь, показывай.

— Тогда посидите здесь минутку, я скоро вернусь.

— Ты наружу? Но там же дождь.

— Не бойся. Я даже промокнуть не успею. А если ты боишься, что со мной что-нибудь случится, то смотри в иллюминатор. Я только до озера и обратно.

Я подошел к иллюминатору. Видно было, как Алиса, прикрывая голову плащом, бежит к озеру как она черпает в нем воду ведерком. Еще раз, еще... Вот она бежит обратно.

Алиса вбежала в кают-компанию и поставила ведерко на стол.

— Поглядите, — сказала она.

В ведерке медленно плавала небольшая рыбка.

— Ого! — сказал Зеленый. — Я совсем забыл, что здесь самый клёв вечером. Где удочки?

— Погоди, — сказала Алиса и сунула руку в ведро. Она достала из ведра рыбку и бросила ее на стол.

— Ты что делаешь?

— Если я права... — начала Алиса, и тут же, у нас на глазах, произошло удивительное превращение. Рыбка

раза два дернулась, взмахнула хвостом, и плавники начали превращаться в крылья, чешуя — в перья, и через минуту на столе уже прихорашивалась, оправляя перья маленькая птичка.

Пока мы смотрели, разинув рты от изумления, на то, как рыба стала птицей, птица взмахнула крыльями и взлетела. Она ударила о потолок кают-компании.

— Ловите ее! — крикнул я. — Она же расшибется!

— Стой, папа, это еще не все, — сказала Алиса.

Птичка несколько раз ударила о потолок и упала обратно на стол. И, упав, она стала превращаться снова. На этот раз исчезли перья, съежились крылья, и перед нами оказался мышонок. Мышонок скользнул по ножке стола и исчез в углу.

— Теперь все ясно? — спросила Алиса.

Она торжествовала. Все-таки не каждый день удается разгадать тайну, которая оказалась не по плечу стольким биологам.

— Но как же ты догадалась? — спросил я.

— А ты мне подсказал. Ты вспомнил о том, что дождь шел вчера — были рыбы, солнце — птицы, ветер — звери.

— Все правильно, — сказал я. — Это удивительная приспособляемость, но вполне оправданная на этой планете. Живые существа принимают здесь такую форму, которая им наиболее удобна. Им не страшны ни ветры, ни дожди, ни солнце. Наверно, если наступает зима, они тоже что-нибудь придумывают.

— Это можно проверить, — сказала Алиса. — Положим рыбку в холодильник.

В холодильник мы пока рыбку класть не стали, но сорудили ей клетку, в которой стоял аквариум, и потом часами любовались тем, как рыба, вылезая из воды, взлетала в воздух или убегала в угол, к кормушке.

Глава 8

ЧТО РАССКАЗАЛИ УШАНЫ

Все коллекционеры и любители всяческих диковин в восьмом секторе Галактики прилетают на планету Блук. Там, у города Палапутра, раз в неделю бывает базар.

В Галактике есть несколько миллиардов коллекционеров. Например, коллекционеры Солнечной системы собираются в первое воскресенье каждого месяца на Марсе, на плоскогорье у Большого канала. Мне рассказывали, что в туманности Андромеды тоже есть могучее братство коллекционеров, а на одной из планет их столько, что они взяли в свои руки власть и вся промышленность той планеты выпускает лишь альбомы для марок, пинцеты и аквариумы.

У марсианских коллекционеров я бывал. Достал там для зоопарка редких летающих рыбок. А вот на Блуке бывать мне не приходилось.

Палапутра оказалась небольшим городом. В ней было очень много гостиниц и складов. А космодрому в Палапутре могла бы позавидовать любая столица.

Как только «Пегас» опустился на бетонное поле, к нему сразу подкатил автомобиль, в котором сидели стражники.

— Вы откуда прилетели? — спросили они Полоскова, затормозив у трапа.

— С Земли, — ответил Полосков.

— Это где?

— В третьем секторе. Солнечная система.

— Ага, так я и думал, — сказал главный стражник.

Он был очень похож на вентилятор. У него было три больших круглых уха, и когда он говорил, то вертел головой так, что поднимался ветер. Поэтому в Галактике жителей Блуга прозвали ушанами.

Стражники поднялись на борт и прошли в кают-компанию.

— А что будете продавать? — спросил стражник.

— Мы хотели бы посмотреть, — ответил я, — нет ли здесь интересных зверей для Московского зоопарка.

— Значит, вы ничего не будете продавать? — спросил стражник.

— Нет.

— И у вас на борту нет никаких зверей?

— У нас есть звери, — сказал я, — но не для продажи.

— Покажите мне их, — сказал стражник.

— Почему? — удивился Полосков. — Мы ваши гости, и вы должны нам верить.

— Вам бы я поверил, — сказал ушан, — но вы мало знаете коллекционеров. Они тащат со всей Галактики

разных тварей, а у нас потом сплошные неприятности. Раньше мы были вежливые и не проверяли кораблей, а теперь проверяем. Научены горьким опытом.

И стражник, поднимая ветер ушами, рассказал нам такую печальную историю:

— Недавно на рынке обнаружился торговец. Он пришел на базар с маленьким мешочком и банкой. В банке были белые червяки. Любители птиц сразу оценили этих червяков. Червяки были калорийные и очень нравились животным. Один коллекционер купил банку червяков. Второй купил, третий. А торговец развязывал мешок и черпал оттуда все новых. Коллекционеры стояли в очередь за червяками. Двести двадцать третьим в очереди стоял известный собиратель экзотических рыбок Крабакас с Баракаса. Он стоял, делать было нечего, и следил за тем, как торговец черпает червяков банкой из мешочка. И подсчитал, что в мешочке может уместиться только три с половиной банки червяков, не больше. Тогда Крабакас с Баракаса догадался, что дело нечисто. Он подошел к торговцу и спросил: «Разве мешок бездонный?»

— Нет, ваше благоушие, — перебил главного стражника его помощник в этом месте рассказа, — он спросил: «Откуда вы берете червяков?»

— Молчи, — сказал третий стражник. — Ничего подобного. Крабакас с Баракаса спросил его: «Дайте мне ваш мешочек посмотреть».

— Молчать! — прикрикнул на своих помощников главный стражник. — Уши откушу, если будете перебивать!.. Торговец не обратил на слова Крабакаса никакого внимания. Может быть, оттого, что диаметр Крабакаса всего полмиллиметра, хотя длиной он восемь метров и сам похож на очень-очень тонкого синего червяка. Тогда Крабакас обратился к коллекционерам, которые стояли в очереди, и воскликнул: «Мне не нравится этот подозрительный торговец!»

— Простите, ваше благоушие, — не выдержал снова помощник стражника, — но я осмелюсь сказать, что Крабакас с Баракаса сказал тогда другим коллекционерам: «Держите вора».

— Ты с ума сошел! — зашипел на него третий стражник. — Крабакас сказал: «Я не менее разумное существо, чем вы, торговец, и попрошу обращать на меня внимание! И вообще отдайте мешок».

— Всё, — замахал ушами начальник стражников. — Я ухожу в отставку!

Стражники поссорились, перешли на свой, совершенно непонятный язык, который состоит в том, что они очень хитрым образом шевелят ушами. В каюте-компании поднялась буря, и неизвестно, чем бы кончилась ссора стражников, если бы порывом ветра не сдуло со стола кофейник. Кофейник разбился, и стражникам стало стыдно за свое поведение.

— Простите нас, — сказал главный ушан. — Мы немного погорячились.

— Ничего, ничего, — сказал я, стараясь не улыбаться и собирая с пола осколки кофейника, пока Алиса бегала за тряпкой, чтобы вытереть коричневую лужу.

— Крабакас с Баракаса, — продолжал главный ушан, — объяснил коллекционерам свои подозрения, и они общими усилиями отняли у торговца маленький мешочек. В мешочке умещалось всего две горсти червей. Но когда они выгребли часть червей наружу, то тут же на глазах черви принялись делиться пополам и расти. Вдруг с дальнего конца базара раздался испуганный крик. Один любитель певчих птиц высыпал корм в клетку и увидел, что черви размножаются на глазах.

— Нет, — сказал второй стражник, взмахивая ушами. — Осмелюсь возразить, ваше благоушие...

Но главный стражник не стал слушать возражения. Он схватил своих помощников за уши и вытащил их из каюта-компании, захлопнул дверь и сказал с облегчением:

— Теперь я расскажу спокойно.

Но дверь тут же приоткрылась, и в щель просунулось ухо непокорного стражника.

— Осмелюсь... — начал он.

— Нет, это невозможно! — Главный стражник прижался к двери тощей спиной и закончил рассказ: — Оказалось, что эти черви размножаются с невероятной быстротой. Так быстро, что в десять минут их уже втрое больше, а за час — в шестьсот раз больше, чем раньше.

— А чем же они питаются? — удивилась Алиса.

— Воздухом, — ответил стражник. — Само собой разумеется, воздухом.

— Кислородом! — крикнул из-за его спины второй стражник.

— Азотом! — закричал третий.

Главный стражник прикрыл лицо ушами от стыда за своих подчиненных. Лишь через пять минут он настолько пришел в себя, что мог закончить рассказ:

— В общем, уже через три часа весь рынок в Палапутре был на метр завален червяками, коллекционеры и торговцы разбежались куда глаза глядят.

— А торговец? — спросила Алиса.

— Торговец в суматохе исчез.

— Убежал, — послышалось из-за двери.

Гора червяков расползлась во все стороны. К вчеру она достигла центра города. Все пожарные машины, которые заливали червяков водой и пеной из огнетушителей, не смогли справиться с нашествием. Червяков пытались жечь, травить, посыпать ДДТ, топтать ногами, но все напрасно. Воздуха на планете становилось все меньше и меньше. Пришлось раздать кислородные маски. Тревожные сигналы SOS полетели с планеты Блук во все концы Галактики. Но спас планету любитель птиц Крабакас с Баракаса. Он напустил на червяков едулок — птичек, маленьких ростом, но настолько прожорливых, что ни один уважающий себя коллекционер их держать не будет: чистое разорение. В конце концов от червяков удалось избавиться, хотя едулки заодно сожрали всех муравьев, пчел, ос, комаров, бабочек, тараканов, шмелей и навозных жуков.

— Так зачем же этот торговец продавал таких опасных червей? — спросила Алиса.

— Как — зачем? Хотел получить прибыль. Ведь этот мешочек был бездонным.

— Нет, — сказала Алиса, — этого быть не может. Не такой уж он дурак. Ведь коллекционеры скоро догадались, в чем дело.

— Конечно, не дурак! — крикнул из-за двери другой стражник. — Он хотел погубить нашу планету!

— А зачем?

— Мы сами не знаем, — признался главный стражник, отошел от двери и впустил своих помощников. — Мы не знаем, но с тех пор проверяем все корабли, приходящие из Солнечной системы.

— Почему именно из Солнечной системы?

— Это тайна, — сказал первый стражник.

— Никакая не тайна, — вмешался второй. — Просто тот торговец был из Солнечной системы. Он был Человек.

— Совсем странно, — сказал я. — Но хоть есть его описание? Как он выглядел?

— Никак. Для нас все люди на одно лицо.

— Все равно должны быть какие-то отличительные черты.

— Была черта, — сказал помощник стражника.

— Молчи! — приказал ему начальник.

— Не буду, — сказал помощник. — Тот человек ходил в головном уборе с горизонтальными полями и поперечным углублением наверху.

— Не понимаю, — сказал я. — Что еще за поперечное углубление?

— Ваше благоушие, покажите им фотографию. Может, они нам помогут, — сказал помощник.

— Нет, нельзя, это секретная фотография.

— Можно. Раз я сказал, она уже не секретная.

— Но ты не сказал, а выдал государственную тайну.

— Тем более.

Тогда его благоушие вынул из кармана фотографию. Фотография была помята, она была любительская, смарзанная, но все равно никаких сомнений не оставалось: на ней был изображен доктор Верховцев с банкой в одной руке и небольшим мешочком — в другой.

— Быть не может! — удивился я.

— Вы его знаете?

— Да. Он живет на планете имени Трех Капитанов.

— Ай-ай-ай, на такой хорошей планете живет такой плохой человек! Когда вы его видели?

— Три дня назад.

— А у нас он был в прошлом месяце. Теперь давайте осмотрим ваш корабль. А вдруг у вас на борту есть червяки?

— У нас нет червяков.

— Запирается, — подсказал своему начальнику второй ушан. — Не хочет говорить.

— Тогда не разрешим выходить в город, — сказал начальник. — Где у вас телефон? Будем считать, что все на борту больны галактической чумой. Тогда вы добровольно улетите. А нет — такую дезинфекцию начнем, что пожалеете, что прилетали.

— Мы ничего дурного не замышляем, — постаралася я успокоить стражника. — Мы этого человека видели только раз. И, может быть, даже не его. Ведь бы-

вают же очень похожие люди. И зачем доктору, директору музея, торговать червяками?

— Не знаю, — сказал печально главный ушан. — У нас столько несчастий! Мы уже перестали доверять нашим гостям.

— А что еще случилось?

— И не спрашивайте. Кто-то истребил почти всех говорунов.

— Говорунов?

— Да, говорунов. Это наши любимые птицы.

Глава 9

НАМ НУЖЕН ГОВОРУН

Мы с Алисой пошли на базар пешком, а вездеходу велели подъехать туда часа через два.

Утро было хорошее, ясное, небо чистое, оранжевое, облака легкие, зеленые, песок под ногами мягкий, голубой.

Мы вышли на главную улицу города. По обе стороны ее стояли гостиницы. Гостиницы были очень не похожи одна на другую, потому что каждая из них строилась специально для жителей той или иной планеты или звездной системы.

Была там гостиница «Крак», похожая на детский воздушный шарик метров сто в поперечнике. Из-под гостиницы торчали края антигравитаторов. В ней останавливались привыкшие к невесомости космические бродяги, у которых не было своей планеты. Они летали на кометах и метеорных потоках и там раскидывали шатры.

Потом мы миновали гостиницу «Чудесное место». Эта гостиница тоже была шаром, но твердым, массивным, наполовину вкопанным в землю. На ней мы увидели вывеску: «Только для жителей метановых планет». Из-за неплотно прикрытой двери шипела струйка газа.

Следующей оказалась гостиница «Сковородка»: ее стены были раскалены — не дотронешься, несмотря на сто слоев изоляции. В «Сковородке» останавливались жители звезд, для которых купание в раскаленной лаве все равно, что для нас купание в пруду летним днем.

Были гостиницы, подвешенные в воздухе и зарытые в землю, были с дверью на крыше и вообще без окон и дверей. И вдруг мы увидели небольшое здание с колоннами, самыми обычными окошками и самой обыкновенной дверью. Над ней была вывеска: «Волгаматушка».

— Смотри, пап, это, наверно, для людей! — сказала Алиса.

Мы остановились перед гостиницей, потому что нам приятно было увидеть ее — все равно что встретиться со старым знакомым.

Из гостиницы вышел высокий человек в форме космонавта торгового флота. Он кивнул нам, и мы сказали ему:

— Здравствуйте. Вы откуда?

— Мы привезли с Земли на планету Блук регенераторы кислорода, — ответил он. — Может быть, вы слышали — здесь случилась неприятность: они чуть было не потеряли весь воздух.

Пока я разговаривал с космонавтом, Алиса стояла рядом и глядела на гостиницу. Вдруг она схватила меня за руку:

— Папа, смотри, кто там.

У окна на третьем этаже стоял доктор Верховцев и смотрел на нас сверху. Встретившись со мной взглядом, он тут же отошел от окна.

— Не может быть! — воскликнул я. — Он не успел бы сюда прилететь.

— Пойдем спросим, как он сюда попал, — сказала Алиса.

Дверь в гостиницу была резная, тяжелая, с позолоченной гнутой ручкой. А внутри холл был отделан, словно боярский терем. Стены расписаны единорогами и красными девицами, а вдоль стен стояли широкие скамьи. Видно, ушанские архитекторы видели знаменитую двадцатисерийную телепередачу «Борис Годунов». Посреди боярских палат я остановился.

— Погоди, Алиса, — сказал я. — Мне все это не нравится.

— Почему?

— Посуди сама: мы только что расстались с доктором Верховцевым, прилетаем сюда, и нам стражники говорят, что он чуть было не погубил планету, потому что

продавал белых червяков, и тут же мы видим его в окне гостиницы.

— Тем более, — сказала Алиса. — Мы должны его спросить, в чем дело.

— Ну ладно, — согласился я и подошел к длинному столу, за которым между чучелом лебедя и пластиковым ковшом стоял ушаственный портье в белом кафтанчике.

— Скажите, — спросил я его, — в каком номере остановился доктор Верховцев?

— Одну минуточку, добрый молодец, — ответил портье, заложил уши за спину и открыл громадную книгу в кожаном переплете с застежками. — Верховцев... — бормотал он. — Ве-ри-хо-ви-цев... Есть Верховцев!

— И где же он живет?

— Восьмом тереме проживает. На третьем этаже, — сказал портье. — А вы будете его друзья?

— Мы его знакомые, — осторожно сказал я.

— Прискорбно, — сказал портье, — что у такого плохого и грубого постояльца есть такие хорошие на вид знакомые.

— А что, — спросил я, — он вас обидел?

— Идите, — ответил портье. — Терем номер восемь. И скажите ему, басурману, что если он будет и впредь варить сосиски на кровати и ломать роботов — стольников-постельников, то мы его попросим съехать с нашего уважаемого постоялого двора.

— А мне Верховцев показался очень тихим человеком, — сказал я Алисе, когда мы поднимались по лестнице.

Навстречу нам спускались люди — линеанцы, фиксианцы и другие существа, которые живут на планетах с такими же условиями, как на Земле. Некоторые из них несли в руках клетки, аквариумы, альбомы с марками или просто сумки. Они спешили на базар.

Восьмой номер находился в самом конце длинного коридора, устланного множеством персидских ковров. Мы остановились перед пластиковой дверью, расписанной под дуб, и я нажал на кнопку звонка.

Никакого ответа.

Тогда я постучал в дверь. От легкого толчка дверь послушно растворилась. Небольшая комната была об-

ставлена и украшена по иллюстрациям в исторических романах из жизни Земли. В ней были хрустальная люстра и керосиновая лампа без фитиля, вольфрамовый самовар и японская ширма. Но Верховцева не было.

— Доктор! — позвал я — Вы здесь?

Никакого ответа.

Алиса вошла в комнату, заглянула за ширму. Я от двери сказал ей:

— Пойдем отсюда, неудобно в чужую комнату залезать...

— Сейчас, пап, — ответила Алиса.

Я услышал за своей спиной чье-то быстрое дыхание. Я оглянулся. В дверях стоял очень толстый человек в черном кожаном костюме. У него были пухлые губы и несколько подбородков, которые лежали на воротнике.

— Вам кто нужен? — спросил он очень высоким, нежным, детским голосом.

— Мы ищем своего знакомого, — ответил я.

— Извините, я живу в соседнем номере, — сказал толстяк, — и я услышал, как пять минут назад человек, который здесь живет, ушел. Вот я и решил вас предупредить.

— А куда он пошел, не знаете?

Толстяк почесал свои подбородки, подумал немного и сказал:

— Я думаю, на базар. Куда бы ему еще пойти?

Мы покинули гостиницу и отправились к базару. «Странный человек доктор Верховцев», — думал я.

Мы миновали гостиницу, сделанную в виде аквариума, — в ней жили обитатели планет, покрытых водой, — и гостиницу, похожую на чайник. Из носика чайника вырывался пар — там жили куксы с Параселя. У них на планете жарко, вода кипит, и планета окутана горячим паром.

Из гостиниц выходили их постояльцы. Многие шли в скафандрах, и скафандры были самые разные. Кое-кто полз по земле, кое-кто летел над нашими головами. Под ногами мелькали коллекционеры ростом чуть побольше муравья, а рядом с ними шествовали коллекционеры ростом чуть пониже слона.

Чем ближе мы подходили к базару, тем гуще становилась толпа, и я взял Алису за руку, чтобы она невзначай

чай на кого-нибудь не наступила или кто-нибудь нечаянно не наступил бы на нее.

Базар раскинулся на много километров. Он был разделен на несколько секций. Сначала мы миновали секцию собирателей раковин. Потом прошли сквозь секцию коллекционеров книг, с трудом пробились сквозь заполненную народом секцию собирателей минералов и драгоценных камней. Через цветочные ряды мы прошли довольно свободно, только в одном месте мне пришлось взять Алису на руки, потому что ей чуть не стало дурно от запаха фиксианских роз.

Но когда мы очутились в секции филателистов, Алиса попросила меня:

— Погоди.

Километровая площадка была уставлена складными столиками. Столиков было, как сказал мне один старожил, четырнадцать тысяч триста. За столиками сидели филателисты — по двое, а где и по четверо. И они менялись марками. Те, кому не досталось места за столиками, обменивались стоя или просто гуляли вокруг. Алиса купила серию объемных движущихся марок с изображением сирианских птиц, черногорскую марку 1896 года, альбом для фиксианских марок, который сам устанавливал марку на нужное место, только поднеси к нему. Потом она поменяла черногорскую марку на две марки с планеты Шешинеру.

— Это специально для тебя, пап, — сказала она.

Одна марка была совсем белая, на второй видневлась лишь надпись маленькими буквами: «Молодой склисс на пастбище».

— Ты, пап, хотел узнать про склисса.

— Но где же склисс?

— А склисс будет завтра, — сказал давешний толстяк, которого мы встретили в гостинице. Он нас догнал.

— Как так — завтра?

— На этих марках изображение появляется не каждый день, а только по четным числам, — сказал толстяк.

— А что будет на второй марке?

— На второй? На второй ничего не будет. Она истрачена.

— Так зачем же она? — удивился я.

— Это очень редкая марка. Жители Шешинеру не любят писать письма, и потому почти все марки с их

планеты попадаются неиспользованные. А пустые марки очень редкие. Ваша дочка правильно сделала, что приобрела такую редкую марку.

Сказав это, толстяк помахал рукой и заспешил, подпрыгивая, дальше.

Мы чуть было не заблудились в секциях, подсекциях и отделениях рынка. Но тут впереди послышались птичьи крики, рычание зверей и писк насекомых. Мы вышли на площадь, установленную клетками, аквариумами, садками, загонами. Это и был отдел космической живности.

Даже мне, опытному космобиологу, было очень трудно разобраться в том, что мы увидели. Звери и птицы были настолько разнообразные, а владельцы их были порой и того разнообразнее, что я начал свое путешествие с грубой ошибки. Я подошел к темно-синей птице на трех двухметровых желтых ногах. От ее ноги тянулась цепочка к ее хозяину, составленному из разноцветных шаров неизвестному мне инопланетчику, и спросил у него, сколько стоит эта прекрасная птица. И тут птица ответила мне на хорошем космическом языке:

— Я не продаюсь. Но если желаете, могу продать вам шаровика разнокрапчатого. И попрошу меня не оскорблять.

Оказывается, я перепутал, кто кого держит на цепочке. Стоявшие вокруг коллекционеры и торговцы рассмеялись, а птица тогда обиделась и стукнула меня по голове длинным клювом.

Я поспешил уйти, потому что птицу охватил гнев и она начала примериваться для следующего удара.

— Папа, — сказала вдруг Алиса, — иди сюда. Смотри, как интересно.

Я оторвался от разглядывания кристаллических жуков, которых мы давно хотели заполучить для зоопарка, и обернулся к ней.

Алиса остановилась перед большим пустым аквариумом. Рядом стоял стульчик, и на нем сидел карлик.

— Посмотри, папа, каких интересных зверей продает этот человек.

— Ничего не вижу, — признался я. — Аквариум пустой.

Человечек грустно вздохнул и смахнул слезу.

— Вы не первый, — сказал он, — вы не первый.

— А что у вас в аквариуме? — вежливо спросил я. — Микроорганизмы?

— Нет, это ужасно! — сказал карлик. — Я уйду. Совсем уйду.

— Папа, — прошептала Алиса так громко, что слышно было за десять метров, — у него там невидимые воздушные рыбы. Он мне сам сказал.

— Невидимые?

— Девочка права, — сказал карлик. — Это самые обыкновенные невидимые рыбы.

— Очень интересно, — сказал я. — А как же вы их ловите?

— Сетями, — сказал карлик. — Невидимыми сетями. Рыбы летят-летят, попадают в невидимые сети, и я их везу домой.

— А можно одну подержать? — спросил я.

— Подержать? — Карлик очень удивился. — А как же вы ее будете держать?

— Руками.

— Но вы же ее не удержите.

— Почему?

— Потому что эти воздушные рыбы очень скользкие. Они ускользают, как только до них дотронешься. Вы мне не верите?

Я не ответил. Тогда карлик взмахнул ручками и воскликнул:

— Пожалуйста! Смотрите, хватайте, выпускайте на волю! Делайте что хотите! Унижайте меня! Оскорбляйте!

Карлик стащил с аквариума большую тряпку, цепко схватил меня за руку и заставил залезть рукой в аквариум.

— Ну? — кричал он. — Ну? Поймали? Ничего вам не поймать!

Рука моя ощущала только пустоту. Никаких рыб в аквариуме не было.

— Здесь ничего нет, — сказал я.

— Ну, вот видите? — обратился карлик, заливаясь слезами, к окружившим нас любопытным. — Он убедился, что рыбы такие скользкие, что их нельзя поймать, но не хочет признаться.

Я поболтал рукой в пустом аквариуме и только вытащил руку наружу, как карлик закричал снова:

— Он выпустил всех моих рыб! Он их распугал! Раз-

ве я не предупреждал, что нельзя болтать рукой в аквариуме? Теперь я нищий! Я разорен!

Зрители недовольно роптали на двадцати языках и глядели на меня с осуждением.

Даже Алиса сказала:

— Ну зачем же ты так, папа?

— Но неужели вы не понимаете, — обратился я к окружающим, — что в аквариуме ничего не было?

— Откуда нам знать? — ответил мне вопросом полосатый, как тигр, с белыми усами житель планеты Икес. — А если он прав? Если рыбы невидимые и их нельзя поймать? Как мы можем проверить, что он говорит неправду?

— Правильно, — поддержал его ушан. — Зачем ему лететь с другой планеты и везти пустой аквариум?

— Чтобы каждый день продавать его снова, — сказал я.

Но никто меня не слушал.

Пришлось заплатить печальному карлику за десять редких рыб. Карлик, видно, не ждал, что я так быстро сдамся, и был растроган, благодарил и обещал, если поймает невидимую рыбку, обязательно принесет ее мне. А когда мы уже собирались уходить, он сказал:

— Девочка, разреши, я сделаю тебе маленький подарок.

— Пожалуйста, — сказала Алиса. — Я буду очень рада.

— Возьми.

Карлик покопался в кармане и вынул оттуда пустую руку. Сложил ладонь лодочкой, как будто в ней что-то было, и протянул Алисе.

— Это, — сказал он, — шапка-невидимка. Бери, не стесняйся. Я люблю делать хорошим людям бесценные подарки. Только осторожно. Шапка соткана из такой тонкой ткани, что она ничего не весит и ее нельзя почувствовать.

Алиса поблагодарила жулика, сделала вид, что прячет подарок в сумку, и мы пошли дальше.

Вдруг под ноги к нам бросилось непонятное существо. Оноказалось пушистым шариком на палочках и доставало до колен. Удивительного цвета было это существо — ярко-красное в белую крапинку, как мухомор.

— Держи его, пап! — сказала мне Алиса. — Он убежал у кого-то.

— И не подумаю, — сказал я, кладя в карман бумажник. — Может, это не животное, а коллекционер,

который ищет убежавшего зверя. Я его поймаю, а он вызовет полицию за то, что я его оскорбил, не догадавшись, какой он умный.

Но тут же мы увидели, как вдогонку за красным шариком спешит толстая двухголовая змея в блестящем переливающемся скафандре.

— Помогите, — кричала она. — Индикатор убежал!

Красный шар пытался укрыться за моими ногами, но змея протянула одну из ста тонких ножек, болтавшихся у нее по бокам, и подхватила беглеца. Он тут же изменил цвет с красного на желтый и подобрал прямые ножки.

— Простите, — сказал я толстой змее, — что это за животное?

— Ничего интересного, — сказала змея. — Таких у нас на планете много. Мы их зовем индикаторами. Они не умеют говорить, зато меняют цвет в зависимости от настроения. И бывают очень любопытные цвета. У вас нет куска сахара?

— Нет, — сказал я.

— Жалко, — ответила змея и достала откуда-то кусок сахара.

При виде сахара шарик пошел лиловыми разводами.

— Радуется, — сказала змея. — Правда, красиво?

— Очень, — согласился я.

— Мы им специально придумываем новые ощущения, чтобы найти необыкновенные цвета. Хотите, я его стукну? Он станет черным.

— Нет, не надо, — сказал я. — А вы не продадите его нам для Московского зоопарка?

— Нет, — ответила одна из голов змеи; другая тем временем молча свесилась вниз. — Обменять могу.

— Но у меня не на что меняться.

— Ну вот на эту штуку, на этого звереныша, — сказала змея и показала сразу десятью ножками на Алису.

— Нельзя, — сказал я, стараясь не обижаться, потому что сам недавно принял разумное существо за неразумную птицу. — Это моя дочь.

— Фу, какой ужас! — воскликнула гневно змея. — Я немедленно вызову блюстителей порядка. Это же запрещено!

— Что запрещено? — удивился я.

— Запрещено торговать своими детьми. И обмени-

вать их на зверей тоже запрещено. Неужели вы не читали правил у входа на базар? Вы изверг и варвар!

— Ничего подобного, — засмеялся я. — Я с таким же успехом могу продать Алису, как она меня.

— И того хуже! — закричала змея, прижимая к груди цветной шар: индикатор, видно, перепугался и стал белым с красными крестиками вдоль спины. — Дочь торгует собственным отцом! Где вы такое видели?

— Честное слово, — взмолился я, — мы друг друга не продаем! У нас на Земле вообще не принято отцам продавать своих детей, а детям — своих родителей. Мы просто пришли вместе купить каких-нибудь редких зверей для нашего зоопарка.

Змея подумала немножко и сказала:

— Не знаю уж, верить вам или нет. Лучше спросим у индикатора. Он такой чувствительный. — Она наклонила обе головы к индикатору и спросила его: — Этим странным существам можно верить?

Индикатор стал изумрудно-зеленым.

— Как ни странно, он уверяет, что можно.

Тут змея успокоилась и добавила совсем другим тоном:

— А ты хочешь, чтобы я тебя им отдала?

Индикатор стал золотым, словно луч солнца.

— Очень хочет, — перевела его эмоции змея. — Берите его, пока я не раздумала. И еще возмите справочник «Как кормить индикатор и как добиться нежно-розовых эмоций».

— Но я не знаю, что дать вам взамен.

— Ничего, — сказала змея. — Я же вас оскорбила подозрениями. Если вы в обмен на индикатор согласитесь меня простить, я до вечера буду счастлива.

— Ну конечно, мы на вас не обижаемся, — сказал я.

— Нисколько, — сказала Алиса.

Тогда змея взмахнула множеством своих ножек, шар-индикатор взлетел в воздух и упал на руки Алисе. Он оставался золотым, только по его спине, словно живые, бежали голубые полоски.

— Он доволен, — сказала змея и быстро уползла, не слушая наших возражений.

Индикатор спрыгнул с Алисиных рук и пошел сзади нас, пошатываясь на тонких прямых ножках.

Нам встретилась целая семья ушанов. Большой ушан,

уши у которого были больше, чем у слона, его жена-ушанка и шесть ушат. Они несли канарейку в клетке.

— Смотри! — воскликнула Алиса. — Это канарейка?

— Да.

— Это не канарейка, — сказал строго отец-ушан. — Это райская птица. Но мы ее совсем не хотели покупать. Мы искали настоящего говоруна.

— И не нашли, — сказали хором ушата, поднимая ветер ушками. — Нет ни одного говоруна.

— Это удивительно! — сказала нам ушанка. — Еще в прошлом году полбазара было занято говорунами, а теперь их совсем не стало. Вы не знаете, почему?

— Нет, — сказал я.

— И мы не знаем, — ответил ушан. — Придется нам разводить райских птиц.

— Папа, — сказала Алиса, когда они ушли, — нам нужен говорун.

— Почему? — удивился я.

— Потому что всем нужен говорун.

— Ладно, пойдем искать говоруна, — согласился я. — Только сначала я предлагаю тебе посмотреть на паукаткача-троглодита. И если нам его отдадут, мы его обязательно купим. Это заветная мечта нашего зоопарка.

Глава 10

МЫ КУПИЛИ ГОВОРУНА

Мы с Алисой обошли весь базар, купили для зоопарка восемнадцать разных зверей и птиц, большинство из которых на Земле еще никому не приходилось видеть. Алиса спрашивала каждого торговца или коллекционера:

— А где достать говоруна?

Ответы были самые разные.

— Говоруны перестали класть яйца, — сказал один.

— Говоруны перемерли от загадочной болезни.

— Говорунов держать нельзя.

— Кто-то скупил всех говорунов на планете.

— Говорунов никогда и не было.

И еще много других ответов. Но мы так и не поняли, что же произошло на самом деле. Все признавали, что раньше говоруны были самыми обычными птицами и

их любили держать дома и в зоопарках. Но за последний год говоруны почти все куда-то исчезли. Говорили, что по домам ходили люди и скупали говорунов. Говорили, что из зоопарка говорунов кто-то украл. Говорили, что в главном говорунье питомнике они заболели лихорадкой и умерли. И чем безнадежнее было найти говоруна, тем больше Алисе хотелось хотя бы поглядеть на эту птицу.

— А что в говорунах особенного? — спросил я Крабакаса с Баракаса, с которым мы только что познакомились.

— Ничего особенного, — ответил Крабакас вежливо, свивая в кольца синий хвост. — Они говорят.

— Попугай тоже говорит, — сказал я.

— Про попугаев не знаю, не слышал. Но, может быть, у вас называют попугаями говорунов?

— Может быть, — согласился я, хотя вряд ли попугаи водились на этой планете. — А где они водятся?

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Крабакас с Баракаса. — Может быть, они водились именно на этой планете. Я слышал, что говоруны могут летать между звезд и всегда возвращаются к родному гнезду.

— Не найти нам говоруна, — сказал я Алисе. — Придется возвращаться. Тем более, что твой индикатор уже проголодался.

Индикатор услышал мои слова и в знак согласия стал светло-зеленым.

Мы повернули к выходу, и тут меня остановил крик Крабакаса. Он, как синий смерч, взвился над клетками.

— Эй! — кричал он. — Землянин, вернись скорей сюда!

Я вернулся. Крабакас свился в клубок и сказал:

— Хотели посмотреть на говоруна? Ну, тогда считайте, что вам сказочно повезло. У меня за клетками спрятался человек, который принес настоящего взрослого говоруна.

Алиса, не дослушав, бросилась обратно, и за ней семенил индикатор, переливаясь от нетерпения всеми цветами радуги.

За стеной птичьих клеток спрятался маленький ушан с прижатыми ушами. Он держал за хвост большую белую птицу. У птицы было два клюва и золотая корона.

— Ой, — сказала Алиса, — ты узнаешь ее, папа?

— Что-то знакомое, — сказал я.

— «Знакомое»! — передразнила меня Алиса. — Эта птица сидит на плече статуи Первого капитана!

Алиса была права. Я вспомнил. Конечно, именно говоруна изобразил скульптор.

— Вы продаете птицу? — спросил я у ушана.

— Тише! — зашипел тот. — Если вы не хотите ее и меня погубить, тише!

— Покупайте без разговоров, — сказал мне на ухо Крабакас с Баракаса. — Я бы сам купил, но вам она нужнее. Может быть, это последний говорун на планете.

— Но почему такая тайна? — спросил я.

— Я и сам не знаю, — ответил хозяин говоруна. — Я живу далеко от города и редко здесь бываю. Давным-давно, несколько лет назад, этот говорун прилетел ко мне. Он был истощен и ранен. Я его выходил, и он с тех пор жил у меня в доме. Этот говорун, видно, за свою жизнь побывал на разных планетах. Он говорит на многих языках. Несколько дней назад я был по делам в городе и встретился в столовой с одним старым другом. Мы разговаривали, и старый друг сказал мне, что в городе совсем не осталось говорунов. Кто-то их скупает или убивает. А я тогда ответил другу, что у меня живет говорун. «Береги его», — сказал мне друг. Тут к нам подошел один землянин и сказал, что хочет купить говоруна...

— Он был в шляпе? — спросила вдруг Алиса.

— В шляпе, — ответил ушан. — А вы откуда знаете?

— Пожилой и худой?

— Да.

— Значит, это он, — сказала Алиса.

— Кто — он? — спросил Крабакас с Баракаса.

— Тот самый, который торговал червяками.

— Конечно, это он, злодей! — воскликнул Крабакас.

— Погодите, не перебивайте, — остановил нас ушан. — Я тогда отказался продать свою любимую птицу и поехал обратно домой. И представляете, в ту же ночь кто-то старался проникнуть в мой дом. А на следующую ночь меня хотели поджечь. Но говорун проснулся и разбудил меня. Вчера я нашел еще не оконченный подкоп под мой дом. А сегодня ночью в мою спальню кто-то бросил огромный камень. И я понял: если оставлю птицу дома, не жить мне на свете. Если не боитесь смерти, берите птицу, но за последствия я не отвечаю.

— Берите, — сказал Крабакас, — птица редкая, хорошая, а вам все равно улетать отсюда. Вам не страшно.

— Берем, папа? — спросила Алиса и протянула руку к говоруну.

Я не успел ответить, как говорун легко взлетел на плечо Алисы.

— Прощай, друг, — вздохнул ушан.

Я расплатился с ушаном, и тот сразу убежал. Даже деньги считать не стал.

— Кормить говоруна можно белым хлебом, — сказал нам на прощание добрый Крабакас, — и молоком. Полезно давать шиповниковый сироп.

Сказав так, Крабакас свернулся в синий клубок и улегся на клетку с канарейками.

Мы отправились к выходу с базара. Впереди шла Алиса, и на плече у нее сидел говорун. Правда, он еще не сказал ни слова, но это меня не волновало. За Алисой семенил индикатор и задумчиво менял цвета. Потом шел я и вел на поводке купленного за бешеные деньги, очень редкого, работящего, почти разумного паука-ткача-троглодита. Паук прядя аккуратный шерстяной шарф в клеточку, и уже связанный конец шарфа волочился по земле. Сзади ехал автоматический вездеход, полный клетками и аквариумами, — там для человека и места бы не нашлось. Со всех сторон к нам обрачивались коллекционеры и повторяли на десятках языков:

— Смотрите, говоруна несут!

— Говорун!

— Живой говорун!

Вдруг говорун наклонил голову набок и заговорил.

— Внимание! — сказал он по-русски. — Посадка на эту планету невозможна. Я перехожу на планетарную орбиту, а ты, друг милый, не забудь включить амортизаторы.

Сказав это, говорун без всякой паузы перешел на незнакомый нам язык и барабанил на нем минуты две.

— Вот это попугай! — сказала Алиса.

Говорун замолчал, прислушался к ее словам и повторил:

— Вот это попугай!

Потом еще подумал и произнес моим голосом:

— Но почему такая тайна?

Потом голосом своего прежнего хозяина:

— В ту же ночь кто-то старался проникнуть в мой дом. А на следующую ночь меня хотели поджечь.

— Все ясно, — сказал я. — Нам с тобой, Алиса, повезло: это сверхпопугай, всем попугаям попугай. Он запоминает сколько угодно слов, и притом сразу.

А тем временем говорун снова начал говорить по-русски:

— Слушай, Второй, мне нечего тебе подарить. Хочешь, бери моего говоруна. Он будет тебе напоминать о наших скитаниях — ведь у него в голове все умещается, до последнего слова. И ты знаешь, как его настроить на нужный текст.

Говорун ответил сам себе другим голосом:

— Спасибо, Первый. Мы еще увидимся...

Потом в горле говоруна что-то затрепетало, загудело, словно вдали поднимался в небо космический корабль.

— Папа, ты понимаешь, что он говорит? — спросила Алиса.

— Кажется, да, — ответил я. — Кажется, это голоса знаменитых капитанов.

Мы вышли с площади и постарались обойти секцию филателистов, чтобы не проталкиваться с нашим необыкновенным грузом сквозь толпу. Навстречу нам кинулся знакомый толстяк в черном кожаном костюме.

— Ну как? — спросил он. — Нашли, что искали?

— Да, — ответил я. — Все в порядке.

— Мы говоруна купили, — сказала с гордостью Алиса. — И он запомнил такие интересные вещи, что вы и не представляете.

В этот момент говорун снова открыл свои клювы, расправил коронку на голове и заговорил голосом Первого капитана:

— Ты же знаешь, Второй, как мне хочется снова уйти в космос. Но всему есть предел.

Толстяк обернулся к Алисе, увидел говоруна, и лицо у него стало похожим на плоский блин, а глаза побелели и спрятались глубоко в глазницах.

— Уступите его мне, — сказал толстяк.

— Почему? — удивился я.

— Так надо, — сказал толстяк и протянул руку к говоруну.

Говорун изловчился и больно клюнул его в палец.

— Ой! — крикнул толстяк. — Проклятая тварь! Я давно за тобой охочусь!

— Уберите руку, — сказал я.

Толстяк опомнился.

— Извините, — сказал он. — Я давно ищу говоруна. Я специально за ним прилетел за восемьдесят световых лет. Вы не можете мне отказать! Я заплачу, сколько вы хотите.

— Но мне не нужны ваши деньги, — сказал я. — У нас на Земле вообще уже нет денег. Мы берем их с собой, только когда летим в космос, в те места, где еще есть деньги.

— Но я вам дам за эту птицу все, что вы хотите! Я вам подарю целый зоопарк!

— Нет, — ответил я твердо. — Насколько я понимаю, говорунов уже почти не осталось. В зоопарке он будет в безопасности.

— Отдайте, — сказал толстяк злобно. — А то отниму.

— Только посмейте! — сказал я.

Мимо проходили два полицейских-ушана. Я обернулся к ним, чтобы позвать их на помощь, но толстяк как сквозь землю провалился.

Мы пошли дальше.

— Видишь, папа, с говорунами связана какая-то тайна, — сказала Алиса. — Ты никому его не отдавай.

— Не бойся, — успокоил я ее.

Мы шли по пустынной дороге. За невысокой изгородью шумел рынок. Впереди уже виднелись гостиницы города Палапутры. Вдруг сзади послышались легкие шаги. Я быстро обернулся и замер от удивления.

По дороге бежал, догоняя нас, доктор Верховцев. Шляпа его была сдвинута набок, костюм измят, и на вид он был еще худее, чем прежде.

— Профессор, — сказал он мне, задыхаясь, — вам грозит страшная опасность. Как хорошо, что мне удалось вас догнать! Какое счастье!

— Что за опасность? — спросил я.

— Опасность кроется в говоруне. Если вы с ним не расстанетесь немедленно, ваш корабль погибнет. Я знаю точно.

— Послушайте, доктор Верховцев, — сказал я сердито, — ваше поведение более чем странно. Вы себя очень таинственно вели на планете имени Трех Капитанов и

сказали нам, что не знаете, какая птица изображена на памятнике. Потом вы, как говорят, приехали сюда и пытались уничтожить весь кислород на планете, торгую белыми червяками. Вы плохо вели себя в гостинице: варили сосиски на кровати и ломали роботов-столовников. А теперь требуете, чтобы мы отдали вам говоруна... Нет, не перебивайте меня. Когда вы одумаетесь, приходите к нам на корабль, и там мы поговорим в спокойной обстановке.

— Вы пожалеете, — сказал Верховцев и сунул руку в карман.

Индикатор покраснел от страха. Паук-ткач-троглодит замахал на Верховцева недовязанным шарфом.

— Осторожнее, папа, у него пистолет! — крикнула Алиса.

— Полосков! — сказал я в микрофон, висевший у меня на груди. — Засеки мои координаты! Мы в опасности! Срочно на помощь!

Услышав мои слова, Верховцев замер, раздумывая. На наше счастье, на дороге показалась большая толпа коллекционеров, которые волокли упиравшегося зеленого слона. Верховцев перемахнул через загородку и исчез.

— Ой, как мне все это нравится! — сказала Алиса. — Какие настоящие приключения!

А мне, честно говоря, не очень нравятся такие приключения. Ведь мы ехали собирать животных для зоопарка, а не воевать с доктором Верховцевым.

Через три минуты над нами повис катер с «Пегасом». Это Полосков прилетел на помощь. Катер медленно летел над нами до самого корабля, и мы добрались до него без всяких осложнений.

Глава 11

КУРС К СИСТЕМЕ МЕДУЗЫ

Как только мы разместили зверей в клетки и накормили их, я прошел на мостик и послал телеграмму на базу разведчиков на Малом Арктуре. Телеграмма была такая:

«Проверьте, где находится доктор Верховцев. Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает».

Вечером пришел ответ с Малого Арктура:
«Доктора Верховцева на планете Трех Капитанов нет.
Больше ничего пока сообщить не можем».

— Мы и без них знаем, что его нет на планете Трех Капитанов, — сказал, прочтя телеграмму, Полосков. — Он здесь.

Для говоруна мы сделали большую клетку и повесили ее в кают-компании. Говорун весь день бормотал что-то на незнакомых языках и никак не хотел изобразить кого-нибудь из капитанов. Но Полосков все равно поверил нам с Алисой и сказал:

— Я тоже думаю, что это тот самый говорун, который принадлежал Первому капитану и которого Первый капитан подарил Второму, когда они расстались.

— А не может так быть, — спросила Алиса, — что Верховцев специально гонялся за всеми говорунами, потому что хотел заполучить этого самого говоруна?

— Но зачем ему говорун? — спросил я.

— Как — зачем? Мы знаем, что Второй капитан пропал без вести. И никто не знает, где он. Мы знаем, что у него был говорун...

— Правильно! — сказал механик Зеленый. — Конечно! Наша девочка совершенно права. Капитана нет, а говорун здесь. Значит, говорун знает, где капитан. И Верховцев хочет это узнать.

— Так почему он делает из этого тайну? — спросил я. — Мы бы ему с удовольствием помогли.

Послышался стук. Кто-то пришел к нам.

Я отправился к люку и раскрыл его. На трапе стоял толстяк в черном кожаном костюме.

— Простите за беспокойство, — сказал он. — Я хотел извиниться за мое поведение на рынке. Но мне так хотелось получить живого говоруна, что я не удержался.

— Ничего, — ответил я, — мы не обижаемся. Только говоруна мы вам все равно не отдадим.

— Ну и не надо, — сказал толстяк весело. — Только я не хочу, чтобы вы обо мне плохо думали. Пожалуйста, не откажите мне в любезности, возьмите на прощанье от меня подарок.

Он протянул мне очень редкое животное: алмазную черепашку с Менаты. Панцирь этой чёрепашки сделан из настоящих алмазов и сверкает так, что глазам больно смотреть.

— Берите, не стесняйтесь, — сказал толстяк. — У меня их три.

Конечно, мне не стоило брать подарок от такого странного человека, надо бы поостеречься. Но ведь ни в одном зоопарке Земли нет алмазных черепашек! Пять лет мы охотились за ней, и вот нашелся человек, который нам ее дарит.

— Не отказывайтесь, — сказал толстяк. — До свиданья. Может, еще увидимся. Запомните, меня знают на ста планетах и зовут Весельчик У.

И он затопал башмаками по трапу, спустился вниз и, подпрыгивая на ходу, направился к Палапутре.

Уже стемнело, оба солнца планеты сели почти одновременно, только с разных сторон горизонта, и потому над космодромом пылали два заката, один красивее другого. И я подумал, что все-таки нельзя думать о людях плохо. Вот толстяк, например, настоящий энтузиаст биологии. И не пожалел подарить нам такое редкое животное.

В очень хорошем настроении я вернулся в кают-компанию и показал моим друзьям подарок. Черепашку передавали из рук в руки, и все любовались причудливой игрой света на алмазах ее панциря.

— Куда дальше летим? — спросил Полосков после ужина.

— К склиссам, — сказала Алиса, — на планету Шешинеру.

— Ну что ж, — согласился я, — мы все равно туда собирались.

И вдруг говорун, до того сидевший смирно и глядевший, как мы пьем чай, снова заговорил.

— Ты собираешься лететь? — спросил он голосом Первого капитана.

— Да. Я полечу ему навстречу, — ответил говорун голосом Второго капитана.

— Ну ладно, Второй, если будет трудно, позовешь меня на помощь.

— Если смогу.

— Пришли говоруна. Он расскажет. Я знаю, как заставить его говорить. Ты ему передашь все подробности.

— Ну, до встречи.

— До встречи.

Говорун замолчал.

— Ну, ты слышал, Полосков? — спросила Алиса.

— Конечно, слышал, не кричи, — ответил Полосков и задумался.

Говорун покачал золотой короной, словно раздумывал, продолжать или нет. И вдруг сказал медленно и раздельно голосом Второго капитана:

— Держи курс в систему Медузы.

Мы ждали, не заговорит ли говорун снова. Но говорун закрыл глаза и сунул голову под крыло.

— Значит, Второй капитан попал в беду и послал говоруна за помощью, — сказала Алиса. — Как же заставить говоруна все нам рассказать?

— Погодите, — вмешался я. — Ну с чего вы решили? Ведь говорун не полетел на Венеру, где работает Первый капитан, а вернулся на родную планету. Значит, его никто никуда не посыпал. Второй капитан мог просто погибнуть. И тогда говорун полетел домой.

— Все может быть, — сказал Полосков и поднялся из-за стола.

Он вышел из кают-компании и вернулся через пять минут, принеся с собой карту Галактики. Он расстелил ее на столе, отодвинув чашки, и ткнул пальцем в край карты.

— Здесь, — сказал он, — находится система Медузы. Совершенно неисследована. В ней есть планеты. Я предлагаю лететь туда. Если капитан жив, то мы ему поможем. Если он погиб, мы, по крайней мере, будем знать, где это случилось.

— Но ведь он мог погибнуть в открытом космосе, — возразил я.

— Но что могло случиться с великим капитаном в открытом космосе?

— Взрыв корабля, например.

— А говорун остался цел?

— Ну, мало ли что может случиться!

Я молчал. В конце концов, у экспедиции были свои задачи, и неизвестно, есть ли вообще какие-нибудь животные в системе Медузы. Пока мы долетим до системы и вернемся обратно, пройдет все время, отпущенное на экспедицию. А ведь мы ничего не знаем, кроме того, что сказал говорун. Вдруг капитан побывал там, а погиб совсем в другой части Галактики? Об этом я и сказал своим товарищам. Но чем больше я говорил, тем меньше был уверен в своей правоте и тем больше понимал, что ни Полоскова, ни Алису я не убедил.

— Хорошо, — сказал я наконец, — попытка не пытка. Только сначала мы отправимся на Шешинеру. Надо же разобраться, кто такие склиссы.

— Добро, — согласился Полосков, водя пальцем по карте. — Это по дороге. Кроме того, мы сможем останавливаться по пути на других планетах и искать редких животных для зоопарка.

— Теперь спать, — сказал я. — Завтра с утра подъем и отлет. Все звери накормлены, напоены?

— Так точно, товарищ начальник экспедиции, — ответила Алиса, которая отвечала за кормление зверей.

— А где алмазная черепашка? — спросил я.

— Только что здесь была, — сказал Полосков. — Где же она?

Мы потратили целый час, облазили весь корабль и нашли алмазную черепашку только с помощью индикатора, который отыскал ее у самого люка.

— Видно, убежать хотела, — сказал Зеленый. — Я же предупреждал. За этими черепашками глаз да глаз. Индикатор пожелтел.

Я вытащил табличку цветовых чувств индикатора, которую дала мне двухголовая змея, и сказал:

— Желтый цвет — недоверие.

— Не веришь черепашке? — спросил Зеленый у индикатора. — Я тоже.

Индикатор стал таким желтым, что даже свет ламп померк.

— Ну ладно, — сказал тогда я. — Запрем ее в клетку.

Индикатор оставался таким же желтым, но по спине его поплыли черные полосы. Таблица сообщила нам, что черные полосы на желтом фоне означают несогласие.

— Ну хорошо, — сказал я. — Если ты такой недоверчивый, мы ее на ночь закроем в сейф.

И тогда индикатор стал счастливого темно-зеленого цвета.

Глава 12

ТАКОЕ ПЕЧАЛЬНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Когда «Пегас» подлетал к планете Шешинеру, посылок и грузов в нем заметно поубавилось. Можно было

ходить по коридорам и не натыкаться на мешки, ящики и контейнеры.

Мы миновали уже третью Галактику и оказались в таких местах, куда не заходят рейсовые лайнеры с Земли.

Планета Шешинеру лежит в стороне от больших путей. Её животный мир небогат — еще триста лет назад она была голой и необитаемой, но потом сюда прилетели колонисты с Розодора и сделали на ней искусственную атмосферу, посадили сады и соорудили газоны.

Мы бы не стали тратить время на посадку, но доктор Верховцев еще на планете Трех Капитанов сказал нам, что слышал о том, что на планете Шешинеру живет зверь по имени склисс.

«Пегас» опустился на планету глубокой ночью, в стороне от тусклых огоньков небольшого города. Садились мы тихо, чтобы не разбудить горожан и не испугать их: на Шешинеру редко прилетают корабли и некоторые шешинерийцы их вообще не видели.

Двигатели смолкли, механик Зеленый расчесал бороду и лег спать, капитан Полосков остался на мостице, чтобы внести поправки в устаревшую навигационную карту, Алиса писала письмо бабушке, надеясь отправить его с Шешинеру, а я спустился в первый трюм, чтобы выбрать пустую клетку для склисса и накормить зверей.

На корабле было тихо и тепло. Я почти беззвучно шел по мягкому ковру и думал о том, что надо будет запастись на Шешинеру водой и достать шерсти для паука-ткача-троглодита. Ветвистый кустик поджидал меня за углом, и я сказал ему:

— Спать сейчас же! А то завтра не полью.

Кустик в ужасе взмахнул листочками и зашуршал, втискиваясь в свой отсек.

Вдруг я услышал негромкое чавканье. Кто-то залез на склад, где хранились оставшиеся посылки. Я остановился и прислушался. Неизвестно, кто из зверей вылез из клетки, — ведь не всякого возьмешь голыми руками.

Я осторожно заглянул в приоткрытую дверь склада. Пусто. Но чавканье стало слышней. Я вошел в отсек. Чавканье доносилось из-за двери запертого шкафа-холодильника. Там хранились ананасы.

Меня удивило, что ключ торчит снаружи — никто не мог забраться в холодильник и запереть себя без ключа.

Я медленно протянул руку к ключу, повернул его и распахнул дверь.

В шкафу, дрожа от холода, сидел небольшой зеленый человек и грыз остренькими зубками ананас.

Человек в ужасе поднял глаза и прижал ананас к груди.

— Вы не смеете, — сказал он.

— Хоть бы очистили ананас, — ответил я. — И вообще, как вы сюда забрались?

— Поужинать не дадут спокойно! — сказал человек и исчез вместе с ананасом.

Я протер глаза. Холодильник был пуст. Трех ананасов на полках не хватало. Кто-то дотронулся до моей ноги, и я от неожиданности подпрыгнул.

Оказалось, это все тот же беспокойный кустик бродит по трюму.

— Немедленно спать! — крикнул я на него, хотя никогда не кричу на животных и растения.

Кустик подобрал ветки и бросился наутек.

Я снова взглянул на холодильник. Спиной ко мне стоял зеленый человек и пытался, поднявшись на цыпочки, стащить с полки большой ананас.

— Стой! — крикнул я.

Человечек оглянулся, и я понял, что это вовсе не тот же самый похититель, который три минуты назад жевал ананас.

— Не волнуйтесь, — сказал человечек, — я имею разрешение.

И он тут же исчез, унося ананас.

Таких чудес я никогда еще не видел. У меня даже голова закружилась. Я глупейшим образом заглянул в холодильник, будто кто-то мог скрываться там, в глубине.

В тот же момент меня толкнули, на полке стоял третий зеленый человек.

— Не мешайте, — сказал он, — зашибу. — И тут же потянулся за ананасом.

— Ну, уж это черт знает что такое! — возмутился я. — Вы откуда?

— Я здесь живу, — ответил человечек, взял ананас и растворился в воздухе.

Это было выше моих сил. Я нажал на кнопку телефона и вызвал Полоскова.

- Гена, — сказал я, — ты не спишь?
- Нет, — ответил капитан. — Работаю. А что у тебя с голосом?
- С голосом? Ничего.
- Он дрожит, как заячий хвост. Что-нибудь случилось?
- Скажи, Гена, люк в корабль задраен?
- Конечно, задраен. Ведь никто не выходил.
- А Зеленый спит?
- Спит. И Алиса спит. Я только что проверял. Алиса писала письмо, писала и заснула на половине. А что произошло?
- Скажи, в каких случаях людям мерещатся зеленые человечки?
- Маленькие? — спросил деловито Полосков. — На плече сидят? С хвостиками? Где-то я об этом читал. В старой книге.
- Нет, — ответил я, — довольно большие, без хвостов, едят ананасы. Вот! Вот он! Четвертый!
- И в самом деле, еще один похититель возник в холодильнике, подмигнул мне и исчез.
- Иду! — сказал Полосков обеспокоенно. — Ничего не предпринимай. Держи себя в руках.
- К тому времени, когда Полосков прибежал в трюм, на полках оставалось меньше половины ананасов, и сразу два зеленых человечка подсаживали друг друга, чтобы забраться на верхнюю полку холодильника.
- Нет, — сказал Полосков, — ты их не пугай. Это, наверно, не галлюцинация.
- Какая еще галлюцинация! — обиделся человек. — Можете потрогать.
- Некогда — прервал его второй.
- Привет Алисе, — сказал первый.
- И они исчезли, чтобы уступить место еще одному.
- Алиса на самом деле спит? — спросил я у Полоскова.
- Спит.
- А откуда они могут о ней знать?
- Ума не приложу. Сумасшедший дом какой-то!
- В холодильнике было пусто. Никто больше не появлялся.
- Давай закроем туда дверь, — сказал Полосков. — Так спокойнее.

Я захлопнул дверь в холодильник.

— Откуда они могут знать об Алисе? — повторил я. — Опустились мы сюда час назад, никто из нас наружу не выходил...

Мы долго не спали с Полосковым, старались придумать объяснение странному явлению. Но так ничего и не придумали. Проверили еще раз запоры на люках, обошли корабль. Пусто, тихо, мирно.

На всякий случай я лег спать в каюте Алисы. Спать было неудобно, потому что коврик на полу был жесткий, а под голову пришлось подложить Алисины резиновые ласты.

К счастью, я успел встать раньше, чем проснулась Алиса, и потому, когда она открыла глаза, я уже как ни в чем не бывало сидел в кресле и листал «Справочник по определению обитателей Галактики».

— Ты что здесь делаешь? — спросила Алиса.

— Да так, зашел поглядеть в твоей библиотеке, как выглядят местные жители.

— А почему ты непричесанный?

Я захлопнул книжку — потом погляжу — и поспешил в каюту привести себя в порядок.

Там, моясь, я чуть было не убедил себя, что никаких зеленых человечков и не было, все это мираж, сон и на-важдение.

С такой мыслью я и спустился в трюм заглянуть в холодильник.

Холодильник был раскрыт, абсолютно пуст — ни одного ананаса, — и перед ним стоял задумчиво Полосков.

— В общем, я полагаю, — сказал он, — что местные жители научились проходить сквозь стены, хоть это и противоречит всем законам природы.

— Нет, наверно, это не местные жители, — сказал я. — Наверно, мы подцепили в космосе какую-то паразитическую цивилизацию.

Тут в трюм вошла Алиса.

— Доброе утро, Полосков, — сказала она. — Куда вы дели ананасы?

— Их украли, — сказал Полосков. — И мы думаем, как наказать вора.

— Кого? — удивилась Алиса.

— Чертей зеленых, — ответил Полосков. — Вот бы мне до них добраться! Ведь подумать только, с какими

глазами я появлюсь на Редвайте! Там ждут эти ананасы! ..
Вот он, смотрите, ловите!

И в самом деле, в холодильнике вдруг обнаружился зеленый человечек; он окинул взглядом пустые полки и сказал, не глядя на нас: «Опоздал я», — и тут же растворился.

— Вот он, — повторил Полосков. — И даже не поймаешь.

— Так это местный житель, — сказала Алиса. — Я смотрела в книге, которую папа оставил на кресле.

— Ты уверена?

— Совершенно уверена.

— Тогда тем хуже для них. Немедленно посылаю жалобу в их правительство. Разве так встречают гостей? — Полосков сильно рассердился.

— Прости их, капитан.

— Нет, и не подумаю их прощать. Где телефон?

— Полосков, подумай, — взмолилась Алиса. — Это такие милые и добрые люди! Они не хотели красть ананасы. Так уж получилось. Нечаянно.

— Ты слишком добрая, Алиса, — возразил Полосков. — Сегодня ночью, не успели мы приземлиться, они уже забрались на склад и тащат ананасы, а через полчаса они возьмутся за остальные грузы.

— Полосков, — сказала Алиса твердо, — ты забыл, что проиграл мне спор? Желание?

— Помню, — сказал Полосков.

— Так вот, мое желание — прости им ананасы.

И в этот момент за стенами корабля раздался страшный шум. Настолько страшный, что он проник сквозь обшивку. Мы забыли обо всех зеленых человечках и со всех ног бросились к трапу. На ходу Полосков успел нажать кнопку тревоги, и в коридорах замигали красные лампочки.

Полосков распахнул верхний люк, и с высоты третьего этажа мы выглянули наружу.

Вставало тусклое, огромное, красное солнце. По небу быстро неслись длинные сизые облака. Вся поляна перед «Пегасом» была заполнена зелеными человечками. Они размахивали флагами, платками, раскачивали транспаранты со словами «Добро пожаловать» и кричали хором и вразнобой:

— С прие-ез-дом! .. Здрав-ствуй, Али-са! .. Спа-си-

бо!.. Ур-р-ра-а-а!.. — и другие приветствия на своем непонятном для нас языке.

При виде Алисы радости их не было предела. Ка- залось, что небо обрушится на землю.

Несколько зеленых человечков в мгновение ока оказались у люка, подхватили Алису, и не успел я ахнуть, как они исчезли вместе с ней, чтобы появиться в самой гуще толпы. И Алису на высоко поднятых руках понесли к городу, белеющему на горизонте.

Отставший от остальных пожилой зеленый человечек подождал, пока мы спустимся по трапу вниз, и тогда поздоровался и сказал:

— Очевидно, вам не все понятно, дорогие гости.

— Не все понятно, — сказал Полосков.

— С Алисой ничего не случится? — спросил я.

— Ровным счетом ничего. Разрешите объясниться?

— Конечно.

— Вы присаживайтесь на траву, земля теплая, не простудитесь.

Мы послушались пожилого зеленого человечка, и он рассказал вот что.

Еще довольно недавно планета Шешинеру ничем не отличалась от прочих захудальных провинциальных планет Галактики. Но лет десять назад один шешинериец изобрел средство — таблетки, которые позволяли путешествовать во времени на год-два в любую сторону. Сначала всю планету охватила великкая радость, все бросились глотать таблетки и путешествовать туда-сюда. Но через несколько недель наступило горькое похмелье.

Один отправлялся в будущее и там узнавал, что от него уйдет жена или что его дом обкрадут. Другой отправлялся в прошлое, чтобы исправить совершенную там грустную ошибку, но исправить ее не мог, а мог ее лишь повторить. Если ты подозревал кого-то в обмане, ничего не стоило вернуться в тот день и проследить за своим недоброжелателем. Если ты боялся, что умрешь от какой-нибудь болезни, ничего не стоило съездить в будущее и посмотреть, не обманули ли тебя врачи. И постепенно люди стали бояться будущего — туда никто уже не ездил. Зато все зачастили в прошлое. У каждого человека есть какие-то приятные воспоминания. И вот он отправляется в прошлое, чтобы еще раз пережить приятный момент. Потом снова едет туда же, снова и снова... До бесконечности.

— Пойдемте в город, — сказал пожилой зеленый человечек, — и вы увидите, к чему все это привело.

Мы последовали за ним в город. Город был запущен, замусорен. Торжественная процессия с Алисой ушла куда-то вперед, и на улицах лишь изредка встречались прохожие. На нас они не обращали внимания, но время от времени кто-нибудь из прохожих исчезал. Другой мог возникнуть посреди улицы, подумать о чем-то и вновь исчезнуть.

— Это они путешествуют во времени, — сказал наш спутник. — Настоящее их не интересует. Будущего они боятся. Никто не работает. Правительство пыталось запретить таблетки, но их так просто изготавливать, что каждый стал их делать у себя дома.

— Теперь мне понятно, — сказал я — почему уже вчера ваши соотечественники знали и об Алисе и о прилете нашего корабля.

— Конечно. Они же попадали в ваш холодильник из будущего.

— И все-таки, почему такая радость по поводу приезда Алисы? — спросил Полосков. — Почему не по поводу моего, например, приезда?

— А очень просто, — сказал пожилой шешинерист. — Мы ведь очень незлобивые, мирные люди. И мы ценим доброе к нам отношение.

— Ну и что? Алиса же не знала о том, что вы залезете к нам в холодильник.

— Ах, какая наивность! — сказал укоризненно зеленый человечек.

Он растворился в воздухе и через три секунды появился снова с большим ананасом в руках.

— Я только что побывал в вашем холодильнике, — сказал он.

— Но там уже нет ананасов.

— Но я побывал там вчера ночью. Разве непонятно? Проще простого. Я сейчас улетал в прошлое и вчера ночью взял из холодильника ананас. Но я не украл ананас, а взял его, потому что Алиса сегодня утром напомнила Полоскову, что она еще раньше выиграла у него желание и ее желание — отдать нам ананасы. Поэтому сегодня утром мы встречали Алису с благодарностью за то, что она разрешила нам брать ананасы вчера ночью...

— Я сойду с ума! — сказал Полосков. — Сначала было сегодня утро, потом была вчера ночь, и вы брали ананасы, которые еще нельзя было брать, потому что их потом можно будет брать...

— А у нас осталось в жизни так мало радостей, — сказал зеленый человечек, не слушая Полоскова. — И мы никогда раньше не пробовали ананасов. Я, например, теперь буду каждый день отправляться во вчерашний день, чтобы съесть ананас, который я съел вчера...

Мы некоторое время молчали, переваривали новости. Потом шешинериец вздохнул и сказал:

— Не могу больше. Я пошел в прошлое доедать ваш ананас.

— Стойте, — остановил я его. — у меня к вам деловой вопрос.

— Лучше и не спрашивайте, — сказал зеленый человечек. — Я же знаю, о чем вы спросите.

— Ах, да, — сказал я.

— Вы спросите о звере по имени склисс, из-за которого вы сюда прилетели.

— Конечно.

— Мы можем вам привести сто склиссов, но ведь вы откажетесь от них. Вот смотрите, один лежит за углом. Вы сейчас разведете руками и скажете: «Это же самая обыкновенная корова!»

Мы заглянули за угол. Там лежала корова.

Я развел руками и сказал:

— Это же самая обыкновенная корова!

— Вот видите.

Тут зеленый человечек попрощался с нами и ушел, вернее, исчез, потому что все жители этой планеты имели странное обыкновение растворяться в воздухе. И он не видел того, что случалось потом, и все его умение глядеть в будущее и прошлое не помогло. Потому что мы взяли эту корову, привезли ее в Московский зоопарк, и она до сих пор там — один из самых популярных экспонатов.

Как только наш зеленый проводник исчез, корова потянулась, медленно поднялась на ноги и развернула длинные перепончатые крылья, которые до того были обмотаны вокруг ее живота. Корова вздохнула, поглядела на нас большими печальными глазами, потрясла крыльями, смахивая с них пыль, оттолкнулась стоптанными

копытами и перелетела через улицу. Летела она как корова — плохо и неумело, но ведь все-таки летела!

И тогда я спросил неожиданно появившегося рядом зеленого мальчишку:

— Это чья корова?

— Склисс? — спросил мальчишка.

— Ну да, чей это склисс?

— Да ничей, — сказал мальчишка. — Кому склиссы нужны? Их пасти совершенно невозможно — разлетаются. Так что вы берите, не жалко.

И мы отправились к «Пегасу», гоня перед собой склисса хворостиной. Склисс иногда взлетал в воздух, но быстро уставал и переходил на ленивую трусцу.

Потом к нам привязался еще один склисс, но мы его с собой брать не стали — и одного прокормить не так легко. Склисс долго, обиженно мычал и махал хвостом.

Алиса вернулась вскоре после нас, ей стало скучно с шешинерийцами. Да и они о ней быстро забыли — разлетелись кто в прошлое, а кто и в недалекое будущее.

Глава 13

ПАРАЛИЗОВАННЫЕ РОБОТЫ

— Ну, теперь, — сказал Полосков, когда мы поднялись с планеты, на которой потеряли весь наш запас ананасов, — прямым ходом в систему Медузы. Никто не возражает?

Никто не возражал. Я хотел было возразить, но Алиса так на меня посмотрела, что я сказал:

— В полете кораблем распоряжается капитан. Как скажет Полосков, так и будет.

— Тогда нигде больше не будем задерживаться, — сказал Полосков.

Но через два дня нам пришлось задержаться и изменить курс.

Корабельная радиоэлектроника «Пегаса» приняла сигнал бедствия SOS.

— Откуда он? — спросил я Полоскова.

— Сейчас все узнаем, — сказал наш капитан, склоняясь над приемником.

Я уселся в свободное кресло на мостице, решил воспользоваться минутой, отдохнуть. Я с утра устал. У

индикатора болел живот, и он менял цвета, как светофор на оживленном перекрестке. Паук-ткач-троглодит за недостатком сырья добрался до сонного снука в соседней клетке и состриг с него всю длинную шерсть, так что я снука и не узнал. Снук в результате простудился и кашлял на весь трюм. Пришлось сооружать изолятор. Говорун всю ночь бормотал на непонятном языке, охрип и скрипел как несмазанная телега. Пришлось его отпаивать горячим молоком с содой. Кустики перессорились ночью из-за слиновых косточек и самому маленькому обломали сучья. Алмазная черепашка прорезала острыми гранями панциря дыру в двери, ведущей в машинное отделение, и пришлось снова запереть ее в сейф.

Я устал, но знал, что так всегда бывает, когда вешь коллекцию редких зверей. Все эти болезни, неприятности, драки и конфликты ничто по сравнению с кормежкой. Правда, мне помогала Алиса, но она проспала, и утреннюю кормежку мне пришлось взять на себя.

Хорошо еще, что зверей пока было не очень много и в большинстве они могли дышать земным воздухом. Только под стеклянный ящик с бежевыми жуками пришлось подставить печку, потому что жуки привыкли жить в вулканах...

— Все ясно, — услышал я голос Полоскова.

О чём он? Ах да, я задумался и совсем забыл — ведь мы получили сигнал бедствия.

— Сигнал идет с планеты Шелезяка. Что же у них могло приключиться?

Полосков открыл последний том справочника планет и прочел вслух:

— «Планета Шелезяка. Открыта фиксианской экспедицией. Населена металлической культурой весьма низкого уровня. Есть предположение, что жители планеты — потомки роботов, спасшихся с неизвестного космического корабля. Отличаются прямодушием и гостеприимством. Однако очень капризны и обидчивы. Полезных ископаемых на планете нет. Воды тоже нет. Атмосферы нет. Ничего на планете нет. Если что и было, роботы все истратили и живут в бедности». Да, — сказал Полосков, — не очень интересная планета. Но что же у них случилось?

— SOS, — продолжал твердить радиоприемник. — У нас эпидемия. Просьба помочь.

— Придется свернуть с пути, — вздохнул Полосков. — Нельзя же оставлять в беде разумные существа.

И мы повернули к планете Шелезяка.

Только когда мы увидели из космоса серый, лишенный воздуха, гор и океанов шар планеты, Полосков на конец смог вызвать тамошнего диспетчера.

— Что у вас произошло? — спросил он. — Какую помочь мы можем вам оказать?

— У нас эпидемия... — проскрипел голос в динамике. — Мы все больны. Нам нужен доктор.

— Доктор? — удивился Полосков. — Но ведь у вас железная цивилизация. Может быть, выслать к вам механика?

— Можно и механика, — согласились с Шелезяки. — Но доктора тоже.

Мы спустились на ровное, пыльное и пустынное поле космодрома. Давно ни один корабль не снижался здесь.

Когда пыль осела, мы спустили трап и вывели вездеход. Полосков остался на корабле, а Зеленый, Алиса и я поехали к длинному, низкому, скучному зданию космовокзала. Ни души, ни тени вокруг. Если бы только что с ними не разговаривали, никто бы не догадался, что на планете есть живые существа. На дороге валялась отломанная, ржавая нога робота. Потом колесо с выломанными спицами.

Как-то грустно было ехать по такому запустению. Хотелось даже громко крикнуть: «Есть кто живой?»

Двери в космовокзал были раскрыты настежь. Внутри было также пустынно и тихо. Мы вышли из вездехода и остановились в дверях, не зная, куда отправиться дальше.

В большом сером динамике, подвешенном под потолком, послышалось шуршание, и уже знакомый скрипучий голос произнес:

— Поднимитесь по лестнице до маленькой черной двери. Толкните ее, и она откроется.

Мы послушались и нашли узкую лестницу. Лестница была крутая и такая же пыльная, как и все вокруг. Она кончалась маленькой черной дверцей. Я толкнул дверцу, она не поддалась. Может, заперта?

— Толкайте сильнее! — раздался голос из-за двери.

— Дай-ка мне, — сказал механик Зеленый.

Он нажал на дверь плечом, ухнул, и дверь с визгом растворилась. Зеленый не удержался и влетел внутрь.

— Так я и думал, — сказал он мрачно на лету и врезался в сидящего за столом металлического жителя планеты.

Робот был тоже покрыт пылью.

— Спасибо, что прилетели, — сказал робот, поднимая руку, чтобы помочь Зеленому подняться. — Я думал, что не захотите к нам прилететь. Не ожидал. Никто у нас не летает.

— Но у вас очень слабая станция, — сказал я. — Мы услышали ее только потому, что пролетали мимо. Это чистая случайность.

— А когда-то наша станция была сильнейшей в секторе, — сказал робот.

Тут что-то заурчало в его железном чреве, и он застыл с открытым ртом. Робот поводил руками и молча взывал о помощи. Я поглядел растерянно на Зеленого, и тот сказал:

— Врач здесь не нужен.

Он подошел к роботу и ударили кулаком ему под подбородок. Рот с лязгом захлопнулся, и робот сказал:

— Спаси...

Зеленому пришлось еще раз грубо обойтись с роботом. При этом он сказал:

— Попрошу вас широко рот не открывать. Не вечно же мне стоять с кулаком над вами.

Робот кивнул и продолжал говорить, лишь чуть-чуть приоткрывая рот, чтобы не заело.

— Я послал сигнал SOS, — сказал он, — потому что уже две недели меня никто не приходит сменить на дежурстве. Я подозреваю, что всех моих земляков хватил паралич.

— А почему вы так думаете?

— Потому что у меня самого ноги отнялись.

— И давно вас поразила такая болезнь? — спросил я.

— Нет, не очень, — сказал робот. — У нас вообще в последние годы были перебои со смазкой, но все-таки мы кое-как обходились. А после того как на нас рассердился один человек и проклял нас страшным проклятием, жуткий, таинственный паралич начал губить нас от мала до велика. И вот я, боюсь, последний более или менее здоровый робот на всей планете. Но паралич подбирается уже к сердцу. И, как видите, даже челюсть заедает.

— Ну-ка, дайте я посмотрю. Может, все-таки вы за-
были смазку обновить, — сказал с подозрением Зеленый.

Он подошел к роботу и откинул крышку у него на гру-
ди, сунул внутрь палец, и робот захихикал:

— Щекотно!

— Потерпите, — строго сказал механик. Он проверил
у него шарниры на ногах и руках, выпрямился, и ска-
зал, вытирая платком руки: — Смазка есть. Ничего
не понимаю!

— И мы ничего не понимаем, — согласился робот.

Мы поехали в город. Мы заходили в дома — длин-
ные скучные помещения с рядами одинаковых нар.
На нарах лежали одинаковые роботы, покрытые пылью.
На лбах их горели индикаторные лампочки. Это значило,
что роботы живы. Роботы крутили глазами, но поше-
вельиться не могли. Наконец, так ничего и не поняв, мы
вернулись на космовокзал и положили в вездеход тяже-
лого дежурного робота. Он хоть еще говорил. И мы
отвезли его на «Пегас», чтобы разобрать его там и про-
верить, что за странная эпидемия поразила планету.

Робот сам помогал нам его развинчивать, давал со-
веты, какую гайку крутить, на какую кнопку нажимать.
Был робот запущен, грязен, но никаких особых по-
вреждений отыскать мы в нем не смогли. Вообще-то
служебные роботы этого типа, давно снятые с производ-
ства в Галактике, строились на века и приспособлены
были работать и в глубоком космосе, и в вулканах, и под
водой, и под землей. Только их надо было время от вре-
мени смазывать, но это они сами отлично умели делать.

Наконец на большом рабочем столе в нашей лабо-
ратории мы разложили части робота, а его голову полу-
жили отдельно, в углу, и подключили ее к корабельной
электросети.

— Ну что? — спросила голова робота, когда Зеленый
кончил разборку его тела.

Зеленый пожал плечами.

— Что же теперь делать? — спросила голова тихо. —
Ведь погибает целая цивилизация.

— Придется послать радиограмму на Землю или на
какую-нибудь другую большую планету, — сказал я. —
Пусть пришлют оттуда специальную экспедицию и спе-
циалистов по болезням роботов.

— Ну какие у нас могут быть болезни! — восклик-
нула голова робота, и рот остался открытым.

Пришлось мне подойти и стукнуть его по подбородку.

— Благодарю вас, — сказал робот. — Но оставлять нас без присмотра жалко. Ведь представьте себе, ни одного подвижного существа на целой планете. Первый же ливень или наводнение всех нас погубит безвозвратно — ведь мы даже не можем вытереться.

— Но послушайте, — сказал я, — мы же не можем оставаться у вас, пока не придет помощь!

— Но разве у вас важное дело? — спросила голова робота.

Я не успел ответить, потому что Зеленый сказал:

— Чем черт не шутит. Попробую смазку сменить. Можно вас машинным маслом смазать?

— Если хорошее масло, то можно, — ответила голова робота.

И тогда Зеленый начал протирать все детали и части робота и смазывать их нашим маслом.

А между тем робот спросил снова:

— А что у вас за дело?

— Мы собираем животных для Московского зоопарка, — сказал я. — Редких животных. Мы должны как можно скорее закончить экспедицию и вернуться домой. Ведь это очень сложно — везти с собой целый зоопарк.

— Но если вы нам поможете, — сказала голова робота, — мы вам дадим наших животных. Таких нигде больше нет.

— А что это за животные?

И тогда робот рассказал.

Когда-то, много лет назад, на этой планете потерпел аварию автоматический космический корабль, на борту его было несколько универсальных роботов. Они остались живы и построили себе хижину из обломков корабля. Потом они нашли на планете залежи железа и других металлов, нашли уран и много других полезных ископаемых. И тогда роботы начали строить себе детей, и мало-помалу роботов на планете развелось очень много.

Но роботы хоть и мыслят, но не умеют заглядывать в будущее. В те времена на планете были вода и воздух, трава и деревья. Но роботам дела не было до того, что творится вокруг. Они пользовались полной свободой и скоро понастроили на планете много заводов, и все заводы изготавливали роботов, а новые роботы строи-

ли новые заводы и изготавляли новых роботов. И так продолжалось до того дня, когда весь кислород на планете был израсходован в топках, все деревья были переведены на сараи для запасных частей, все звери перемерили, все горы были скрыты до основания и все моря израсходованы на охлаждение двигателей. Кончились и полезные ископаемые. Остались на голой планете только роботы — много миллионов одинаковых роботов, которым вдруг стало нечего делать.

Пришлось тогда роботам кинуть жребий, и тех, кому не повезло, разбирали на запасные части или меняли на смазочное масло с пролетавшими мимо кораблями или со звездными бродягами. Так и жили роботы. По немногу их становилось все меньше, но все равно на планете оставалось еще несколько миллионов бездельников. Решили было роботы построить космический корабль и полететь на какую-нибудь еще не заселенную планету, чтобы начать все дело сначала, но корабль построить они не смогли, потому что у них не было чертежей, а сами ничего изобретать они не умели. И так продолжалось до самого последнего дня. А потом на роботов напала странная эпидемия и всех их хватил паралич.

— Но о каких животных вы говорите? — спросил я голову робота.

— О роботных животных. Мы хотели, чтобы у нас все было как у людей. И когда мы поняли, что местные животные вымерли, потому что не смогли жить на пустой планете, мы сделали искусственных животных. Но потом нам стало не до них и мы решили разобрать животных на запасные части для роботов. Таких теперь не делают. Но животные почувствовали опасность и убежали. До сих пор они бегают по ровным долинам планеты Шелезяка. И если вы нам поможете, мы поймаем для вас несколько совершенно необыкновенных железных животных.

— Спасибо, — сказал я голове робота, а сам подумал, что такие животные вряд ли пригодятся нашему зоопарку, каждый школьник на Земле может построить механическую черепаху или электронного ежа.

Пока мы разговаривали с головой робота, Зеленый вытер все его части и смазал их заново. Потом привинтил роботу руки-ноги и нажал на красную кнопку. Мы все с волнением ждали, что произойдет. Робот неуверенно приподнял руку, потом сделал шаг вперед. Нога

послушалась его. Он сделал еще один шаг, взмахнул сразу обеими руками, наклонился вперед, потом назад и начал плясать. Никогда в жизни мне не приходилось видеть пляшущего робота. Он чуть не опрокинул стол, чуть не отдавил мне ногу, и казалось даже, что робот от радости смеется.

Наплясавшись вдоволь, робот крикнул:

— Спаси... — и замер.

Ведь в голове-то смазку ему не меняли.

Но на этот раз механик Зеленый не стал бить его кулаком по подбородку. Он просто влил ему в раскрытый рот банку масла.

Робот захлебнулся, что-то заклокотало у него внутри, рот закрылся, открылся вновь, и робот музыкальным, звучным голосом запел песню «Нам не страшен серый волк», которую, видно, подслушал когда-то очень давно.

— Значит, все дело в смазке, — сказал робот, немножко успокоившись. — Но ведь она была почти свежая. Мы ее меняли.

Зеленый, не сказав ни слова, набрал на стеклышко старой, снятой с робота смазки и отошел к микроскопу.

— Все ясно, — сказал он через минуту. — Надо было догадаться с самого начала. В смазке завелись бактерии, которые превращают масло в наждачный раствор. Интересно, как же эти бактерии могли попасть в ваше масло?

Робот задумался. Мы все вместе перешли в кают-компанию, чтобы продолжить разговор. Робот все думал. Мы разлили себе чай, а перед роботом поставили баночку с подсолнечным маслом — большим лакомством для роботов. Робот рассеянно выпил баночку и продолжал думать.

Вдруг над его головой проснулся говорун. Он увидел нашего гостя и, широко раскрыв клюв, запел:

— «Нам не страшен серый волк...»

Причем пел он голосом робота.

Мы очень удивились. Только робот не удивился. Он поднял голову и сказал говоруну:

— Здравствуй, птица. Как ты себя чувствуешь?

Но говорун продолжал петь, размахивая крыльями, потому что ответить он ничего не мог — говоруны не очень умные птицы.

— Вы знаете говоруна? — спросила Алиса.

— Знаю, — ответил рассеянно робот. — Я сам его ремонтировал.

— Как же вы могли ремонтировать живую птицу? — удивилась Алиса.

— Несколько лет назад, — ответил робот, — эта птица прилетела на нашу планету из космоса. У нас в то время уже было мало воздуха и совсем не осталось местных животных. Но говоруну, если вы знаете, не обязателен воздух. Он может перелетать между планетами и не дышать по нескольку недель и даже месяцев. Но этот говорун еле-еле долетел до нашей планеты. Кто-то напал на него в пути и тяжело ранил птицу. Мы выходили говоруна, откармливая его смазочным маслом, но одно крыло ему пришлось отрезать и заменить протезом.

— Не может быть! — воскликнул я. — Неужели мы не заметили бы этого?

— Посмотрите, — ответил с гордостью робот. — Мы очень хорошие мастера.

Я поднялся и подошел к говоруну. Птица словно догадалась, что мне нужно, и расправила правое крыло. Я ощупал его. Под перьями был металл. Робот сказал правду.

— Вот видите — сказал робот торжественно. — Даже вы не заметили.

— А что было с птицей потом? — спросила Алиса.

— Она прилетела к нам с системы Медузы, — сказал робот. — За ней кто-то гнался и хотел убить. Пока мы чинили птицу, она нам много рассказывала, и мы поняли, что кто-то потерпел аварию или попал в беду на одной из планет системы Медузы и птица спешила рассказать об этом другу того, кто попал в беду. Мы бы сами помогли, но у нас не было космического корабля.

— И вы отпустили птицу?

— Отпустили, — сказал робот. — Но мы старались ей объяснить, что она не долетит до того сектора Галактики, куда так спешила. Хоть искусственное крыло и не отличается от настоящего, очень далеко на нем не улететь. Но, к сожалению, птица нас не поняла. Она не очень умная птица. Но мы знали, что неподалеку от нас находится планета Блук, родной дом говорунов. И мы подумали, что говорун сможет долететь до дому. С тех пор я его не видел.

— Вот видишь! — сказала мне Алиса. — Теперь ты не сомневаешься, что Второй капитан был жив и послал пти-

цу за помощью?

— Но с тех пор прошло четыре года, — ответил я. — Значит, он погиб.

— Но я должен рассказать вам, — произнес робот, — о странном событии. Оно произошло совсем недавно. Месяц назад. Как раз за три дня до начала эпидемии. Я бы не вспомнил о нем, если бы не увидел говоруна... К нам на планету спустился небольшой черный корабль. С него сошел человек в шляпе. Мы думали, он хочет выменять у нас лишних роботов, но оказалось, что его корабль сломался и ему нужна была наша помощь... Мы с удовольствием помогли этому человеку...

— Это был доктор Верховцев, — прошептала Алиса.

— А когда его корабль был готов к полету, мы спросили его, не даст ли он нам смазочного масла или свежих газет в награду за работу. Но этот человек в шляпе очень грубо ответил нам, что мы ничего не получим. И мы должны быть ему благодарны, что он оставил нас в живых. И тогда я сказал ему: «Стыдно, пришелец! Я понимаю, что, когда мы помогли безмозглой птице говоруну и починили ему крыло, а он ничего не дал нам взамен, в этом нет ничего удивительного. Но вы — разумное существо и по внешнему облику происходите с Великой Земли. Стыдно!» А он тогда спросил: «Какому говоруну вы чинили крыло?» Я сказал, что это было почти четыре года назад и совсем не относится к делу. Но он настаивал, и я рассказал ему историю о раненой птице. Вы бы видели, как он разгневался! Он проклинал нас за то, что мы помогли этой птице, и, когда узнал, что она полетела на планету Блук, с проклятиями начал собираться в обратный путь. «Придется, — говорил он, — тратить время на проклятую птицу. А то еще проговорится». А ночью его видели у главной цистерны...

— Какой цистерны?

— Все ясно! — сказал робот. — Он подходил к главной цистерне со смазочным маслом! Он плохой человек, и он мог подсыпать в нее вредных бактерий...

Мы сказали роботу, что бактерии могли попасть на планету и другим путем, но робот мотал головой и ни о чем и слышать не хотел.

На прощанье мы дали роботу бочку со смазочным маслом, чтобы он мог привести в порядок хотя бы десяток роботов, и обещали, что, как только выйдем в кос-

мос, сразу пошлем радиограмму на ближайшую планету, чтобы оттуда роботам прислали корабль с маслом.

Когда робот ушел, мои друзья звонковались.

— Скорее, — торопили они меня, — скорее в путь! Мы можем еще спасти капитана! Теперь уж нет никаких сомнений, что он попал в беду и доктор Верховцев очень боится, что кто-нибудь узнает правду.

— Мне вообще стыдно за землян, — сказал мрачно Зеленый. — И пока мы не разгадаем эту тайну, я не смогу глядеть в глаза инопланетцам. Если среди жителей Земли нашелся такой подлый человек, наш долг — его найти и обезвредить. И в этом нам поможет Второй капитан, которого мы обязательно найдем. А звери подождут.

Я вздохнул и согласился, потому что и Алиса и Полосков были совершенно согласны с Зеленым.

— Ладно, — сказал я. — Подчиняюсь большинству. Хотя и считаю, что ваши надежды основаны лишь на слухах и никакого Второго капитана мы в системе Медузы не найдем. Но как только мы убедимся, что произошла ошибка, то мы немедленно возвращаемся в центр Галактики и спешно собираем животных.

— Готовить корабль к отлету! — сказал Полосков твердым голосом. — Зеленый, спуститесь в машинное отделение. Заводите супердвигатели.

Я подошел к иллюминатору, чтобы кинуть последний взгляд на пустынную планету, которую загубили, не подумав о том, что творят, деловитые роботы. И тут увидел, что к «Пегасу» по пыльному полю бежит наш знакомый робот. Он что-то нес в руках.

Я встретил робота у трапа.

— Держите зверей, — сказал он. — Только обязательно смените смазку. Пока что они все парализованы.

Он высыпал к моим ногам груду каких-то металлических вещей.

— До свиданья, — сказал он, глядя, как я убираю трап. — Если найдете этого вредителя в шляпе и не будете знать, что делать, отдайте его нам. Мы его смажем испорченной смазкой.

Робот засмеялся и зашагал по пыли.

Пока корабль разгонялся до космической скорости, я сменил смазку металлических зверей. Все-таки любопытно мне было поглядеть, какие робото-зверята водились на этой планете. И когда через два часа в лабора-

торию заглянул Зеленый, он чуть в обморок не упал от удивления. По полу лаборатории бегали зверьки на колесиках. Они пищали, дрались между собой и пытались карабкаться по стенам. Звери были страшненькие, но чем-то походили на мышей и кошек. Видно, когда роботы их строили, они вспомнили о настоящих кошках и мышах.

Я посадил робото-зверушек в железную клетку, но они иногда из нее вылезали и гонялись по коридорам за алмазной черепашкой.

Глава 14

ПОГОНЯ ЗА ЛЕДИ ВИНТЕР

Система Медузы затерялась на самом дальнем конце нашей Галактики. Вокруг большой, с длинными, как спутанные волосы, протуберанцами звезды крутится всего три планеты. Первая, самая близкая от звезды, раскалена настолько, что стало ясно — делать нам там нечего.

Мы подлетели ко второй планете.

Планета была пустынная, мрачная. Солнечные лучи отражались от блестящих сизых скал, отражались от асфальтовых озер, отражались от редких голых деревьев. Над планетой дул вечный ветер.

— Ну как? — спросил я у говоруна. — Это та планета или нет?

Говорун склонил голову набок и ничего не ответил.

— Пап, — сказала Алиса, подойдя к иллюминатору в кают-компании, — ты не умеешь с ним разговаривать. Он тебя боится.

— А тебя не боится?

— Меня никакие звери не боятся, — сказала Алиса. Она держала на руках металлическую кошку на колесиках, и кошка все норовила лизнуть Алису в нос холодным масляным языком. — Говорун, милый, скажи нам, ты своего хозяина на этой планете оставил?

Говорун прислушался к словам Алисы и ответил голосом Второго капитана:

— Остерегайся миражей. Не доверяй им. Но при-
сматривайся внимательно.

— Ну вот, глупая твоя птица, — сказал я в сердцах. — Ее о планете, а она о миражах!

— Посмотрим, — ответила Алиса.

За иллюминатором пошел дождь. Дождь был несильный, но от ветра струи дождя изгибались и стегали по обшивке «Пегаса». Даже смотреть на эту планету было неуютно. Наступал тосклиwyй, долгий вечер.

— Ладно, — сказал Полосков. — Все равно сегодня уже поздно вылезать наружу. Давайте ужинать и спать.

После ужина Алиса загнала металлических котят в клетку, взяла книгу и уселилась на диванчик в кают-компании. Я в который раз отправился искать сбежавшую алмазную черепашку, чтобы она чего-нибудь не натворила. Полосков с Зеленым тоже занялись своими делами.

Так прошло часа два-три. Я вернулся в кают-компанию. Алиса все еще читала. В кают-компании было уютно и тепло и особенно приятно, потому что за иллюминатором все так же вил ветер, хоть дождь и перестал.

Я подошел к иллюминатору и поглядел в полумрак. Равнина была скучно освещена двумя большими лунами. И вдруг я застыл от изумления.

По долине к нашему кораблю медленно шли несколько человек. Это были именно люди, без скафандров, в странной одежде. Они были заняты разговором между собой и, казалось, совсем не замечали корабля. Я сказал тихо:

— Алиса, смотри.

Алиса бросила книгу на диван и подбежала ко мне.

Люди подошли поближе, и можно было разглядеть, что они одеты в камзолы, на головах у них широкополые шляпы, а поверх камзолов — короткие широкие плащи. Четверо были мужчинами. За ними медленно, словно нехотя, шла женщина с пышной прической и в широком платье до земли. Мужчины оживленно разговаривали, женщина молчала.

— Алиса, это не галлюцинация? — спросил я, не веря собственным глазам.

— Нет, — ответила Алиса. — Не спугни их. Я их знаю.

— Селезнев! — загремел вдруг над ухом динамик. — Селезнев, ты не спиши?

Я узнал голос Полоскова.

— Ты где? — спросил я.

— На мостице. Погляди в иллюминатор. Ты что-нибудь понимаешь?

— Гляжу, — ответил я, — и ничего не понимаю. Откуда здесь быть людям?

— А я понимаю, — сказала Алиса. — Я этих людей знаю.

Я обернулся к ней. Может, Алиса бредит?

— Неужели ты не узнаешь, папа? — удивилась Алиса. — Ну ладно, ты, может быть, забыл эту женщину, но второго человека справа ты должен знать!

— Да нет же! — ответил я. — Говори, не томи!

— Второй справа — это Портос, — сказала Алиса. — Видишь, он наклонился к д'Артаньяну, слушает его. Наверно, они решили все-таки казнить леди Винтер.

— Какую еще леди Винтер! — закричал я. — Я с ума сойду! Откуда здесь Портос?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Но это они. Это же мушкетеры короля. Если бы это были гвардейцы кардинала, мы бы с тобой их сразу отличили.

— Полосков, ты слышишь? — спросил я.

— Слышу, — сказал Полосков спокойно. — По-моему, Алиса совершенно права. Гвардейцев кардинала мы бы с тобой сразу отличили от мушкетеров короля.

Между тем четыре мушкетера подошли к самому кораблю. Я прижал нос к иллюминатору, чтобы посмотреть, что они будут делать дальше. Мушкетеры остановились, и один из них, по-моему Арамис, красавчик с тонкими усиками, изящно взмахнул рукой, прося леди Винтер идти вперед.

— Очень интересно, — сказала Алиса, встав на цыпочки, чтобы удобнее смотреть вниз. — Казнят они ее или нет? Ты как думаешь, папа?

— Я уже ничего не думаю, — ответил я. — Полосков, может трап спустить?

И тут мушкетеры пошли дальше, вошли в стену корабля и исчезли.

— Они сквозь стены ходят, — услышал я растерянный голос Полоскова.

Капитана трудно удивить. Он видел в десять раз больше, чем удается увидеть за жизнь обыкновенному человеку. Его не испугаешь ни Малым дракончиком, ни пузырями с Иелы, ни космическими пиратами. Но мушкетеров короля, проходящих сквозь стены «Пегаса», ему еще видеть не приходилось.

— Может, это тоже путешественники во времени, как на Шешинеру? — спросил я.

Алиса перешла на другую сторону кают-компании и заглянула в противоположный иллюминатор.

— Вот они, — сказала Алиса. — Я так и думала. Они прошли сквозь корабль и даже не заметили.

Я перебежал через кают-компанию. И в самом деле, мушкетеры как ни в чем не бывало уходили от корабля, и их шпаги поблескивали под светом двух лун. Они миновали скалу и скрылись в ущелье...

— Пошли на мостик, — сказал я Алисе. — Оттуда лучше видно.

— Пошли, — сказала Алиса и взяла с дивана книжку, которую читала весь вечер. Книжка называлась «Три мушкетера».

Я начал о чем-то догадываться.

— Дай сюда книжку, — сказал я Алисе.

На ходу я раскрыл ее. Раскрыл как раз на картинке, где был нарисован один из мушкетеров — д'Артаньян в плаще и при шпаге.

Когда мы взбежали на мостик, Полосков, стоявший у большого иллюминатора, поднял руку и поманил нас к себе.

За иллюминатором, посреди равнины, стояла тонкая березка, и под ветром ее листья трепетали, словно живые. Вокруг березки росла трава, и можно было увидеть у самых корней дерева шляпку большого подберезовика.

— Это что-то знакомое, — сказал Полосков задумчиво. — Где-то я это видел.

— Знаю где, — сказала Алиса. — Это любимая открытка Зеленого. Она висит у него над кроватью в каюте, и он всегда смотрит на нее и читает вслух стихи: «Идет-гудет Зеленый шум...»

— Миражи, — сказал Полосков.

— Да, — согласился я. — Конечно, это миражи. И говорун не ошибся, когда голосом Второго капитана предупредил нас о миражах. Но кто и почему их делает? Кому мы обязаны редким развлечением?

Береза растворилась в темноте, а с дальнего склона горы по направлению к «Пегасу» двинулась странная процесия. В ней были люди, фиксианцы, существа с неизвестных нам планет и звезд, роботы, звери. Толпа миражей окружила корабль, словно не замечая его. Они проходили сквозь него, растворяясь, раздваивались, проходили друг сквозь друга.

— Пап, — сказала Алиса, — пойдем посмотрим на них вблизи.

— И отсюда видно, — возразил я. — Мы же не знаем их свойств. А вдруг они не такие уж бесплотные, как кажутся.

Мы долго смотрели на процессию призраков, а когда равнина опустела, Алиса снова начала канючить:

— Ну, пап, ну давай спустимся, еще не поздно. Вон, погляди, только один мираж остался — д'Артаньян.

И в самом деле, на опустевшую долину вышел одинокий мушкетер и начал задумчиво расхаживать неподалеку от корабля.

— Идите, — сказал тогда Полосков — Только далеко от «Пегаса» не отходите. А я буду смотреть, чтобы с вами чего-нибудь не случилось.

Полосков, как всегда, угадал мое желание. Конечно, мне очень хотелось посмотреть на призраков вблизи. Я только беспокоился, как бы чего не случилось с Алисой. Но пойти без нее — значит поссориться надолго. Она считала миражи своими — ведь она же первой угадала трех мушкетеров.

Мы спустились по трапу на равнину. Она была совершенно пуста. Д'Артаньян куда-то пропал.

— Подождем, — сказала Алиса. — Наверно, они снова придут.

Я подошел к тому месту, где недавно росла березка. На земле лежали лишь окружные камешки — ни травинки, ни листочка.

— Смотри, пап, кто идет, — сказала Алиса. — Ты только подумай!

Я поднял голову и вздрогнул. Навстречу шел я сам, держа за руку Алису. Причем мы оба без скафандров, в тапочках и, казалось, совсем не нуждались в воздухе.

Алиса побежала навстречу самой себе.

— Стой! — крикнул я ей. — Ты куда?

Но Алиса уже добежала до своего двойника и с разбега пролетела сквозь мираж, споткнулась о камень, упала на колени. Мираж сразу исчез. Пока я спешил на помощь Алисе, возник новый мираж. Он быстро двигался к Алисе, словно хотел ее схватить. На этот раз мираж изображал доктора Верховцева. Шляпа его была надвинута на глаза и острые узкие плечи подняты к самым ушам.

Я успел встать между миражом и Алисой, закрывая ее, потому что я совсем не был уверен в том, что Верховцев — только мираж.

Но доктор не заметил Алису. Он прошел совсем рядом, улыбаясь, словно увидел кого-то. Я посмотрел ему вслед. Навстречу Верховцеву шел толстяк в черном кожаном костюме. Они протянули друг другу руки и, сблизив головы, заспорили о чем-то.

Алиса поднялась и взяла меня за руку.

— На этой планете не сохранишь секрета, — сказала она. — Зато мы теперь знаем, что толстяк с Верховцевым знакомы и не зря они оба просили у нас говоруна.

Миражи разговаривали беззвучно, а с другой стороны к нам шел еще один мираж. Он изображал трех капитанов. Но не каменных, как мы видели их на планете имени Трех Капитанов, а самых настоящих, в синих мундирах космического флота. Капитаны остановились, взялись за руки, словно прощались. И тут же растворились, исчезли. Вместо них на равнине возник один капитан. Второй. Высокий, тонкий, с горбатым носом. Капитан стоял нахмурившись, будто размышлял о чем-то. На плече у него сидел говорун. Капитан окинул взглядом долину и быстро пошел к еще одному миражу, возникшему на горизонте. Мираж был космическим кораблем голубого цвета, и на борту его была выложена драгоценными камнями большая темно-синяя чайка.

И эти миражи растаяли... Исчез и Верховцев с толстяком.

Алиса сказала:

— Я никогда еще не видела такого красивого корабля.

А в наушниках у меня прозвучал голос Полоскова:

— Послушай, профессор, ты когда-нибудь видел такой красивый корабль? Это, наверно, «Синяя чайка» Второго капитана.

— Конечно, — сказала Алиса. — Может, он скрывается где-то здесь? Надо будет его найти.

На горизонте, там, где стояла «Синяя чайка», вспыхнул яркий свет. И мы увидели, как корабль поднимается над планетой.

— Улетел твой мираж, — сказал Зеленый. — Я так и думал.

— Да, похоже на то, что «Синяя чайка» улетела отсюда, — согласился с ним Полосков.

Я наклонился над тем местом, где Алиса упала, спеша к нашим двойникам. Я наклонился, потому что меня удивила одна вещь: два округлых камешка вдруг медленно покатились, словно их кто-то толкнул. Но ведь никого рядом не было. Даже ветер утих. Я протянул руку, чтобы подобрать камень, но он прибавил ходу и откатился подальше. И вдруг из него начал расти мираж. Сначала туманный, прозрачный, но потом превратившийся в леди Винтер. Леди Винтер побежала к горам, подобрав пышную юбку.

— Не уйдешь, — сказал я вслух. — Так я и думал. Ведь чудес не бывает!

Я прыгнул вперед, как будто хотел схватить миледи. В тот момент, когда я упал на то место, где она находилась, мираж исчез. Под руками у меня лежал круглый камешек.

— Что с тобой? — удивилась Алиса. — Почему ты гоняешься за миледи?

— Я ее поймал, — сказал я.

Зеленый усмехнулся:

— Не тут-то было. Ваша миледи пропала без следа.

— Она у меня в руке, — сказал я. — Сейчас вернусь на корабль и все вам объясню.

В кают-компании я положил на стол круглый камешек и еще пять таких же, которые я подобрал на пути к кораблю. Камешки лежали смирно, в ряд. Самые обыкновенные камни, размером с картофелину да и формой похожие на картошку.

— Разрешите представить, — сказал я, — жителей этой планеты.

— Живые существа? — удивился Зеленый. — Вот бы никогда не подумал!

— И с очень интересной способностью. Они могут создавать зрительные иллюзии — копии людей, предметов, причем не только тех, что видели, например трех капитанов или доктора Верховцева, но и улавливать образы, которые живут в воображении людей. Вот, например, Алиса читала «Трех мушкетеров», смотрела на картинки в книге, представляла себе, какими эти мушкетеры должны быть, и мы их увидели. Ведь они, Алиса, точно такие, как ты их себе представляла?

— Точно-преточно такие, — сказала Алиса.

— Зачем этим камешкам нужны миражи, как они их делают, пока неизвестно.

— Может, им просто скучно? — спросила Алиса. — Лежат они на голой земле и скучают. А любой посетитель, любой гость для них — просто замечательное развлечение.

— Все может быть, — согласился я. — Так будем искать здесь или полетим к третьей планете?

— Мне кажется, что третья планета интереснее, — сказал Полосков. — Я посмотрел на снимки — там есть растительность, воздух, вода.

Тут один из камешков превратился во Второго капитана. Капитан печально посмотрел на нас. А говорун сказал его голосом:

— Искать будешь на планете-три. Искать будешь на планете-три.

— Вот видите, — сказала Алиса.

И мы тут же стартовали к третьей планете в системе Медузы.

Глава 15

ПТЕНЕЦ ПТИЦЫ КРОК

Четыре солнца быстро крутились над этой планетой, и ночь на ней наступала лишь иногда, и никак нельзя было без сложных вычислений угадать, в какой момент вдруг потемнеет, промелькнут короткие сумерки и на планету опустится недолгая темнота. Проходило полчаса, иногда меньше, и новое солнце быстро поднималось над колючими кустами и моментально вкатывалось на небо.

Планета заросла лесами и кустарниками. У полюсов леса были низкие, прижатые к земле, а в тропиках поднимались на невероятную высоту.

Планета оказалась раем для биолога. И кого здесь только не было! Океаны кишили рыбами, медузами, червями, морскими змеями, леса были полны всякого зверя и бабочек с метровыми крыльями, а выше, над острыми скалами и пологими холмами, летали различные птицы.

— Мы здесь останемся надолго, — сказал я, когда мы спустились на вершину холма, поросшего кустами. — Одной этой планеты хватит на пятьдесят зоопарков.

— Ну и отлично, — сказал Полосков. — Мы заодно приведем корабль в порядок.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Но сначала найдем Второго капитана. Я уверена, что он где-то здесь.

— Только одна на поиски не выходит, — предупредил я Алису. — Тут очень опасные звери.

— Но ведь я — царь природы, — сказала Алиса.

— Звери об этом не знают, — сказал я. — Они необразованные.

— Но как мы найдем Второго капитана? — спросила Алиса.

— Пока мы начнем с того, — ответил Полосков, — что запустим над планетой металлоразведчик.

— Зачем?

— Он будет кружить на низкой орбите и, как только обнаружит следы металлов, которые употребляются на космических кораблях, даст нам знать.

— И долго он будет кружить?

— Ему надо недели две, чтобы обследовать всю планету.

— Ой, как долго!

— А пока ты будешь мне помогать, — сказал я. — На тебя возлагается кормежка зверей.

— И поливка кустиков, — добавила Алиса. — А то они разбегутся.

В этот момент молоденький кустик вошел в кают-компанию и робко остановился на пороге. Он покачивал ветвями, напевал, старался дать нам понять, что хочет компота.

— Вот, — сказал механик Зеленый, — до чего ты их разбаловалась! Скоро кусаться начнут. Дай ему компота, бог с ним.

На следующий день мы поднялись рано, до рассвета. Полосков снаряжал металлоразведчик, а я грузил в вездеход сети и съемочную камеру.

Мы были так заняты своими делами, что упустили момент, когда появилась птица Крок. Я увидел лишь, как на меня упала чья-то тень, и услышал хлопанье крыльев, которое показалось мне хлопаньем парусов.

— Ложись! — крикнул Полосков.

Я упал на траву.

Прямо над моей головой лязгнули когти, и птица Крок, промахнувшись, взмыла вверх, чтобы кинуться снова.

Тогда-то я ее и разглядел.

Это была огромная тварь, размером с небольшой пас-сажирский самолет. У нее были узкие длинные крылья, короткий хвост и мощный загнутый клюв, как захваты у подъемного крана. Птица сделала небольшой круг и, словно пикирующий бомбардировщик, пошла вниз.

Я попытался отползти, но понял, что не успею.

Я зажмурился и вцепился в колесо вездехода. И в этот момент грянул выстрел.

Оказывается, механик Зеленый успел подбежать к люку с пистолетом и выстрелить в птицу, когда она была всего в трех метрах от меня.

Птица взмыла и взвилась в воздух. Рядом со мной упало ее перо. Перо было метр длиной и такое твердое, что вонзилось концом в сухую землю и ушло в нее, словно богатырский меч.

Я вытащил перо и показал его Алисе.

— Слушай, — сказал я ей, — хозяин этого пера очень обижен и хочет взять кого-нибудь из нас на ужин. Тебе понятно?

— Понятно. Но ведь вездеход ему не поднять?

— Вездеход не поднять.

— Значит, я поеду с тобой в вездеходе.

— Нет, Алиса, — сказал я. — Я сейчас отправлюсь на разведку и вернусь к обеду. Все, кроме тебя, заняты. Некому даже готовить обед и кормить зверей. И не забудь, что у паука-ткача-троглодита кончается шерсть.

— Ну хорошо, — согласилась Алиса.

— Ну, как с металлоразведчиком? — спросил я Полоскова, садясь в вездеход.

— Не понимаю, — ответил он. — Почему-то не ладится. Никогда не отказывал, а сейчас не ладится.

Вездеход медленно ехал сквозь кусты, покачиваясь над выбоинами и легко скатываясь с пригорков. Кусты расходились спереди и вновь смыкались сзади вездехода. Я размышлял о том, что хорошо бы поймать эту птицу. В Палапутре ее называют птицей Крок. Мне очень хотелось бы достать это чудовище для зоопарка, но я понимал, что вряд ли удастся перевезти ее на «Пегасе». Другое дело, если найти ее гнездо и захватить с собой птенцов. Гнезда должны быть где-нибудь на скалах — ни одно из деревьев не выдержит тяжести жилища птицы Крок.

Я повернул к далеким горам. Дорогу мне пересекла процессия длинноногих желтых ящериц. Впереди семенила самая высокая, за ней — поменьше... Я насчитал их двадцать три штуки. Последняя из ящериц была совсем маленькая. Я мог поймать ее, но не стал — сначала надо осмотреться, выяснить, чем они питаются, а то не довезешь до Земли.

Высоко надо мной пролетела птица Крок. Она держала путь к горам. Вернее всего, ее гнездо именно там.

Я выпустил автоматическую сеть и накрыл ею метровую синюю бабочку. Пока я управлял манипуляторами, чтобы усыпить бабочку и спрятать в багажник вездехода не повредив крыльев, зажегся экран видеофона и на нем показалось встревоженное лицо Полоскова.

— Послушай, — сказал он, — я запустил металлоразведчик.

— Ну и отлично, — сказал я. — Погоди, сейчас уложу бабочку...

— Но связь с ним прервалась.

— С металлоразведчиком?

— Ну да. Этого еще никогда не бывало. Я все проверил. Через три минуты после взлета он замолчал.

— Придется подняться на катере, догнать его и починить, — сказал я, укладывая бабочку в контейнер.

— Об этом я и хотел тебе сказать. Я полечу искать его, а ты возвращайся к кораблю. Не нравится мне эта планета.

— Ты неправ, Гена, — сказал я. — Планета отличная. Я рад, что мы сюда попали.

— А если и на самом деле здесь погиб Второй капитан?

— Ты веришь в это?

— Не знаю. Но если такой опытный капитан мог здесь погибнуть, значит, планета скрывает какую-то грозную опасность, о которой мы не подозреваем.

— Но, может, просто двигатели отказали? Ведь это случается даже с самыми лучшими кораблями. Или на капитана напало местное чудовище. Например, птица Крок. Ты видел, какой у нее клюв?

— Конечно, видел.

И Полосков отключил экран.

Еще одна птица пролетела надо мной к горам, и я запомнил направление полета. Наверняка там гнездо.

Надо будет обязательно съездить. Неожиданно наступили сумерки. Я повернулся обратно к кораблю.

Я поставил вездеход у самого трапа, в темноте поднялся по нему и прошел на мостик. Первым делом я проверил, где мои спутники. Зеленый сидел в машинном отделении и колдовал с приборами. Алиса отзвалась из каюты. Сказала, что читает. Тогда я вышел на связь с Полосковым.

— Как у тебя дела? — спросил я.

— Запеленговал металлоразведчик, — ответил Полосков. — Скоро догоню. Не выключай радио.

Я уселся у иллюминатора и слушал, как Полосков бормочет что-то себе под нос, стараясь поймать металлоразведчик. Короткая ночь кончалась. Я глядел вдаль, на лес, горы и намечал себе путь на завтра. Вот поеду вдоль той речки, потом взберусь на холмы... Надо будет взять Алису. В вездеходе ей ничего не грозит...

— Поймал, — сообщил Полосков. — Взял его захватами и поворачиваю обратно.

И в этот момент я увидел, что на площадку перед «Пегасом» вышла Алиса. Она шла осторожно, на цыпочках, оглянулась на иллюминаторы, но меня не заметила.

Было прохладно, и Алиса надела желтый пушистый комбинезон. Видно, собралась куда-то далеко. Но самое удивительное — перед ней по траве гордо шествовал говорун. Он был привязан на длинной цепочке. Другой конец цепочки Алиса держала в руках. Она сказала что-то говоруну, и тот взлетел в воздух. Алиса отпустила побольше цепочки, чтобы не мешать говоруну лететь. Он взмахнул крыльями и медленно, будто понимая, что Алиса не умеет летать, направился к лесу.

Только тогда я опомнился.

Я включил динамик и крикнул на весь лес:

— Алиса, ты с ума сошла! Немедленно возвращайся!

Но тут я испугался, что она меня не послушается, и побежал по трапу вниз, чтобы догнать ее и возвратить на корабль.

Когда я побежал к люку, Алиса была уже у самого леса.

А над ней кружила громадная птица Крок.

— Алиса! — крикнул я.

Но она была далеко и не услышала моего крика. Ни ружья, ничего нет под рукой!

Что делать?!

Не помня себя я бросился вниз по трапу.

Алиса увидела снижающуюся птицу и от страха выпустила цепочку. Перепуганный говорун метнулся к деревьям.

Я бежал к Алисе и видел, как птица Крок выпустила белые когти, как она схватила желтую пушистую фигурку, и набирая скорость, взмыла вверх.

Я бежал, глядя, как уменьшается, поднимаясь, птица, размахивал руками...

Через десять минут Полосков сизился у «Пегаса». К тому времени мы с Зеленым уже были готовы к погоне. Мы снарядили малый катер.

— Вы куда? — удивился Полосков.

— Крок украла Алису! — крикнул Зеленый. И замолчал, потому что от горя потерял дар речи.

— Прыгай сюда! — приказал мне Полосков. Он опустил свой катер к самой земле.

Я подпрыгнул, ухватился за нижний край раскрытого люка и перемахнул в рубку.

Полосков тут же набрал высоту.

— Куда она полетела? — спросил он громко, перекрывая жужжение двигателя.

— Туда, к горам, — ответил я. — Там у них, наверно, гнездо.

Мы добрались до гор за несколько минут. Но найти гнездо было не так легко. Тысячи одинаковых острых скал поднимались над плоскогорьем, и мы больше часа кружили над ними, ничего не находя. И с каждой минутой у нас было все меньше шансов найти Алису живой.

Помогла нам сама птица Крок. Мы увидели, как она летит над скалами.

— За ней, — сказал я.

— Погоди, — ответил Полосков. — Мы ее спугнем, и она не покажет нам дорогу к гнезду.

Он задержал полет катера, и мы повисли над скалами. Птица летела к вершине горы, куда мы еще не поднимались. Там птица сложила крылья и снизилась. Полосков тут же взял курс на гору, набирая при этом высоту.

Когда мы уже подлетали к горе, снизу поднялось сразу пять или шесть птиц. Они приняли наш катер за неведомого летающего врага. Птицы отважно кидались на нас, и Полоскову пришлось вспомнить фигуры высшего

пилотажа, чтобы не столкнуться с озлобленными кроками.

— Вон гнезда, смотри! — сказал Полосков.

Я прижался к иллюминатору.

На крутом склоне горы виднелись темные круги гнезд. Гнезда были сложены из камней и сучьев и прилеплены к площадкам над пропастью.

Когда мы снизились, то смогли разглядеть, что в некоторых гнездах сидят птицы, широко раскинув крылья, видно прикрывая от врагов птенцов или яйца.

— Смотри, — сказал я.

В одном из гнезд что-то желтело. Катер, как живой, ринулся к этому гнезду. Так быстро, что птицы отстали.

— Нет, это не Алиса, — сказал Полосков, — это птенцы.

И в самом деле, в гнезде сидели три покрытых пухом птенца. Увидев нас, они широко разинули крючковатые клювы. Одна из птиц спикировала мимо нас, опустилась на гнездо и прикрыла его крыльями.

— Бери выше, — сказал я Полоскову.

Тут мы увидели еще одну птицу. Она подлетела к горе, неся в клюве большую рыбку.

— За ней! — сказал я.

Птица нас не заметила. Она спустилась к самому дальнему гнезду.

И в том гнезде между двумя птенцами сидела Алиса. Она издали тоже показалась мне птенцом — виной тому был ее желтый пуховый комбинезон.

Птенцы при виде матери раскрыли клювы, но птица поднесла рыбину к Алисе и попыталась втолкнуть добычу Алисе в рот. Алиса отбивалась, но птица была настойчива.

Полосков расхохотался.

— Что с тобой? — спросил я, не отрывая глаз от странного зрелища.

— Ничего Алиске не грозит, — смеялся Полосков. — Ее приняли за птенца и прописали ей усиленное питание.

Полосков был прав. Алису спас пуховый комбинезон.

Мы зависли над гнездом, Полосков спустил трап, и Алиса поднялась в катер, пока я отпугивал птиц сонными гранатами и хлопушками.

— Может, захватим птенцов? — спросил Полосков, все еще улыбаясь.

— В следующий раз, — ответил я. — Как ты себя чувствуешь, Алиса?

— Неплохо, — сказала Алиса.

Она была измазана рыбьей чешуей, а в остальном совершенно цела и здорова.

— Я только сначала испугалась, — сказала она. — А потом, когда меня принесли в гнездо, мне было даже уютно. Мы с птенцами грелись друг о другу. Только вот большая птица обязательно хотела, чтобы я ела. Ну прямо как бабушка: «Скушай ложечку манной кашки».

Полосков веселился, спрашивал Алису, не научилась ли она летать или, может, хочет вернуться к новым родителям.

— А зачем ты вообще-то ушла из корабля? — спросил я строго, после того, как немного успокоился.

— Я пошла искать Второго капитана.

— Как так?

— Я слышала, что у Полоскова разведчик плохо работает. И вообще две недели ждать невозможно. И тогда я подумала, что говорун, может быть, помнит дорогу к тому месту, где он слышал голос Второго капитана. Я попросила его показать мне дорогу, и он полетел.

— А почему же ты не попросила разрешения?

— Ты бы разрешил?

— Нет, конечно. И никакого Второго капитана здесь нет. Забудь о нем.

— Нет? — спросила Алиса. — Он здесь. Только жаль, что говорун улетел. А то бы мы его в два счета нашли.

— Что ты еще придумала?

— А вот что я нашла в гнезде, — ответила Алиса, доставая из кармана осколок фарфорового блюдца с надписью золотом: «...няя чайка». — «Синяя чайка», правда? — спросила она. — Или ты не веришь?

— Ну-ка, покажи, — взмолился Полосков. — Ну и везет же тебе.

— Не скажи, — возразила Алиса. — Ради этого осколка мне пришлось полетать в когтях птицы Крок. Ты летал когда-нибудь таким образом?

— Нет, — улыбнулся Полосков.

— А осколок она мне сама дала. Видно, он у них в гнезде игрушка для птенцов. Вот она мне его и дала поиграть.

Я задумался. Алиса была права. Похоже, что «Синяя чайка» и на самом деле на этой планете. Но как ее найти?

— Что произошло с разведчиком? — спросил я Полоскова. — Ты еще не проверял?

— Странно, но кто-то разбил в нем индикатор металлоискателя.

— Разбил?

— Сам разбиться не мог — индикаторный механизм находится в самом центре разведчика.

— Что же делать? — размышлял я вслух.

Мы опустились перед «Пегасом» и вышли на поляну, поглядывая на небо — не летит ли птица Крок.

— А вот и говорун, — сказала Алиса.

И тут я заметил, что перед самым моим носом к земле спускается тонкая цепочка.

С дерева слетел говорун и кружил над нами, будто приглашая идти за ним искать капитана.

Глава

16

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ЦВЕТЫ

Алиса схватила цепочку, на которой был привязан говорун. Птица не сопротивлялась, не возражала, будто понимала, чего от нее хотят. Она медленно летела над кустами, и, если мы отставали, она поднималась чуть выше и парила в воздухе, поджидая нас. Идти было нелегко, потому что тропинок на этой планете никто для нас не протаптывал. Приходилось перелезать через сгнившие стволы, продираться сквозь лианы и колючки, переходить через быстрые ручьи.

Желтые ящерицы на высоких, длинных ногах высекивали из-под пней и с визгом разбегались, предупреждая лесных обитателей, что идут чужие.

Потом мы попали на поляну, поросшую множеством белых хищных цветов. Цветы громко чавкали, пожирая бабочек и пчел, и тянулись к нам, хватали лепестками за ноги. Но прокусить башмаки они не могли и оттого злились и даже рычали. За перелеском открылась еще одна поляна. Цветы на ней были красного цвета. Они оказались очень любопытными: как только мы появились из-за деревьев, все лепестки повернулись в нашу сторону, будто за нами наблюдали и принюхивались. Над поляной слышался шепот.

— Они большие сплетники, — сказала Алиса, — и теперь до вечера будут обсуждать, во что мы были одеты и как шли.

Еще долго нам слышался шепот и бормотание любопытных цветов.

Это была цветочная планета. Нам за тот день попались еще цветы, которые дрались между собой, цветы, которые при виде нас прятались под землю, цветы, что прыгали с места на место, болтая в воздухе длинными корнями, и множество просто цветов, синих, красных, зеленых, белых, желтых, коричневых и в крапинку. Некоторые росли на земле, некоторые на деревьях или кустах, другие на скалах, в воде или медленно парили в воздухе.

Часа два мы бежали за говоруном. Наконец страшно устали.

— Погоди! — крикнул я говоруну. — Надо отдохнуть.

Мы спрятались под большим деревом, чтобы нас не увидела кружившая над нами птица Крок, и устроились в тени. Говорун усился на ветке над нами и, как всегда, задремал. Он был ленивой птицей и, когда не говорил или не работал, всегда дремал.

Полосков сел, прислонился спиной к стволу и спросил с сомнением:

— А вдруг говорун просто решил погулять?

— И не думай так! — возмутилась Алиса. — Если так думать, то уж лучше повернуть обратно.

Неожиданно солнце зашло за вершины деревьев и наступила короткая ночь. Сразу на небе высыпали звезды.

— Смотри, — сказала Алиса, — одна звезда движется.

— Это, наверно, астероид, — сказал я.

— А может, корабль, — сказала Алиса.

— Ну откуда здесь взяться кораблю?

Звезда закатилась за деревья. Еще минут через пять наступил рассвет. На этот раз сразу три солнца с трех сторон выкатились на небо и стало очень светло и жарко. Вокруг зажужжали пчелы и застремотали кузнечики.

— Пора вставать, — сказал Полосков, поднимаясь, — говорун зовет нас дальше.

— Вперед! — крикнул говорун голосом Первого капитана. — Вперед, а там разберемся. — Потом добавил совсем другим голосом: — «Бороться и искать, найти и не сдаваться», как говорил знаменитый капитан Скотт.

— Видишь, папа, — сказала Алиса, — он нас подбадривает. Мы скоро придем.

Я не разделял восторгов Алисы. Я знал, что мы увидим, если говорун и на самом деле ведет нас к месту посадки Второго капитана. Мы увидим опутанные лианами и заросшие цветами обломки «Синей чайки». От самого капитана, наверно, и следов не осталось. Но я шел за Полосковым.

Мы пробирались сквозь чащу еще часа полтора, и вдруг говорун взмыл вверх, словно проверял, не порвется ли цепочка.

— Запомни это место! — крикнул он сверху. — Запомни это место, капитан.

Потом голос изменился, и с высоты до нас донеслись слова:

— Держите птицу! Хватайте птицу! Не выпускайте ее живьем!

— Кому он подражает? — спросила Алиса.

— Не знаю, — ответил Полосков. — Может, Верховцеву?

Говорун что-то искал.

— Отпусти цепочку, — сказал я Алисе.

Она меня послушалась. Говорун взмыл еще выше, превратился в точку среди облаков и тут же камнем ринулся вниз.

— Нашел, — сказал Полосков.

Но тут мы увидели, что за говоруном гонится птица Крок. Она догоняла его.

— Стреляй! — крикнул я Полоскову.

Наш капитан выхватил пистолет и, не целясь, выстрелил. Птица Крок, которая уже почти настигла говоруна, громко ухнула. Казалось, что она потеряет равновесие и упадет, но птица удержалась и медленно полетела над лесом.

Мы побежали туда, где скрылся говорун. За зарослями кустов открылась зеленая поляна. Ее окружали крутые холмы, поросшие пузатыми деревьями. Говоруна нигде не было видно.

Мы остановились на краю поляны. Она поросла невысокой шелковистой травой, а по краям ее, словно специально посаженные кем-то, росли необычайные цветы. Короткие, широкие, металлического цвета лепестки окружали серединку цветка размером с большую тарелку. Серединка была зеркальная, зеркала цветов

были чуть выпуклыми, и в каждом цветке отражалась вся поляна. Цветки сидели на коротких толстых стеблях без листьев.

— Не подходи, Алиса, — сказал я. — Вдруг ониядовитые?

— Нет, — сказала Алиса, — я не думаю. Смотри. И мы увидели, как из кустов выскочил зверек, похожий на зайца. Зверек подскочил к цветку и посмотрелся в зеркало. Потом так же спокойно, будто нас здесь и не было, снова скрылся в кустах.

— Какая-то ошибка, — сказал Полосков. — Никаких следов корабля. Наверно, говорун ошибся.

— Или мы ошиблись, побежали за ним, как маленькие, — сказал я.

Я подумал о том, как далеко намозвращаться к кораблю. Можно было бы, конечно, вызвать Зеленого с катером или вездеходом, но мне не хотелось оставлять корабль без охраны.

Алиса вышла на середину поляны, огляделась, подошла поближе к цветку. Цветок чуть повернул зеркало, словно хотел, чтобы Алиса в него посмотрелась.

— Возьмем их с собой, — сказала Алиса.

— Ладно, — ответил я.

Полосков вынул из кармана портативный металлоискатель и обошел с ним всю поляну. Металлоискатель ни разу не пискнул.

— Здесь корабля нет и не было, — сказал Полосков наконец. — Надо возвращаться.

Мы срезали букет зеркальных цветов. Букет был тяжелый, словно цветы были вырезаны из камня. Мы несли букет по очереди, и я хотел было выбросить часть цветов, но Алиса ни за что не соглашалась.

До корабля мы добрались чуть живые. К счастью, пока нас не было, ничего там не произошло.

— Ну как? — спросил Зеленый. — Неудача, конечно?

— Полная неудача, — ответил Полосков, снимая башмаки и вытягиваясь на диване в кают-компании.

Алиса притащила тем временем два больших горшка и налила в них воды, чтобы зеркальные цветы не засохли.

— Да, — сказал я, — корабля там нет. К тому же мы потеряли говоруна. Может, он попал в когти птице Крок.

— Ничего, — сказал Полосков, лежа на диване. — Завтра с утра я начну ремонтировать металлоразвед-

чик, и мы не улетим с этой планеты, пока не найдем капитана.

Что-то больно ударило меня по ноге. Я наклонился и увидел, что это алмазная черепашка.

— Как она сюда попала? — спросил я Зеленого. — Ведь мы заперли ее в сейф.

— Она так скреблась и стучалась, — ответил Зеленый, — что я ее пожалел. А что за странные цветы вы привнесли?

— Зеркальные цветы, — сказал я.

Зеленый подошел к букету и спросил:

— Зеркальные?

— А что?

— Я в них смотрюсь, а они отражают вовсе не меня, — сказал он.

Я обернулся и понял, что Зеленый совершенно прав: в зеркальных серединках цветов отражался вовсе не он, а Алиса. А за ее головой были видны маленькие фигурки — моя и Полоскова. И стояли мы не в кают-компании, а на круглой поляне.

— Очень интересно! — сказал я. — Значит, эти цветы, пока живые, все отражают и запоминают, будто фотографируют.

Тук-тук-тук! — раздалось в кают-компании. Полосков вскочил с дивана и кинулся к иллюминатору.

По ту сторону стекла сидел говорун и стучал клювом, чтобы привлечь наше внимание.

— Ты только подумай, какая умница! — сказал я. — Сейчас мы тебя впустим.

Оба клюва говоруна открывались. Он что-то говорил, но мы не могли ничего услышать через стену корабля.

Когда я выбежал к люку и открыл его, говорун уже поджидал меня там. Он влетел в корабль и сразу направился в кают-компанию. Я шел за ним по коридору. Говорун летел неуверенно, потом спустился на пол и пошел, прихрамывая, пешком. Полосков открыл дверь в кают-компанию и при виде птицы сказал:

— Ну и попал ты, бедняга, в переделку!

Говорун ответил невпопад:

— Больше держаться нет сил! Скоро ли придет помощь?

— Это голос Второго капитана, — сказала Алиса. — Он видел Второго капитана!

— Алиса, — сказал я, — но ведь Второй капитан мог сказать эти слова и четыре года назад. Ты же знаешь, какая хорошая память у говоруна.

— Нет, — сказала Алиса, — он видел Второго капитана. Пошли скорей назад, на поляну.

— Нет, только не сейчас, — ответил Полосков. — Даже у меня ноги не ходят. А ты — девочка. Ты устала в десять раз больше. И, кроме того, в том месте, где мы были, капитана нет. Даже если бы в десяти метрах в окружности была хоть одна пуговица, хоть одна гайка, металлоискатель ее бы нашел.

— Значит, надо было отойти на десять метров в сторону, — сказала упрямо Алиса. — И если вы не пойдете, я пойду одна.

— Сначала ты выспишься, — сказал я строго. — А потом мы все вместе вернемся в тот район. Мы же обещали, что не улетим с планеты до тех пор, пока не найдем капитана... или пока не убедимся, что его здесь нет.

Глава 17

МЫ СМОТРИМ В ПРОШЛОЕ

Жить на такой планете было бы нелегко. Когда мы поднялись утром, корабельные часы показывали восемь часов, а за иллюминатором смеркалось — снова начинилась короткая ночь. Пока мы завтракали, ночь миновала и наступило утро.

Яркие лучи осветили кают-компанию, и Алиса, взглянув на зеркальные цветы, стоявшие в вазах, сказала:

— Смотрите, меня уже нет.

В зеркалах, в которых вчера вечером отражалась Алиса, виднелась знакомая нам поляна, но на ней никого не было. Пока мы смотрели на зеркала, во всех цветах поляна померкла, наступили сумерки. Мы глядели в темные зеркала цветов, и я сказал:

— Это странные цветы — цветы-фотоаппараты.

В зеркалах начало светать. Мы даже забыли о завтраке. Никто не мог оторваться от удивительного зрелища. Не спеша, минута за минутой, цветы, оказывается, фотографировали все, что происходило на поляне. И теперь показывали нам.

— Интересно, сколько эти цветы живут? — размышлял вслух Полосков.

— Наверно, несколько дней, — ответил я. — Как и все цветы.

И тут мы увидели в зеркалах отражение зверька, похожего на зайца. Он выскочил из кустов и помчался к цветам. В зеркалах еще не рассвело и поэтому мы не сразу поняли, что же странного в его движениях.

— Да он же прыгает задом наперед! — воскликнула Алиса.

Зверек и на самом деле приближался к цветам задом наперед. А потом, постояв перед цветком, таким же странным образом вернулся в кусты.

— Испорченное кино, — засмеялась Алиса. — Сажожники! Смените ленту!

— Нет, — сказал Полосков. — Это не испорченное кино. Потому что эти цветы не просто зеркала, а зеркала фотографирующие. Они могут это делать, если на их зеркале все время нарастают слой за слоем. Тончайшие слои. Миллионы слоев. Только одно изображение закрепится в зеркале — его прикрывает следующий слой. И так далее. А когда цветок срезан, он не может дальше наращивать слои в зеркале, и они начинают слезать с него — слой за слоем. И мы видим то, что видело зеркало. Только наоборот. Как будто пленку отматывают назад. Ясно?

— Вполне возможно, — согласился я. — Очень интересный цветок. Но нам пора собираться. Пускай Полосков готовит к полету металлоразведчик, а я съезжу на вездеходе на ту поляну и поищу, нет ли вокруг нее следов погибшего корабля «Синяя чайка».

— Я с тобой, папа, — сказала Алиса. — И говоруна возьмем.

— Ладно.

Я пошел вниз готовить вездеход, а Алиса осталась в каютах-компаниях. Ей интересно было смотреть кино наоборот.

— Алиса! — крикнул я, заводя машину. — Ты готова?

— Сейчас! — крикнула Алиса в ответ. — Одну минутку!

И тут же позвала меня:

— Папа, скорее сюда! Да скорее же! А то они уйдут.

Я в три прыжка взлетел по трапу и вбежал в каютах-компанию. Алиса стояла у зеркал.

— Смотри, — сказала она, услышав, что я вошел.

Во всех зеркалах отражалась одна и та же картина: посреди поляны стояли два человека: толстяк в кожаном костюме и доктор Верховцев. За кустами был виден острый нос скоростного космического корабля.

Толстяк с Верховцевым о чем-то спорили. Потом задом наперед ушли.

— Они где-то здесь, — сказала Алиса. — Они не догадались, что цветы их выдадут.

— Похоже, что ты права, — ответил я. — Но почему? Почему?

— Что — почему?

— Наверно, они тоже не знают, где капитан. А то почему они гоняются за говоруном?

— А может, капитан у них в плена и они боятся, что об этом узнают? Они поймали капитана, посадили его в тюрьму, а говорун улетел. Вот они и боятся.

— Но зачем кому-то сажать капитана в тюрьму? Выдумщица ты, Алиса!

— И ты ничего не будешь делать? Пускай так все и остается?

— Нет, — ответил я. — Безделье — самое бездарное занятие.

Я потянулся к микрофону, нажал кнопку и сказал:

— Полосков, Зеленый, слушайте. Только сейчас на зеркале цветка мы с Алисой видели толстяка с Верховцевым. Это значит, что они были здесь по крайней мере за день до нас. Они прилетели на скоростном корабле. Что вы думаете по этому поводу? Перехожу на прием.

— Я думаю, что Второй капитан где-то на этой планете, — сказал Полосков.

— А я думаю, что нам лучше сейчас улететь отсюда, — сказал Зеленый. — Нас всего трое, и наш корабль не защищен от нападения. Мы должны немедленно лететь к населенной планете и оттуда связаться с Землей или Фиксом. Оттуда прилетит специальный корабль из Службы галактической безопасности. Они лучше нас справятся с неожиданностями.

Зеленый, конечно, говорил разумно. Но он всегда преувеличивает трудности и опасности. Поэтому я сказал:

— Пока что никто на нас не нападает. Хотя, конечно, мы должны принять меры защиты.

— Правильно, — согласился со мной Полосков. — Улетать так вот, сразу, мне не хочется. Сначала мы дол-

жны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь Второму капитану.

— Правильно, — сказала Алиса.

— Даже удивительно! — сказал Зеленый. — Можно подумать, что я струсил. А я просто стараюсь быть разумным. На борту у нас ребенок и беззащитные звери. Может так получиться, что мы капитану не поможем и сами пострадаем. Но если капитан решает, что нам нужно остьяться, я буду сражаться до последнего патрона.

— Ну, до этого, надеюсь, не дойдет, — ответил я. — Мы прилетели сюда для того, чтобы выяснить, не случилось ли беды с одним из капитанов. Мы ни на кого не собираемся нападать и ни с кем не хотим воевать.

— А я, кстати, не такой уж беззащитный ребенок, — сказала Алиса. — Поедем на поляну?

— Погоди, — сказал я. — Посмотрим еще в зеркала.

Но больше там ничего не происходило. Так ничего и не дождавшись, мы с Алисой все-таки взобрались в вездеход и обехали на нем окрестности поляны. Мы нашли только следы посадки корабля за холмами. Трава там была выжжена тормозными двигателями, и узкая тропинка вела сквозь кусты к поляне.

Мы вернулись к обеду и застали Зеленого в кают-компании. Он задумчиво стоял перед зеркальными цветами и тянул себя за рыжую бороду. В другой руке у него была виброритва.

— Ты чего, Зеленый? — спросил я.

— Думаю, — ответил механик.

В зеркалах отражался тихий солнечный день.

— Я думаю, — продолжал Зеленый, — сколько живут эти цветы.

— Наверно, несколько дней, — сказал я.

— А вдруг им вовсе не несколько дней, а много лет? Вдруг они год за годом запоминают все, что происходит вокруг? Посмотри, какие толстые зеркала — сантиметров по шесть каждое. И очень плотные. А за два дня, пока стоят у нас, они не стали тоньше. Можно, Алиса, я произведу операцию над одним цветком?

— Давайте, — сказала Алиса, которая сразу сообразила, в чем дело.

Зеленый перенес один из цветков на стол в лабораторию, закрепил его зажимами и начал тонкую операцию.

— Я сниму сразу сантиметр, — сказал он.

— Погоди, — остановил я механика. — Начни с тонкого слоя: может быть, ничего и не получится.

Зеленый послушался меня и включил виброритиву. Индикатор, белый от любопытства, вышел из угла и подошел поближе, тихо переступая ногами-палочками. Кустики зашевелились в своей клетке — думали, что будут давать компот. Паук-ткач-троглодит перестал вязать шарф.

Тонкий слой, прозрачный, словно целлофановая пленка, отделился от зеркала. Зеленый осторожно снял его и положил на стол.

Несколько секунд зеркало оставалось темным, но в тот момент, когда я уже решил, что ничего не получилось, зеркало вдруг просветлело. Оно отражало на этот раз ветреный, пасмурный день.

— Все правильно! — сказала Алиса. — Поехали глубже в прошлое!

— Но как мы сможем считать дни? — подумал я вслух. — Ведь мы же не знаем, какой толщины слой одного дня.

Но Зеленый меня не слушал. Он поддел ножом край зеркала и приподнял сразу полсантиметра зеркальной поверхности. Слой отогнулся. Индикатор, от нетерпения меняя цвета, как светофор на оживленном перекрестке, не удержался, сунул длинный тонкий нос под руку Зеленому.

— Ну вот! — расстроился Зеленый. — Я не могу работать, если мне все мешают!

— Он нечаянно, — вступилась за индикатора Алиса. — Ему же интересно.

— Всем интересно, — сказал Зеленый. — Но я ни за что не ручаюсь.

— Продолжайте, — попросил я.

Зеленый осторожно снял слой.

— Как стекло в иллюминаторе, только гнется, — сказал он.

Мы все склонились над ставшим чуть тоньше темным зеркалом.

Понемногу оно прояснилось. Все та же поляна. Но только трава стала бурой, кусты осыпались, а оставшиеся листья пожелтели. Ни бабочек, ни пчел — тоскливо и мрачно. С пасмурного неба сыплет редкий снег, но не остается на земле, а медленно тает на травинках.

— Осень, — сказала Алиса.

— Осень, — согласился Зеленый. Он поднес к зеркалу лупу и сказал: — Обыкновенным глазом не видно, но очень интересно смотреть, как снежинки появляются на кустах и взлетают в небо.

Мы все по очереди посмотрели на снежинки-наоборот. Даже индикатор посмотрел и зашелся салатным цветом от удивления.

— Сколько времени с осени прошло? — спросил меня Зеленый.

— Сейчас лето, — ответил я. — Год здесь чуть больше четырнадцати земных месяцев. Значит, примерно наш год.

— Так, — сказал Зеленый и достал из шкафчика микрометр. — Теперь, — сказал он, — мы сможем точно сказать, сколько зеркалу лет и...

— ... и сколько нам нужно снять с него, чтобы увидеть поляну, какой она была четыре года назад, — закончила за него фразу Алиса.

— Сначала, — сказал Зеленый, — срежем с зеркала чуть поменьше четырех лет.

— Не много ли? — спросил я. — Ведь стоит срезать больше, и мы пропустим тот момент, когда здесь был Второй капитан.

— Пропустим — не страшно, — сказал Зеленый, отмечая толщину слоя, — у нас еще целый букет.

Пока он говорил, я краем глаза увидел, что алмазная черепашка быстренько топает к выходу из лаборатории. Проклятая непоседа опять выбралась из сейфа. Я хотел было догнать ее, но потом передумал — жаль было упустить тот момент, когда Зеленый снимет с зеркала четыре года.

— Как у вас дела? — спросил по радио Полосков, который все еще колдовал с металлоразведчиком.

— Все в порядке, — сказал я.

— Тогда я сам полечу на разведчике. Не хочу его одного отпускать. Что-то ненадежно он работает.

— Когда будешь искать «Синюю чайку», — предупредил я, — не забудь, что на планете может оказаться еще один корабль.

— Не забуду.

— Оставь линию связи включенной. Если что, сразу свяжись с нами.

— Помню.

— Может быть, к твоему возвращению у нас будет сюрприз.

— Отлично! Только я люблю хорошие сюрпризы. Плохих сюрпризов не выношу.

Полосков улетел. Слышно было, как зажужжал разведчик, поднимаясь в воздух.

— Готово, профессор, — сказал Зеленый. — Рискнем?

В третий раз Зеленый снял слой с зеркала. На этот раз такой толстый, что еле удержал его в руке. Лепестки цветка облетели, и на столе лежала лишь круглая, вогнутая, словно тарелка, середина цветка.

Она долго не хотела светлеть. Уж очень давно на нее не попадал свет.

А когда наконец показалось изображение, мы поняли, что поляна выглядит совсем не так, какой мы ее видели теперь. Круг посередине, поросший травой, был голый, серый, словно бетонная крышка гигантского люка. Можно было даже разглядеть круглую щель, отделявшую крышку от окружающей земли.

— Видишь! — торжествовала Алиса. — Это правильная поляна!

— Теперь осторожно, — сказал я. — Главное — не срезать лишнего.

— Понимаю, — сказал Зеленый, — не маленький.

Но точно срезать не удалось. Пятнистный, светлый, почти прозрачный от нетерпения и жгучего любопытства индикатор в самый ответственный момент нечаянно подтолкнул Зеленого в локоть. Виброритва скользнула по плоскости и врезалась глубоко внутрь. Зеркало раскололось и упало со стола на пол.

Индикатор от стыда уменьшился вдвое, покернел. Он хотел, чтобы его убили. Он метался по лаборатории, глядя палочками ножек разъяренного Зеленого, наконец бросился на пол и стал совсем черным.

— Не расстраивайся, — уговаривала несчастного индикатора Алиса. — С каждым может случиться. Мы знаем, что ты ни в чем не виноват.

Она обернулась к Зеленому, который все еще прогнивал индикатора на чем свет стоит, и сказала:

— Зеленый, не надо, пожалуйста! Ведь индикаторы такие чувствительные, что он может от расстройства умереть.

— И в самом деле, — поддержал я ее, — у нас еще целый букет. Ты же сам говорил.

— Ладно, — согласился Зеленый. Он человек отходивший и, в общем, не злой. — Жалко, сколько времени потеряли. Может, минута нам оставалась до того, как мы разгадаем тайну Второго капитана.

Индикатор, услышав это, съежился еще больше.

Во главе с Зеленым мы вернулись в кают-компанию. Индикатор плелся сзади, все еще почти черный, а вредные кустики вытягивали ветви, чтобы он споткнулся и упал.

Мы даже не успели войти в кают-компанию. Зеленый остановился в дверях и сказал только:

— Ах!

Я заглянул ему через плечо. Обе вазы были свалены на пол, а цветы разорваны, растоптаны, уничтожены какой-то злобной силой. Ни одного целого зеркала не осталось. Лепестки были разбросаны по всей комнате.

И вдобавок ко всему снова исчез говорун.

Глава

18

ШПИОН

Цветы были уничтожены. Говорун пропал. Мы остались у разбитого корыта. Как помочь капитану?

Я протянул руку к микрофону и вызвал Полоскова.

— Геннадий, — сказал я, — у нас тут осложнения. Скажи, ты где сейчас?

— Лечу над северным полюсом планеты. Пока ничего не обнаружил. А что у вас случилось?

— Сейчас некогда рассказывать. В общем, нам удалось с помощью зеркальных цветов узнать, что было здесь четыре года назад. Вернее, почти удалось узнать. Но в этот момент кто-то разбил все зеркала. Нам нужны зеркальные цветы. Сколько тебе лететь до поляны?

— Минут двадцать, — сказал Полосков. — Но потом еще столько же мне надо будет снижаться.

— Тогда не беспокойся, — сказал я. — Продолжай полет.

— И не подумаю, — ответил Полосков. — Я поворачиваю к «Легасу». Если кто-то мог разбить цветы, значит,

или на корабле, или возле него есть враги. Ничего не предпринимайте без меня.

— Хорошо, — согласился я.

Когда я повесил микрофон на место, Алиса сказала:

— Побежали скорей на поляну.

— Зачем? — спросил я.

— Неужели непонятно? Сорвем новые цветы. Видно, их тайна такая важная . . .

— Но . . .

— Давайте я поеду на вездеходе, — сказал Зеленый. — Ничего со мной не случится. Я сниму четырехлетний слой на месте и немедленно сообщу вам на корабль.

— Я с Зеленым, — сказала Алиса.

— Да погодите вы! — возразил я. — Подождем Полоскова. У него катер, и мы доберемся до поляны куда быстрее, чем на вездеходе. И лучше нам теперь не разделяться. А пока надо посмотреть, как мог забраться на корабль тот, кто разбил зеркала.

Я вышел в коридор и пошел к люку. Если люк закрыт, значит, злоумышленник скрывается на «Пегасе». Если он открыт, значит, кто-то вошел на «Пегас», натворил бед и убежал. В это я мало верил. Ну когда ему было забраться на корабль, найти дорогу в кают-компанию, специально уничтожить все цветы? Почему он этим занялся именно тогда, когда мы заглянули на четыре года назад? Как догадался? И я понял, что этот негодяй скрывается на корабле и знает, что мы вот-вот разгадаем тайну Второго капитана. Это был кто-то, кто видел, чем мы занимаемся . . . Но кто? В лаборатории были Зеленый, Алиса и я. Если не считать индикатора. Ага, индикатор! Он толкнул Зеленого под локоть! . . Нет, быть не может. Индикатор хоть и очень чувствительное существо, но он все-таки зверь, не больше. Даже говорить не умеет. А может, не хочет?

И тут я подошел к люку. Люк был раскрыт настежь.

Все мои теории рассыпались на мелкие кусочки. Да и не могли не рассыпаться. Если бы я подумал еще чуть-чуть, то вспомнил бы, что индикатор ни на секунду от нас не отлучался и не мог разбить зеркала в кают-компании.

Люк был распахнут, и таинственный злодей ушел с корабля, утащив с собой нашего драгоценного говоруна. Может, вообще последнего говоруна на свете.

На лужайке перед кораблем светило солнце, зеленели кусты и пели птицы. Мир и благодать. Даже трудно поверить, что здесь происходят не очень приятные события.

Я поглядел на небо. Не летит ли Полосков? Полоскова пока что не было. Лишь высоко-высоко, под самыми облаками, кружила птица Крок.

— На помошь, капитаны! — услышал я вдруг знакомый голос. — Только вперед, а там разберемся.

— Ты где, говорун? — крикнул я. — Тебе нужна помощь? Я спешу!

— «Три танкиста», — запел из кустов говорун голосом Первого капитана, — три веселых друга — экипаж машины боевой!»

Я побежал на голос птицы, раздвинул кусты и увидел говоруна. Говорун не мог лететь, потому что он катил перед собой клювом тяжелую алмазную черепашку. Он помогал себе ногами, крыльями, а свободным клювом распевал песни и звал на помошь.

— Вот спасибо тебе! — сказал я. — Вот спасибо! А мы уж начали беспокоиться, куда ты снова запропастился.

Говорун гордо распрямился и аккуратно сложил крылья. Он сделал свое дело.

Я подобрал черепашку.

— Молодец! — сказал я говоруну. — Увидел, что эта проказница опять удирает, бросился за ней, догнал и притащил домой. Тебе за это положено пять кусков сахара, не меньше.

Я пошел обратно к кораблю. Говорун медленно шествовал сзади и был горд собой.

— А ты, глупышка, — обратился я к черепахе, — ты же так заблудишися. Кто тебя здесь будет кормить? Ты забыла о том, что ты — редкое животное и принадлежишь Московскому зоопарку? И убегать тебе никуда нельзя...

Тут я услышал над собой шелест крыльев и в два прыжка подскочил к люку. Я уже научился угадывать птицу Крок по полету. Говорун влетел в люк вместе со мной, и мы захлопнули крышку. Потом уселись на пол перед люком, чтобы перевести дух, а птица Крок тем временем стучала в крышку люка своим железным клювом.

Алиса с Зеленым встретили нас в коридоре. Они встревожились, куда я мог деться.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал я им. — Оказывается, наш говорун — умница. Увидел, что алмазная черепашка опять отправилась в путешествие, догнал ее и вернул домой. Вот уж, наверно, черепашка перепугалась!

Черепашка отбивалась когтями и старалась вырваться из рук.

— А как же черепашка выбралась наружу? — удивилась Алиса. — Ведь люк был заперт.

— Ничего удивительного, — ответил я, — тот, кто сломал зеркала, и открыл люк.

— А откуда у него ключ от корабля? И вообще, где электронный ключ от «Пегаса»? Он же висел в кают-компании.

— В этой тайне не разобраться и Шерлоку Холмсу, — сказал Зеленый.

— А я разберусь, — ответила Алиса. — Я знаю.

— Ну, и что ты знаешь?

— Отгадка тайны у тебя в руке.

Я посмотрел на свои руки. Они были заняты алмазной черепашкой.

— Не понимаю, — сказал я.

— Погляди, что она прячет в клюве.

Голова черепашки была засунута под панцирь, но кончик электронного ключа от «Пегаса» выглядывал наружу. Я потянул за ключ. Черепашка сопротивлялась, держала его мертввой хваткой, и мне пришлось потрудиться, прежде чем я отобрал у нее ключ. Что-то в черепашке щелкнуло, и ее лапки, усеянные мелкими камушками, вывалились из-под панциря и безжизненно повисли.

— Ну-ка, — сказал Зеленый, — дайте мне эту черепашку. Посмотрим, как она чирикает.

Я, все еще не понимая, что же происходит, передал механику умершую черепашку и рассеянно повесил ключ на место. Зеленый положил черепашку на стол, достал из кармана комбинезона отвертку и, осмотрев черепашку со всех сторон, поддел отверткой под панцирем. Панцирь щелкнул, как крышка шкатулки, откинулся в сторону, и под ним обнаружилось скопище элементов, памятных ячеек, атомные батарейки — черепашка оказалась искусно сделанным миниатюрным роботом...

— Понятно теперь, почему она была такой шустрой, — сказала Алиса. — То в машинное отделение

забраться хотела, то за нами бегала. Вспомни, папа, она ведь всегда под ногами крутилась, когда мы разговаривали о важных вещах.

— Чудо техники, — произнес с уважением Зеленый. — Здесь и передающее устройство, и даже маленький антигравитатор.

— Значит, толстяк знал о каждом нашем слове, — сказал я.

— Конечно, толстяк! — вспомнила Алиса. — Черепашка — его подарок.

— Но мне неудобно было отказать ему. Он так настойчиво дарил ее нашему зоопарку.

— Это просто здорово, что он не подарил зоопарку мину замедленного действия, — сказал мрачно Зеленый. — Вот тебе и внутренний враг. Она же в лаборатории слышала, что мы нашли способ заглянуть в прошлое, и тут же получила приказ помешать. Вот она и разбила остальные цветы в каютах-компаний. И я могу поспорить на что угодно, что на поляне уже ни одного цветочка тоже не осталось. Хозяева черепашки постарались.

— Правильно, — сказала Алиса. — А потом она подхватила ключ от корабля и убежала.

— Да, — сказал я. — Но у нас есть теперь одно преимущество перед толстяком и Верховцевым.

— Какое?

— Они не знают, увидели мы что-нибудь в зеркале или ничего не увидели.

— Сейчас не это главное, — ответил Зеленый.

— А что?

— Самое главное — почему черепашка вдруг убежала с «Пегаса».

— Она сделала свое дело и убежала, — сказал я.

— Но ведь мы ее ни в чем не подозревали. Крутилась бы под ногами и дальше передавала наши разговоры своим хозяевам. А она вдруг убежала.

— Но, может быть, она нужнее сейчас в другом месте?

— Вряд ли, — сказал Зеленый. — Не нравится мне это. Вернее всего, она подложила в корабль мину замедленного действия, и в любой момент мы можем взлететь на воздух. И сами взорвемся, и зверей погубим. Я предлагаю немедленно эвакуировать корабль.

— Погоди, — остановил я Зеленого. — Если бы им

хотелось взорвать нас, они могли сделать это раньше.

В коридоре послышались быстрые шаги. В кают-компанию вбежал Полосков. Он сразу увидел на столе разобранную черепашку, и объяснять ему почти ничего не пришлось.

— Значит, они еще на планете, — сказал Полосков. — Без их приказа черепашка не стала бы губить зеркала. Она ведь только робот.

— Они приказали ей подложить мину, — повторил Зеленый, — и велели сматываться.

Мы все глядели на Полоскова, ждали, что скажет капитан.

— Чепуха! — сказал капитан.

— Но тогда почему она убегала?

— Ключ от корабля им несла, — сказал Полосков. — Зачем же им ключ от взорванного корабля?

— Ни зачем, — сказала Алиса. — Ну и умный у нас капитан!

— Я-то обыкновенных способностей . . . — сказал Полосков.

— . . . а мы глупые! — обрадовалась Алиса. — Надо было догадаться, что черепашка не могла никакой мины подложить. Когда бы она успела за ней сбежать?

— Тоже правильно, — сказал Полосков. — Но главное сейчас не в этом. Толстяк и доктор Верховцев подозревают, что мы разгадали тайну Второго капитана, и они решили пожаловать к нам на «Пегас». Тайно или явно, я не знаю, но нам надо ждать гостей. И приготовиться к их приходу.

— Но как же остальные цветы? В самом деле, мы же ничего не знаем.

Глава

19

ГДЕ ДЕВЧОНКА!

Это не так просто — поднять космический корабль и перебросить его всего на несколько километров в сторону. Это труднее, чем улететь с планеты. Не всякий капитан на это согласится.

Но Полосков решил перегнать «Пегас» на поляну.

В корабле безопаснее, и без нашего разрешения никто в него не заберется.

Пока Полосков рассчитывал, как лучше прыгнуть «Пегасу», мы разошлись по кораблю, чтобы привязать раскиданные вещи, проверить клетки со зверями и убрать в шкаф посуду. В общем, через полчаса «Пегас» был готов к полету.

Мы собирались на мостице. Полосков сел к пульту управления, я — на место штурмана, Алиса — чуть сзади.

— Двигатели готовы? — спросил Полосков в динамик.

— К старту готов, — ответил из машинного отделения Зеленый.

Но Полосков не успел сказать: «Старт...»

Белая огненная полоса разрезала голубое небо. Рядом с нами спускался другой космический корабль. От толчка наклонились деревья и дрогнула земля.

— Погоди минутку, — сказал Полосков Зеленому, глядя в иллюминатор.

— Что там у вас? — спросил Зеленый.

— Соседи спустились.

— Кто?

— Не знаю еще. За деревьями не видно. Но будь готов стартовать немедленно. Может, это они.

— Верховцев? Толстяк?

— Да.

Мы привстали в креслах, не отрывая глаз от леса. Над деревьями торчал нос корабля. Совсем недалеко, метрах в двухстах. Мне даже показалось, что я слышу, как открывается люк на том корабле, как падает на землю трап... Вот они спускаются вниз, бегут через кусты. Друзья или враги?

Кусты раздвинулись, и на площадку перед «Пегасом» выбежал человек. На нем был скафандр, правда без шлема. На поясе этого человека был пистолет. Человек поднял руку, приказывая нам остановиться. И тут мы все его узнали.

— Доктор Верховцев! — сказала Алиса. — Без шляпы.

— Верховцев, — повторил Полосков и склонился к динамику. — Зеленый, старт!

Наш корабль тут же отозвался на слова Полоскова, чуть покачнулся, загудели двигатели, и мы, набирая скорость, начали подниматься в воздух.

— Отлично, Зеленый, — сказал Полосков.

— Кто это был? — спросил Зеленый.

— Верховцев, — ответил Полосков.

«Пегас» завис на секунду над площадкой, и доктор Верховцев отступил назад, под защиту кустов.

Он махал руками и очень сердился.

— Что? — крикнула Алиса, хотя Верховцев не мог нас услышать. — Руки коротки?

— Алиса, — сказал я укоризненно, — разве можно так разговаривать со старшими?

Полосков засмеялся.

— А он без шляпы, — сказала Алиса, будто и не слышала моих слов. — Потерял шляпу. Спешил.

Корабль наклонился, беря курс к поляне, и вскоре наш враг превратился в муравьишку, и я заметил, как он поспешил обратно к своему кораблю.

— Теперь, — сказал Полосков, — у нас есть время в запасе. Пока они вернутся на свой корабль, задраят люки и заведут двигатели, пройдет полчаса. И за эти полчаса мы должны найти Второго капитана. Это трудная задача.

— Даже здорово, — сказала Алиса, — что они решили нас поймать. По крайней мере, мы знаем, что на поляне их нет.

Круглая поляна была уже под нами. Полосков осторожно посадил «Пегас» точно в ее середине. Пока мы спускались, я заметил множество ярких блесток, словно вокруг поляны искрился иней. А когда мы снизились, я понял, что это не иней, а осколки разбитых зеркал. Мы были правы — враги успели погубить все цветы.

«Пегас» снизился на траву, выпустил амортизаторы, и Алиса первой отстегнула ремень. Ей не терпелось выбежать на поляну. В этот момент «Пегас» вздрогнул, пошатнулся, Алиса покатилась к стенке. Зеленый закричал снизу:

— Куда мы летим?

Затем был удар, еще удар, треск амортизаторов — наш корабль падал в какую-то пропасть. Я хотел отстегнуть ремень, чтобы найти Алису и помочь ей, но еще один, последний удар оглушил меня, и, когда я пришел в себя, наш корабль стоял, накренившись, в темноте.

И было очень тихо.

— Алиса, — спросил я, быстро отстегивая ремни и путаясь в застежках. — Алиса, как ты?

— Нормально, — спокойно ответила Алиса. — Не-множко ушиблась.

Голос Зеленого донесся до нас издалека.

— Ох, — сказал Зеленый. — Куда ты нас посадил, Полосков? Теперь мы никогда отсюда не выберемся.

— Ты жив-здоров? — спросил Полосков.

— Здоров, — сказал Зеленый. — А все-таки, куда мы попали? С горы свалились?

— Хуже, — ответил Полосков и включил аварийное освещение мостика. Шкалы приборов на пульте загорелись, словно звездное небо. — Мы провалились сквозь землю.

И тут я понял, что во всем виноват я сам. Я должен был предупредить Полоскова, сказать ему о том, что мы видели в зеркале цветка.

— Голову мне оторвать мало! — сказал я в сердцах. — Ведь в зеркале четыре года назад на месте полянки была бетонная плита!

— Правильно, — сказала Алиса.

Она нашла меня в полутьме, подобралась по наклонному полу и взяла за руку.

— Конечно, там была плита, — сказала Алиса. — И мы забыли сказать о ней Полоскову.

— Какая плита? — спросил Полосков.

Я рассказал ему о том, что четыре года назад вместо травы на поляне была плита и даже можно было различить круглую щель по ее краям.

— Никогда бы не сел, если бы знал заранее, — сказал Полосков.

Он очень расстроился. Любой капитан расстраивается, когда с его кораблем случается несчастье.

— Ну ладно, плакать не будем, — сказал Полосков, который умел владеть собой. — Зеленый, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Достань фонари из кладовки и проверь, насколько серьезны повреждения в машинном отделении.

— Я уже проверяю, — сказал Зеленый.

Полосков нажимал на кнопки, глядя, в каком состоянии находятся приборы и машины «Пегаса». Проверкой он остался доволен.

— Слушайте, — сказал он, — серьезных повреждений, по-моему, нет. Но при падении сломался один из

амортизаторов. Так что придется выбраться наружу и посмотреть, как его починить. Я пойду, а остальные останутся на корабле.

— Ничего подобного, — сказал я. — Ты, Полосков, нужнее на корабле. Если что-нибудь случится, без тебя «Пегасу» не подняться. Пойду я.

— Я пойду, — сказал Зеленый из машинного отделения; он слушал весь наш разговор.

— И я тоже, — сказала Алиса.

Мы не смогли переспорить друг друга, и к люку вышли все вместе.

— Странно! — сказал Полосков, отпирая люк. — Если мы провалились в яму, то сверху должен падать свет. А здесь совсем темно.

— Может, мы очень глубоко упали? — спросила Алиса.

— Нет, если бы мы упали глубоко, то амортизатором бы не отделились. Яма неглубокая.

Полосков распахнул люк. За ним было совсем темно.

— Вот видите, — сказал Полосков. — Дай фонарь, Зеленый.

— Ой, — вскрикнул Зеленый, — я не могу, кто-то держит меня за ногу!

Зеленый, прежде чем я успел прийти к нему на помощь, включил фонарь и начал водить им из стороны в сторону, стараясь найти того, кто на него напал.

Но это оказался всего-навсего индикатор. Ему было страшно в темноте, он сумел отпереть свою клетку и догнать нас у люка. В луче фонаря индикатор был испуганного желтого цвета. Он дрожал и прижимался к ноге Зеленого.

Полосков взял у Зеленого фонарь и направил сильный луч света вперед. Там была темнота — видно, яма, в которую мы попали, была очень велика. Полосков направил луч света наверх, и он уперся в ровную поверхность.

— Как в чайнике, — сказал Полосков. — Попали внутрь, и крышка закрылась. — Он еще раз обвел лучом вокруг. — Здесь никого нет, — сказал он. — И давно не было.

Полосков спустил трап и сошел вниз. Он постучал каблуком по земле и сказал, обернувшись к нам:

— Камень. Ходить можно.

Мы спустились вслед за ним. Пока Полосков обходил вокруг корабля, осматривая, насколько серьезно сломался амортизатор, я посветил еще раз фонарем наверх. И вскоре нашел то, что искал: по потолку шла тонкая полоска, которая, закругляясь, обозначала край каменной плиты. Да, Полосков был прав — крышка открылась, когда мы на нее опустились, и тут же захлопнулась за нами.

Я, светя перед собой фонарем, обошел корабль с другой стороны. Здесь было так же темно. Я включил луч на полную мощность, и он уперся во что-то темное.

— Я пройду немного в эту сторону, — сказал я громко, чтобы Полосков услышал. — Там что-то есть.

— Погоди, папа, я с тобой, — сказала Алиса.

— Только далеко не отходите, — сказал Полосков.

Алиса подбежала ко мне. Она держала в руке большой фонарь.

Мы прошли шагов двадцать, светя перед собой, и тогда поняли, что в яме, кроме нас, стоит еще один космический корабль. А когда мы подошли поближе, Алиса прочла его название:

— «Синяя чайка».

— Полосков! — позвал я, и мой голос, отражаясь от стен, усилился и загремел, словно в бочке. — Полосков! Зеленый! Мы нашли Второго капитана!

Я услышал глухой топот — Полосков и Зеленый бежали к нам. Яркие белые пятна их фонарей колыхались на бегу.

— Где?

Корабль «Синяя чайка» возвышался над нами. Он был тусклый от пыли, покрывшей его за много лет. Он казался мертвым, покинутым людьми. На его люке висел большой замок.

— Вот, оказывается, что с ним случилось, — сказал я.

— Он попал в эту яму, — сказал Полосков, — и, видно, Второй капитан не смог выбраться отсюда.

— Вот и мы не сможем, — мрачно произнес Зеленый. — И придется нам доживать свои дни в этой пещере. Я же говорил, что надо лететь за помощью. Я предупреждал.

— Без паники на борту, — строго сказал Полосков. — Мы обязательно отсюда выберемся. А сначала я предлагаю войти в «Синюю чайку». Раз уж мы его нашли, надо довести дело до конца.

— Но люк закрыт, — сказал я. — И трапа нет.

И вдруг над нашими головами вспыхнул яркий свет. Такой яркий, что мы все зажмурились. А когда я открыл глаза, то успел заметить, что с высокого потолка на нас опускается большая сеть. В следующую секунду мы были опутаны ею, как птенцы.

И когда мы попытались распутаться, барахтаясь и мешая друг другу, сверху раздался громкий голос:

— Не шевелиться! Вы в плена!

Прикрыв ладонью глаза от яркого света, я посмотрел в ту сторону, откуда раздавался голос. По ровному, блестящему полу громадной пещеры к нам шли толстяк, по прозвищу Весельчак У, и доктор Верховцев, опять надевший свою шляпу. В руках у них были пистолеты, направленные на нас.

С другой стороны подходили еще два человека в черных кожаных мундирах.

— Бросить оружие! — приказал толстяк. — Ну, кому говорю?

— Слушайся его, — шепнул я Полоскову. Только у Полоскова был с собой пистолет.

Полосков вынул пистолет из кобуры и бросил на пол. Пистолет громко звякнул.

Сеть поднялась.

За несколько секунд, пока не подошли наши враги, я успел оглядеться. Ловушка, в которую попал наш «Пегас», была громадной, но невысокой пещерой. В ней на некотором расстоянии друг от друга стояли два корабля — «Пегас» и «Синяя чайка». Между ними, освещенные ослепительным светом прожекторов, мы казались муравьями на полу большой комнаты.

Я посмотрел на моих друзей. Полосков глядел на подходивших врагов, и губы его сомкнулись в тонкую ниточку. Зеленый сжал кулаки и стал так, чтобы загородить спиной Алису. Алиса прижалась ко мне. А с другой стороны к моей ноге прислонился желтый от страха индикатор.

— Вот и попались, голубчики, — сказал Весельчак У. — И очень хорошо.

Он говорил без злости и даже улыбался при этом. Но у доктора Верховцева, который успел переодеться — снять скафандр и надеть свою шляпу, — лицо было совершенно неподвижно, как маска, и глаза казались пустыми.

Алиса отошла от меня на полшага.

— Ты куда? — спросил я ее.

— Я здесь, — шепнула Алиса.

Два человека в черных мундирах держали нас на прицеле, пока Верховцев по приказанию толстяка подошел к нам вплотную и подобрал пистолет капитана. Потом он быстро обыскал нас, проводя холодными руками по бокам и залезая в карманы.

— Все в порядке, — сказал он тихо, — больше у них оружия нет.

— Да и откуда быть оружию? — засмеялся толстяк. — Они же ловят бабочек. И не знали, что сами попадутся в ловушку. Как и этот вот. — Весельчак У показал толстым, словно составленным из трех сарделек, пальцем на «Синюю чайку». — Сами в ловушку попались! Никто не звал! — и громко рассмеялся. Потом приказал: — Надеть на всех кандалы!

Видно, наручники были заготовлены заранее. Один из черных людей открыл сумку, висевшую у него на плече, и достал оттуда связку блестящих наручников.

Пока он возился, разбирая наручники по парам, толстяк подошел ко мне вплотную и сказал, тыча в меня жирным пальцем:

— Ну что, не хотел отдавать говоруна, профессор?

— Не хотел, — ответил я.

— Погляди на него, — обернулся толстяк к Верховцеву. — Пожалел говоруна для старого друга! А где теперь птичка?

— Не знаю, — сказал я, хотя, конечно, знал, что говорун остался на корабле.

Видно, говорун толстяку все равно был нужен. И он сказал Верховцеву:

— Пойди осмотри «Пегас».

Потом обернулся снова ко мне и добавил:

— За то, что ты, профессор, сказал мне неправду, ты будешь наказан. И очень больно. Мои помощники это умеют делать. Но не сейчас, не сейчас... Наденьте на них наручники. Никогда нельзя им доверять.

Человек в чёрном мундире подошел ко мне и щелкнул наручниками. Руки мои были скованы.

— Следующий! — приказал Весельчак У.

Его помощник подошел к Полоскову. Он двигался размеренно и действовал так точно и обстоятельно, что у меня появилось подозрение, не робот ли это.

— Следующий, — сказал толстяк.

Наручники щелкнули на руках Зеленого.

— Следующий!

Помощник наклонился к индикатору и остановился в нерешительности. У индикатора десять ножек, и все такие тонкие, что их не заковать в наручники.

— Дурак! — сказал толстяк. — Девчонке надень! — Он оглянулся. — А где девчонка?

Алисы нигде не было.

Глава

20

В ПЛЕНУ

— Где девчонка? — суетился Весельчак У, и улыбка пропала с его лица, и странно было смотреть, как его короткие, толстые руки метались и суетились отдельно от тела.

— Какая девчонка? — спросил один из черных мундиров.

— Тут была девчонка! — кричал толстяк. — Ее звали... как ее звали? — Он достал из кармана записную книжку и прочел по складам: — «А-ли-са». Где Алиса? — На этот раз он смотрел на меня.

— Какая Алиса? — спросил я как можно спокойнее.

А в это время я ломал себе голову, как она сумела убежать. Ведь мы стоим на открытом месте, даже спрятаться негде.

— Была девчонка, — настаивал толстяк. — Я ее видел. Ты ее видел? — спросил он у Верховцева, который стоял, опустив руки, и будто спал с открытыми глазами.

Тот человек в черном, который ходил на «Пегас» за говоруном, вернулся обратно. Он тащил птицу, взяв ее за ноги, и голова говоруна болталась, чуть не доставая до пола.

— А, нашел, — обрадовался толстяк. — Открути ей голову.

— Чего? — спросил тот.

— Голову, говорю, ей открути. Она нам больше не нужна.

— Ни в коем случае! — возмутился я. — Нельзя говоруну голову скручивать. Это, возможно, последний говорун на земле.

Индикатор от возмущения посинел и бросился на тонких ножках к говоруну, желая, видно, его освободить. Но Весельчак У заметил это и рассмеялся.

— И ты туда же! — сказал он и ловко для такого толстого человека извернулся и подставил индикатору ножку.

Индикатор упал и покернел от обиды.

— Ну, — сказал толстяк, — ты чего время теряешь? Я же сказал, больше говорун нам не нужен. Отвинти ему голову.

Не знаю, понял говорун толстяка или нет, но он забился в руке черного человека и заговорил незнакомым мне голосом:

— Птица говорун охраняется законом планеты Блук как очень редкое и интересное создание. Охота на говорунов воспрещена, и нарушители этого правила подвергаются штрафу и общественному негодованию.

— Да заткни ты ему глотку! — завопил Весельчак У. — И без него хлопот полон рот!

И вдруг случилось совершенно непонятное происшествие. Человек в черном мундире поднял говоруна за ноги повыше, чтобы перехватить его за шею, и только протянул руку, как вдруг потерял равновесие и со всего маху упал на пол, ойкнул от неожиданности и упустил говоруна. Говорун на лету перевернулся и взмыл к потолку.

— Стреляй! — крикнул толстяк, выхватывая пистолет.

Загремели выстрелы. Раз или два пули чуть было не попали в говоруна, но он увертывался от них и полетел в дальний, неосвещенный конец зала.

Люди в черном побежали было за говоруном, но Весельчак У их остановил:

— Нечего теперь бегать! Упустили, ротозеи! Ты чего вдруг упал?

— Я не упал, — сказал человек в черном мундире. — Меня уронили.

— Молчи! — обозлился толстяк, и его кисельные щеки затряслись. — Будешь еще придумывать — я тебя сам уроню, тогда не встанешь! И нечего гоняться. Он все равно теперь в туннелях заблудится. И времени мало у нас. Другое дело есть.

Толстяк обернулся к тихому, мертвому кораблю «Синяя чайка» и спросил, будто корабль мог ему ответить:

— Ты меня слышишь?

Корабль не отвечал.

— Ну и не отвечай, — сказал толстяк. — Ну и не надо. Все равно я знаю, что ты нас слышишь. Сидишь там и наблюдаешь, думаешь, чего это я «Пегас» сюда затащил. Да для того я его затащил, что тебе придется сейчас сдаться.

Весельчак У подошел к «Синей чайке» поближе и продолжал:

— Четыре года ты не сдаешься. Четыре года думаешь, что твои дружки тебя спасут. Четыре года не веришь, что никто не знает, где ты. Четыре года ты надеешься, что твоя паршивая птица долетела до Венеры. Я уж думал, что ты так и умрешь в своей клетке. Но сегодня все изменилось. Сегодня ты откроешь дверь в корабль и отдашь мне то, что принадлежит мне по праву. Ты слышишь меня, капитан?

Никто не ответил толстяку. Голос его раскатывался по подземелью и отражался далеким эхом от стен. Эхо замолкло, и толстяк перевел дух.

— Где девчонка? — пробормотал он. — Мне очень нужна эта девчонка.

Доктор Верховцев стоял поодаль и смотрел в землю. Два других человека, в черных мундирах, отошли немного в сторону и выставили перед собой пистолеты, готовые выстрелить в любой момент.

— Я знаю, что ты меня слышишь, капитан, — начал снова Весельчак У. — Ты затаился в своей норе, отсиживаясь. Погляди в иллюминатор. Перед тобой три человека с Земли: глупый профессор, который носится по Галактике и собирает зверье, как будто лучше занятия придумать не мог, тихоня капитан и дурак механик с рыжей бородой.

Хотя я слышал все, что происходит вокруг, на самом деле мои мысли были заняты Алисой. Куда она могла исчезнуть? Где она сейчас скрывается?

— Ты уже много лет ставишь мне палки в колеса, — продолжал толстяк, глядя на «Синюю чайку». — Но сегодня мой праздник. Сегодня ты отдашь мне формулу. Ты слышишь? .. Молчит, — сказал толстяк другим голосом, тихо. — Думает. Сейчас мы его потопаем. Жалко только, девчонка куда-то запропастилась. С девчонкой было бы легче.

Он достал из кармана большой носовой платок и вытер потный лоб.

— Слушай, капитан, — сказал он. — Если ты через три минуты не откроешь люк и не вынесешь мне формулу, я прикажу убить всех моих пленников. Но не сразу. Нет, не сразу. Сначала мы отрежем уши глупому профессору. Я зол на него больше всех, потому что он отказался отдать мне говоруна. Потом мы...

— Погоди, толстый пират, — раздался вдруг голос Второго капитана. Это был знакомый голос: мы слышали его уже несколько раз — ведь говорун бесподобно подражал голосам.

— То-то, — сказал Весельчак У.

— Тебе все равно нет места в Галактике, — продолжал Второй капитан. — Тебя все равно найдут и поймают, где бы ты не прятался. Лучше послушайся меня — сдайся...

— Молчи! — перебил его толстяк. — Так мы не договоримся. По твоей милости и по милости твоих дружков я уже и так почти все потерял. И последнего тебе не отдам. Галактий будет моим.

— Стыдись, пират! — сказал Второй капитан. — Хоть и нет у тебя стыда.

Мы мало что понимали в этом разговоре. Ясно было только, что у Второго капитана было что-то такое, в чем толстяк был очень заинтересован. И не мог достать, не мог отнять. Слово «галактий» мне ничего не говорило. Я никогда раньше не слышал такого слова. А капитан «Синей чайки» отдать галактий не хотел.

— Не будем терять время, — сказал толстяк. — Меня не интересуют твои мысли и настроения. Стыд — это только для слабых. Мы, сильные, не знаем стыда. Говори: отдаешь формулу галактия?

— Мне надо поговорить с этими людьми, — сказал Второй капитан.

— Нет, — ответил толстяк, — говорить ты с ними не будешь. А то вы придумаете что-нибудь, чтобы меня обмануть. Ты откроешь сейчас люк и вынесешь мне формулу галактия. А я обещаю отпустить тебя и этих людей на свободу. На все четыре стороны. И если ты не сделаешь того, что я тебе говорю, ты будешь много дней корчиться от их криков. Ведь у тебя есть и стыд, и совесть.

— Не получится, толстяк, — сказал Второй капитан. — С тех пор как четыре года назад я опустился на этой планете, ты придумывал уже много способов отнять у меня абсолютное топливо, но ничего не получилось.

Не получится и сегодня. Ты знаешь, что я сделаю?

— Что?

— Я взорву «Синюю чайку». Погибну сам, но галактия ты не получишь. Нельзя давать тебе в руки абсолютное топливо, потому что ты тогда натворишь столько бед, что жителям Галактики не исправить и за десять лет.

— Правильно, — сказал Весельчак У. — Но если ты думаешь, что взорвав «Синюю чайку», ты спасешь профессора и его людей, то ошибаешься. Даю тебе торжественное слово Черной Мглы, что они все равно погибнут. На что мне эти пленники? Как только я их отпущу, они расскажут о моей планете Службе галактической безопасности, и через месяц за мной будут охотиться все крейсеры Галактики. Нет уж, пускай до поры до времени они думают, что меня нет в живых.

— Тогда я все равно должен все рассказать этим людям. Я их не встречал раньше, но если они у тебя в пленау, значит, они хорошие люди. И посмотрим, что они скажут, выслушав мой рассказ.

— Нет! — крикнул толстяк.

— Молчи, — сказал спокойно капитан. — Куда тебе спешить? Ты успеешь выполнить свою угрозу.

— Пускай говорит, — сказал вдруг доктор Верховцев. — Он все равно видел, что говорун был у них на корабле. Пускай говорит, это его и их не спасет.

Толстяк развел руками — пожалуйста.

— Слушай, профессор, и слушайте, люди. Нас было три капитана. Много лет назад мы узнали о том, что в Галактике появились пираты. Этим пиратам были нужны деньги и драгоценности, им была нужна власть. Они хотели стать господами Галактики. Мы узнали о пиратах, когда они напали на планету Триада и угнали оттуда корабль. Мы догнали пиратов тогда, когда они захватили другую планету и обратили в рабство ее жителей. Там они втайне начали строить военный крейсер, чтобы нападать на торговые корабли. Долго рассказывать о том, как мы выследили пиратов, как мы проникли на поработенную планету и подняли на ней восстание против захватчиков.

— Вы взяли нас обманом, — проворчал толстяк. Доктор Верховцев махнул рукой:

— Пускай говорит. Недолго ему говорить осталось.

— Так вот, — сказал капитан, подождав, пока пираты замолчат, — двум пиратам удалось убежать от нас.

Несколько лет они скрывались здесь, на окраине Галактики, вдали от космических путей. Все забыли о пиратах.

— Но мы ничего не забыли, — сказал толстяк.

— Да, — согласился Второй капитан, — они не забыли и не отказались от своих планов. И больше всего на свете они хотели отомстить нам, трем капитанам.

— И мы отомстили, — сказал Весельчак У.

— Не спеши. Еще ничего не кончено. В конце концов проиграете вы. Вы не можете победить всю Галактику.

— Сможем, — сказал толстяк.

Второй капитан как будто не слышал его. Он продолжал:

— Прошли годы. Мы, три капитана, расстались. Первый капитан улетел на Венеру. Третий капитан решил перелететь в соседнюю галактику, чего еще никто до него не делал. Я занялся научными исследованиями. И вот однажды я получил послание от Третьего капитана. Он сообщал мне, что возвращается из своей экспедиции. Послание было очень неожиданным, потому что никто не ждал возвращения его так скоро. Мой друг просил меня встретить его на окраине Галактики, потому что у него есть для меня очень важные новости. И я, бросив все дела, поспешил к нему навстречу.

— Но он не знал, что мы перехватили послание, — хихикнул толстяк, потирая ладони, — и все узнали.

— Да, — сказал Второй капитан, — они перехватили послание Третьего капитана, потому что планета, на которой они скрывались, по печальному стечению обстоятельств, была той, куда спешили с разных сторон и я и мой друг. Мой друг был очень болен. Долгий полет, которого не предпринимал раньше ни один житель нашей Галактики, подорвал его здоровье, и он опасался, что не сможет долететь до Земли или до его родной планеты Фикс. А летел он с очень важными сведениями. Жители соседней с нами галактики подарили ему формулу галактия — абсолютного топлива. Если построить корабль с двигателями на галактии, он будет летать в сто раз быстрее, чем любой другой корабль в космосе. Планеты станут близкими, как соседние города. Жители другой галактики зарядили двигатели его корабля галактием и дали ему с собой формулу этого вещества, чтобы мы могли использовать это открытие. Третий капитан долетел до этой планеты, не подозревая, что

она — приют пиратов, и здесь он остановился. Болезнь его зашла так далеко, что он не мог больше управлять кораблем. Пираты отлично видели его корабль и следили за ним, но не стали его трогать. Они решили дождаться моего прилета и узнать, что за важные новости привез Третий капитан. Когда Третий капитан был без сознания, они пробрались к нему на корабль, в котором он ждал моего прилета, и установили в корабле микрофоны, чтобы подслушать наши разговоры. А сам корабль осторожно перенесли на эту поляну.

— Но ты должен признать, что мы хорошо подготовились к твоему прилету, — сказал Весельчак У.

— Когда я опустился на планету рядом с кораблем Третьего капитана, я нашел друга в очень тяжелом состоянии. Капитан рассказал мне о своем путешествии и о формуле галактия. Я понимал, что самое главное сейчас — отвезти капитана на Землю, где его смогут вылечить. Но я знал, что он не перенесет космического путешествия, и решил остаться рядом с ним до тех пор, пока ему не станет немного легче. Я поспешил к себе на корабль за лекарствами, но, пока я подбирал нужные лекарства, пираты открыли заранее подготовленный люк, и наши корабли провалились в это подземелье.

— Здорово было придумано! — сказал толстяк.

— Конечно, — ответил Второй капитан. — Они боялись на меня напасть наверху. Когда я понял, что произошло, я увидел, что «Синяя чайка» в подземелье. Зажегся свет, и к ней подошел вот этот тип, который стоит рядом с вами. И я его узнал и сразу догадался, что пираты меня перехитрили. Они обещали отпустить меня в обмен на формулу галактия. Они сразу сообразили, что, имея такое топливо, они будут летать так быстро, что их никто не сможет догнать, и им будут не страшны крейсеры Службы галактической безопасности, и все корабли Галактики могут стать их легкой добычей. И я тоже понял, что ни за что на свете я не отдам им формулу и не дамся им в руки живым. Я задраил люк и не впустил их на «Синюю чайку».

— А что случилось с Третьим капитаном? — спросил Полосков.

— Они попытались разрезать наши корабли, чтобы взять нас в плен. Им удалось это сделать с кораблем Третьего капитана, и капитан попал им в руки. Может быть, они его убили.

— Неправда, — сказал толстяк. — Неправда. Он сам умер. От болезни. Ты же знаешь, как тяжело он был болен. Когда мы распилили корабль, он был уже мертв.

— А «Синюю чайку» им распилить не удалось, — сказал капитан. — Она ведь сделана из алмазного сплава. А на борту у меня был говорун, подарок Первого капитана. И у меня был уговор с Первым капитаном: если что-нибудь случится, то я выпущу говоруна с наказом лететь на Венеру и отыскать Первого капитана. Первый капитан знает, как заставить говоруна рассказать, где я и что со мной.

— А мы не смогли, — сказал я. — Кое-что говорун нам сказал, но, к сожалению, этого было мало.

— А как же он попал к вам? — спросил Второй капитан.

— Его ранили, — сказал я. — Видно за ним гнались пираты.

— Это точно, — согласился толстяк.

— Но говоруну удалось улететь. Ему починили крыло роботы на железной планете Шелезяке.

— Мы за это им все масло отравили — роботы теперь парализованные лежат, — засмеялся толстяк так, что все его подбородки затряслись.

— Роботов мы вылечили, — сказал я. — С роботами все в порядке.

— Как так?

— Мы были на той планете и вылечили роботов.

— Проклятье! — воскликнул толстяк.

— Но, к сожалению, с железным крылом говорун не смог долететь до Солнечной системы, — сказал я. — Он еле-еле добрался до своей родной планеты.

— Мы искали его там, — признался толстяк. — Мы вот с моим другом. — Он показал на доктора Верховцева.

— Предатель! — сказал мрачно Зеленый. — Мы еще до тебя доберемся!

— Молчи! — погрозил ему пальцем Весельчак У. — Мы с моим другом перебили всех говорунов на планете Блук. Мы их покупали, выменивали, крали. Мы хотели даже весь кислород уничтожить на планете.

— Червяками? — спросил я.

— Червяками. Но, к сожалению, нам не повезло. И совершенно случайно говорун попал в руки этим вот

несмышленым, — сказал толстяк, — и они полезли сюда. Мы их предупреждали. Сами виноваты. А теперь вам придется погибнуть.

— Ничего, не волнуйтесь, — сказал Второй капитан. — Не посмеют они ничего с вами сделать. Они ведь трусливые. Никогда бы всем пиратам мира не одолеть трех капитанов. Они и поодиночке нас победить не смогли.

— Нет, смогли! — крикнул толстяк. — Третий капитан уже умер. Ты четыре года сидишь в пленау. А как только мы получим галактий, мы доберемся и до вашего Первого капитана.

— И вы четыре года живете в корабле? — спросил Полосков.

— Да, — ответил Второй капитан. — Я ведь упрямый. Я мог бы, конечно, уничтожить формулу. Но тогда она не досталась бы и остальным жителям Галактики. Но разумным существам очень нужно абсолютное топливо — тогда все планеты в сто раз приблизятся друг к дружке. Я знал, что рано или поздно помочь придет.

— Пришла, да не та, — сказал толстяк. — Ты выговорился, капитан? А теперь придется тебе расстаться с формулой.

— Есть у меня и другой уговор с Первым капитаном, — сказал Второй капитан. — Если от меня нет вестей больше четырех лет, он сообщает об этом Службе галактической безопасности и отправляется меня искать. И уж если случайные люди нашли меня так скоро, то Первый капитан найдет меня еще быстрее. И вы это знаете.

— Ладно, хватит разговоров, — сказал глухо доктор Верховцев. — Начинайте. Он просто тянет время.

Тогда один из пиратов подошел ко мне и сильно рванул за скованные руки. Я потерял равновесие и упал. Он оттащил меня в сторону. Я пытался сопротивляться, но на помощь первому пирату подоспел второй, и они связали мне ноги.

Толстяк достал из-за пояса длинный нож.

— Ты знаешь, Второй капитан, — сказал он, оборачиваясь к кораблю, — я умею шутить, недаром меня прозвали Весельчаком. Но некоторые мои шутки кончаются слезами. — Он поднял нож.

Полосков с Зеленым рванулись мне на помощь. Но доктор Верховцев, который внимательно следил за

ними, выстрелил в них сонным газом из баллончика, висевшего у него на запястье. Мои товарищи повалились на землю.

— Ну, — сказал Весельчак У.

Я почувствовал, как холодное лезвие ножа прикоснулось к моему горлу.

— Сними замок, — сказал Второй капитан.

— Давно бы так.

Толстяк дал знак пирату, и тот, поднявшись по трапу к люку «Синей чайки», открыл тяжелый замок. Его пираты поставили давно, как только «Синяя чайка» упала в подземелье. Если Второй капитан не давал им проникнуть на корабль, то и они не хотели, чтобы он ушел с корабля без их разрешения.

Пират спустился с трапа и остановился в отдалении, направив на люк пистолет. Верховцев тоже поднял оружие. Они не хотели рисковать. Вчетвером они боялись одного капитана, которого не могли победить уже четыре года.

— Смотри, без шуток, — сказал Верховцев, — а то стреляем.

Люк внезапно распахнулся, и я даже не успел разглядеть капитана. Он прыгнул вниз, словно синяя молния. Одновременно прогремели два выстрела. Но капитан уже был на земле. Он откатился в сторону, и лучи пистолетов дробили камни у его головы. Еще мгновение — и капитан оказался под защитой широкого амортизатора «Синей чайки».

Пираты сразу разбежались и залегли за камнями.

— Спокойно, он от нас не уйдет, — раздался голос Верховцева. — Окружайте его.

В ответ грянул выстрел со стороны «Синей чайки».

Я понимал, что положение капитана почти безвыходное. Пираты медленно, скрываясь за камнями, окружали его.

— Не стреляй! — крикнул толстяк.

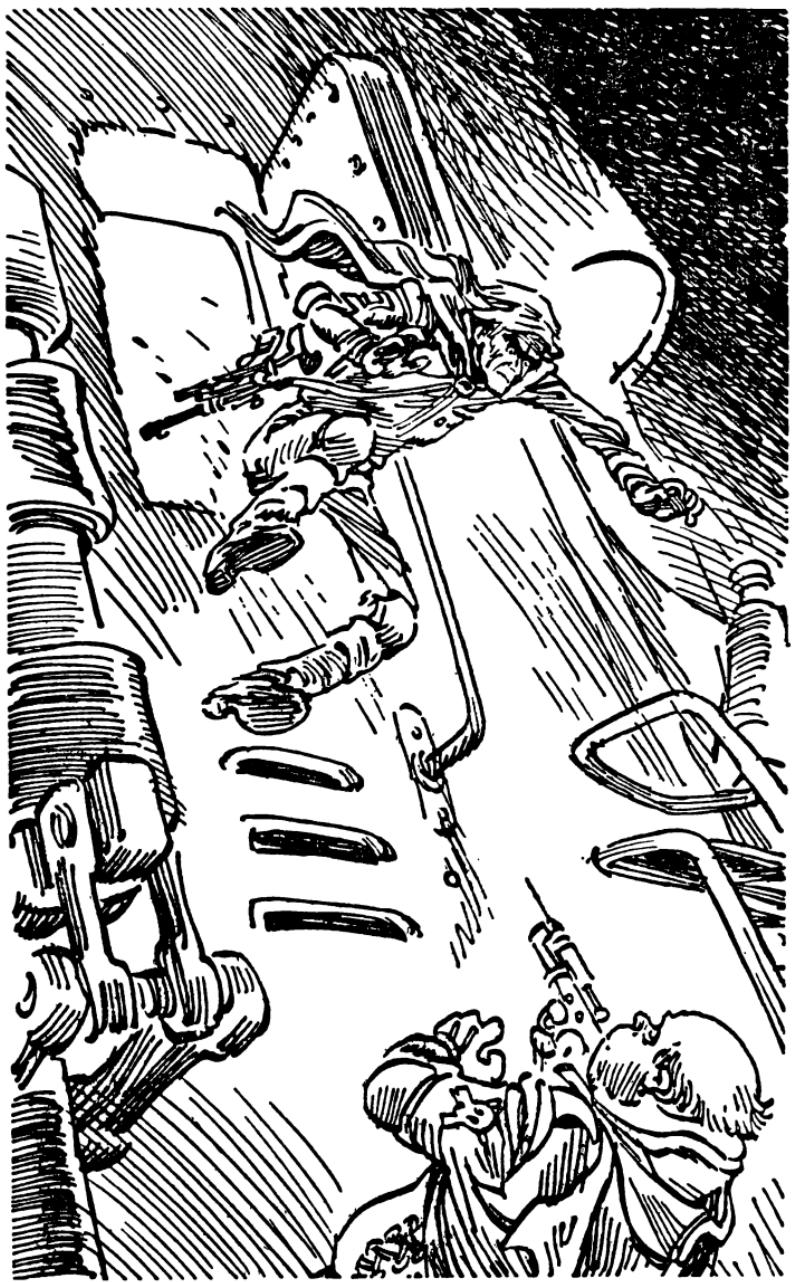
Голос его звучал совсем рядом. И я увидел, что он снова заносит над моим горлом нож.

— Если выстрелишь, профессору конец.

И в тот же момент со стороны нашего корабля послышался голос:

— Не двигаться с места! Вы окружены!

Рука толстяка с ножом замерла. Я кулаком вышиб нож, и он отлетел далеко в сторону.

— Вы слышите? — послышался другой голос из темноты с той стороны, куда улетел говорун. — Бросайте оружие.

Пираты медленно поднимались с земли, их пистолеты звякали о камни.

Я приподнял голову и увидел, что из-за амортизатора «Пегаса» вышел доктор Верховцев в скафандре, но без шлема.

Я в изумлении перекатился на другой бок.

Второй доктор Верховцев, в шляпе, поднял руки и стоял на коленях.

С другой стороны к пиратам направлялся Первый капитан. Точно такой же, как монумент на планете имени Трех Капитанов, только живой, загорелый, в синем мундире капитана дальнего космического плавания.

Откуда-то вылетел говорун и, хлопая крыльями, опустился на плечо капитану. Потом из темноты вышла Алиса.

Глава 21

А В ЭТО ВРЕМЯ...

Алиса пропала в тот момент, когда мы очутились в плenу. И случилось это так незаметно, что никто в подземелье не обратил внимания на ее исчезновение. И я в том числе.

Как это ей удалось сделать, я узнал потом. Но раз уж я рассказываю все по порядку, то придется рассказать, что случилось с Алисой, пока мы были в плenу, и почему Первый капитан и доктор Верховцев (второй доктор Верховцев) нашли вход в подземелье и успели нас спасти.

А случилось вот что. Алиса получила в подарок на базаре в Палапутре шапку-невидимку. Ее подарил карлик, продающий рыб, которых не было, а он говорил, что их просто не видно.

Алиса сначала решила, что это шутка — шапка была такой легкой, что ничего не весила. Но когда Алиса вернулась на корабль, пришла к себе в каюту и стала разбирать марки, купленные на базаре, она нашла в сумке что-то. Это что-то было невесомым и невидимым.

Тогда Алиса вспомнила о шапке-невидимке и попробовала это что-то расправить и надеть на голову. И стала невидимкой. Сначала Алиса хотела бежать ко мне или к Полоскову и похвастаться шапкой, но тут она вспомнила, что невидимость — чепуха с точки зрения физики, и подумала, что, если она расскажет нам о том, что шапка-невидимка действует, мы и смотреть на нее не захотим — не поверим. Она отложили шапку-невидимку в сторону до возвращения на Землю, потому что такая шапка обязательно пригодится в школе. Ведь если опоздаешь на урок, то всегда можно войти в класс и сесть на место так, что никто тебя не увидит. И даже можно (хотя Алиса, конечно, этим не занималась) подсмотреть в тетрадку к отличнице Скорняковой.

Шапку-невидимку Алиса всегда носила с собой в сумочке через плечо. И когда в подземелье загорелся свет и показались толстяк и его люди, Алиса незаметно надела шапку-невидимку и исчезла. Хотя никуда из подземелья не уходила. Она думала, что если нас запрут куда-нибудь, она сможет украсть ключ и выпустить нас на свободу.

Она отошла в сторонку и слушала все, что говорил толстяк. И она стояла бы и дальше, но тут появился пират, который нес за ноги говоруна. Толстяк велел пирату убить говоруна, потому что он больше пиратам был не нужен, и тут Алиса поняла, что ей пора действовать.

Она подошла на цыпочках к пирату и подставила ему ножку. Пират упал, выпустил говоруна, началась стрельба, и говорун улетел.

Что делать дальше? И тогда Алиса подумала: вот говорун улетел. А ведь он и раньше улетал отсюда. Второй капитан его выпустил из корабля, и говорун нашел дорогу из подземелья. Значит, говорун знает, как отсюда выбраться. И Алиса поспешила вслед за говоруном. Она думала, что, как только увидит, где выход, сразу вернется обратно. Потом освободит нас из тюрьмы, выведет на свободу.

Сначала бежать было темно. Свет из главного зала слабо пробивался в длинный коридор. Говорун летел впереди, и Алиса не видела его, но слышала, как хлопают его крылья. Когда они были уже довольно далеко от пиратов, Алиса негромко позвала:

— Говорун, погоди.

Говорун услышал ее голос. И как раз в этот момент они были в следующем зале, меньше прежнего, посреди которого стоял небольшой черный корабль. Но Алиса забыла, что она невидимая, и не сняла шапку. Говорун сделал круг над Алисой, покачал недоверчиво короной и полетел дальше, в узкий лаз, который был спрятан за выступом скалы. Алиса добралась до лаза. Он круто уходил вверх, и вдалеке был виден белый кружок — дневной свет.

Алиса собралась было карабкаться по лазу, но тут услышала слабый стон.

Стон доносился из туннеля, черного, как безлунная ночь. Алиса осторожно подошла к туннелю. Стон слышался явственный. Но Алиса не взяла с собой фонаря, оставила в большой пещере, и потому ей приходилось идти вслепую. Она считала шаги. На тридцатом шаге ее рука уперлась в решетку.

Снова стон.

— Здесь есть кто-нибудь? — спросила Алиса шепотом.

Но, видно, тот, кто стонал, ее не услышал.

— Потерпите, — сказала Алиса. — Сейчас я освобожу наших, а потом и вас тоже. Если вы тоже пленник этих верховцевых.

Ответа не было.

Алиса повернула назад. Ведь нельзя было терять время — неизвестно, что там придумает толстяк.

Вернувшись к лазу, Алиса еще раз глянула внутрь. Светлое пятно — выход из подземелья — исчезло. Алиса не сообразила, что это наступила короткая ночь, и испугалась, что приняла за выход какой-то туннель. А может, она спутала? Может быть, говорун улетел в другой проход? И Алиса, хоть и очень беспокоилась обо мне и Полоскове с Зеленым, решила все-таки потратить еще несколько минут и проверить, выход это или нет. Ведь если это тупик, то она поведет нас сюда и погубит: пираты нас поймают.

Лезть было трудно. Лаз оказался скользким — сверху капала вода и не высыхала. Алисе казалось, что прошел целый час, а лаз все не кончался. Она решила повернуть назад, вдруг темнота начала проясняться, и оказалось, что Алиса почти добралась до выхода, только не видела его в темноте.

Последние метры ползти было труднее всего — сверху в лаз насыпалась земля и проникли длинные

корни кустов. Алиса чуть не разревелась — решила, что пробраться наверх, к солнцу и чистому воздуху, не удастся. И в тот момент она даже забыла о нас, о пиратах, обо всем на свете — она мечтала лишь выбраться на свободу.

Но вот последний рывок, и Алиса поняла, что она победила, — лаз был позади. Позади осталось мрачное подземелье с пиратами и пленниками.

Быстро катилось по синему небу желтое солнце. Второе солнце уже забралось в зенит и начало припекать. У самого лица Алисы, не видя ее, ссорились два жука, налетали друг на друга, бились блестящими крыльями. Алиса посмотрела на жуков и с грустью подумала, что пора возвращаться. И так она потеряла слишком много времени. По крайней мере она теперь знала, куда надо бежать, чтобы выбраться из подземелья.

Алиса в последний раз взглянула вперед, раздвинула густую траву и тут увидела совсем рядом, на вершине холма, тот самый космический корабль, который подлетел к «Пегасу» перед последним перелетом к предательской поляне. Корабль доктора Верховцева.

«Хорошо, что я поглядела туда, — подумала Алиса. — А то бы мы выбежали и попали к ним в лапы. Ведь, наверно, пираты оставили на корабле охрану».

Она собиралась уже спуститься снова в лаз, как увидала, что говорун сидит на трапе корабля и стучит клювом в закрытый люк.

Алиса чуть было не крикнула: «Говорун, назад!», но не успела. Да и не услышал бы говорун.

Люк раскрылся, и в нем показался высокий молодой человек, которого Алиса где-то видела раньше. Но где?

Говорун взлетел на плечо к этому человеку.

— Старина! — воскликнул человек. — Как ты нас нашел?

И тут, когда Алиса увидела этого человека с говоруном на плече, она поняла, кто это такой. Это был Первый капитан. Капитан прилетел на помощь! Но как он узнал, где надо искать? Алиса выскочила из лаза и бросилась к кораблю. Как хорошо, что капитан здесь! Теперь все будет в порядке.

Ей оставалось еще несколько шагов до корабля, и она старалась крикнуть, но не могла, потому что у нее не хватало дыхания. Тут второй человек вышел из люка и стал рядом с капитаном.

Это был доктор Верховцев. Но одет он был не так, как тот Верховцев, что внизу. На этом Верховцеве был скафандр и за поясом — пистолет.

Алиса остановилась, будто налетела на стену. Она ничего не могла понять. Предатель каким-то образом умел одновременно находиться в двух местах. Одно поняла Алиса: Первому капитану тоже угрожает опасность — ведь он еще не знает, что Верховцев на самом деле пират.

— Капитан, осторожнее! Опасность! Верховцев предатель! — крикнула Алиса.

Капитан и Верховцев оглянулись на ее голос. Но не увидели ее — она же все еще была невидимкой.

— Кто это сказал? — спросил капитан.

— Верховцев только что был в подземелье! — крикнула Алиса. — Он пират. Они захватили в плен Второго капитана и наш экипаж.

— Какой еще экипаж? — удивился капитан, стараясь понять, откуда же раздается детский голос.

— Экипаж «Пегаса», — сказала Алиса. — Осторожнее, капитан!

— Ты кто? — спросил капитан.

— Алиса, — ответила она, не спуская глаз с Верховцева.

Но Верховцев не выхватывал бластера, не нападал на капитана. И капитан тоже совершенно не боялся доктора.

— Ты ошибаешься, девочка, — сказал капитан. — Доктор Верховцев уже три дня не покидал нашего корабля. Мы с ним вместе прилетели на помочь вам и Второму капитану. А внизу, в подземелье, находится какой-то другой человек, который выдает себя за нашего друга, доктора Верховцева. Так что ты спокойно можешь подойти к нам.

— А вдруг вы тоже только выдаете себя за Первого капитана? — спросила Алиса.

— Я ни за кого себя не выдаю, — ответил капитан. — Ты же сама меня узнала. И посмотри на говоруна. Он тоже меня узнал. А птицу так легко не обмануть. Говорун, ты меня узнал?

— Спеши, капитан, — сказал говорун. — Формула галактия хранится в отсеке с образцами материалов. Если со мной что-нибудь случится, возьми формулы и передай Галактике. Это очень важно. Ради них погиб Третий капитан.

Говорун говорил голосом Второго капитана.

— Вот видишь, — сказал Первый капитан. — Теперь ты веришь? Ну, подойди сюда. Мы же теряем время. Как ты выбралась наружу? Как тебе удалось скрыться?

Алиса подошла к самому трапу.

— Я здесь, — сказала она. — Я пролезла за говоруном.

— Ничего не понимаю! — сказал доктор Верховцев. — Где же девочка? Что она, невидимая, что ли?

— Конечно, я невидимая, — сказала Алиса. — Неужели вы до сих пор не поняли? А то как бы мне удалось убежать от пиратов?

И тогда Алиса сняла шапку-невидимку, и даже Первый капитан, один из самых отважных людей во всей Галактике, вздрогнул от неожиданности.

Желтый комбинезон Алисы был измазан землей и разорван на рукаве, на лице царапины, волосы спутаны . . .

— Алиса, ты будешь сегодня на завтрак есть манную кашу? — спросил говорун голосом профессора.

— Молодец, девочка! — сказал Первый капитан. — Пошли. И по дороге ты все мне расскажешь.

И они побежали к лазу, потому что нельзя было терять ни минуты.

Глава 22

ТОЛСТЯК ВРЕТ

— Наручники пригодятся, — сказал Второй капитан. — Это такие коварные существа, что доверять им ни в чем нельзя.

— Даю вас слово, — сказал торжественно толстяк, — что не сделаю попытки к побегу.

— Сделает, — уверенно ответил капитан.

Тем временем доктор Верховцев подошел вплотную к своему двойнику. Зрелище было удивительное. Причем, если бы меня спросили, я бы сказал, что настоящий доктор Верховцев — это тот, который в шляпе. Ведь мы именно с ним познакомились на планете имени Трех Капитанов.

— Ну, самозванец, — сказал доктор Верховцев, который был в скафандре, — покажи нам, какое у тебя истинное лицо.

— Ничего не понимаю! — ответил доктор Верховцев, который был в шляпе, и отошел на шаг.

Зеленый, стоявший у него за спиной, подтолкнул его навстречу двойнику.

— Из-за тебя, голубчик, — сказал он, — мы черт знает что о хорошем человеке подумали. Из-за тебя чуть не погибли.

— Правильно, — сказала Алиса. — Ведь мы уже настолько не верили Верховцеву, что, когда он прилетел вместе с Первым капитаном и постарался нас остановить, мы быстренько улетели и провалились в яму.

— Нет, — сказал поддельный Верховцев, — вы не смеете меня трогать!

Весельчак У вдруг засмеялся.

— Плохо в чужой шкуре ходить, — сказал он. — Никуда не годится. У меня-то своя, мне ничего не будет: я никого не обманывал. Я — честный пират.

Настоящий доктор Верховцев подошел к пирату в шляпе и присмотрелся к нему. Пирату некуда было отступать — сзади стоял Зеленый.

Вдруг доктор Верховцев протянул руку к своему двойнику и быстрым движением провел по его голове, лицу, груди.

И тут мы все увидели, как оболочка Верховцева упала с пирата, и под ней обнаружилось совсем другое существо — нечеловек. Оказывается Верховцев увидел тонкую застежку-«молнию», которая скрепляла оболочку пирата.

Шляпа откатилась в сторону. Одежда доктора ваялась у наших ног. А из кучки тряпья, которое недавно было Верховцевым, возвышалось большое, метра в полтора высотой, насекомое с мохнатыми ножками, круглым хитиновым телом и большими острыми клешнями. Насекомое расправило короткие крылья, стараясь взлететь, но Зеленый успел схватить его. Насекомое обернуло к нему голову и угрожающе раскрыло клешни.

— Осторожнее! — крикнул Второй капитан. — Он ядовитый!

Зеленый отдернул руку, а Второй капитан поднял пистолет, взяв пирата на прицел.

И тогда пират, увидев, что деваться некуда, вдруг поднял длинный тонкий хвост с иглой на конце и вонзил его себе в грудь. И тут же упал, раскинув тонкие ножки.

— Он сам себя ужалил! — воскликнула Алиса. — Как скорпион.

— Скорпионы никогда себя не убивают. Это сказка, — ответил я. — Только разумные существа знают, что такое смерть.

— Не верьте ему, — сказал вдруг толстяк. — Я буду с вами сотрудничать, и поэтому лучше во всем признаться. Он главный пират. Он заставлял нас ему подчиняться, и он придумывал все злодейства. Его зовут Крыс, и он с мертвой планеты Крокрыс. Когда-то крокрысы перебили друг друга в войнах, и последние из них скрываются в подземельях. Но он не убил себя. Он слишком себя любит, чтобы убить. Он только потерял сознание. Он думает, что вы его бросите и тогда он придет в себя и убежит. Он так уже делал. Убейте его.

— Зачем нам его убивать? — сказал Первый капитан. — Его будут судить.

Он подошел к лежащему на кучке тряпья Крысу, нагнулся, поднял его легкое тело за ногу и передал пленным пиратам в черных мундирах.

— Отнесите его на «Пегас», — сказал капитан, — и заприте в клетку. У вас найдется пустая клетка, профессор?

— Есть пустая клетка. Даже не одна. Ведь мы собрали куда меньше животных, чем рассчитывали. Я пойду на корабль вместе с пиратами и прослежу, чтобы клетка была заперта надежно.

— А потом мы отвезем его на планету, где его давно ищут, и пусть его там судят.

— Правильно, — сказал толстяк. — Туда ему и дорога. Это ведь он придумал — притвориться Верховцевым. Он летал под видом доктора на базу разведчиков Арктура. Он надеялся найти там планы «Синей чайки», чтобы открыть корабль. Это он под видом Верховцева продавал червяков в Палапутре и уничтожал говорунов, чтобы ни один из них не добрался до Первого капитана и не смог позвать его на помощь. Это он заставил меня подарить профессору алмазную черепашку. Это он под видом Верховцева отправил масло у роботов. Нет ему пощады! Судить его, предателя и изменника!

— Спокойно, Весельчак У, — сказал Второй капитан. — Не надейся, что, загубив своего напарника, ты отделаешься от наказания. Тебя тоже будут судить. Ведь я гоняюсь за тобой по всей Галактике. И ты столько совершил преступлений, что новыми предательствами ты их никогда не искупишь.

Толстяк насупился и замолк.

Я проводил двух пиратов, которые тащили притворившегося мертвым Крыса на корабль. Со мной пошел и Полосков, потому что пиратам не доверял. Мы заперли Крыса в самую крепкую клетку и вернулись обратно. Там уже шел разговор о другом.

— Как теперь нам выбраться отсюда? — спросил Первый капитан у толстяка.

— Если мне обещают жизнь, я помогу вам отсюда выбраться, — сказал толстяк, — если нет, зачем я буду вам помогать? Никто, кроме меня, не знает, как открыть эту плиту. А она сделана из такого прочного камня, что ее не взорвешь даже гравитационной бомбой.

— Не хочешь говорить, не надо, — улыбнулся Первый капитан. — Мы подождем, пока очнется твой друг Крыс, и он нам с удовольствием поможет.

Оба капитана стояли рядом, и, хоть один из них был загорелый, здоровый, одет в новый скафандр, а второй истощенный, усталый и исхудалый, они все равно были похожи, как братья, и я ими залюбовался. Они были куда лучше, чем монументы на планете имени Трех Капитанов. Первый капитан обнял своего товарища за плечо, и они возвышались над толстяком, словно над большой жабой.

— Нет, — сказал толстяк, — ни за что! Погибайте здесь!

— Мы все равно не погибнем, — сказал Второй капитан. — Теперь, когда мои друзья, — он обвел рукой всех нас, потому что не только Первый капитан и доктор Верховцев были его друзьями, но и мы, экипаж «Пегаса» тоже были его друзьями: мы ведь тоже пришли к нему на помощь, хотя и не видели его никогда раньше, — теперь, когда мои друзья со мной, мне не страшны никакие пираты. В крайнем случае мы все вместе улетим на корабле Первого капитана, а потом вернемся и достанем наши корабли.

Весельчак У заколебался. Он понял, что торговаться ему не приходится, и уже готов был заговорить, но все испортил Зеленый.

— Нет, — сказал он. — Во-первых, я никогда не брошу свой корабль. Уж лучше я останусь здесь и подожду. Да и зверей кормить надо. Ведь нам их на другой корабль не втиснуть. Нет, так не пойдет. Вы уж, пожалуйста, скажите нам, как открыть люк.

Нельзя было разговаривать с толстяком так, как говорил Зеленый. Нельзя ничего просить у пиратов, потому что они сразу наглеют.

И толстяк, услышав слова Зеленого, взбодрился.

— Нет, — сказал он, — дайте мне письменное обязательство, что я останусь в живых, тогда выпущу вас отсюда.

Капитаны только посмотрели на Зеленого, но ничего ему не сказали.

— Ладно. Если так, — произнес Первый капитан, — мы подождем. Мы даем тебе, Весельчак, десять минут на размышление. Время у нас есть.

— Правильно, — поддержал его Второй капитан. — А пока ты, Первый капитан, расскажешь, как ты нас нашел. Ведь говорун к тебе не прилетел.

— А я пока приготовлю бутерброды, — сказал виноватым голосом Зеленый. — Ведь все мы проголодались.

— Хорошо, — сказал капитан.

— Я бы тебе помогла, Зеленый, — сказала Алиса, — но мне так интересно узнать про Первого капитана, что я не могу оторваться.

— Оставайся, Алиса, — сказал Первый капитан. — Без тебя мы не спасли бы своих друзей.

— Без вас я ничего бы не сделала, — сказала Алиса и покраснела от гордости.

— Алиса, — сказал я строго, — иди вымой руки и приведи себя в порядок. Ты грязна, как болотный крот с планеты Вуканату.

— Ладно, — не стала со мной спорить Алиса. — Крот так крот.

Она побежала к кораблю, крикнув на бегу:

— Только без меня ничего не рассказывайте!

Первый капитан обернулся к Весельчаку У и спросил его равнодушно:

— Ну, не передумал еще?

Пират заискивающе улыбнулся. Его глазки спрятались в щеках.

— Давайте поторгуемся, капитан, — сказал он. — Будем оба деловыми людьми.

Капитан отвернулся от него.

Через две минуты возвратилась Алиса. Я заметил, что руки она вымыла кое-как, но вместо желтого комбинезона надела другой, голубой.

За Алисой семенил индикатор. Он прямо разрывался на части, так ему хотелось повсюду успеть. Прямо не зверь, а живая радуга. А за ними не спеша вышагивал вечно занятый паук-ткач-троглодит. Он вязал одновременно три варежки, но все на правую руку.

— Пришли? — улыбнулся Первый капитан, глядя на необычное шествие. — Ну, тогда я с самого начала должен признаться, что моя роль в этой истории скромная. Все четыре года я был занят на Венере. Оказалось, что превратить большую планету в космический корабль и передвинуть ее на новую орбиту — задача почти невыполнимая. Ну, а раз она оказалась почти невыполнимой, то ее обязательно надо было выполнить.

— Правильно, — сказала Алиса. — Очень жалко, что у меня не такой сильный характер.

— Характер воспитывается, — усмехнулся капитан. — Погляди на паука-ткача-троглодита. Вот уж завидное упорство! Если он еще научится отличать правую сторону от левой, цены ему не будет.

— Тоже мне пример! — отмахнулась от паука Алиса. — Он же глупый.

— В том-то и дело, что одно упорство еще ни о чем не говорит. За все четыре с лишним года Венера не сдвинулась со своей орбиты ни на сантиметр, а мы думали, спорили и готовились к решающему моменту. И я надеюсь, что успею вернуться к началу перелета планеты поближе к земной орбите. Осталось недолго ждать.

— И тогда на Венере изменится климат?

— Сильно изменится. Настолько, что через несколько десятилетий люди смогут жить на ней так же, как на Земле.

— И мы ее станем называть Земля-два, — сказала Алиса.

— Зачем же? Она останется Венерой. Разве плохое название?

Алиса ничего не ответила. По-моему, ей название не очень нравилось. Она как-то говорила мне, что ни к чему называть планеты именами вымерших богов, которые ничем себя не прославили.

— Я был так занят работой, — продолжал свой рассказ Первый капитан, — что четыре года пролетели совершенно незаметно. И надо признаться, что я не очень беспокоился о своих друзьях, потому что знал, как далеко забрасывает судьба капитанов. Третьему было еще рано возвращаться из соседней галактики, а ты, Второй, дал мне срок — четыре года.

— А вы не жалели, — спросила Алиса, — что сидите на одной и той же планете, а не летаете к другим звездам?

— Это сложный вопрос, Алиса, — ответил серьезно Первый капитан. — Да, мне хотелось снова стать на капитанский мостик и снова снижаться на неизвестных планетах. Но я знал, что мой опыт и мои знания очень нужны в Солнечной системе. А кроме того, я же говорил тебе, что люблю неразрешимые задачи и невыполнимые проекты.

— А ваша жена, — не отставала от капитана Алиса, — тем временем летает по всей Галактике и ищет живую туманность. Вы ей, наверно, страшно завидовали.

— Конечно, завидовал, — признался капитан. — И еще больше буду завидовать, когда она отыщет свою туманность.

— Ничего подобного, — вмешался я в разговор. — Живой туманности не существует. Все равно как не существует живых планет.

— А вот в этом вы, профессор, ошибаетесь, — сказал Второй капитан. — Мне пришлось как-то увидеть живую планету. Еле успел убежать. Она питаётся тем, что затягивает из космоса. Хорошо еще, что на «Синей чайке» такие мощные двигатели.

— Очень любопытно, — сказал я. — Мы поговорим об этом попозже. Хотя мне не приходилось слышать о таком чуде.

— Папа, не спорь, — сказала Алиса. — Не станет же капитан говорить неправду.

— Нет, — улыбнулся капитан. — Мы всегда говорим правду. Даже врагам.

И он посмотрел на Весельчака У, который тут же отвернулся и сделал вид, что рассматривает стену пещеры.

— Ну вот, — закончил свой рассказ Первый капитан, — неожиданно я получил телеграмму — летит доктор Верховцев, наш старый друг. Он прилетел и рассказал мне, что беспокоится о судьбе Второго капитана. И когда он мне все рассказал, я попросил разрешения немедленно покинуть Венеру. А дальше пускай продолжает доктор.

— Ну, что вы! — смущаясь вдруг доктор Верховцев, ссгутился и заморгал. — Я ничего не сделал. Ровным счетом ничего... В общем, вы с «Пегаса» были последней каплей, переполнившей чашу моих подозрений.

— Вот спасибо! — сказал Зеленый, который раздавал

нам бутерброды с сыром. — Это вы вели себя странно.

— Но я-то ничего еще не знал, вернее, почти ничего не знал о вас.

Верховцев переступил с ноги на ногу и погладил индикатора, который даже посинел от любопытства.

— Я с самого начала не поверил в версию о том, что смелый и находчивый Второй капитан пропал без вести. Я знал и его «Синюю чайку» и понимал, что вряд ли найдется во всей Галактике сила, способная погубить Второго капитана.

— Спасибо за комплимент, — сказал Второй капитан.

— Не стоит благодарности. Комплимент имеет в своей основе трезвый научный расчет.

— Ну прямо как наш учитель математики! — прошептала мне Алиса.

— Подготавливая музей имени Трех Капитанов, я изучал их биографии, и в этом мне помогал Первый капитан, который никогда не отказывался присыпать мне фотографии и записки и уточнять подробности. Но когда я поделился с ним своими сомнениями о судьбе Второго капитана, он ответил мне очень уклончиво. Столь уклончиво, что я предположил, что Первый капитан знает о «Синей чайке» больше, чем хочет или может сказать.

— Ничего я особенного не знал, — перебил его Первый капитан. — Просто у нас был уговор: если не прилетает говорун, я жду четыре года и ничего не предпринимаю. Но после письма Верховцева я немного обеспокоился, хотя и виду не подал.

— А я не знал об уговоре капитанов, — продолжал Верховцев, — и не знал, что Второй капитан собирался улететь навстречу Третьему капитану. Меня насторожило другое: ведь во всех документах говорилось, что капитаны полностью избавили Галактику от космических пиратов. Но, судя по всему, это было не так. Ко мне поступали сведения, что пираты все-таки существуют и иногда нападают на корабли. И среди пиратов видели этого самого толстяка.

— Я не участвовал в этом, — сказал обиженно Весельчак У. Это все Крыс. У него было несколько оболочек. В том числе, наверное, и моя. Он в моей оболочке грабил другие корабли.

— Ну уж, разрешите вам не поверить, — сказал доктор Верховцев. — Да-да, не поверить. Но однажды, когда

я отсутствовал на планете имени Трех Капитанов, кто-то побывал в музее. Музей тщательно обыскивали, но ничего важного не взяли, кроме снимков «Синей чайки». Ага, подумал я тогда, кому-то эта информация нужна. Потом мне вдруг сообщают, что на пиратском корабле, который ограбил пассажирский лайнер с планеты Фикс, был человек, так похожий на меня, что, если бы в это время у меня в гостях не находился сам президент этой планеты, про меня могли бы черт знает что подумать. И тут на планету прилетает «Пегас». Эти люди говорят мне, что ловят зверей, а сами начинают меня расспрашивать о трех капитанах. Это меня немного удивило. И может быть, я забыл бы об этом — разве мало людей интересуются героической биографией капитанов, — но вдруг они мне заявляют, что я, оказывается, прилетал к разведчикам Малого Арктура и просил у них план «Синей чайки».

— Но это в самом деле так, — сказал я. — Это был поддельный доктор.

— Сейчас столь прискорбный факт не вызывает сомнений, — сказал Верховцев, — но в тот момент я был совершенно огорожен. Когда «Пегас» улетел, я тут же отправился к разведчикам, и они подтвердили: «Да, именно вы, доктор Верховцев, прилетали к нам месяц назад и интересовались планами «Синей чайки». Вот тогда-то я и понял, что Второму капитану грозит опасность. И, вернее всего, от рук пиратов. И я немедля отправился на Венеру.

— Прилетел ко мне, волнуется, — улыбнулся Первый капитан. — Я сначала даже понять ничего не мог. Один Верховцев, второй Верховцев... Но когда разобрался, то понял, что надо спешить на помощь. Но куда лететь? Мы заподозрили, что «Пегас» — пиратский корабль, и решили проследить за вами. Мы побывали в Палапутре. Там нам Крабакас с Баракаса рассказал о том, что вы купили говоруна, и о том, как кто-то пытался убить всех говорунов на планете. И мы нашли того ушана, который вам продал говоруна, и поняли, что это тот самый говорун, который раньше был у Второго капитана. Больше того, нас чуть не посадили на Палапутре в тюрьму, потому что ложный доктор Верховцев побывал там и торговал червяками. Еле-еле мы убедили ушанов-стражников, что червяками торговал не настоящий Верховцев,

а его двойник. Крыса ждет заслуженное наказание за попытку убить всех говорунов и уничтожить воздух на планете. А наказание за это ушаны еще не придумали, но обязательно придумают.

— Ой! — вырвалось у толстяка.

— А дальше просто, — сказал Первый капитан. — Мы опросили все маяки Галактики, и нам сообщили, что «Пегас» держит курс к системе Медузы. А на планете роботов мы узнали, что вы здесь побывали и даже вылечили роботов, сменив им масло. А потом мы прилетели сюда. И чуть было не опоздали.

— А когда вы поняли, что мы не пираты? — спросила Алиса.

— Уже в Палапутре. А кроме того, мы встретили в космосе корабль археологов. На нем летел Громозека. И он с таким пылом защищал профессора, что мы ему поверили. Стали беспокоиться, что вам грозит опасность — ведь вы не умеете обращаться с пиратами.

— Не умеем, — вздохнул Полосков. — В следующий раз будем умнее.

— Следующего раза не будет, — сказал Первый капитан.

Он подошел к сидящему на каменном полу толстяку и сказал:

— Время истекло, Весельчак У. Или ты открываешь плиту, или мы с тобой вообще больше не будем разговаривать. Считаю до десяти: раз, два, три...

— Все скажу! — заторопился толстяк. — Все скажу. Я с первой минуты хотел сказать, но до содрогания боялся Крыса. Я и сейчас его боюсь. Ведь он отомстит мне. Обязательно отомстит. Лучше всего, если вы его убьете. Пожалуйста, убейте его!

— Но ведь он твой друг, — сказал Верховцев. — Как же ты можешь желать смерти другу, с которым вместе совершил преступления столько лет?

— Он мне не друг! — вскричал толстяк. — Он мой злейший враг! Я честный пират, а не бандит и не предатель!

— Не теряй времени, — сказал Второй капитан. — Открывай плиту.

Толстяк поднялся. На него было противно смотреть. Ноги его не держали, подгибались, и живот трясся. Он заковылял к стене и, подойдя к ней, нажал невидимую

для посторонних кнопку. Часть стены отошла в сторону, и за ней обнаружился пульт управления.

— Сейчас, — бормотал толстяк, — одну минутку... я все сделаю.

Он нажимал на кнопки дрожащими толстыми пальцами, и наконец плита сдвинулась с места и отъехала в сторону.

Путь наверх был открыт.

— По кораблям! — сказал Первый капитан. — Сначала поднимается «Пегас». Затем он отлетает в сторону, и начинаем подъем «Синей чайки». Экипаж «Пегаса» прошу занять свои места.

Пошел дождь. Крупные капли залетали в светлый круг и звонко стучали по каменному полу.

Толстяк нажал еще одну кнопку, и из пола выросла тонкая лестница, достала до края белого круга и уцепилась за край металлическими когтями.

— Вот это правильно, — сказал Второй капитан. — Верховцев, прошу тебя, отведи вместе с профессором пленников наверх. Пусть нас там подождут.

Полосков и Зеленый заняли места в «Пегасе», убрали трап и закрыли люк. Все остальные отошли в сторону и смотрели, как «Пегас» медленно поднялся в воздух и, закрыв на несколько секунд свет, выплыл наверх.

— Ну что ж, — сказал Первый капитан, — все здесь, никого не забыли?

— Все, — сказал я.

Верховцев повел по лестнице двух пиратов, а я подошел к толстяку.

— Больше пиратов нет? — спросил капитан у толстяка. — На вашем корабле нет никого?

— Клянусь всем святым, что больше здесь не осталось ни одного человека! Можно спокойно уходить, — ответил Весельчак У. — Совершенно спокойно. А потом мы взорвем это подземелье вместе с проклятым кораблем Крыса. И следа не оставим от пиратского гнезда. Я правильно говорю?

— Правильно, — усмехнулся Второй капитан. — Дай-ка я взгляну в последний раз на мою тюрьму. Как-никак четыре года здесь просидел.

— Погодите! — крикнула вдруг Алиса. — Он же врет!

— Кто врет? — удивился Первый капитан.

— Толстяк врет. Когда я бежала за говоруном, я слышала стон.

Глава 23

ПЛЕННИК В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

— Не может быть... — ахнул толстяк и осекся.

— Где пленники? — спросил капитан. И так спросил, что никакого сомнения не было: сейчас толстяк все расскажет.

И толстяк тут же засеменил к туннелю. Он бормотал:

— Я совсем забыл... это все Крыс... Я всегда говорил... и всегда был против.

— Простите, капитан, — сказала Алиса, спеша за ними. — Я бы обязательно вспомнила, но было так много событий, что я забыла. Но я бы обязательно вспомнила...

— Не расстраивайся, девочка, — сказал Первый капитан и положил ей на макушку широкую ладонь. — Ты молодец, и никто тебя не обвиняет. А с этим пиратом мы поговорим особо.

— Вот тут, — сказал толстяк. — Сейчас я свет зажгу. Все будет отлично... Как я мог забыть! Это все Крыс.

Вспыхнул свет, и мы увидели за небольшим залом, в котором стоял пиратский корабль, еще один длинный туннель, перегороженный недалеко от входа толстой решеткой. Толстяк подбежал к решетке и непослушными пальцами старался вставить ключ в замочную скважину. Первый капитан отобрал у него ключ и отодвинул в сторону решетку. Решетка ушла в нишу в стене.

— Я сам... я сам... — бормотал толстяк, но его никто не слушал.

Не удивительно, что толстяк не хотел, чтобы мы увидели этот туннель. По обе стороны его шли комнаты, заваленные награбленным добром, драгоценностями и другими трофеями.

— Нет, — сказал я, заглядывая на ходу в одну из комнат, — взрывать это место мы не будем: здесь столько ценностей, что можно построить сто городов.

— Погодите, — сказал Первый капитан.

Мы остановились, прислушались.

Далеко, откуда-то снизу, донесся еле слышный жалобный стон.

Мы поспешили в ту сторону. Дверь в одну из комнат была заперта.

— Ключ! — приказал капитан.

Толстяк уже держал ключ наготове.

Комната оказалась лестничной площадкой. Отсюда вниз вела крутая лестница, вырубленная в скале. В конце ее была еще одна решетка. Капитан направил в ту сторону луч фонаря, и мы увидели, что за решеткой на куче тряпок на каменном полу сидит прикованное к стене странное существо, в котором я с трудом узнал жителя планеты Фикс, трехногого большеглазого фиксианца.

Фиксианец умирал. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять это. Он был на последнем пределе истощения. А кроме того, он был истерзан пытками.

— Я его сейчас убью! — сказал Первый капитан, глядя на толстяка.

— Всееволод, — прошептал Второй капитан, — ты не узнаешь...

— Не может быть!

И Первый капитан вдруг с такой силой рванул вбитую в камень стальную решетку, что она согнулась и вылетела из пазов. Он отшвырнул в сторону путаницу стальных брусьев и бросился к умирающему фиксианцу. Он поднял его на руки и понес к выходу.

— Кто это? — спросила тихо Алиса.

Я покачал головой. Я не знал.

Рядом всхлипывал толстяк. Он сдержал на секунду слезы и ответил мне.

— Это Третий капитан. Они думали, что он давно мертв.

И тут же, словно вспомнив об очень важном, толстяк заспешил по коридору за капитаном, визжа:

— Это все он! Это все Крыс!

Третий капитан был без сознания. Первый положил его на пол и обернулся ко мне.

— Скажите, профессор, — спросил он, и голос его дрожал, — скажите, можно ли что-нибудь сделать?

— Не знаю. Сомневаюсь, — сказал я. Я наклонился над фиксианцем. — Они морили его голодом и пытали.

— Они пытали его четыре года, — сказал Второй капитан. — А мы были уверены, что он давно мертв! И если бы не Алиса, оставили бы его здесь. И он им ничего не сказал. Профессор, я умоляю вас, сделайте все возможное, чтобы его спасти!

— Меня не надо просить об этом, — сказал я. — В первую очередь нужны укрепляющие уколы. Алиса,

беги, милая, на «Пегас» и принеси оттуда аптечку.

Алиса стрелой побежала по коридору.

— Я с ней, — сказал Первый капитан.

— Не надо! — отозвалась Алиса на бегу. — Я лучше вас знаю, где искать.

— Послушай, Третий, — сказал Второй капитан. — Слушай. Не сдавайся. Так мало осталось терпеть. Неважели ты сдашься в последнюю минуту? Ведь мы пришли.

И вдруг фиксианец открыл глаза. Ему было очень трудно это сделать, потому что его тело уже умирало. Лишь мозг боролся со смертью.

— Все хорошо, — сказал он, — все в порядке. Я ничего не сказал. Спасибо, друзья, что пришли. — Он закрыл глаза, и его сердце остановилось.

Я тут же начал делать фиксианцу искусственное дыхание. Но это не помогало. Положение было безвыходное — у меня не было ни хирургических инструментов, ни диагностической машины, ни лечебных автоматов. И мне пришлось поступить так, как делали врачи сто лет назад.

— Я рискну, — сказал я капитанам. — Боюсь, что иного выхода нет.

— Мы вам верим, профессор, — ответили мне капитаны.

Тогда я разрезал ножом грудь Третьему капитану, взял в руку остановившееся сердце и начал его массировать. Мне казалось, что прошел час, рука онемела. Я не заметил, как подбежала Алиса с аптечкой и инструментами. Первый капитан сам ввел в вену своему другу оживляющую смесь. И не знаю, что помогло, мои ли усилия или действия Первого капитана, но сердце Третьего дрогнуло, еще раз... и забилось.

— Еще живительного раствора! — приказал я.

Алиса передала ампулы капитанам.

— Он очень могучий фиксианец, — сказал я. — Любой другой на его месте давно бы умер.

Я достал из аптечки сшиватель, и в минуту этот маленький аппаратик сшил ему все сосуды и зашил грудь. Мы осторожно перенесли фиксианца на «Синюю чайку», где я мог оказать ему настоящую врачебную помощь. Там ко мне присоединился доктор Верховцев, и через полчаса мы могли уже сказать, что жизнь Третьего капитана вне опасности.

Мы оставили Второго капитана дежурить у его постели, а сами спустились вниз, в пещеру, нам надо было отдохнуть. Первый капитан вышел с нами.

У входа сидел на корточках толстяк под охраной Зеленого.

— Он будет жить? — спросил с робкой улыбкой Весельчак У, словно речь шла о его любимом брате.

— Да, — коротко ответил Верховцев. — Хотя ты сделал все, чтобы он умер.

— Нет, нет, что вы! — засуетился толстяк. — Это все Крыс. Неужели вы до сих пор не поняли, какую роковую роль он сыграл в моей жизни, как обманом и посулами он втянул меня в отвратительные авантюры? Ведь мне что нужно было? Весело жить и иметь все, чего душа захочет. А ему? Ему нужна была власть. Как другие люди пытаются супом и котлетами, так он питался властью. Если он в течение дня ни над кем не проявил власти, то для него этот день потерян. И ему нужна была власть над планетами, над всей Галактикой. А мне что? Мне бы только повеселиться. Я ведь, по существу, безобидный человек, попавший под дурное влияние.

Мы отвернулись от толстяка, и он продолжал говорить, обращаясь к Зеленому, будто хотел и в самом деле убедить нас, что он веселый, безобидный ягненок.

— Ну вот, — сказал доктор Верховцев, улыбаясь так, что, казалось, все его лицо состоит из тысячи добрых морщинок, — наконец-то все три капитана снова встретились. Как в добрые старые времена. Некоторое время вы были достоянием истории, извините — историческими реликвиями, а теперь...

— Да, — согласился с ним Первый капитан, — все как в старые добрые времена.

И я, глядя на него, подумал, что он совсем не стар. И, может быть, даже вернется снова в космос. Тем более, что проект «Венера» завершается.

И Первый капитан угадал мои мысли:

— Снова придется привыкать. Я, пока летел сюда, понял, что мои руки многое забыли.

— Вы все-таки собираетесь вернуться в космос? — обрадовался доктор Верховцев.

— И еще, — продолжал капитан, не отвечая прямо на вопрос доктора, — надо обязательно переменить название планеты и музея. Неудобно как-то: мы живы, здорово

вы, ничем особенным не прославились, а наши каменные копии стоят в музее, словно мы умерли давным-давно.

Глава 24

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Через два часа Третьему капитану стало настолько лучше, что мы смогли поднять его на поверхность. Затем капитаны вывели из подземелья и «Синюю чайку». Каменную плиту, закрывавшую вход в подземелье, поставили на место.

Теперь вокруг поляны, среди разбитых зеркальных цветов, стояли три космических корабля: «Пегас», «Синяя чайка» и служебный корабль с проекта «Венера», у которого не было названия — только длинный номер.

— Пап, — сказала Алиса, — можно, я в лес схожу?

— Зачем?

— Поищу целых зеркал. Нельзя нам на Землю возвращаться без нового букета.

— Только осторожнее, — предупредил я. — Теперь на тебе не желтый комбинезон, а голубой, и птица Крок тебя не спутает со своим птенцом.

Пока корабли готовились к дальнему полету, я выпустил склисса попастись на лужайку. Склисс тяжело прыгал от радости по траве, высоко подбрасывая копыта, мотал крыльями, но летать наотрез отказывался.

— Это самая веселая корова, каких мне приходилось видеть, — признался доктор Верховцев. — Но в хозяйстве такая корова неудобна.

— Нам уже говорили, что их трудно пасти, — согласился я. — Зато склиссы могут перебираться через глубокие реки, если пастбище на другом берегу.

Толстяк все еще сидел на земле около «Пегаса» и уверял нас, что у него больное, старое сердце, которому требуется свежий воздух. И никому не хотелось с ним спорить и даже разговаривать, особенно после того, как Третий капитан рассказал, что именно Весельчак У пытал его, чтобы добить секрет галактия.

— Зеленый, — сказал я, — присмотри, пожалуйста, за коровой, пока я покормлю остальных зверей, а то как бы ее птица Крок не унесла.

И тут я увидел, что на планету спускается еще один космический корабль.

Это уж ни на что не похоже! Не планета, а космодром! Откуда ему здесь взяться?

Я решил было, что это подкрепление пиратам, и хотел поднять тревогу, но тут же сообразил, что корабль терпит бедствие.

Он летел не прямо, а переворачивался, как-то странно кособочился, а за его хвостом тянулась какая-то серая масса, которая тормозила его и мешала нормально снижаться.

На мой крик все выбежали из кораблей и глядели, как спускается новый корабль.

— Включи радио, Зеленый, — сказал Полосков.

Зеленый бросился к «Пегасу», настроился на волну корабля и включил радио на полную мощность, чтобы мы снаружи тоже все слышали.

— Корабль! — вызывал Зеленый. — Что с вами? Вы терпите бедствие? Отзовитесь!

Приятный женский голос ответил:

— Бедствия меня не касаются. Главное — не упустить, а остальное пустяки.

— Какой знакомый голос, — сказал я. — Где-то я его слышал.

— Когда заблудились у Пустой планеты, — подсказала Алиса.

— Стойте, — прервал нас Первый капитан. — Могу поклясться, что это моя жена Элла.

Капитан побледнел и со всех ног бросился в радиорубку к Зеленому. И тут же мы услышали его голос:

— Элла, это ты? Что случилось?

— Кто это говорит? — спросил женский голос строго. — Это ты, Сева? А почему ты не на Венере? Ты же знаешь, как я беспокоюсь, когда ты улетаешь в космос.

Второй капитан улыбнулся.

— Она никак не может привыкнуть, — сказал он мне, — что у нее муж — космический капитан, хотя сама исколесила всю Галактику.

— Да не в этом дело, — сказал Первый капитан. — Ты забыла, что твой корабль терпит бедствие? Тебе нужна помощь? Что ты за собой тащишь?

— Ну разве ты не видишь? — удивилась Элла. — Это же живая туманность. Я за ней гонялась три недели,

поймала в сеть, а теперь она хочет вырваться и улететь. Вот и приходится опускаться на первую попавшуюся планету, чтобы ее укротить. Сева, милый, у тебя нет под рукой какого-нибудь корабля?

— Ну конечно, есть, — ответил Первый капитан. — И не спеша опускаться: боюсь, с таким хвостом тебе не удастся это сделать.

— Вот и хорошо. Поднимись на минутку, и мы вместе ее опустим.

Первый капитан еще не кончил разговор, как Второй капитан был уже на мостице корабля, и еще через три минуты капитаны подняли его в воздух, где Элла боролась с непокорной живой туманностью, о которой в космосе ходит столько легенд, но которую никому еще не удавалось увидеть.

Два корабля справились наконец с сетью, и через полчаса живая туманность, надежно скатая двумя кораблями, лежала на траве неподалеку от нас. Мы подбежали к ней. Я, надо признаться, бежал первым, потому что понимал, какое великое открытие в биологии совершила Элла.

Туманность нас разочаровала. Она, наверно, очень эффектна в межзвездном пространстве, когда расстилается на миллионы километров, но здесь, на траве, она казалась чуть пульсирующим серым сгустком тумана.

Люк в корабле Эллы распахнулся, и она вышла к трапу. К ней уже бежал ее муж, Первый капитан. Он протянул сильные руки, и Элла прыгнула сверху. Капитан поймал ее в воздухе и осторожно опустил на землю.

— Ты не ушиблась? — спросил он.

— Нет, — ответила Элла и улыбнулась. — И вообще все это неважно.

Элла была настоящая красавица и всем нам очень понравилась. Даже индикатор от переполнивших его чувств стал прозрачным.

— Все неважно, — повторила Элла, поправляя светлые волосы. — Туманность поймана, и теперь осталось только довезти ее до Земли, чтобы скептики убедились, что она существует.

Я промолчал, потому что под скептиками она подразумевала, конечно, меня. И я даже вспомнил, что как-то встречался с ней на конференции и высмеял за увлечение фантастикой. Существует на свете множество реальных,

обыкновенных животных, изучению которых стоит посвящать время и усилия, — это и Малый дракончик, и кустики, и индикатор. Но ведь живая туманность казалась мне выдумкой. Так я тогда и сказал.

— Кого я вижу! — воскликнула Элла, увидев Второго капитана. — Я вас несколько лет не видела. Как вы себя чувствуете? Все еще летаете?

— Нет, — ответил Второй капитан, — в основном я сидел на одном месте.

— Это правильно, — поддержала его Элла. — И на одном месте можно найти массу дел. А чей это очаровательный ребенок?

— Меня зовут Алиса, — ответил очаровательный ребенок.

— Алиса. Необычное имя.

— Самое обычное. Алиса Селезнева.

— Погоди-ка. А твой отец не в Московском зоопарке работает?

— В зоопарке, — ответила Алиса, которая не знала о наших научных разногласиях.

— Так вот, Алиса, когда увидишь своего отца, передай ему, пожалуйста, что живая туманность — не биологический бред, и не фантастика, и не сказочная выдумка, как он любит повторять, а самая настоящая реальность.

— Кстати, — сказала Алиса, — мой отец здесь. Вот он.

Мне ничего не оставалось, как выйти вперед и поздороваться.

— Простите, — сказал я. — Я признаю свою ошибку.

— Ну и отлично, — ответила Элла. — Вы мне поможете потом исследовать туманность?

— С удовольствием.

Тогда Элла обернулась к своему мужу:

— Расскажи, почему ты здесь оказался?

— Второй попал в беду, — коротко ответил Сева, — и надо было его выручать. Вот мы и сделали это. С помощью наших новых друзей.

— А в какую беду вы попали, капитан?

— В плен к пиратам.

— К пиратам? Но ведь вы их победили давным-давно.

— Победили, но не до конца. Знаете, как бывает, если оставишь один сорняк на грядке?

— Все-таки не понимаю, — развела руками Элла. —

Ну кто в наши дни сидит по четыре года в плenу?

Элла прилетела к нам словно из другого мира. Из того мира, в котором мы привыкли жить, но от которого оторвались за последние дни. И в самом деле, ей трудно было бы поверить, если бы мы начали рассказывать ей о пытках, подземельях и предательстве. И поэтому никто не стал с ней спорить.

— А что вы сделали с пиратами? — спросила Элла.

— Один сидит в клетке. Два — в трюме. А самый толстый и хитрый только что был здесь, — ответил Второй капитан. — Кстати, где он?

Толстяк пропал. Только что сидел на траве, робко улыбался — и пропал.

Мы облазили все заросли вокруг, осмотрели каждый куст — уйти далеко он не успел. Да и говорун поднял бы тревогу.

— Ну вот, — с укоризной сказала Элла, — не могли уберечь одного пирата! Разве это настоящая прополка?

И тут я заметил, что туманность колышется сильнее, чем прежде. Я пригляделся. Несколько ячеек сети были разрезаны.

— Я знаю, где он! — крикнула Алиса, которая побежала за мной к сети. — Он в туманность залез.

— Ты здесь, Весельчак У? — спросил Верховцев, наклоняясь.

Туманность зашевелилась, словно копна сена, в которую забрался бродячий пес.

— Сейчас выпустим туманность и увидим, — решительно сказал Сева.

— Ни в коем случае! — возмутилась Элла. — Второй такой не найдем!

Нервы у толстяка не выдержали. Из туманности показалась его голова. Глаза были выпучены, и он быстро дышал, — видно, в туманности было плохо с воздухом.

И вдруг толстяк резво вылетел из туманности и бросился бежать по поляне.

— Куда ты? — крикнул вслед ему Второй капитан. — Все равно поймаем. Не торопись, у тебя же большое сердце!

Но толстяк не слышал. Он несся между кустов, перепрыгивал через ямы, спотыкался, размахивал руками.

И птица Крок, лениво кружившая в высоте, увидела его сверху и спикировала на него, как коршун на зайчонка.

Еще секунда — и толстяк уже болтался в воздухе, будто продолжал бежать, а птица поднималась так быстро, что, когда Второй капитан выхватил пистолет, она поднялась на полкилометра.

— Не стреляй, — остановил его Первый капитан. — С такой высоты он разобьется...

И как будто сглазил. Толстяк как-то извернулся в когтях птицы, забился, и она выпустила его. Словно тряпочная кукла, толстяк летел к земле. И скрылся за холмом.

Мы молчали. Потом Зеленый сказал:

— Он сам себя наказал. И лучше придумать было нельзя.

И все с ним согласились.

А туманность между тем потихоньку выползала из сети. Она вытекала как кисель, расползлась во все стороны, и когда мы опустили глаза, то увидели, что стоим по колени в сером киселе.

— Держите ее! — крикнула Элла. — Она же убежит!

И туманность убежала. Она окутала нас непроницаемой мглой, а когда мгла рассеялась, над нашими головами реяло большое серое облако.

— Все равно собирались стартовать, — сказал Второй капитан, — так что попрошу поторопиться.

Мы быстро загнали на корабль склисса, завели двигатели и взлетели. Вслед за нами поднялись остальные три корабля. И все мы, построившись цепью, погнались за живой туманностью.

Догнали мы ее только у планеты Шелезяка. К тому времени туманность рас простерлась уже на несколько тысяч километров, и мы три дня сгоняли ее так, чтобы она уместилась в наши сети.

Наконец туманность закутали в тройную сеть и крепко привязали между двумя кораблями. В таком виде и отвезли к Солнечной системе, где каждый может полюбоваться ею в кратере Архимеда на Луне. Хотя любоваться нечем — нет более скучного экспоната, чем живая туманность.

Элла настаивала, чтобы туманность поместили в зоопарк на Земле, но земной климат для нее вреден, да и кто придет в зоопарк смотреть на серый туман? Куда интереснее поглядеть на индикатора, получить в подарок шарф от паука-ткача-троглодита, полить кустик

лимонадом или отличить склисса от коров, в стаде которых он пасется.

На центральной лунной базе, в гостинице «Луноход», мы в последний раз собирались все вместе.

— Пришла пора прощаться, — сказал Второй капитан.

Капитаны сидели в ряд на большом диване и совсем не были похожи на свои памятники. Первый капитан был задумчив и с трудом скрывал печаль. Оказалось, что перевод Венеры на новую орбиту начался, пока он был в системе Медузы, и он опоздал к торжественному моменту.

Третий капитан себя плохо чувствовал, его била лихорадка, которой он заболел в подземелье у пиратов, но, когда Верховцев прines ему лекарства, капитан отказался.

— Эта лихорадка пока не излечима земными лекарствами. Справлюсь с ней сам. Не обращайте внимания. Как только я снова выйду в космос, все пройдет. Для меня лучшая больница — мостик космического корабля.

Лишь Второй капитан был оживлен и весел. Он только что передал прилетевшим с Земли физикам формулу галактия. Физики заняли уже половину гостиницы, и с каждым новым кораблем прилетали их коллеги из разных университетов и институтов. Было получено сообщение, что на Луну спешат ученые с Фикса и линеанцы, а на космической верфи Плутона начали закладку кораблей, рассчитанных на новое топливо.

— Вы все время улыбаетесь, — сказала Второму капитану Элла, которая не любила сидеть на месте и нервно ходила по комнате. — Вы довольны, что подняли такую суматоху среди физиков?

— Страшно доволен, — признался Второй капитан. — Я, честно говоря, опасался, что вдруг формула галактия не так уж и нужна нам. Все те годы я думал: может быть, галактий уже изобретен на Земле?

— Но вы ведь все равно не отдали бы формулу пиратам? — спросил я.

— Нет, не отдал бы. Ну хорошо, какие у кого планы? Надеюсь, что мы еще не раз встретимся. В конце концов, космос не так уж и велик. Мне жаль только, что профессор Селезнев не собрал столько зверей, сколько хотел. Но зато он помог нам спастись, и мы обещаем ему, где

мы ни будем, отовсюду привезем птиц и зверей для зоопарка.

— Спасибо, друзья, — сказал я. — Но должен сказать, что я не расстраиваюсь. Ведь будущим летом мы снова полетим в экспедицию на «Пегасе». Если, конечно, Полосков и Зеленый не откажутся лететь со мной.

— Не откажемся, — сказал Полосков.

— Я бы полетел, — сказал Зеленый, — если обстоятельства сложатся благополучно.

Нет, все-таки Зеленый неисправим! Я знал, что он полетит. Он сам знает, что полетит, но обязательно должен высказать какие-нибудь сомнения.

— И я полечу, — сказала Алиса.

— Посмотрим, — ответил я. — Тебе еще целый год в школе учиться.

— А куда вы теперь собираетесь? — спросил Полосков капитанов.

— Я спешу на Плутон, где будут строить корабли на галактических двигателях, — ответил Второй капитан. — И надеюсь, что один из первых доверят мне.

— Я сначала слетаю домой, на планету Фикс, — сказал Третий капитан. — Я очень давно не был дома. А потом тоже начну строить корабль на новом топливе.

— А я сейчас на Венеру, — сказал Первый капитан. — Венера уже движется на новую орбиту. Еще несколько месяцев — и моя работа будет закончена. И тогда я тоже присоединюсь к моим друзьям.

— И вы все полетите в дальний космос? — спросила Алиса.

— Да, — сказал Первый капитан.

— Да, — сказал Второй капитан.

— Разумеется, — сказал Третий капитан.

— А я собиралась лететь на живую планету, — сказала Элла. — Это даже интереснее, чем живая туманность. Но боюсь, что придется попросить слетать туда профессора Селезнева.

— А почему? — спросил я. — Это вы ведь теперь у нас специалист по сверхбольшим животным.

— Я полечу с капитанами.

— Но мы летим в другую галактику. Это долгий и трудный полет.

— Не спорьте со мной, — сказала решительно Элла. — Я все обдумала. Нельзя нам расставаться так на долго.

— Но как же дети? — спросил Первый капитан.

— Дети останутся с бабушкой. Она не каждый день танцует в Большом театре. Будет брать их на субботу и воскресенье из детского сада.

Тогда Первый капитан смущенно взглянул на своих друзей.

И Второй капитан в знак согласия наклонил голову.

И Третий капитан в знак согласия поднял одну из шести рук.

— Не забудьте, — сказала мне Элла, которая, помоему, и не сомневалась, что уговорит трех капитанов, — что вы обещали мне найти живую планету. А я привезу вам самое удивительное животное, которое мы встретим в соседней галактике...

«Пегас» первым стартовал с Луны. Мы спешили, потому что зверей надо было как можно скорее привезти в зоопарк и создать им нормальные условия. Капитаны и Элла проводили нас до корабля и пожелали доброго пути. «Пегас» поднялся над Луной и взял курс на Землю.

Я спустился в трюм посмотреть, как себя чувствуют наши звери. Большинство клеток стояло пустыми. Зверей было маловато. Пустовала и клетка, в которой раньше сидел пират Крыс. Мы высадили его и двух его помощников на планете, где он натворил столько бед. Там-то уж знают, как наказать пирата.

Я протянул склиссу последнюю охапку сена. Склисс прижался боком к решетке, чтобы я его почесал.

В трюм вошла Алиса. За ней вереницей семенили кустики.

— Ну как, — спросил я, — будет о чем рассказать в школе?

— Разве обо всем расскажешь? — пожала плечами Алиса. — Все равно не поверят.

Она взяла швабру и стала помогать мне мыть клетки.

— Да, — согласился я, — кое-чему не поверят.

— Ты недоволен путешествием? — спросила Алиса. — Мало зверей?

— Нет, честное слово, доволен. У нас появились новые друзья. И какие!

— Молодец! — похвалила меня Алиса. — А знаешь, капитаны обещали взять меня в другую галактику. Нет, не бойся, не в первое путешествие, а потом, когда я подрасту.

— Ну что ж, — сказал я, — в добный путь.

— Не расстраивайся, папа, может, мы и тебя возьмем. Биологи в любой экспедиции нужны.

— Спасибо, Алиса, ты настоящий друг.

Мы с ней кончили чистить клетки и напоили зверей, потому что к посадке на Земле все должно быть в полном порядке.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АЛИСЫ

1

Родилась Алиса 17 ноября.
Это день удачный для та-

кого события. Могло быть значительно хуже. Я, напри-
мер, знаю одного человека, который родился 1 января,
так никто специально его день рождения не празднует,
потому что Новый год праздник общий. Плохо прихо-
дится и тем, кто родился летом. Все друзья или на ка-
никулах или в разъездах. Алисе на это жаловаться не
приходится.

Примерно за неделю до Алисиного дня рождения я,
придя домой из зоопарка, задумался: что ей подарить?
Это всегда проблема. У меня, например, скопилось дома
восемь одинаковых галстуков, шесть балерин, сделан-
ных из корней и шишек, три надувные подводные лод-
ки, четырнадцать атомных зажигалок, ворох хохломских
деревянных ложек и множество других ненужных ве-
щей, которые получаешь в день рождения и осторожно
прячешь: синюю чашку — к пяти уже подаренным сегод-
ня синим чашкам, пепельницу в виде корабля звездных
скитальцев — к тем таким же пепельницам.

Я сидел и вспоминал, что Алиса просила у меня в сен-
тябре. Что-то просила. Что-то ей было нужно. Тогда я еще
подумал: «Вот хорошо, подарю ей на день рождения». И забыл.

И тут позвонил видеофон:

Я включил его. На экране появилась страшная морда
моего старого друга, космического археолога Громо-

зеки с планеты Чумароз. Громозека в два раза больше обычного человека, у него десять щупальцев, восемь глаз, панцирь на груди и три добрых, бестолковых сердца.

— Профессор, — сказал он, — не надо плакать от радости при виде меня. Я через десять минут буду в твоем доме и прижму тебя к своей груди.

— Громозека! — только успел я сказать, как экран отключился и мой друг Громозека пропал. — Алиса! — крикнул я. — Громозека приехал!

Алиса готовила уроки в соседней комнате. Она с удовольствием оторвалась от своих дел и прибежала ко мне в кабинет. За ней приплелся бродячий кустик. Мы привезли его из последнего путешествия. Кустик был балованный и требовал, чтобы его поливали только компотом. И потому в доме оставались сладкие лужи и наш робот-домработник целыми днями ворчал, вытирая пол за капризным растением.

— Я его помню, — сказала Алиса. — Мы Громозеку встречали на луне в прошлом году. Что он копает?

— Какую-то мертвую планету, — сказал я. — Они нашли там руины городов. Об этом я читал в газете.

Громозека ведет беспокойную бродячую жизнь. Вообще-то жители планеты Чумароз любят сидеть дома. Но нет правил без исключения.

Громозека за свою жизнь облетал больше планет, чем тысяча его соотечественников, вместе взятых.

— Алиса, — сказал я, — что тебе подарить на день рождения?

Алиса потрепала кустик по листочкам и ответила задумчиво:

— Это, пап, вопрос серьезный. Надо подумать. Ты только ничего без моего совета не предпринимай. А то принесешь ненужный подарок.

И тут входная дверь распахнулась, и пол задрожал под тяжестью гостя. Громозека вкатился в кабинет, разинул свою широченную пасть, усеянную акульими зубами, и закричал с порога:

— Вот и я, мои бесценные друзья! Прямо с космодрома — к вам. Я устал и собираюсь спать. Постели мне, профессор, на полу свой любимый ковер и разбуди через двадцать часов.

Тут он увидел Алису и заревел еще громче:

— Девочка! Дочка моего друга! Как ты выросла!

Сколько тебе лет?

— Через неделю будет десять, — сказала Алиса. — Второй десяток пойдет.

— Мы как раз сейчас думали, что ей подарить на день рождения, — сказал я.

— И придумали?

— Нет еще.

— Стыдно! — сказал Громозека, садясь на пол и раскидывая вокруг свои щупальца, чтобы они отдохнули. — Если бы у меня была такая милая дочка, я бы устраивал ей день рождения каждую неделю и дарил бы ей по пла-нете.

— Конечно, — сказал я. — Особенно если учесть, что год у вас на Чумарозе длиннее, чем восемнадцать земных лет, а неделя тянется четыре земных месяца.

— И всегда ты, профессор, испортишь настроение! — обиделся Громозека. — У тебя не найдется валерьянки? Только неразбавленной. Меня мучит жажда.

Валерьянки не нашлось, послали за ней в аптеку робота-домработника.

— Ну, рассказывай, — сказал я, — что ты делаешь, где копаешь, что нашел.

— Не могу сказать, — ответил Громозека. — Клянусь Галактикой, это страшная тайна. А может быть, и сенсация.

— Не хочешь говорить — не надо, — сказал я. — Только я не знал раньше, что у археологов бывают тайны.

— Ой, — сказал Громозека и пустил желтый дым из ноздрей, — я обидел своего лучшего друга! Ты на меня рассержен! Все. Я уйду и, может быть, даже кончу жизнь самоубийством. Меня заподозрили в скрытности!

Восемь тяжелых, дымящихся слез выкатились из восьми глаз моего впечатлительного друга.

— Не расстраивайтесь, — сказала тогда Алиса. — Папа не хотел вас обидеть. Я его знаю.

— Я сам себя обидел, — сказал Громозека. — Где валерьянка? Почему этих роботов никогда нельзя послать по делу? Он ведь стоит и болтает с другими роботами-домработниками. О погоде или о футболе. И совершенно забыл, что я изнываю от жажды.

— Может быть, вам принести чаю? — спросила Алиса.

— Нет, — испуганно замахал щупальцами Громозека, — это для меня чистой воды яд!

Тут, на счастье, появился робот с большой бутылью валерьянки. Громозека налил валерьянки в стакан, одним духом выпил ее, и из ушей его пошел белый пар.

— Вот теперь лучше. Теперь я смогу выдать тебе, профессор, очень важную тайну. И пусть мне будет хуже.

— Тогда не надо выдавать, — сказал я. — Не хочу, чтобы тебе было хуже.

— Но ведь никто, кроме меня, не знает, что это тайна, — сказал Громозека.

— Вы очень странный археолог, — сказала Алиса. — Так, значит, никакой тайны нет?

— Есть тайна, — сказал Громозека. — Самая настоящая тайна, но не в том смысле, в каком вы ее понимаете.

— Громозека, — сказал я, — мы ничего не понимаем.

— Ничего не понимаем, — сказала Алиса.

Громозека, чтобы не тратить времени понапрасну, допил валерьянку прямо из бутылки, вздохнул так, что стекла задрожали, и рассказал нам вот что.

Археологическая экспедиция, в которой работает Громозека, прилетела на мертвую планету Колеиду. Раньше на Колеиде жили люди, но почему-то лет сто назад все они умерли. И даже все звери на планете умерли. И насекомые, и птицы, и рыбы. Ни одной живой души. Только развалины, ветер воет, дождь идет. Даже кое-где еще стоят на улицах машины и памятники великим людям.

— У них была война? — спросила Алиса. — И они друг друга перебили?

— Откуда у тебя такие мысли? — удивился Громозека.

— Мы по истории средние века проходим, — ответила Алиса.

— Нет, не было там войны, — сказал Громозека. — Если бы была такая страшная война, то и через сто лет остались бы следы.

— Но, может, у них были какие-нибудь ядовитые газы? — спросил я. — Или атомная бомба? А потом началась цепная реакция?

— Ты умный человек, — сказал Громозека, — но говоришь глупости. Неужели мы, опытные археологи, мастера своего дела, во главе со мной, который смотрит сквозь землю и видит, как пробирается дождевой червь, неужели мы не догадались бы?

Громозека покачал своей головой и так страшно сверкнул глазами, что я мельком взглянул на Алису — уж не испугалась ли она моего добрейшего друга?

Но Алиса не испугалась Громозеки. Она думала.

— И вот у нас есть одно подозрение, — сказал Громозека. — Только оно — тайна.

— На них напали, — сказала Алиса.

— Кто?

— Как — кто? Космические пираты. Я их видела.

— Че-пу-ха, — ответил Громозека и захочотал, дрожа всеми щупальцами, и разбил вазу с цветами, стоявшую на подоконнике.

Я сделал вид, что не заметил, и Алиса сделала вид, что не заметила. Мы знали, что Громозека очень расстроится, если узнает, что натворил.

— Космические пираты не могут уничтожить целую планету. И, кроме того, космических пиратов больше не существует.

— Так что же погубило Колеиду?

— Вот я для этого и приехал, — сказал Громозека.

Мы с Алисой молчали и больше не задавали вопросов. Громозека тоже замолчал. Он ждал, когда мы будем его спрашивать. И ему очень хотелось долго не сдаваться, а потом сдаться.

Так мы и молчали минуты две. Наконец Громозека на нас совсем обиделся.

— Я вижу, — сказал он, — что вам неинтересно.

— Нет, почему же, — ответил я, — очень интересно. Только ты не хочешь говорить, и мы поэтому молчим.

— Почему я не хочу говорить? — вскричал Громозека. — Кто это сказал?

— Ты сказал.

— Я? Не может быть!

Тогда я решил подразнить моего друга, которого прямо распирало от желания все нам рассказать.

— Ты, Громозека, собирался поспать часов двадцать. Ложись на ковер в столовой. Только стол в угол отодвинь. Алиса, иди делать уроки.

— Ах, так... — сказал Громозека. — Такие, значит, у меня друзья? Ты к ним спешишь через всю Галактику, чтобы поведать интересную новость, а они сразу тебя отправляют спать. Им со мной скучно. Им со мной неинтересно. Ну и пожалуйста. Только покажи, где у тебя ванная, я хочу вымыть щупальца.

Алиса смотрела на меня умоляюще. Ей так хотелось спросить Громозеку!

Но тот уже протопал в ванную, цепляясь щупальцами за мебель и стены.

— Ну зачем ты, папа, так с ним поступил? — прошептала Алиса, когда Громозека ушел. — Ведь он хотел рассказать.

— Пускай не кривляется, — сказал я. — Если бы мы стали просить, он бы еще часа два нас мучил. А теперь сам расскажет. Можем поспорить.

— Давай, — согласилась Алиса. — На что поспорим? Я говорю, что Громозека очень обиделся и ни о чем нам не расскажет.

— А я говорю, что он очень обиделся, но именно поэтому скоро все нам расскажет.

— На мороженое.

— На мороженое.

Так мы поспорили. И не успели разнять руки, как в коридоре задрожали стены. Громозека шел обратно.

Он был мокрый, вода лилась по его панцирю, и щупальца оставляли неровные мокрые полосы на полу. Сзади шел робот-домработник с тряпкой и подтирал за гостем пол.

— Послушай, профессор, — сказал Громозека, — где у тебя детское мыло?

— Мыло? — удивился я. — Мыло на полке. Разве там нет?

— Есть, — засмеялся Громозека. — Я пришел специально над тобой посмеяться. Ведь ты думал, что я спешу, чтобы открыть тебе тайну. И, наверное, сказал своей дочке: вот идет глупый Громозека, которому так хочется поделиться с нами тайной, что он забыл вытереть щупальца. Разве не так?

Я пожал плечами.

Но Алиса тут же меня выдала.

— Мы даже поспорили, — сказала она. — Я сказала, что вы не приедете.

— Ну вот, — Громозека снова сел на пол и разложил, как лепестки, вокруг свои мокрые щупальца, — теперь я доволен: вы хотели надо мной посмеяться, а я посмеялся над вами. Мы квиты. И поэтому слушайте, мои друзья. Вы помните об эпидемии космической чумы?

Конечно, мы помнили об этой эпидемии. Вернее, я помнил, а Алиса читала о ней. Лет пятнадцать назад на Землю вернулась экспедиция из восемнадцатого сектора галактики. Как и положено было в те времена, дальняя экспедиция причалила не к самой Земле, а к базе на Плутоне, для того чтобы пройти карантин. Это и спасло нашу планету.

Два члена экипажа были больны неизвестной болезнью. Их отправили в изолятор. Но, несмотря на все лекарства, им становилось все хуже и хуже. На следующий день заболели остальные члены экипажа, а еще через два дня — все, кто был на базе.

На Земле была объявлена тревога, и специальный медицинский корабль понесся к Плутону. Несколько дней подряд продолжалась борьба за жизнь космонавтов и сотрудников базы. И закончилась поражением врачей. Им не только не удалось вылечить заболевших, но и они сами, несмотря на все меры, тоже заболели.

Вот тогда эту болезнь и назвали космической чумой.

Был объявлен карантин, и патрульные корабли крейсировали вокруг Плутона, чтобы кто-нибудь случайно туда не залетел. Тем временем лучшие врачи Земли и других планет старались разгадать тайну болезни. Казалось, что против нее нет никакого средства и ничем ее не остановить. Не помогали ни лекарства, ни толстые стены изоляторов.

И лишь через три месяца ценой громадных жертв и усилий несколько тысяч ученых нашли причину болезни и узнали, как ее победить.

Обнаружилось, что справиться с чумой было так трудно потому, что ее переносили вирусы, которые обладали двумя удивительными свойствами: во-первых, они умели маскироваться под своих безвредных собратьев и найти их в крови было совершенно невозможно, а во-вторых, все вместе они были разумным существом. Каждый вирус сам по себе не мог думать и принимать решения, но когда их собирались вместе несколько миллиардов, образовывался странный, злой разум. И стоило врачам приблизиться к разгадке чумы, как разум тут же приказывал всем вирусам изменить форму, выдумывал противоядия против лекарств, находил новые пути убивать людей.

Когда ученые догадались, в чем дело, они попытались наладить с вирусным разумом связь. Но тот не захотел разговаривать с людьми. Или не смог — все мысли его, вся его изобретательность были направлены только на разрушение, ничего создавать он не умел.

Потом, когда космическая чума была уже побеждена, удалось найти в архивах других планет упоминания об этих вирусах.

Оказалось, что Солнечная система — не первое место, где появлялась эта чума. На счету у вирусов были погубленные планеты и целые системы планет. И если не удавалось найти способ изгнать чуму, вирусы не успокаивались до тех пор, пока не уничтожали все живое на планете. Истребив людей и животных, вирусы или снимались, как рой пчел, и улетали в космическое пространство, где поджидали какой-нибудь корабль или планету, чтобы напасть на них, или оставались на месте и впадали в спячку.

Космические археологи из экспедиции Громозеки решили, что, наверное, планета Колеида погибла от космической чумы. Обитатели ее не нашли способа спрятаться с эпидемией.

И вот, для того чтобы убедиться в этом наверняка, Громозека прилетел к нам на Землю. На Земле есть Институт времени. Его сотрудники могут путешествовать в прошлое. И Громозека решил попросить в институте, чтобы к нему в экспедицию прислали машину времени и кто-нибудь слетал в прошлое Колеиды и посмотрел, не от космической ли чумы погибли все ее жители.

3

На следующий день Громозека с утра ушел в Институт времени. Пропадал он там до обеда, и Алиса, которая уже знала все о его делах, придя из школы осталась дома ждать возвращения археолога. Ей было очень любопытно узнать, чем все кончится.

Мы увидели Громозеку в окне. Задрожали стекла, и наш дом легонько затрясся. Громозека шел посреди улицы, рычал какую-то песню и нес такой большой букет цветов, что задевал им за дома на разных сторонах улицы. Прохожие при виде нашего дорогоого чудовища прижимались к стенам и немного пугались, потому что ни-

когда раньше не видели букета цветов в пять метров в диаметре, из-под которого высовывались длинные толстые щупальцы с когтями на концах. Громозека каждому прохожему давал по цветку.

— Эй! — крикнул мой друг, останавливаясь под нашими окнами.

— Здравствуй, Громозека! — крикнула Алиса, разворя окно. — У тебя хорошие новости?

— Все расскажу, мои дорогие! — ответил Громозека и дал цветок старику, который от удивления сел прямо на тротуар. — Но пока примите этот скромный букетик. Я его передам вам по частям, а то мне с ним не войти в подъезд.

И Громозека протянул щупальца с первой порцией цветов.

Через пять минут вся комната была набита цветами, и я даже потерял Алису из виду. Наконец последняя охапка цветов очутилась в комнате. Я спросил:

— Алиса, где ты?

Алиса откликнулась из кухни:

— Я собираю все кастрюли, чашки, миски, тарелки и вазы, чтобы налить в них воду и поставить цветы.

— Не забудь о ванне, — сказал я. — Наполни ее водой. В нее поместится большой букет.

После этого я, разгребая цветочное море, поплыл к двери, чтобы открыть ее и впустить Громозеку в дом.

Увидев, что творится в квартире, Громозека был очень доволен.

— Я думаю, — сказал он, помогая нам расставлять цветы по кастрюлям, вазам, мискам, плошкам, тарелкам и чашкам, ставить их в ванну и кухонную раковину, — я думаю, что раньше вам никто не приносил такого пышного букета.

— Никто, — согласился я.

— Значит, я ваш самый лучший друг, — сказал Громозека. — А в доме опять нет ни капли валерьянки.

Сказав так, Громозека улегся на пол, на ковер лепестков, и рассказал, что ему удалось сделать за день.

— Сначала я пришел в Институт времени. В Институте времени мне очень обрадовались. Во-первых, потому, что к ним приехал сам Громозека, знаменитый археолог...

Здесь Алиса перебила нашего гостя и спросила:

— А откуда они о тебе, Громозека, знают?

— Обо мне все знают, — ответил Громозека. — Не перебивай старших. Когда меня увидели в дверях, то у всех от радости случился обморок.

— Это от страха, — поправила Громозеку Алиса. — Некоторые, кто тебя раньше не видел, могут испугаться.

— Чепуха! — сказал Громозека. — У нас на планете я считаюсь красавцем.

Тут он рассмеялся, и лепестки цветов взвились в воздух.

— Не думай, что я такой наивный, Алиса, — сказал он, отсмеявшись. — Я знаю, когда меня боятся, а когда рады меня видеть. И поэтому я всегда сначала стучусь в дверь и спрашиваю: «Здесь маленьких детей и слабонервных женщин нет?» Если мне отвечают, что нет, тогда я вхожу и говорю, что я — знаменитый археолог Громозека с Чумарозы. Теперь ты довольна?

— Довольна, — сказала Алиса. Она сидела, скрестив ноги, на свернутом в клубок щупальце Громозеки. — Продолжай. Значит, во-первых, они обрадовались, что к ним приехал сам Громозека. А во-вторых, почему?

— Во-вторых, — сказал Громозека, — потому, что они только вчера кончили испытания новой машины времени. Если раньше все машины могли работать только из здания института, то новую машину можно перевезти на другое место. Она питается от атомных батарей. Они как раз собирались везти машину на Чудное озеро.

— Куда? — удивился я.

— Громозека хотел сказать — на Чудское озеро, правильно? — сказала Алиса. — Громозека имеет право не знать некоторых событий в нашей истории.

— Я так и сказал — Чудское озеро, — заявил Громозека. — А кто не так услышал, у него, значит, больные уши... Они хотели смотреть, как Александр Македонский победил там псовцов-рыцарей.

— Правильно, — сказала Алиса. — Они хотели посмотреть, как Александр Невский победил там псоврыцарей.

— Ох, — вздохнул Громозека, — вечно меня перебивают! Но когда я узнал, что они все равно готовят машину времени для поездки, я им сказал: «Что такое одно озеро, когда в вашем распоряжении будет целая планета? А на озеро вы всегда успеете съездить, потому

что каждому школьнику известно, что Александр Невский все равно победил всех рыцарей. А вот что случилось с планетой Колеида, не знаю даже я, великий археолог Громозека. Хотя, вернее всего, она погибла от космической чумы».

— И они согласились? — спросила Алиса.

— Не сразу, — признался Громозека. — Сначала они говорили, что машина еще не проверена и в таких трудных условиях, как космос, она может отказать, и случится авария. Потом, когда я сказал, что на Колеиде условия никак не труднее, чем на Чудном озере, они сказали, что атомные батареи и другая аппаратура такие тяжелые, что нужно десять кораблей, чтобы их перевезти на Колеиду. Но тут-то я уж понял, что они вот-вот согласятся. Ведь им тоже соблазнительно испытать свою машину времени на чужой планете. И я заявил им, что мы можем пустить в ход главную электростанцию на Колеиде и, кроме того, у нас в экспедиции есть очень мощный атомный реактор и даже гравитационные двигатели. А если им нужно послать вместе с машиной целую группу испытателей, мы их всех примем, накормим и даже будем через день возить на экскурсии. Вот они и согласились. Ну как, молодец я?

— Ты молодец, Громозека, — сказал я.

— А теперь я буду спать, потому что завтра начнем погрузку. Даже без атомных батарей нам понадобится для перевозки машины три корабля. А эти корабли еще надо достать.

И тут же Громозека прислонил толстую, мягкую, похожую на небольшой воздушный шар голову к стене и заснул.

4

Весь следующий день Громозека носился по Москве, летал в Прагу, созванивался с Луной, доставал корабли, договаривался о погрузке и лишь вечером пришел домой. На этот раз без цветов, но не один.

С ним пришли два временщика. Так у нас называют работников Института времени. Один временщик был молодой, длинноногий, очень худой и, может быть, поэтому не очень веселый. У него были темные курчавые волосы, словно у папуаса, и Громозека, удивляясь, какие бывают на свете тонкие создания, все время но-

ровил поддержать временщика когтем. Второй временщик был невысоким плотным пожилым человеком с маленькими острыми серыми глазами. Он немного заикался и был одет по самой последней моде.

— Петров, — представился он. — М-михаил Петров. Я руковожу проектом. А Ричард будет заниматься непосредственно нашей машиной.

— Как же, как же, — сказал я. Имя этого знаменного физика, который открыл временные изменения в сверхтекучей плазме, а потом возглавил Институт времени, было мне отлично известно. — Очень рад, что вы пришли к нам в гости.

— А у вас какой-то праздник? — спросил Петров. — Д-день рождения? Извините, мы не знали, а то бы привнесли подарок.

— Нет, это не праздник, — сказал я. — Это наш друг Громозека вчера принес нам букет цветов. А так как Громозека все делает несколько преувеличенно, то он попросту оборвал целую цветочную оранжерею.

— Садитесь, — сказал Громозека. — Сейчас выпьем валерьянки и поговорим.

Он достал из глубокой сумки, которая растет у всех чумарозцев на животе, бутыль с валерьянкой и множество всяких вкусных вещей и напитков.

— Итак, — сказал он, усаживаясь на ковер и окружая всех нас щупальцами, будто боялся, что разбежимся, — вот мы и достали корабли, получили согласие Академии наук на вашу командировку в космос и скоро отправимся испытывать машину. Вы рады?

— Спасибо, — сказал вежливо Петров. — Мы благодарим вас за приглашение.

— Вот, — сказал Громозека обиженно, обращаясь ко мне, — на самом деле он не рад. И знаешь почему? Потому что ему хотелось побывать на Чудном озере.

— На Чудском, — поправила Громозеку Алиса.

Громозека как будто не слышал.

— Ему хотелось побывать на Чудском озере, потому что он знает, чего ждать от этого озера. Сколько туда ни езди, все равно рыцарям не победить Александра... Невского. А вот на Коленде неизвестно, чем все закончится. А вдруг их погубила вовсе не космическая чума, а что-то другое?

— Если вы хотите упрекнуть нас в трусости, — обиделся Ричард, — то ваши замечания попали не по ад-

ресурсу. Вы просто не представляете, с каким риском связана работа во времени. Вы не знаете, что наши люди пытались помочь Джордано Бруно и спасти его от костра, что они проникали в ряды армии крестоносцев и в фашистские лагеря. Знаете ли вы, что им приходится полностью перевоплощаться в людей другого времени, делить с ними все их опасности и беды.

— Не горячись, Ричард, — сказал Петров. — Разве ты не видишь, что Громозека тебя специально дразнит? Вот ты и попался на удочку.

— Я никого не дразнил! — возмутился Громозека. — Я очень прямой и наивный археолог.

Громозека говорил неправду. На самом деле он не лишен ехидства, и он боялся, что временщики почему-нибудь откажутся от полета к археологам и тогда все его мечты пойдут прахом.

— Не беспокойтесь, Громозека, — сказал вдруг Петров, который был очень проницательным человеком, — если Институт обещал вам, что экспериментальная модель машины времени будет испытываться в вашей экспедиции, значит, так и будет.

— Вот и отлично! — ответил Громозека. — Я и не сомневался. Иначе я не стал бы знакомить вас с моими лучшими друзьями — профессором Селезневым и его отважной дочерью Алисой, о которой вы мало знаете, но скоро узнаете больше.

— А почему они скоро узнают больше? — спросил я.

— Потому что я придумал замечательный подарок к дню рождения твоей дочки, профессор, — ответил Громозека.

— Какой?

— Я возьму ее с собой на Колеиду.

— Когда? Сейчас?

— Конечно, сейчас.

— Но ведь ей в школу надо ходить.

— Я завтра же сам пойду к ней в школу и поговорю с учительницей. Она наверняка ее отпустит на несколько дней.

— Ой, — сказала Алиса, — большое спасибо! Только не надо ходить в школу.

— Почему?

— Потому что наша Елена очень нервная и боится пауков, мышей и других чудовищ.

— А я при чем? — спросил строгого Громозека.

— Ты ни при чем, — поспешила ответить Алиса. — Но она может тебя немножко испугаться. Не столько за себя, сколько за меня. Она скажет, что будет бояться отпустить меня . . . то есть не с тобой, а с таким, как ты . . . то есть, ты только не обижайся, Громозека . . .

— Все понятно, — сказал мой друг печально. — Все понятно. Ты, моя девочка, попала в руки к жестокой женщине. Ты опасаешься, что она может причинить мне, твоему другу, зло.

— Нет, ты меня не так понял . . .

— Я тебя отлично понял. Профессор!

— Что? — спросил я и постарался сдержать улыбку.

— Немедленно возьми своего ребенка из этой школы. Ее там замучают. Если ты этого не сделаешь, я завтра же сам пойду туда и Алису спасу.

— Алиса сама кого угодно спасет, — сказал я. — Не бойся за нее. Ты мне лучше скажи, на сколько дней ты собираешься ее забрать?

— Дней на тридцать-сорок, — сказал Громозека.

— Нет, об этом и не мечтай.

— Тогда на двадцать восемь дней.

— Почему на двадцать восемь?

— Потому что я с тобой торгуюсь и ты уже выторговал у меня два дня. Торгуйся дальше.

Временщики рассмеялись.

— Никогда не знал, что космические археологи такие веселые люди, — сказал Ричард.

— Да я не собираюсь с тобой торговаться, — сказал я Громозеке. — Неужели неясно, что ребенку надо ходить в школу?

— К такому монстру, как Елена, которая мучает мышей и пауков? Которая могла бы на меня напасть, если бы не Алисино предупреждение?

— Да, к такому монстру, к очаровательной, доброй и чуткой женщине — не в пример тебе, толстокожему эгоисту.

— П-погодите, не спорьте, — сказал тогда Петров. — Когда у Алисы начинаются каникулы?

— Через пять дней, — сказала Алиса.

— Они длинные?

— Недельные.

— Вот и отлично. Пустите, профессор, вашу дочку с нами на неделю. Наверное, мы все равно не успеем до каникул закончить погрузку.

— Стойте! — обиделся Громозека. — Я еще не успел толком поторговаться с профессором. Отпусти дочку на двадцать шесть дней.

— Нет.

— На двадцать два!

— Не отпущу!

— Ты жестокий человек, Селезнев. Я жалею, что подарил тебе вчера скромный букет цветов. Восемнадцать дней, и ни минутой меньше.

— Но зачем вам так много времени?

— Два дня полета туда. Два дня обратно. И две недели на месте.

— Хорошо, — сказал я. — Четыре дня на дорогу, пять дней на Колеиде и один день на всякий случай. Итого десять дней. Я сам схожу в школу и попрошу, чтобы Алисе разрешили опоздать на три дня с каникул. И больше об этом ни слова.

— Ладно, — согласился Громозека. — Но корабль может задержаться в пути. Вдруг встретим метеорный поток?

— Если встретите, то вы не виноваты.

— Алиса, — обернулся Громозека к моей дочери, — ты все поняла? Инструкции получишь у меня завтра. А теперь я вам, дорогие временщики, расскажу, как нам повезло, что этот жестокий профессор согласился отпустить с нами свою прелестную дочь. Послушайте в моем изложении историю о том, как она нашла трех капитанов и спасла Галактику от космических пиратов.

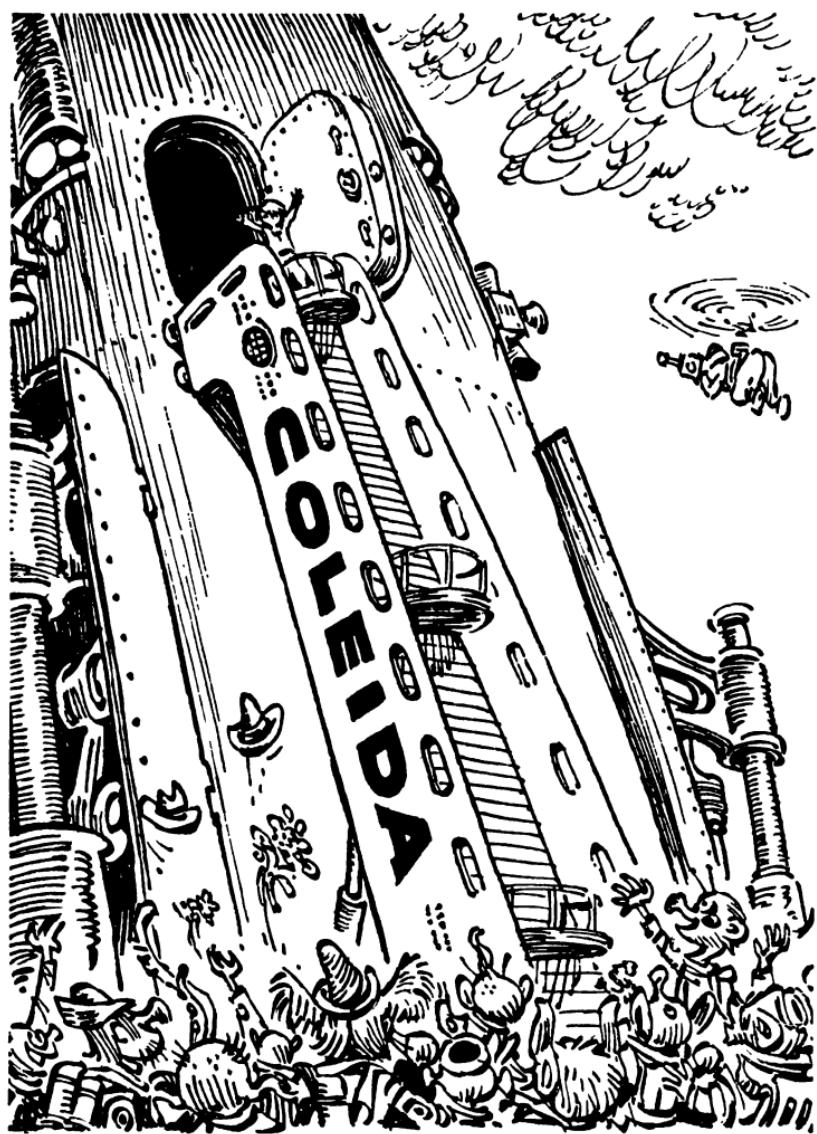
И Громозека принялся рассказывать временщикам о том, как мы летали на «Пегасе» за космическими звездами и как нашли Второго капитана. Рассказ его был так далек от истины, что я даже не стал прерывать Громозеку, а только сказал Петрову и Ричарду:

— Все уменьшайте в десять раз. А ты, Алиса, иди делать уроки, а то еще и в самом деле поверишь Громозеке, какие подвиги ты совершила.

— Ну, скажем, подвигов я не совершала, — сказала Алиса, — но вела себя достойно. Спокойной ночи, я пошла делать уроки. Встретимся в космосе.

Когда Громозека кончил рассказ про Алису, временщики принялись обсуждать свои дела, выяснять, что потребуется взять дополнительно на Колеиду, и разошлись уже за полночь.

А когда мы ложились спать, я спросил Громозеку:

— Скажи мне, старый хитрец, почему ты так настаивал, чтобы Алиса летела с тобой на Колеиду?

— А, пустяки, хочется сделать ребенку приятное, — сказал Громозека.

— Не верю я тебе, но что делать...

— Я буду сам за ней смотреть, — сказал Громозека, устраиваясь поудобнее и сворачиваясь в большой блестящий шар. — Ни один золотой волосок не упадет с ее прекрасной головки.

А еще через четыре дня корабли с разобранный машиной времени на борту взяли курс на Колеиду. На первом корабле вместе с Громозекой летела Алиса. А что случилось с ней на той планете, я узнал только через две недели, когда Алиса вернулась домой. Произошло там вот что.

5

Корабли опустились на Колеиду ранним утром. К тому времени, как были открыты люки, дежурный радиостартер успел разбудить всех археологов, и они, одеваясь на бегу, спешили к кораблям по истоптанному роботами и копательными машинами пыльному полю.

— Я выйду последним, — сказал Громозека временщикам и Алисе. — Вы гости, а я скромный археолог. Они уже знают, что мы привезли машину времени, и поэтому будут очень рады нас видеть. Алиса, оденься потеплее, я обещал твоему отцу, что ты не простудишься. Хотя, в общем, это тебе не угрожает, потому что простуду вызывают микробы, а микробов на Колеиде нет.

— Почему нет? — спросила Алиса.

— А потому, что на Колеиде ничего нет. Ни людей, ни зверей, ни растений, ни мух, ни микробов. Космическая чума уничтожает все живое.

Первой из корабля вышла Алиса.

В экспедиции было тридцать пять археологов. И ни одного с Земли. Здесь были линеанцы, фиксианцы, ушаны и другие ученые. Кроме общей профессии, у них не было ничего общего. Среди встреченных оказались археологи вообще без ног, на двух ногах, на трех ногах, на восьми ногах, на щупальцах, на колесиках, а один археолог мог похвастаться ста сорока четырьмя ногами. Самый маленький археолог

был ростом с котенка, а самым большим был наш друг Громозека. У всех археологов было разное число рук, глаз и даже голов.

А все головы были повернуты к люку корабля, и когда Алиса остановилась у люка и помахала своим новым знакомым рукой, то они замахали в ответ руками и щупальцами и закричали ей «здравствуй» на двадцати с лишним языках.

Еще больше археологи обрадовались появлению временщиков, но когда в люк пролез веселый Громозека с туго набитым мешком писем и посылок, то археологи даже запрыгали от радости, подхватили Громозеку на руки (щупальца и колесики) и понесли к разноцветным палаткам лагеря. По дороге одного из археологов, самого маленького и хрупкого, даже задавили, но, к счастью, не до смерти — Алиса успела заметить его под ногами (щупальцами и колесиками) археологов и вытащить полузадушенного наружу.

— Спасибо, девочка, — сказал археолог, сворачиваясь клубочком у Алисы на руках. — Может, я смогу отплатить тебе добром за добро. Мои друзья немножко увлеклись.

Археолог был светло-зеленый, пушистый, у него было курносое лицо с одним сиреневым глазом.

— Я крупнейший в Галактике специалист, — сказал он, — по расшифровке древних языков. Ни одна кибернетическая машина со мной не сравнится. Если бы они меня совсем затоптали, это была бы большая потеря для науки вообще и для нашей экспедиции в частности.

Даже в такой тяжелый момент маленький археолог думал о деле, а не только о себе.

Алиса принесла пострадавшего археолога, которого звали Рппр, в самую большую палатку, где собирались все остальные, и с помощью Петрова отыскала врача экспедиции — грустного, похожего на садовую лейку на ножках обитателя планеты Кроманьян. А когда врач сказал, что больному ничего не угрожает, она стала слушать, о чем разговаривают археологи.

Оказалось, члены экспедиции не сидели сложа руки, пока их начальник летал на Землю за машиной времени. Они раскопали небольшой город целиком, со всеми его домами, улицами, сарайями, фабриками, кинотеатрами и железнодорожной станцией.

И после обеда за общим длинным столом, во время которого Громозека рассказывал друзьям о своих приключениях на Земле, археологи повели гостей осматривать раскопки.

Конечно, сто лет, прошедших со дня гибели города, ветры, дожди и снега постарались снести его с лица земли, и во многом это им удалось. Но каменные дома все-таки остались стоять, хоть и без крыш и окон; выветрились, но не совсем пропали мостовые, вдоль которых рядами стояли обломанные без коры высокие пни деревьев. Лучше всего сохранился старый замок на холме над городом. Ему было уже больше тысячи лет, но стены, сложенные из могучих каменных плит, стойко выдержали нападения ветра и дождя.

Археологи смазали рассохшееся дерево клейкими растворами, положили на место разбросанные камни и кирпичи, осторожно убрали с улиц грязь и пыль, накопившиеся за век, и в солнечный, светлый день город казался хоть и потрепанным, старым, но чистым и почти настоящим. Как будто люди ушли из него совсем недавно.

Жители города были невелики ростом, ниже обычных людей, но очень на них похожи, и когда Алиса зашла в один из восстановленных домов, то оказалось, что и стол в нем, и кровать, и стулья были сделаны будто специально для Алисы.

Около станции стоял маленький поезд. У паровоза была длинная труба, а вагончики с большими круглыми окнами и выгнутыми крышами были похожи на старинные кареты.

Один из археологов, специалист по реставрации, который и восстановил паровоз и поезд из кучи ржавого лома, долго не отпускал гостей со станции — ему очень хотелось, чтобы они оценили, как тщательно сделаны все ручки, кнопки и рубильники в старинной машине.

Потом гости осмотрели музей, куда археологи собрали все мелкие вещи, найденные в городе: картины, статуи, посуду, одежду, домашнюю утварь, украшения, и так далее. И видно было, как много им пришлось потрудиться, чтобы вернуть эти вещи к жизни.

— Скажите, — спросил Петров, когда гости кончили осматривать музей, — вам удалось т-точно установить, когда погибла планета Колеида и отчего она погибла?

— Да, — сказал маленький археолог Рррр. — Я прочитал остатки газет и журналов и нашел много документов. Во всем виновата эпидемия. Эпидемия началась на Колеиде сто один год, три месяца и двадцать дней назад. По тому, как ее описывали испуганные жители, она очень похожа на космическую чуму.

— А как чума попала на планету? Ведь вирусы ее сами не могут пролететь сквозь атмосферу. Значит, ее кто-то принес. Может, это был метеорит?

— Вот это нам узнать не удалось. Все может быть, — сказал Рррр. — Известно только, что первые сообщения о странной болезни появились в газетах именно в три тысячи восемидесятом году местной эры. В третьем месяце и восьмом дне.

— И выяснить, как это случилось, придется нашим друзьям временщикам, — закончил за него Громозека. — Для этого они сюда и прилетели. Так что, друзья, считайте, что мы почти победили!

Громозека затряс щупальцами, распахнул громадную пасть, все археологи закричали «ура», а временщик Петров сказал тихо:

— Вот именно, что почти.

6

Пять дней все археологи, временщики и матросы с космических кораблей устанавливали машину времени и атомные батареи для ее питания. Наконец посреди поля выросло высокое, с трехэтажный дом, сооружение.

Сама времененная камера занимала в этом сооружении только самую середину, остальное были контрольные приборы, пульты управления, дублирующие блоки, кибернетический мозг и вспомогательные устройства.

Все работы на раскопках остановились. Что за смысл копаться в обломках, если есть возможность посмотреть на эти вещи и на хозяев наяву?

— Ну вот, — сказал утром на шестой день Петров, — монтаж машины закончен. В камере может поместиться только один человек. А так как модель машины опытная и неизвестно еще, чем все кончится, в прошлое пойду я сам.

— Ничего подобного! — сказал Ричард, размахивая длинными худыми руками. — Мы же с вами спорим уже четыре дня, и я вас убедил, что идти надо мне.

— Почему? — спросила Алиса.

Она была вся перемазана в графите и покрыта пылью. Она не успевала умываться и причесываться — так она была занята. Ведь надо было и техникам помочь, и на раскопках побывать, и слетать на разведку с добродушным Рррр, который ни в чем Алисе отказать не мог — ведь она спасла его от смерти.

— Да потому, Алиска, — сказал Ричард, — что если что-нибудь случится со мной, то мое место может занять любой из ста сотрудников Института времени, а если что-нибудь случится с академиком Петровым, его не заменит никто в Галактике. Так что я рассуждаю разумно. Да и вообще, что может случиться с нашей машиной?

— Тем более, — сказал Петров, — должна же быть какая-то дисциплина. Я н-несу ответственность и за машину и за тебя, Ричард.

— Я бы сам поехал в прошлое, — сказал Громозека, — но я никак не умешусь в машине времени.

— Все понятно, — сказала Алиса. — Полечу я.

Все засмеялись, и никто не стал ее слушать всерьез. Алиса очень обиделась, чуть не разревелась, и тогда, пока Петров с Ричардом убеждали друг друга, кому ехать первым, Громозека осторожно оттащил Алису щупальцем в сторону и прошептал:

— Слушай, девочка, я же тебя пригласил сюда не совсем бескорыстно. Я думаю, что тебе еще придется съездить в прошлое. Не сейчас, а позже. И тогда на твою долю выпадет самая сложная работа. Какая — говорить еще рано. Но клянусь тебе всеми чудовищами космоса, что в решающий момент командовать парадом будем мы с тобой.

— Как бы не так, — сказала Алиса. — Мы здесь уже шесть дней, а послезавтра уходит грузовая ракета на Землю, и для меня в ней выделено место.

— Ты мне не веришь? — удивился Громозека и пустил желтый дым из ноздрей. — Ты ставишь под сомнение честное слово самого Громозека? Тогда, значит, я глубоко ошибался. Ты недостойна той чести, которую я для тебя подготовил.

— Достойна, достойна, — ответила быстро Алиса. — Я буду молчать.

Они вернулись к временщикам.

— Значит, т-так, — сказал Петров, глядя в упор на Ричарда, как будто гипнотизируя его. — Завтра утром я лечу в прошлое. Для начала мы заглянем в тот момент, когда эпидемия уже бушевала на Колеиде. Полет будет коротким. Не больше чем полчаса. Я никуда не буду отходить от машины и вернусь ка-ак только что-нибудь разузнаю. Если все кончится благополучно, следующий полет в прошлое будет длиннее. Ясно?

— Но, Михаил Петрович... — начал было Ричард.

— Все. Займись лучше проверкой системы безопасности, если не хочешь, чтобы твой начальник застрял посреди путешествия.

— Главное, — сказал Рррр, который слышал весь спор, — привезите оттуда свежую газету. Или даже несколько свежих газет.

— Обязательно, — сказал Петров. — Что еще?

— А еще нам придется зайти в мою лабораторию, — сказал доктор, похожий на садовую лейку, — и пройти гипнотический курс обучения местному языку. Это займет часа два. И вам может пригодиться.

7

На следующее утро Алиса проснулась от жужжания, словно огромная пчела летала над самой палаткой. Было холодно, ветер колыхал полог, и Громозека ворочался на подстилке, подрагивая щупальцами во сне, словно щенок лапами.

— Алиса, — послышался тихий голос из-под полога. Нижний край его отогнулся, и в отверстии сверкнул сиреневый глаз Рррр. — Хочешь посмотреть, как испытывают машину времени?

— Ну конечно! — прошептала в ответ Алиса. — Я сейчас. Только оденусь.

— И потеплее, — сказал вдруг Громозека, не открывая глаз. Слух у него был исключительный. Даже во сне.

— Ты его разбудила? — спросил Рррр.

— Нет; он спит. Просто он никогда не перестает обо мне заботиться. Он слово дал моему отцу.

Алиса выбралась из палатки. На земле пятнами лежал голубой иней. Палатки были еще застегнуты, лишь над крайней, в которой была кухня, поднимался дымок. Лагерь спал.

Солнце только-только выбралось из-за похожих на частую гребенку с выломанными зубьями гор, тени были длинные, и раскопанный археологами городок казался сиреневым, как глаз Рррр.

Алиса подбежала к машинному зданию, из которого доносилось низкое жужжание.

— Я думаю, — трещал без умолку Рррр, который бежал сзади, как котенок, — что временщики решили запустить машину без свидетелей. Чтобы было как можно меньше шума. Они очень осторожные и, я сказал бы, странные и скромные люди. Но я счел своим долгом разбудить тебя, Алиса, потому что ты мой друг, а без друга я не имею морального права наблюдать, как самый первый человек отправится на сто лет назад и узнает, что же случилось с этой несчастной планетой... Осторожнее!.. Если они нас увидят, они могут нас вообще выгнать...

Но было поздно. Петров, одетый в длинный халат, в высокой шляпе, как носили на Коленде парикмахеры, выглянул из двери машинного здания и увидел Алису и Рррр.

— А я думал, что мы никого не разбудили, — сказал он весело. — Ну, уж если вы такие догадливые, заберайтесь сюда — на улице холода страшный. Громозека спит?

— Спит, — сказала Алиса.

— Ну и хорошо. А то он устроил бы мне торжественные проводы, с музыкой и речами. А мы всего-навсего начинаем опыт. Идите сюда.

Во внутреннем помещении у открытой дверцы в кабину времени стоял Ричард и нажимал по очереди все кнопки, а затем смотрел, что говорят по этому поводу приборы на пульте управления.

— Все готово? — спросил Петров.

— Да. Можете идти. И все-таки я в последний раз прошу вас...

— И не п-проси, — ответил Петров и надвинул на лоб капюшон. — Вряд ли я сойду за настоящего парикмахера, но я не собираюсь отходить далеко от машины.

Ричард выпрямился, увидев Алису и маленького археолога.

— Доброе утро, — сказал он. — Вы уже встали?

Он был так занят проверкой машины, что даже не очень удивился.

— До свидания, д-друзья, — сказал Петров. — К завтраку вернусь. То-то Громозека удивится!

Петров вошел в кабину, задвинул за собой прозрачную дверь.

Ричард отошел к пульту управления. Он ничего не трогал на нем — только следил за показаниями приборов. Все кнопки находились в кабине. Их нажимал Петров.

Жужжание вдруг усилилось и тут же затихло. Петров исчез из кабины. На месте его образовался сгусток тумана. Потом и он пропал.

— Вот и все, — сказал Ричард. — Кажется, нормально.

Алиса увидела, что Ричард скрестил пальцы, и удивилась, что ученые-временщики могут быть такими же суеверными, как простые школьники перед экзаменами.

— Когда он вернется? — спросила Алиса. Она была горда тем, что первой увидела, как временщик уходит в прошлое. Даже Громозека проспал этот момент.

— Через час, — ответил Ричард.

В центральной рубке временной станции стояла тишина. Алиса достала из кармана комбинезона расческу, причесалась сама и предложила причесаться Ричарду. Он явно забыл это сделать утром.

— Скажите, — спросил Ричард, — а ведь там, в прошлом, нет второй временной камеры? Ведь академик Петров без камеры туда попал?

— Правильно, — согласился Ричард и даже немного удивился тому, какие наивные вопросы ему приходится выслушивать. — Когда мы работаем из Института времени, то мы на другом, приемном конце тоже устанавливаем такую же камеру. Тогда путешествие туда и обратно просто и надежно. А вот в опытных образцах и в этой переносной камере приходится обходиться только одной установкой. За это изобретение академик Петров и получил Нобелевскую премию.

— Значит, он там сейчас вышел на голое поле? — удивилась Алиса.

Она представила, что Петров стоит на виду у всех, такой беззащитный и одинокий, и ей стало за него страшно.

— Примерно так и есть, — ответил Ричард. — Спасибо за расческу.

— Пожалуйста.

— Но он отмечает точку, в которую прибыл в прошлое, и, когда вернется, станет точно в то же самое место. И запоминающее устройство сразу получит сигнал: путешественник во времени вернулся и готов к перелету. И сработает автоматика. Даже моего участия в этом не потребуется. Я так здесь стою, на всякий случай.

— А если не он придет на это место? Если случайно корова туда зайдет? — спросила Алиса.

— Правильный вопрос, — ответил Ричард. — Если на это место станет другой человек или животное, то сюда придет сигнал: «Объект в поле действия камеры не тот, который ушел в прошлое». И тогда установка просто-напросто не сработает.

— Ну, а если он ранен, если он не сможет выпрямиться, а может только приползти туда? — не сдавалась Алиса.

— Не говори глупостей! — рассердился вдруг Ричард. — Все может случиться. Поэтому я и хотел туда полететь вместо Михаила Петровича. А ты задаешь глупые вопросы.

Алиса замолчала. Вопросы были не такими уж и глупыми. Она подошла поближе к камере и стала рассматривать кнопки управления. Внутрь она заглядывать не стала, потому что в любой момент мог появиться Петров, и тогда бы они столкнулись.

Ричард подошел к ней. Он чувствовал себя неловко, потому что нагрубил девочке, и поэтому стал объяснять:

— Вот видишь зеленую кнопку справа? Когда Петров нажал на нее, дверь в камеру закрылась. Потом он нажал на вторую белую кнопку. Этим он включил временное поле. В то время ты его еще видела. Наконец он нажал на красную кнопку. И очутился в прошлом, в той точке, которую мы вычислили заранее и на которую настроена вся аппаратура.

— Значит, он сам не сможет выбирать, куда ему отправиться?

— Нет. Это сложная работа. Настраивается множество приборов. Мы всю ночь готовили к этому нашу машину.

— И куда он сейчас попал?

— Сейчас Петров находится сто один год назад, в те дни, когда эпидемия уже началась, но люди на Колеиде были еще живы.

Неожиданно жужжание снова усилилось.

— Внимание! — сказал Ричард.

Еще через три секунды в камере появилось облачко тумана и тут же превратилось в Петрова.

Петров ничуть не изменился. Он откинул назад капюшон, отодвинул дверь в камеру и вышел.

— Ну, вот и все, — сказал он, как зубной врач, который только что поставил пломбу. — Мы приехали.

— Ну и что? Что? — заволновался Рррр, подбегая к ногам временщика и глядя на него снизу вверх.

— Еще не знаю, — ответил Петров. — Я очень спешил. Не хотел, чтобы вы волновались. Держите ваши газеты.

Он вытащил из-за пазухи пачку газет и других бумаг и протянул их археологу. Рррр схватил их длинной мохнатой ручкой и раскрыл одну из газет. Газета была больше его размером, и поэтому маленький археолог целиком скрылся за ней.

— Пошли, — сказал Петров. — Ричард, отключиай питание. Надо рассказать обо всем товарищам. Да и завтрак скоро. Наверно, они уже просыпаются.

— Вот Громозека на вас обидится, — сказала Алиса, — что вы его не позвали.

— Не об-бидится, — сказал Петров и скинул длинный халат.

Они пошли к выходу из станции. Впереди шел Ричард, потом Петров, который держал за руку Алису, а последней шла раскрытая газета, за которой скрывался Рррр.

— Вот Громозека... — начала снова Алиса, которая никак не могла справиться с гордостью оттого, что она видела то, что Громозека проспал.

Но окончить фразу она не успела.

У входа на станцию времени на песке сидел Громозека, а рядом стояли все остальные археологи.

— Ну вот, — сказал Ричард, — а мы думали, что вы спите.

— Никто не спал, — сказал обиженно Громозека. Из ноздрей у него густо валил желтый дым, и от него сильно пахло валерьянкой.

— Никто не спал, — сказали остальные археологи.

— Мы не хотели вам мешать. Мы гордые люди. Не пригласили — не надо.

— Извините, — сказал Петров.

— Ничего, — улыбнулся Громозека. — Мы не сильно обидились. Пошли в столовую, и вы все нам расскажете. Думаете, нам легко было здесь ждать на холоду?

— И волноваться, — сказал кто-то.

И все пошли в столовую.

8

— Ну что ж, — сказал Петров, глядя на археологов, — что-то, я вижу, никто не собирается завтракать. Давайте я тогда в двух словах расскажу, что видел в прошлом. А потом примемся за еду.

Археологи одобрительно закивали.

— Вышел я из камеры благополучно, — начал Петров. — Все было рассчитано совершенно правильно. Точка расположена на поляне, рядом с городом, метрах в трехстах от последнего дома. Я отметил место высадки и поспешил к городу. Там было раннее утро, и все еще спали. Вернее, не все, но большинство людей. Я не успел пройти и ста шагов, как увидел, что по дороге, ведущей к городу, спешат несколько машин с синими кругами.

— Это «скорая помощь», — сказал Громозека. — Мы уже знаем.

— Правильно. «Скорая помощь». Я тоже это знал и потому понял, что наш расчет был точным. В городе эпидемия. И я пошел к городу.

— Погодите! — вскричал вдруг Рррр. — А у вас была сделана прививка?

— Конечно, — сказал Петров. — Все прививки от всех известных космических болезней. И, разумеется, от космической чумы.

Громозека, будто вспомнив о чем-то, достал из кармана на круглом животе записную книжечку и нацарал на ней несколько слов.

— Машины остановились у б-больницы, — продолжал Петров.

— Знаем, — сказал археолог, похожий на стрекозу на длинных ножках. — Мы ее откопали.

Петров вздохнул.

— Если кто-нибудь еще будет перебивать академика, — зарычал Громозека, — мы его уведем отсюда и запечатаем в палатке.

— Правильно, — сказали археологи.

— Я увидел, как из «скорой помощи» выносят больных на носилках. Но я не стал задерживаться там, потому что знал, что Ричард меня ждет и будет волноваться. Я прошел к газетному киоску. Киоск был открыт, но никого в нем не было видно. Когда я заглянул внутрь, то увидел, что продавец лежит на полу.

«Вам плохо? — спросил я его.

«Я, по-моему, тоже заболел», — сказал продавец.

«А мне нужны газеты», — сказал я.

«Берите что хотите, — сказал продавец. — Только позовите санитаров, потому что у меня нет сил выбраться отсюда».

Тогда я забрал все газеты, какие смог, и поспешил к госпиталю. Я сказал санитарам, что в газетном киоске лежит больной, но санитары только отмахнулись от меня. Они, видно, устали до смерти. Я заглянул в окно больницы и увидел, что люди лежат там вповалку. Не хватает кроватей.

Тогда я вернулся обратно к киоску и вытащил оттуда продавца. Ведь продавец такой маленький... ну, как Алиса... и нести его было совсем не тяжело. Я положил его у входа в больницу, но входить внутрь не стал, потому что на меня и так уже стали коситься — ведь я вдвое выше ростом любого из них.

Но зато я не переставая фотографировал все, что видел. Поэтому я думаю, что наши специалисты смогут по фотографиям все узнать. Кроме того, я взял из киоска немного разных денег — они ведь все равно не понадобились бы продавцу, а нам, если мы снова отправимся в прошлое, они будут нужны. Вот и все. А теперь давайте завтракать.

— Минуточку, — сказал Громозека. — Прежде чем начнем есть, я прошу всех без исключения археологов и гостей отправиться в медпункт.

— Зачем?

— Все должны сделать прививки от космической чумы. Все без исключения.

Алиса не любила делать прививки, но Громозека заметил, что она торопится в медпункт, и подошел к ней.

— Слушай, дочка, — сказал он громким шепотом, — к тебе у меня особая просьба. Ты сделаешь прививки не только от космической чумы, но и от всех остальных возможных болезней. Врач уже предупрежден.

— Ой, зачем, Громозека! — сказала Алиса. — Я так плохо переношу уколы.

— Помнишь, я говорил тебе, что готовлю специальное задание? Так вот, без уколов разговаривать нам не о чём.

Алисе пришлось пойти в медпункт, сделать уколы, проглотить восемь таблеток и выпить страшно соленые капли от дрожалки Коса, удивительной болезни, которой еще никто не болел, но все врачи считают, что кто-нибудь ею обязательно заболеет.

Алиса мужественно выдержала все испытания, потому что верила Громозеке. Зря он не стал бы ее просить.

После всех уколов и таблеток Алисе стало плохо. Ее охватил озноб, болела голова и ныли зубы. Но доктор, похожий на садовую лейку, сказал, что так и должно быть и завтра недомогание пройдет. Алисе пришлось лежать в палатке и ничего не делать, в то время как остальные археологи допрашивали Петрова и рассматривали фотографии.

9

Обед Алисе принес верный Рррр. Ему трудно было тащить поднос с тарелками, потому что поднос был больше его размером. Он приспособил для обеда тачку.

— Ешь, — сказал он, — а то остынет.

— Не хочется, Рррр, — сказала Алиса. — Я еще не совсем выздоровела.

— Все-таки ты слабенькая, — сказал укоризненно Рррр. — Вот я после укола хожу как ни в чем не бывало.

— Так вам только один укол, а мне много.

— Почему? — удивился маленький археолог. Оказывается, он не знал, что Алиса прошла весь курс уколов, как космический разведчик, отправляющийся на неизвестную планету.

— Наверно, Громозека беспокоится за меня. Он же обещал папе заботиться обо мне.

— Конечно, конечно, — согласился Рррр. — Учи, что мне тебя очень жалко. Я бы с удовольствием сделал эти уколы за тебя.

— Спасибо, — сказала Алиса. — А что нового?

— Нового очень много, — сказал маленький археолог. — И если ты съешь тарелку супа, я тебе кое-что расскажу. А если ты съешь и второе, я тебе расскажу почти все.

— Тогда я съем компот, и вы расскажете мне самое главное, — сказала Алиса.

Но маленький археолог только улыбнулся, подмигнул сиреневым глазом, и Алисе пришлось начать с нуля. А тем временем Рппп рассказал вот что.

Больше всего археологам помогли свежие газеты, которые принес из прошлого академик Петров. Из газет удалось узнать, каким путем зловещий вирус космической чумы проник на планету Колеиду. Оказалось, что за неделю до этого на Колеиду вернулся первый космический корабль, запущенный с планеты. Он должен был совершить несколько оборотов вокруг Колеиды и потом сделать круг возле спутника планеты, маленькой Луны. Полет прошел нормально, и тысячи колеидян, живших на этом полушарии планеты, пришли на космодром встретить своих первых космонавтов. Вечером того же дня космонавты должны были выступать на большом митинге на главной площади столицы Колеиды. Но они не пришли на митинг, потому что заболели загадочной болезнью. В газетах того дня об этом было рассказано очень кратко и туманно. Но еще через день, когда заболели родственники космонавтов и все, кто их встречал на космодроме, стало ясно, что на Колеиду из космоса попала страшная инфекция. А еще через три дня болезнь распространилась по всей планете.

— Как видишь, Громозека был с самого начала прав. Это, без сомнения, космическая чума, — сказал в конце своего рассказа Рппп. — Наши специалисты внимательно рассмотрели фотографии, которые принес Петров, и теперь в этом нет никакого сомнения.

— Как жалко! — сказала Алиса. — И ничем нельзя им помочь?

— Как же можно помочь людям, которые умерли сто лет назад? — удивился маленький археолог. — Ну ладно, ты доедай компот и спи. А я тебя завтра проведаю.

— Спасибо, — сказала Алиса. — А что теперь будут делать временщики?

— Временщики будут готовить свою машину для других полетов. Они настраивают ее на тот день, когда прилетели космонавты. Они хотят окончательно убедиться в том, что именно космическая чума попала на Колеиду. Надо как можно больше узнать о чуме, чтобы она не напала на какую-нибудь другую планету. И завтра Ричард пойдет в прошлое на неделю раньше.

Рррр раскланялся и убежал, мягко стучая по полу палатки своими пушистыми ножками. Он так спешил читать свои газеты и журналы, что забыл тачку.

Не успели его шажки стихнуть, как полог палатки снова откинулся и вошел сам Громозека.

— Кто у тебя был? — спросил он. — Зачем тебе тачка?

— Маленький Рррр, — сказала Алиса.

Громозека принес поднос с обедом.

— А ты откуда достала компот? — спросил Громозека строго.

Алиса допила стакан с компотом и сказала:

— Рррр принес. И суп я тоже уже ела.

— Ай-ай-ай! — расстроился Громозека. — А я вы-просил у повара для тебя самые вкусные куски. Может, ты все-таки пообедаешь еще разок? За здоровье твоего дядюшки Громозеки.

— Нет уж, спасибо.

— Алиса, тебе очень нужны калории, — сказал Громозека.

— Не больше, чем всегда.

— Больше, — сказал Громозека. — Я пришел поговорить с тобой серьезно, как ученый с ученым. Ты как себя чувствуешь?

— Уже лучше.

— Намного лучше или ненамного лучше?

— Намного лучше. Я даже могу встать.

— Не надо вставать.

Громозека рассеянно поставил поднос с обедом на пол, протянул два свободных щупальца к пологу и застегнул его. Затем вылил себе в пасть тарелку супа и сказал:

— Не пропадать же хорошей пище. Я тебе компот оставлю.

— Спасибо.

— Алиса, — начал Громозека торжественно, — ты знаешь, что все считают меня очень наивным и прямодушным существом.

— Не все, — сказала Алиса.

— Ну, плохие люди везде есть. Я и на самом деле наивное и прямодушное существо. Но я умею заглядывать в будущее, а не только в прошлое, как многие наши друзья. Скажи, зачем я тебя позвал в экспедицию?

— Чтобы сделать мне подарок к дню рождения, — ответила Алиса, хотя уже отлично понимала, что не только для этого.

— Правильно, — взревел Громозека. — Но не только для этого. Подарок — это тебе. Подарок — это прилететь на планету. Подарок — это поглядеть на раскопки и познакомиться с моими товарищами. Подарок — это прогулять три дня в школе... То есть последнее это не подарок, а маленькое преступление. Но я не о том. Ты можешь, конечно, сесть послезавтра на грузовую баржу и улететь домой. И мы останемся друзьями. Но я не думаю, что ты так сделаешь. Потому что я знаю твоего отца, я знаю тебя, и я думаю, что ты захочешь мне помочь.

— Конечно, захочу, — сказала Алиса.

— Я летел на Землю и много думал, — сказал Громозека. — Я думал так: вот есть планета Колеида, которая погибла от космической чумы. И вот мы, археологи, через сто лет прилетели сюда и смотрим на черепки, которые от нее остались. Смотрим, и все. Потом отвезем эти черепки в музей и напишем на них: «Погибшая цивилизация».

— И тогда вы решили обратиться в Институт времени.

— Обратиться я раньше решил. Обратиться — это еще ничего не дает. Мы только будем знать, какие черепки и где искать. Вот и все. Что-то надо было делать, а что, я не мог догадаться. А потом я приехал к вам в гости и сидел у вас и разговаривал с вами. А потом я пошел в Институт времени и договорился, что они дадут нам свою машину. А потом я догадался и поэтому купил много цветов и вернулся к вам домой. А о чем я догадался.

— О чём?

— Вспомни, Алиса, тебя не удивило, когда ты в первый раз пришла в город, какого размера там домики, и кровати, и столы?

— Маленького.

— Не только маленького! Твоего размера. А вспомни, что сказал Петров, когда рассказывал нам, как он относил с больницу больного продавца газет.

— Не помню.

— Он сказал, что на него смотрели с подозрением, потому что он вдвое выше любого из жителей города. Какой мы делаем из этого вывод?

Алиса промолчала. Она не знала, какой сделать вывод.

— Первый мой шаг — достать машину времени, — продолжал Громозека. — Второй шаг — выяснить, в самом ли деле они погибли от космической чумы. Третий шаг — уговорить временщиков заглянуть в тот день, когда космическая чума проникла на планету Колеида. А четвертый шаг?

— Ну!

— Ага, ты уже догадываешься! Четвертый шаг — послать туда Алису. Если, конечно, машина в исправности и особой опасности для Алисы нет. А зачем послать туда Алису?

— Чтобы я...

— Правильно: чтобы ты пробралась в то место и в то время, когда космическая чума проникла на планету, и нашла способ эту чуму убить в зародыше. Что тогда получается? Чумы нет, планета жива, и археологам здесь делать нечего. Все кричат «ура», и целый миллиард человек спасен одной маленькой девочкой.

— Ой, как интересно! — воскликнула Алиса.

— Ш-ш-ш-ш! — Громозека закрыл ей рот концом щупальца. — Нас могут услышать раньше времени.

— А почему я? — спросила шепотом Алиса.

— А потому, что ты именно такого роста, как жители этой планеты. Потому, что ни Петрову, ни Ричарду, ни тем более мне не пробраться на космодром к кораблю. А тебя никто не заметит. Ты такая же маленькая, как они сами.

— А почему тайна?

— Нет, я вижу, ты все-таки недостаточно умная. Представь себе, что я говорю твоему родному отцу: «Послушай, профессор, я хочу послать твою дочку в далекое прошлое незнакомой планеты, чтобы она спасла эту планету от ужасной болезни». Что ответит твой отец?

Алиса подумала немножко и сказала:

— Вообще-то мой отец понятливый, но боюсь, что он сказал бы: ни в коем случае.

— Правильно. Ни в коем случае. Потому что ты для него все еще маленькая девочка, несмышленыш, о котором надо заботиться. Потому что у твоего отца есть отцовский инстинкт. Ты знаешь, что это такое?

— Знаю. А у дедушки есть дедушкин инстинкт, а у мамы — мамин. И все эти инстинкты говорят им о том, чтобы я тепло одевалась и не забывала взять плащ, если идет дождь.

— Великолепно! — сказал Громозека. — Мы отлично друг друга понимаем. Я тебе не хотел говорить об этом раньше, потому что еще не был уверен, как работает машина и что найдут временщики в прошлом. Но теперь все оказалось именно так, как я рассказывал.

— И я завтра полечу в прошлое?

— Ни в коем случае! Это слишком опасно. В прошлое полетит Ричард. Он должен найти путь в тот день, когда прилетел космический корабль. Он все разведает. Потом туда же слетает Петров. Учти, они еще ни о чем не знают. И мне придется потратить много часов, чтобы уговорить их на мой план. Они не знают даже, что можно попробовать убить чуму в самом зародыше. Они просто никогда не пытались изменить прошлое. У них даже закон такой есть: прошлое изменять нельзя. Но ведь Колеида далекая планета, и ее прошлое никак не влияет на прошлое и настоящее других планет. Значит, первой трудностью будет уговорить их вмешаться в прошлое Колеиды. А уж потом начнется вторая трудность — это ты.

— Но они могут сказать, что сами пойдут на космодром и сами очистят корабль от космической чумы, — сказала Алиса. — И все тогда погибнет.

— Нет, почему же погибнет? Если они сами это сделают, это будет замечательно: мне не придется за тебя волноваться.

— Ну вот, — обиделась Алиса, — сначала обещал, а теперь говорит, что будет замечательно, если без меня обойдется!

Громозека засмеялся так, что палатка зашаталась.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим. Я рад, что ты не испугалась. Сегодня вечером перед ужином ты отправишься к врачу и пройдешь гипнотический курс обучения языку Колеиды. Он предупрежден. Но пока не наступило время — никому ни слова, даже твоему другу Рппп. И учти: если ты уедешь в прошлое, то тогда с тобой отправится и кто-нибудь из временщиков, который будет за тобой следить и страховывать тебя. Так что не надейся, что ты будешь действовать в полном одиночестве. А сейчас отдохай.

Но когда Громозека вышел из палатки, отдохнуть Алиса уже не могла. Она соскочила с кровати и побежала смотреть, как готовят машину времени к завтрашнему утру.

10

«Хорошо бы, — думала Алиса, подобравшись поближе к машине времени и разглядывая пульт управления, — слетать в прошлое. Даже если мне велят отправиться в прошлое вместе с Ричардом или Петровым, я не откажусь. Они могут взять меня на руки, а когда мы вернемся обратно, снова возьмут на руки, и получится, будто путешествовал всего один человек. Машина это выдержит».

Временщики не обращали на Алису внимания. Им было некогда. Надо было перестроить машину так, чтобы она посыпала человека на неделю дальше, чем прежде. Вернее, на неделю и двадцать часов. Петров объяснил Алисе, что они делают так для того, чтобы успеть на поезд, который идет от раскопанного археологами городка в столицу. Расписание поездов они взяли из газеты, деньги на билет у них были. Оставалось только сесть на поезд и доехать до космодрома в тот момент, когда прилетит космический корабль, и посмотреть на космонавтов вблизи — правда ли это космическая чума.

Алиса обо всем забыла, но тут донесся голос Громозеки:

— А-лиса!

Голос проник сквозь толстые стены станции, и огоньки приборов тревожно замигали.

— Б-беги к нему, — сказал Петров, — а то от его голоса стены рухнут.

Алиса сразу вспомнила, зачем ее разыскивает главный археолог. Пора было к доктору — учить язык.

Доктор, похожий на садовую лейку, долго раскачивал головой на тонкой, прямой и невероятно длинной шее, словно собирался сказать длинную речь. Но сказал только:

— Садитесь, молодой человек, — и показал на кресло, с которого свешивались разноцветные провода.

Алиса послушно уселась. Кресло изменило форму, обхватило Алису со всех сторон, а доктор подошел поближе и быстро принялся прикреплять к вискам Алисы провода, на концах которых были присоски.

— Не бойся, — сказал он, когда Алиса поежилась.
— Я не боюсь, — ответила Алиса. — Просто щекотно.
На самом деле она немного испугалась.
— Закройте это, — сказал доктор.
— Что?

Доктор громко вздохнул и взял со стола словарь.
Минуты три искал нужное слово, а потом сказал:

— Разумеется, глаза.

Из черного ящика, в который уходили провода, послышалось жужжание. Жужжание передалось в голову Алисе, и голова закружилась.

— Терпите, — сказал доктор.

— Я терплю, — сказала Алиса. — И долго терпеть?

Доктор молчал. Алиса приоткрыла один глаз и увидела, что он опять листает словарь.

— Час, — сказал он наконец. — Закройте глаза.

Алиса глаза закрыла, но не удержалась, чтобы не спросить:

— Скажите, а почему вы сами русский язык не выучите таким же путем?

— Я, — удивился доктор. — Мне некогда.

Он подумал немного, отошел в угол лаборатории, загремел там какими-то склянками и добавил тихо:

— Я очень неспособный к языкам. Такой неспособный, что даже гипнопедия мне не... забыл.

— Не поможет?

— Да.

Алисе было очень уютно. В голове тихонько жужжало, захотелось спать, и Алиса подумала, как бы не заснуть, и тут же услышала голос доктора:

— Просыпайтесь. Конец.

Доктор снимал с ее головы присоски и распутывал провода.

— Уже все? Разве целый час прошел?

— Да.

В лабораторию протиснулся Громозека. Он внимательно посмотрел на Алису и спросил:

— Бунто тодо бараката а ва?

Алиса только успела подумать: «Что за чепуха?» — и вдруг поняла, что никакая это не чепуха. Просто Громозека спросил ее по-колеидски, выучила ли она язык. А поняв, Алиса спокойно ответила Громозеке:

— Кра бараката то бунта.

Что означало: «Да, я язык выучила».

Громозека захочтал и велел идти ужинать, а доктор так расстроился, что от ужина отказался.

— Никогда, — сказал он им вслед, — никогда мне не выучить ни одного языка! — И из лейки полились струйками горькие слезы.

За ужином Громозека посадил Алису подальше от себя, чтобы она не задавала ему вопросов. Перед Алисой тут же, как по волшебству, оказалось восемь стаканов с компотом. Вся экспедиция знала уже, что Алиса любит компот, и если бы не строгий Громозека, она могла бы есть компот сколько влезет.

Но в тот вечер Алиса даже не смотрела на компот. Она старалась поймать взгляд Громозеки, услышать, о чем он говорит с Петровым. А когда ужин кончился, она услышала, как Громозека сказал:

— Какой чудесный закат! Вы не возражаете, если мы немножко погуляем и полюбуемся природой?

— П-природой? — удивился Петров. — Никогда не замечал за вами любви к закатам. Кроме того, мне хотелось бы вернуться к машине.

— Ничего, время терпит, — миролюбиво прорычал Громозека и потащил Петрова в сторону.

Алиса поняла что сейчас произойдет самое главное: разговор о завтрашнем путешествии и мечте Громозеки. И тогда она совершила не очень хороший поступок. Она стала подслушивать, о чем разговаривают временщик и археолог. Она подождала, пока они не остановились у большого камня, перебежала тихонько к нему и затаилась.

— Как вы полагаете, — спросил Громозека у Петрова, — можно ли уничтожить эпидемию космической чумы, если захватить ее в самом начале?

— Конечно, можно, — сказал Петров. — Только вопрос этот к нам от- отношения не имеет: ведь Колеида погибла сто лет назад.

— Ага, — сказал Громозека, будто слышал только начало ответа Петрова. — Значит, можно.

И он рассказал Петрову, как хочет изменить всю историю планеты Колеида и вернуть ее к жизни.

Петров сначала даже рассмеялся, но Громозека и щупальцем не повел. Попыхтел желтым дымом и снова сказал, что надо проникнуть к космическому кораблю в тот момент, когда он снизится на космодроме, и уничтожить вирусы.

— Но как?

— Я все предусмотрел, — сказал Громозека. — Перед отлетом с Земли я пошел в медицинский институт и попросил вакцину против чумы. Я сказал им, что археологическая экспедиция работает на планете, где есть опасность заразиться. И тогда они не пожалели сыворотки. Ведь в каждом медицинском центре Земли есть запас вакцины. Если вирус снова попытается напасть на Землю, ему несдобровать.

— Значит, вы с самого начала хотели изменить историю Колеиды?

— Совершенно верно, Петров! — воскликнул Громозека. — С самого начала. Еще до того, как ваш Институт времени согласился послать сюда свою машину.

— И, ни слова об этом на Земле не сказали?

— Ни слова. Вы бы меня и слушать не стали.

Алиса подумала, что Громозека слишком уж скрытный и недоверчивый. Наверно, временщики его все-таки выслушали бы.

— Понятно, что вам или Ричарду, — продолжал Громозека, — будет очень трудно пробраться с вакциной к самому космическому кораблю, поэтому я пригласил с нами Алису. Она одного роста с колеидцами, и она согласна под видом местной жительницы опрыскать корабль вакциной.

— Вы и Алису сюда втравили?

— Ну что за выражения, академик! — обиделся Громозека. — Я никого не втравливал. Алиса опытный человек. Ей уже десять лет, и у нее за плечами несколько космических путешествий. Она отлично справится с этим небольшим заданием.

— Ни в коем случае! — сказал Петров таким тоном, как сказал бы отец. — Еще я или Ричард можем рискнуть, но Алиса — ни за что.

— Но, академик...

— И слушать не желаю! Идея ваша, в общем, смелая и интересная. Хотя совершенно неизвестно, какие она может повлечь за собой последствия. Мы посоветуемся с Ричардом и потом запросим разрешение Земли.

Алисе из ее укрытия видно было, как поник Громозека. Даже голову втянул в плечи так, что над щупальцами поднялся лишь низкий холм.

— Все погибло, — сказал он. — Все погибло. Вы начнете переписываться с Землей, сюда понаедет восемь-

сот экспертов, и они в конце концов скажут, что этого делать нельзя. Что риск велик для всей Галактики.

— Ну вот, — сказал Петров, — вы же сами понимаете.

— Сам-то я понимаю...

— Значит, завтра с утра Ричард уходит в п-прошлое и старается на поезде доехать до столицы. Там он смотрит на прилет космического корабля, возвращается и докладывает нам обстановку. И, повторяю, ничего не предпринимает. Если окажется, что вы правы и космическая чума попала на Колеиду с этим кораблем, мы сообщим об этом на Землю и попросим совета у ученых. Все. Спокойной ночи и, пожалуйста, на меня не обижайтесь.

С этими словами Петров ушел к временной станции, чтобы готовить ее к завтрашней работе.

Громозека так и не поднимался с земли. Он сидел на камнях и был очень похож на большого печального осьминога.

Алисе стало его жалко. Она вышла из-за скалы и подошла к нему поближе.

— Громозека, — сказала она тихо и погладила шершавое щупальце.

— Что? — спросил он, открывая один глаз. — А, это ты, Алиска? Ты слышала?

— Слышала.

— Ну вот, и все мои планы рухнули.

— Не расстраивайся, Громозека. Я все равно за тебя. Неужели мы чего-нибудь не придумаем?

— Обязательно придумаем, — раздался тут тонкий голосок.

Из-за другого камня, словно котенок, выскочил маленький археолог Рппр. Его сиреневый глаз светился в сумерках, как фонарик.

— Я тоже все слышал, — сказал он. — Я не мог пересилить любопытство. Я тоже с вами согласен. Мы не можем ждать, пока сто тысяч экспертов проведут сто тысяч совещаний. Мы, археологи, открываем прошлое. Но до сих пор мы его не изменяли, а теперь возьмем и изменим. И если временщики откажутся, мы их свяжем и сами с Алисой пойдем туда вместо них.

— Ну вот, этого еще не хватало, — печально улыбнулся Громозека. — Тогда нас вообще из археологов выгонят. И за дело.

— Пускай выгонят. Мы останемся жить на этой планете. Нам поставят памятник благодарные колеидцы.

— Знаете что, — сказал Громозека, поднимаясь во весь свой слоновый рост, — перестаньте рассказывать сказки! И в самом деле, идите спать.

Громозека шел впереди, еле переставляя шупальца, так был расстроен. Алиса и Рррр шагали чуть сзади и пытались его успокоить.

Но Громозека был безутешен.

У палатки они остановились, чтобы попрощаться с Рррр.

— Ничего страшного, — сказал Рррр. — Завтра Ричард посмотрит на прилет корабля, и мы напишем письмо на Землю. Ведь они все равно умерли сто лет назад. И даже если ваша идея будет осуществлена через десять лет, ничего особенного не случится.

— Тоже мне, утешил! — сказал Громозека. И вполз в палатку.

Алиса задержалась у входа. У нее появилась мысль.

— Ты в какой палатке? — спросила она Рррр.

— В третьей с краю.

— Тогда не спи, — сказала Алиса. — Мне надо будет с тобой поговорить. Как только все успокоятся.

Громозека шумно, вздыхая и рыча, укладывался спать.

— Послушай, — сказала ему Алиса. — А как же ты собирался делать космонавтам прививки? — спросила она. — Ведь они не согласятся на уколы.

— Глупышка! — ответил сонным голосом Громозека. — Я и не собирался им делать уколы. Мне в медицинском институте дали вот этот баллон. — Громозека показал на небольшой баллончик, похожий на термос, который висел на ремешке над его койкой. Алиса видела его тысячу раз, но никогда не обращала внимания. — Он действует, как огнетушитель, — сказал Громозека. — Стоит нажать кнопку, как из него вырвется струя вакцины. Она, как туман, окутает все вокруг. Если струю направить на открытый люк корабля, она заполнит весь корабль и убьет вирусы. Она войдет с воздухом в легкие космонавтов и вылечит их, если они больны. И через три минуты на Колеиде не останется ни одного вируса космической чумы. Ну, спи, это нам теперь не пригодится. Туши свет, завтра рано вставать.

Алиса послушно потушила свет и прислушалась к дыханию Громозеки. Трудно было догадаться, заснул он или нет. Ведь он так чутко спит. И, кроме того, у Громозеки три сердца, и он дышит очень неровно.

Алиса решила считать до тысячи. Она досчитала до пятисот пятидесяти и поняла, что засыпает. Этого делать было нельзя. Она ущипнула себя за руку, но щипок получился слабый, и тут же ей показалось, что она едет на колеидском поезде, в маленьком вагоне, и колеса стучат ровно и тихо: тук-тук-тук...

«Алиса», — сказал ей тихо кондуктор.

Будно, хотел проверить билет. Но билета у Алисы нет, она забыла дома деньги. Она хотела сказать об этом кондуктору, но рот ее не слушался.

«Алиса... тук-тук-тук...»

Кондуктор взял ее за руку, чтобы вывести из вагона, и Алиса попыталась вырваться.

И тут поняла, что вокруг совсем темно. Что она в палатке, а не в поезде, что она проспала все на свете.

Она вскочила. Кровать скрипнула. Громозека зашевелился во сне и спросил:

— Кому не спится?

Алиса замерла. Рядом она услышала частое дыхание.

— Кто тут? — прошептала она.

Полог палатки был приоткрыт.

— Это я, — ответил Рррр.

Алиса схватила комбинезон и выползла на улицу.

Светила яркая луна, было зябко, и в лагере не горело ни единого фонаря. Рррр казался черным комочком.

— Я тебя ждал — прошептал маленький археолог. — А ты все не идешь. А я привык быть верным своему слову. Сказал, не буду спать, и не сплю.

— Прости, Рррр, — сказала Алиса, — я считала до тысячи, ждала, пока Громозека заснет, вот и заснула нечаянно.

— Почему ты просила меня не спать?

— Ты не догадываешься?

— Догадываюсь, — сказал Рррр. — Только хочу от тебя самой услышать.

— Завтра с утра Ричард уйдет в прошлое. Он только посмотрит на корабль, но ничего делать не будет. Петров

ему не велел. Но ведь машина готова к работе. А что, если мы ее включим и я пойду туда вместо Ричарда? Громозека мне все объяснил.

— А ты можешь включить?

— Я все знаю, как делать.

— Но что ты будешь делать в прошлом?

— Проеду на космодром, встречу корабль и убью вирусы.

— Как?

— У Громозеки все приготовлено. Я знаю.

Маленький археолог задумался.

— Это, пожалуй, наш единственный шанс, — сказал он. — Если этого сейчас не сделать, то никогда уже не сделать. Но ведь это такое нарушение дисциплины!

— Тише, перебудишь всех. Подумай, что значит одно нарушение дисциплины, если идет речь о целой планете? Я обязана рискнуть.

— Ты говоришь как Жанна д'Арк, — сказал маленький Рррр. — Помнишь такую?

— Конечно, помню. Она Францию спасла.

— Правильно. Я тоже читал. Только Жанне было семнадцать лет, а тебе только десять.

— Но Жанна жила, наверно, тысячу лет назад, а я в двадцать первом веке.

— Знаешь что? — сказал черный комочек, лежавший у Алисиных ног. — Ты права. Иногда приходится нарушать дисциплину.

— Отлично! — сказала Алиса. — Утром, когда все проснутся, скажи им правду. Я вернусь, как только все сделаю. И пусть они не ищут меня.

— Они обязательно пойдут за тобой.

— Нет, ты не знаешь, Рррр. Они не могут этого сделать, потому что машина пропускает только одного человека. И запоминает его, чтобы, когда надо, принять его обратно. Если в нее пройдет другой человек, прежде чем вернется первый, первому уже придется навсегда оставаться там, в прошлом. И Петров это знает лучше всех. Им все равно придется меня ждать.

— Это слишком опасно.

— Нет, не слишком.

— Слишком. И поэтому я пойду с тобой.

— Ты — со мной?

— Да.

— Но ты ведь не похож на них, совсем не похож.
Тебя узнают.

— Но я похож на их котят. И ты будешь путешествовать с котенком. И я знаю их язык лучше, чем ты. И я все про них изучил и смогу тебе подсказать, если будет нужно. И вообще послежу за тобой.

— Ой, как не хочется, чтобы за мной следили! — сказала Алиса.

Но на самом деле она была очень рада, что маленький Рррр поедет с ней. Одной все-таки очень страшно путешествовать сто лет назад в неизвестной стране.

— Я тебя возьму на руки и буду держать, как котенка.

— Лучше положи в сумку, — сказал Рррр.

— Ладно, я возьму сумку. Все равно надо баллон с вакциной взять. Без него нам делать нечего.

— Тогда собирайся, а я побегу к себе.

— Зачем?

— Я возьму деньги, у меня в лаборатории есть их деньги. Нам же придется билет покупать. Потом я себе сделаю хвост и разденусь. Не бывает же котят в комбинезонах. Хоть мне и не хочется ходить по чужой планете голым, но что делать?

— Ничего, ты не очень голый, — сказала Алиса. — Ты же весь шерстяной и пушистый.

— Спасибо, — пискнул Рррр. — У нас с тобой разные взгляды на одинаковые вещи.

И он зашуршал по пыли, побежал к своей палатке.

Алиса натянула комбинезон, потом прокралась в палатку и достала с гвоздя баллончик с вакциной. Громозека спал. Он громко дышал, и щупальца его свисали с широкой кровати на пол.

Потом Алиса разыскала свою сумку, положила туда свитер и баллон. Потом подумала немного и решила, что в комбинезоне ей ехать в прошлое не стоит. Она отыскала в чемоданчике свое платье, которое еще не надевала, и переоделась. Громозека все еще спал.

Но когда она уже собралась уходить и оглянулась, ей показалось, что один из глаз Громозеки открыт.

— Ты не спишь? — прошептала она.

— Сплю, — прошептал в ответ Громозека. — Свитер не забыла?

— Нет, — удивилась Алиса.

Она постояла еще с секунду, но Громозека крепко спал. Может, ей показалось, что она только что с ним разговаривала?

Она выбралась наружу.

— Все в порядке? — раздался шепот.

Алиса наклонилась и при свете луны увидела у своих ног пушистого котенка с коротким хвостом.

— Ты из чего хвост сделал? — шепотом спросила она археолога.

— У моего соседа по палатке есть шуба на меху. Он всегда надо мной посмеивался, что его шуба сделана из моих братьев, — такая у него неудачная шутка. А вот видишь, пригодилась. Тебе нравится?

— Ты самый настоящий котенок, — сказала Алиса. — Только жалко, что глаз у тебя один.

— С этим уж ничего не поделаешь, — вздохнул Рррр. — Придется мне пореже высовываться из сумки. Громозека спит?

— Спит, — сказала Алиса. — Очень странно спит. Он мне во сне сказал — свитер с собой взять.

— Угу, — сказал Рррр. Как будто не поверил, что Громозека спал.

И они направились к темному зданию машинной станции.

12

Алиса нажала сначала зеленую кнопку. Дверь в кабинку закрылась. Она поудобнее повесила сумку через плечо и прижала маленького археолога к груди. Рррр зажмурился.

— Не беспокойся, — сказала ему Алиса. — Все будет в порядке.

Она нажала белую кнопку.

И потом красную.

И тут же ее окутал туман, голова закружилась, лаборатория исчезла, и стало совершенно непонятно, летит она или стоит, — ни стен, ни потолка, ни пола, только какое-то непонятное движение, которое кружит и несет вперед.

И тут же толчок, снова туман вокруг.

Туман рассеялся.

Уже наступило утро. Алиса стояла на том же месте, где только что была станция, но только никакой станции, никакого палаточного городка и в помине не было.

Вокруг был зеленый луг, дальше начинался лесок, за которым виднелись крыши. Крыши были именно там, где археологи раскопали городок. И все это было совершенно удивительно, потому что только что этот самый город был пустынным, без крыш и стекол в окнах. И не было деревьев, и не было травы. А небо было таким же. И холм таким же.

— Ты меня чуть не раздавила, — послышался слабый голос, и Алиса вздрогнула от неожиданности. И тут же сообразила, что крепко прижимает к груди маленького археолога.

— Мне дышать нечем, — проворчал Рррр. — Отпусти меня пока на волю. Тяжело будет меня все время в сумке таскать.

Алиса разжала руки — совсем забыла, что археолог не котенок. Археолог упал на землю и застонал.

— Ой, извини! — сказала Алиса. — Я совсем растерялась.

Рррр потер ушибленную ногу и ответил сердито:

— Теряться нам некогда. Идем в город. Поезд без нас уйдет. Тогда получится, что мы сюда зря прилетели.

— А вдруг машина ошиблась? Вдруг корабль не сегодня прилетает?

— Машины не ошибаются, — сказал археолог и побежал по траве к городу.

Алиса шла сзади. Она сорвала ромашку и понюхала ее. Ромашка ничем не пахла. Над Алисой закружилась пчела.

— Уйди, — сказала ей Алиса и тут подумала, что если ей ничего не удастся сделать, то через неделю здесь не будет ни одной живой души — ни пчел, ни людей, ни даже деревьев.

Археолог первым выбежал на узенькую тропинку.

— Не задерживайся, — снова проворчал он и взмахнул хвостом.

— Знаешь что? — сказала ему Алиса. — Ты лучше хвостом поменьше махай — это у тебя не очень естественно получается.

— Он крепко пришит, — сказал Рррр, но хвостом махать перестал.

Они подошли к деревьям. Деревья тянулись ровной полосой, будто были специально посажены.

— Погоди здесь, — сказал тихо археолог. — Я загляну, нет ли кого впереди.

Алиса остановилась и от нечего делать стала рвать ромашки, чтобы сплести венок. У Алисы слабость плести венки из ромашек или других цветов, например кашек. Но кашки на Колеиде не растут.

— Ай! — услышала Алиса тонкий крик. Потом рычание. Она бросила ромашки и побежала к деревьям. Что-то стряслось с археологом.

Она успела вовремя. Археолог несся к ней со всех ног, а за ним, сжимая в зубах пушистый хвост Рррр, бежала большая собака.

— Назад! Сейчас же назад! — крикнула Алиса собаке. Собака оскалилась, но остановилась.

Алиса подхватила археолога на руки, и тот прошептал:

— Спасибо!

— Отдай хвост, — сказала Алиса собаке, которая стояла неподалеку и не выпускала из пасти пушистого хвоста. — Это чужой хвост. Не твой. Отдай сейчас же.

Алиса сделала шаг к собаке, но собака отступила, будто хотела с ней поиграть. Собака была большая, лохматая, белая, с рыжими пятнами. Из-за кустов вышел маленький человек, чуть выше Алисы ростом.

— Что тут такое? — спросил он, и Алиса поняла вопрос, потому что со вчерашнего дня знала местный язык.

— Ваша собака на моего котенка напала, — ответила Алиса по-колеидски.

— Ах ты, баловница! — сказал человек.

Он был одет в серые штаны и серую рубашку, а в руке держал длинный кнут. Наверно, он был пастух.

— И пускай он хвост отдаст. Он хвост у котенка оторвал, — сказала Алиса.

— На что твоему котенку хвост? — удивился пастух. — Ведь он не прирастет.

— Пускай отдаст, — повторила Алиса.

— Резра, брось, — сказал пастух.

Собака бросила хвост на землю, и Алиса, не выпуская археолога из рук, подняла хвост.

— Спасибо, — сказала она. — А поезд скоро уходит?

— Какой поезд? — спросил пастух.

— В столицу.

— Через час, — ответил пастух. — А ты кто такая будешь? Почему тебя не знаю? Я всех в нашем городе знаю.

— А я на экскурсию приезжала, — сказала Алиса. — И домой возвращаюсь. Я в столице живу.

— И говор у тебя странный, — сказал пастух. — Вроде бы все слова понятные, а говоришь не по-нашему.

— Я далеко живу, — сказала Алиса.

Пастух с сомнением покачал головой.

— И одета не по-нашему, — сказал он.

Археолог вздрогнул и прижался сильнее к Алисе.

— Как — не по-вашему?

— На вид ты будто ребенок, а ростом чуть ли не с меня.

— Это только так кажется, — сказала Алиса. — Мне уже шестнадцать лет.

— Ну и ну! — сказал пастух.

Потом обернулся к Резре, подозвал собаку и, все еще покачивая головой, пошел к кустам. Но вдруг, когда Алиса уже решила, что опасность миновала, он остановился и спросил:

— А как же котенок твой? Если хвост оторвали, кровь должна идти.

— Ничего, не беспокойтесь, — сказала Алиса.

— Покажи мне его.

— До свиданья, — сказала Алиса. — Я на поезд боюсь опоздать.

И она поспешила по тропинке к городу и не оборачивалась, хотя пастух ее окликнул еще раз или два. Она бы бежала, но боялась, что тогда собака погонится за ней.

— Ну, как он? — шепнул археолог.

— Не знаю. Я назад не смотрю.

Тропинка расширилась, влилась в пыльную дорогу; впереди показался сарай или склад, и Алиса пошла, прижимаясь к стене поближе, чтобы скрыться с глаз пастуха. Ей все казалось, что он сейчас побежит вслед.

За сараем Алиса остановилась, отышалась.

— Версию мы продумали плохо, — сказал строго археолог. — Оказывается, произношение у нас хромает. И про экскурсию неправдоподобно. Ну почему человеку идти с экскурсии одной, ранним утром? Запомни: ты приезжала к бабушке и едешь обратно... Кстати, совсем забыл: молодые девушки носят здесь волосы совсем не так. Они их начесывают на лоб.

- У меня же короткие волосы.
- Все равно, начеши их на лоб.
- Тогда мне придется тебя на землю поставить.
- Ни в коем случае! Тут же хищные собаки!
- Никаких собак нет. Хочешь, я тебя в сумку посажу?
- В сумку? Отлично. Только возьми мой ножик и прорежь в сумке дырочку. А то как я смотреть буду?

Алиса пересадила археолога в сумку, где уже лежал баллон с вакциной, сунула туда же оторванный хвост. Прорезала ножиком дырку, чтобы археолог мог смотреть, что творится вокруг.

— Жалко, что у тебя ниток нет, — сказал Рппп. — Как же я хвост пришью?

— А еще говорил, что крепко держится.

— Тебя никогда собаки за хвост не хватали, — возразил археолог, — вот ты и смеешься.

— Я не смеюсь. Посмотри в сумке, там, может быть, есть иголка и нитка, в боковом кармашке. Мне бабушка обычно туда кладет всякие ненужные вещи.

Алиса застегнула сумку на «молнию». Потом все-таки начесала волосы на лоб и пошла к станции.

К счастью, город еще спал. Закрыты были окна, опущены шторы, и ни один человек не знал о том, что через неделю по улицам, таким же пустым, как сейчас, будут ездить только машины «скорой помощи».

— Мне вас жалко, — сказала Алиса домам, в которых спали люди. — Но вы можете на меня положиться.

— Может, нас уже хватились, — заворочался в сумке археолог, голос его доносился глухо, словно издалека.

— Молчи, — сказала Алиса, — а то кто-нибудь услышит и умрет от удивления: сумка разговаривает.

Газетный киоск был уже открыт. И продавец в нем был знакомый. Его фотографию показывал Петров — ведь он его отнес в больницу. То есть отнесет, если Алиса ему не поможет.

Алиса достала из кармана мелочь.

— У вас есть сегодняшние газеты? — спросила она.

Продавец был пожилой человечек в четырехугольных роговых очках.

— Одну минутку, госпожа, — сказал он. — Если вы подождете, то их принесут.

— А долго ждать?

— Недолго. Слышите, поезд шумит? Это пришел утренний из столицы. Он привез почту.

— А потом он обратно в столицу поедет?

— Да, минут через двадцать.

— Тогда дайте мне вчерашнюю газету, — сказала Алиса.

Продавец протянул ей газету и дал сдачу.

— Вы приезжая? — спросил он у нее.

— Я иностранная туристка, — сказала Алиса.

— Ага, — сказал продавец. — Я сразу догадался, что вы не здешняя.

Когда Алиса отошла от киоска и пошла через небольшую площадь, мимо памятника неизвестному человеку на коне, который будет стоять здесь и через сто один год, она сказала археологу:

— Надо бы мне заранее сшить платье, как здесь носят.

— Ну кто мог догадаться? — спросил археолог.

— Конечно, Громозека.

За площадью был небольшой сквер. По обе стороны дорожки тянулись клумбы с цветами. Цветы раскрывались навстречу солнечным лучам. Перед вокзалом остановился автобус, из него вышли маленькие люди в рабочей одежде и вошли внутрь. Над невысоким зданием вокзала поднимался столб дыма, и пыхтел паровоз.

— Ты газеты посмотрела? — спросил Рррр.

— Я на ходу не могу.

— Тогда дай мне.

Алиса свернула газету трубочкой и просунула в сумку. Тут же газета вылезла обратно.

— Неужели ты не понимаешь, — прошипел археолог, — что я не могу читать в сумке? Здесь темно и тесно.

— Тогда не просил бы.

— Найди скамейку, — сказал археолог, — сядь и прочти.

— Сначала я куплю билет на поезд, — сказала Алиса, — а то мы опоздаем, и тогда сможем читать сколько влезет. А у тебя почему настроение испортилось?

— Меня укачивает, — ответил Рррр. — Тебя никогда не носили в сумке?

— Нет.

— Меня тоже. Кстати, у тебя очень неровная походка, какая-то прыгающая.

— Вот не знала!

Препинаясь с археологом, Алиса вошла в вокзальную дверь и увидела билетные кассы. Она знала, где их искать, потому что археологи в будущем восстановили почти весь вокзал. Правда, оказалось, что не все они восстановили правильно, но сейчас это не играло роли.

— Один детский, — сказала Алиса, протягивая деньги в окошечко кассы.

Круглое красное лицо кассирши высунулось из окошка. Она оглядела Алису с ног до головы и сказала:

— Такая взрослая девушка, а хочешь сэкономить на билете. Доплатите сейчас же восемь монет за полный билет.

— Но я же всегда езжу по детскому...

Тут Алиса осеклась, потому что археолог подпрыгнул в сумке.

— Ах да, конечно, — сказала она и полезла в карман за деньгами. Денег оставалось совсем немного. Всего десять монет. — А когда отходит поезд? — спросила Алиса.

Но кассирша ничего не ответила и захлопнула окончко.

— Кассирши здесь невежливые, — сказала Алиса. — У нас таких нет.

Она вышла на платформу и остановилась за железным столбом. Она не хотела разгуливать на виду.

Поезд стоял у платформы, паровоз разводил пары, и немногочисленные пассажиры занимали места. Некоторые были еще совсем сонные, только проснулись.

Алиса выбрала вагон, в котором никого не было, и быстро пошла к нему. У вагона стоял кондуктор в высокой оранжевой шляпе.

— Ваш билет?

Алиса протянула ему билет.

— Вы читать не умеете? — спросил он. — Написано же — третий класс. А это вагон первого класса.

— А какая разница? — спросила Алиса.

Кондуктор оглядел ее с головы до пяток и сказал:

— В цене.

И когда Алиса поспешила, чтобы он ее больше не разглядывал, к следующему вагону, победнее, раскрашенному и полному народа, она услышала, как кондуктор сказал кому-то:

— Погляди, что за чудо! Иностранка, что ли?

И тогда Алиса решила выдавать себя за иностранку. Она остановилась около вагона, но к двери не подошла, а наклонилась к сумке и спросила археолога шепотом:

— А что, если я буду выдавать себя за иностранку?

— Тогда выдавай себя за северную иностранку и ни в коем случае не за южную.

— Почему?

— А потому, что с северными у них союз, а с южными вот-вот война начнется.

— Не начнется, — уверенно сказала Алиса. — Не успеют.

— А с твоей помощью, может, и успеют.

— Ты с кем разговариваешь, госпожа? — услышала Алиса строгий голос.

Она выпрямилась. Рядом с ней стоял толстый человечек в желтом мундире, с большим золотым гербом на шляпе. Она решила, что это полицейский, и первым ее движением было убежать отсюда. Убежать куда глаза глядят.

— Стой, — сказал человечек в желтом и схватил ее за рукав. — Ты откуда приехала и с кем разговариваешь, спрашиваю?

— Я с севера, — сказала Алиса. — Я иностранка. Иностранка с севера.

— Что-то не похоже, — сказал человечек.

Но тут паровоз загудел. Алиса вырвалась и вскочила на ступеньку вагона.

Человечек в желтом мундире раздумывал, что ему делать, а тем временем Алиса протянула билет кондуктору и протиснулась в набитый вагон. Ей удалось отыскать купе, в котором дремали три человека в бедной одежде и помятых шляпах. Четвертое место было свободным.

— Кто это был? — спросила Алиса, переводя дух и склоняясь к самой сумке.

— Это был носильщик, — раздался шепот в ответ.

Поезд дернулся и, постукивая на рельсах, двинулся к столице.

— Он не мог меня арестовать?

— Не знаю, — сказал археолог. — А тебя никто не слышит?

— Нет, они спят.

— Тогда почитай наконец газету. И поставь сумку на пол. Так меньше качает.

Алиса развернула газету.

Газета была вчерашняя. И во всю первую страницу тянулась красная надпись:

«Завтра Колеида встречает героев космоса».

— Все в порядке, — прошептала Алиса. — Мы успеваем. Бременщики не ошиблись.

13

К счастью, соседи через две станции сошли, и Алиса осталась в купе одна. Она вытащила археолога из сумки, и они вместе прочли все сообщения в газете, где говорилось о полете космонавтов и о том, как их будут встречать. Они даже смогли примерно рассчитать, как им пробираться через столицу. Правда, столицу археологи еще не раскопали, но в библиотеке Рррр нашел план города и перерисовал его. Плохо было с деньгами. Денег оставалось только-только на трамвай или автобус. Даже перекусить было не на что.

— Ну что же, — печально улыбнулся археолог и подмигнул Алисе единственным глазом, — придется, как в сказке, продать меня, своего единственного друга.

— Никто тебя не купит без хвоста, — сказала Алиса.

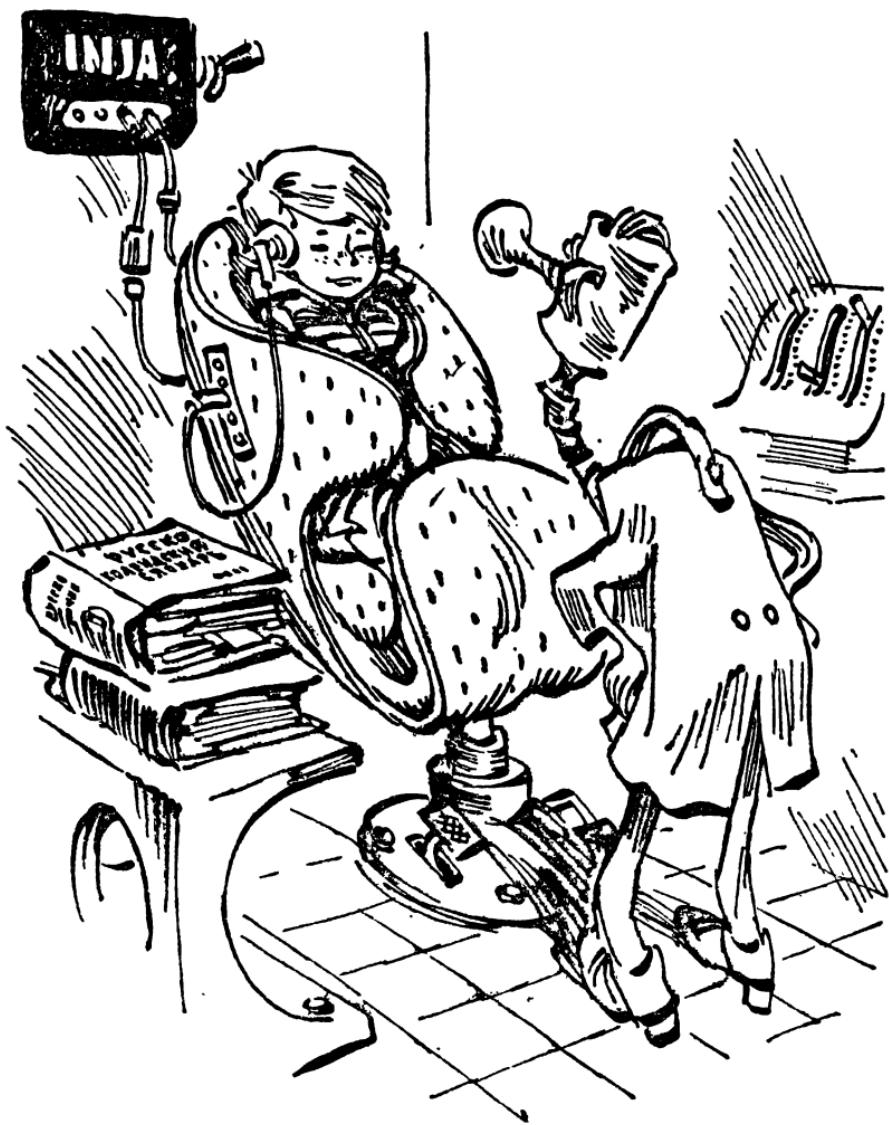
— Не беспокойся, — сказал археолог. — Я нашел иголку и нитки. Только ты так раскачивала сумку, что я боялся уколоть себе пальцы. А теперь я пришью тебе хвост. Ехать еще часа полтора.

Алиса смотрела в окно. За окном была обыкновенная страна, правда, сильно отсталая по сравнению с Землей, но ведь Земля тоже когда-то была отсталая: на ней не было монорельсов, воздушных скоростных пузырей, антигравитаторов, летающих домов и всяких других обычновенных вещей.

Археолог мурлыкал что-то себе под нос и пришивал хвост. Алиса могла бы ему помочь — она лучше умела обращаться с ниткой, чем Рррр, — но не стала предлагать свои услуги, так как каждый сам пришивает себе хвост, не так ли?

Алиса принялась разглядывать портреты космонавтов в газете. Один из космонавтов ей понравился больше всех. Он был молодой, темноглазый и улыбался так широко, будто вообще не улыбаться не мог. «Инженер Толо», — прочла она его имя. И запомнила.

Дверь в купе хлопнула, и вошла старушка. Старушка была маленькая, с круглым румяным лициком, в длинном синем платье. Алиса увидела, как глаза старушки стали вдруг широкими и испуганными. Старушка смотрела вниз, на скамейку.

— Ах! — воскликнула старушка.

Алиса проследила за ее взглядом и увидела, что застигнутый врасплох археолог, придерживая одной рукой хвост и в другой все еще сжимая иголку, пытается забраться в сумку. Алиса быстро раскрыла сумку пошире, чтобы он забрался туда, и снова поглядела на старушку.

Старушка отступала в коридор, и рот ее уже открылся, словно она вот-вот закричит.

— Не волнуйтесь, бабушка, — сказала Алиса. — Не волнуйтесь. Это он так играет.

— Ой! — сказала бабушка. Она как будто немножко успокоилась, услышав Алисин голос. — А мне-то показалось...

— Что?

— И не говори, дочка, — сказала старушка. — Мне почудилось, что твой котенок себе хвост пришивает. Глаза подвели.

Бабушка быстро забыла о своем испуге, уселась у окошка, развязала мешочек и достала оттуда два помидора. Один взяла себе, другой протянула Алисе.

— Ты куда, дочка? — спросила она.

— Я в столицу.

— Ясное дело — в столицу, — согласилась бабушка. — А что там делать будешь?

— Я еду космонавтов встречать...

— А-а, — сказала бабушка и вдруг задумалась. — Скажи, милая, — спросила она вдруг, — а у твоего котенка два глаза или один?

— Два, — сказала Алиса спокойно, — только он один глаз все время жмурит.

— Ну ладно. — Бабушка еще раз взглянула с опаской на сумку. — А я тоже на космодром еду.

— Встречать космонавтов?

— Да нет, не всех встречать. Сын мой возвращается. Инженер он.

Старушка достала из сумочки большую фотографию того космонавта, который понравился Алисе.

— Вот, смотри.

— А я его знаю, — сказала Алиса. — Его зовут Толо.

— Кто его не знает, — с гордостью сказала старушка.

— А почему вы в простом поезде едете? — спросила Алиса.

— А что?

— Так вы же мать космонавта. У нас родителей космонавтов всегда вместе с ними чествуют.

— Да куда уж мне, — улыбнулась старушка. — Я как жила в деревне, так и осталась. А мой Толо тоже скромный. Никогда не догадаешься, что космонавт. Вот ты читала, наверно, в газете, как у них авария произошла, как метеорит им стенку прошиб? Так это мой Толо наружу вылез и дырку заделал.

Сумка толкнула Алису в бок. Но она и без этого уже догадалась: вот как космическая чума проникла на корабль. Значит, Толо уже болен.

— Ничего, — сказала она вслух. — Мы его вылечим.

— Кого вылечим — спросила бабушка.

— Да я так, случайно, — спохватилась Алиса.

— Мой Толо здоровый. Он никогда еще ничем не болел. Даже зубы никогда не болели. Вот какой у меня сын.

Бабушка погладила фотографию и спрятала ее в сумочку.

Алиса снова ощутила толчок. Археолог, видно, был зволнован. Чего же он хочет?

— Просись с ней, — раздался вдруг шепот.

— Что? — спросила бабушка. — Ты что-нибудь сказала?

— Да, — ответила Алиса. — Это я про себя. Я сказала, что счастливая вы.

— Конечно, счастливая. Такого сына вырастила! Даже зубы никогда не болели.

— Я про другое, — сказала Алиса. — Ведь вас к самому кораблю пустят.

— Конечно, пустят. Должна же я своего сына обнять.

— А мне придется далеко-далеко стоять. Может, даже и вообще в городе остаться. А мне так ваш Толо нравится! Честное слово, больше всех других космонавтов.

— Правду говоришь, девушка? — спросила старушка серьезно.

— Честное слово.

— Тогда я добroе дело сделать.

Бабушка задумалась, а Алиса посильнее прижала сумку к скамье. Археолог так волновался и беспокоился, что сумка дрожала, как будто в ней не один котенок, а целый выводок.

— Беспокойный он у тебя, — сказала бабушка. — Ты его выпусти.

— Нельзя, — сказала Алиса. — Убежит.

— Слушай меня, доченька, — сказала старушка. — Сегодня у меня великий, можно сказать, день. Сын мой возвращается героем. И я хочу сделать доброе дело. И думаю, Толо меня за это не осудит. Пойдешь ты со мной. Пойдешь к самому кораблю и скажешь, что ты моя дочка, а Толо — твой брат. Поняла?

— Ой, спасибо! Ой, какое громадное спасибо! — воскликнула Алиса. — Вы и не представляете, какое вы замечательное дело сделали. И не только для меня, но и для себя и для всех!

— Всякое доброе дело не только для одного человека — оно всех касается.

Разумеется, бабушка не поняла, что имела в виду Алиса, а Алисе так хотелось ей рассказать все, что она прикусила себе язык почти до крови, а Ррр словно угадал, о чем она думает, и просунул сквозь дырочку в сумке кончик ножа и уколол Алису.

Алиса от неожиданности подпрыгнула.

— Радуешься? — спросила бабушка. Она и сама была рада, видя, что рядом сидит счастливый человек.

— Радуюсь, — сказала Алиса и ушипнула сумку.

Поезд начал тормозить. За окном потянулись высокие новые дома.

14

Бывает же так — уж если повезет, то везет как следует. Бабушка не только пообещала Алису провести на космодроме под видом своей дочки, но даже накормила ее обедом в кафе возле вокзала, показала ей город, потому что Алиса призналась, что она приезжая. А потом на такси привезла на космодром.

Уже задолго до космодрома машина замедлила ход и еле-еле выбиралась из пробок, чтобы снова через сто метров затормозить. Казалось, вся столица спешит на космодром. Шутка ли — возвращается первый космический корабль. Улицы были украшены флагами и портретами космонавтов, и каждый раз, когда бабушка видела портрет своего сына, она дергала Алису за рукав и громко говорила:

— Ну, кто там?

— Наш Толо, — отвечала Алиса.

— Правильно, наш с тобой мальчик.

И бабушка уже сама начала понемножку верить, что Алиса ее дочь. Наконец, когда впереди показались здания космодрома, машина окончательно застряла в потоке автобусов, машин, велосипедов и всяких других видов транспорта. Шофер, повернувшись к своим пассажирам, сказал с грустью:

— Советую вам дальше идти пешком. А то до вечера простоим. Мертвое дело.

Тогда бабушка с Алисой рас прощались с шофером, заплатили ему и пошли дальше пешком. Шофер догнал их через двадцать шагов.

— Я машину бросил, — сказал он. — Ну что с ней сегодня случится? Кому она сегодня нужна? А я себе не прощу, если прилет не увижу.

У здания космодрома стояла первая цепь полицейских в белых праздничных мундирах. Шофера они не пропустили, и он остался в громадной толпе тех, у кого не было билета. А бабушку с Алисой пропустили почти без разговоров. Бабушка показала им свои документы, и тогда один из полицейских даже сказал:

— Давайте я с вами до поля дойду. Чтоб вас никто больше не задерживал.

Бабушка тотчас наклонилась к Алисиному уху и прошептала:

— Он сам-то без нас на поле бы не попал. Охота ему была людей не пускать. Ему посмотреть хочется, как наш Толо из корабля выйдет.

Через полчаса бабушка с Алисой пробились к самому последнему ограждению. За ним начиналось бескрайнее бетонное поле, куда должен был опуститься корабль.

По радио все время передавали сообщения о том, как корабль тормозит и приближается к Колеиде. Оставалось совсем немного времени до его прилета.

Вокруг стояли генералы и очень важные начальники — руководители государств, ученые, писатели и артисты. Все ждали и волновались.

Но никто не мог догадаться, что в громадной толпе, заполнившей космодром, больше всех волновалась девочка по имени Алиса, которая прилетела из будуще-

го и с другого конца Галактики. И она волновалась больше всех, потому что у нее в руках была судьба всей планеты.

Алиса почувствовала, что у нее немножко дрожат коленки. И ладони стали влажными. Она потихоньку стала проталкиваться вперед, к самому ограждению.

— Ты куда? — спросила бабушка. — Я с тобой.

Алиса незаметно расстегнула «молнию» на сумке и нашупала внутри баллончик. Потом она вынула его и повесила через плечо.

— Что это у тебя? — спросила старушка.

— Термос, — ответила Алиса. — Пить захочется — открою.

Бабушка больше не спрашивала — она смотрела в небо, потому что там появилась светлая точка, которая росла на глазах.

Космический корабль, несущий на борту космическую чуму, приближался к Колеиде.

Корабль опустился медленно, как во сне. Он на минуту повис над самым полем, голубое пламя вырывалось из его дюз и плавило бетон. Потом он встал на землю, и над полем пролетел короткий ураган, срывающий шляпы и фуражки со зрителей.

Грянули оркестры, и несколько служащих космодрома начали разматывать толстый рулон белого ковра, по которому космонавты пройдут от корабля до встречающих.

— Что делать? — спросила Алиса археолога. Она знала, что никто ее не слышит: все ждут, когда откроется люк и выйдут космонавты.

— Мы далеко от корабля? — спросил Рппр.

— Шагов триста-четыреста. Не добежать. Поймают.

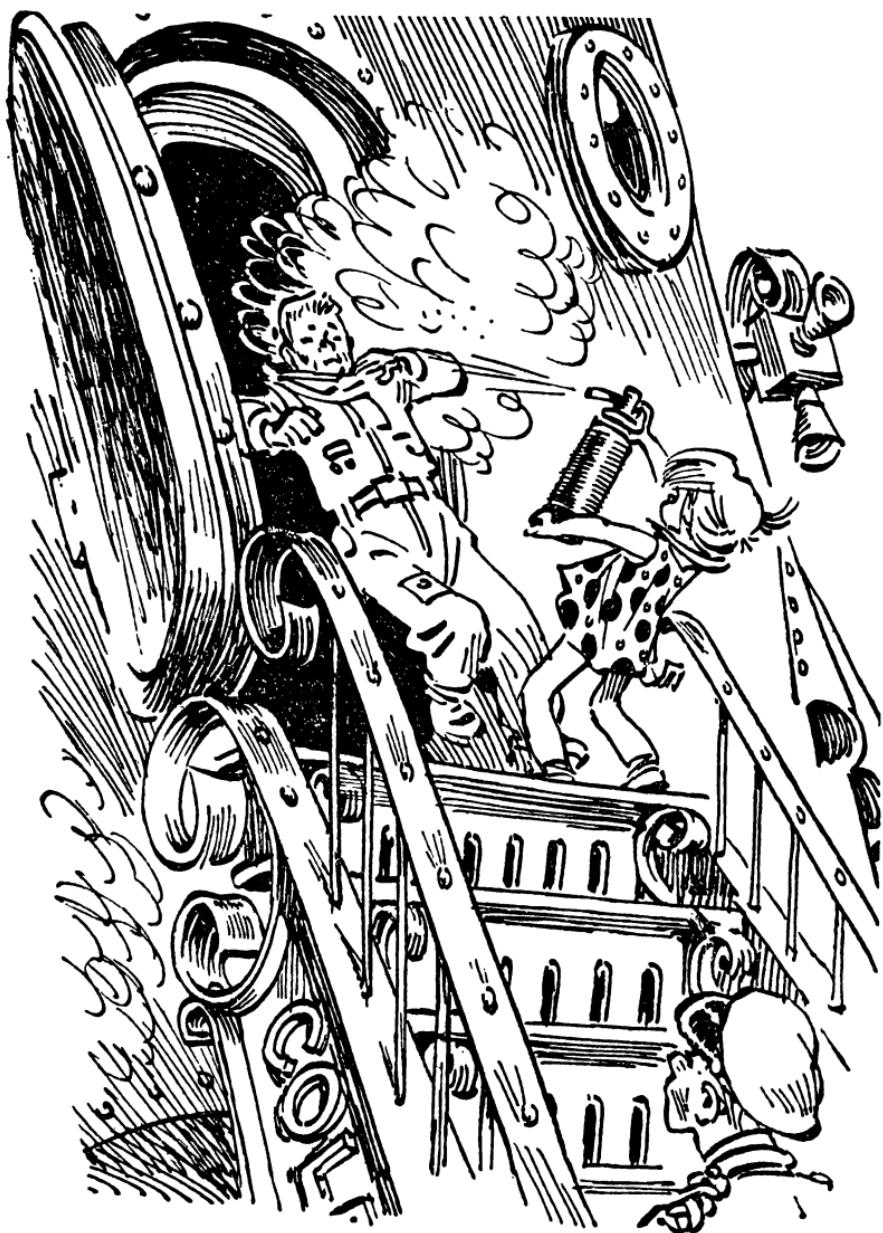
— Ой, — вздохнул археолог, — так близко — и не добежать! Я бы, может быть, добежал.

— Нет, тебе не донести баллон с вакциной.

Но тут Алисе снова помогла бабушка. Когда она увидела, что члены правительства Колеиды пошли по обе стороны белого ковра навстречу кораблю, потому что членам правительства тоже было невмочь ждать, она отодвинула полицейского и сказала:

— Там мой сын.

И сказала это так уверенно, что полицейский только поклонился и пропустил ее.

Алиса схватилась за руку старушки, и, когда полицейский попытался остановить ее, бабушка обернулась и сказала:

— А это его сестра, и я без нее ни шагу не ступлю.

— Только сумку оставьте, — сказал тогда полицейский. — С сумкой нельзя.

Алиса вцепилась за сумку, и получилось замешательство, потому что бабушка тянула вперед, полицейский назад, а Алиса оказалась между ними. И тогда Алиса услышала, как Рррр сказал на космоязыке, чтобы никто не понял:

— Отпусти. Помни о главном.

К счастью, полицейский не услышал. Другой рукой он старался сдержать других встречающих. Алиса отпустила сумку и поспешила вперед.

Они подошли почти к самому кораблю. Но тут остановились все. Бабушка тоже.

Люк медленно поворачивался.

«Когда-то на Земле встречали Гагарина, — подумала Алиса. — Как жаль, что я поздно родилась!.. Пора», — сказала она себе.

И в тот момент, когда люк распахнулся и первый космонавт, капитан корабля, показался в нем, Алиса проскользнула между генералом и главным министром Колеиды, увернувшись от рук начальника почетного караула и понеслась к люку.

— Стой! — кричали сзади.

— Не волнуйтесь, — услышала она голос бабушки, — это моя дочка.

Алиса на бегу сорвала с плеча баллон с вакциной.

Капитан корабля при виде ее засмеялся и показал рукой в сторону.

Алиса на секунду остановилась. Она поняла, что люк находится слишком высоко — ей не достать до него. Струя вакцины не попадет внутрь.

— Трап везут! — крикнул ей капитан корабля, который, наверно, решил, что Алиса хочет поздравить космонавтов и ей это разрешили сделать.

Автоматический трап в этот самый момент подъехал к кораблю.

— Стойте! — крикнула Алиса капитану, который поднял было ногу, чтобы ступить на трап.

Она на ходу вскочила на трап, не дожидаясь, пока он остановится.

Сзади топали полицейские, чтобы догнать ее и остановить.

Алиса стрелой взлетела по трапу. Баллон был в ее руках.

Она направила его прямо в лицо капитану и нажала кнопку.

Сильная мутная струя вонючей вакцины ударила в капитана, и он от неожиданности отпрянул назад.

Миллионы людей Колеиды, которые видели этот момент на космодроме и по телевизору, ахнули от ужаса. Все жители Колеиды решили, что это покушение на космонавтов.

Алиса стояла перед самым люком и не переставая нажимала на кнопку. Туман быстро окутал весь корабль и заполнил его внутренние помещения.

Потом кнопка сама щелкнула и вернулась на место. Баллончик был пуст.

И в еще не рассеявшемся тумане несколько сильных рук схватили Алису, и ее потащили вниз.

15

Камера, в которой оказалась Алиса, была маленькая и совершенно голая. Даже стула в ней не было. За дверью слышались голоса. Это была даже не камера, а просто один из складов космодрома, из которого спешно вынесли все, чтобы запереть туда государственную преступницу, которая совершила покушение на космонавтов.

Алиса села на пол. Она была счастлива, только очень устала и беспокоилась, что стало с археологом Рррр.

Она понимала, какая паника сейчас царит на всей Колеиде. Ведь никто ничего не понимает. И все спрашивают друг у друга, не пострадали ли космонавты. И тысячи разных страшных слухов ходят по Колеиде.

Прошло минут пять, потом еще пять.

«Наверно, — подумала Алиса, — сейчас все занимаются космонавтами, им не до меня».

Потом другая мысль пришла в голову. Очень хорошо — ей удалось спасти Колеиду. Но дальше что? Ведь ей-то теперь отсюда никогда не выбраться. И никогда она больше не увидит шумного и доброго Громозеку и не вернется домой, на Землю . . .

Ей хотелось плакать. И она заплакала. Может, даже не из жалости к себе, а потому, что очень устала и переволновалась. А когда она немножко поплакала, то настроение у нее стало лучше. Потому что она поняла, что ее ни за что не оставят в беде. Если надо, с Земли привезут еще три машины времени. И тогда сюда придут за ней и Петров, и Ричард, и, может, даже сам Громозека. И все объяснят колеидцам. И, может быть, даже Алисе здесь поставят памятник...

И Алиса задремала, прислонившись к белой стене.

Ее и в самом деле никто не допрашивал, потому что сначала на космодроме поднялась страшная паника. Но когда Алису увели, а туман рассеялся, то оказалось, что космонавты совершенно невредимы. И раз уж они прилетели, все равно торжество должно было продолжаться. И об Алисе на время забыли.

16

Алиса не знала, сколько она проспала. Может, минут десять, а может быть, и три часа. Но вдруг она услышала:

— Алиса!

Она сразу открыла глаза и оглянулась.

Камера была пуста. За дверью все так же стучали шаги — ее тщательно охраняли.

— Алиса, ты меня слышишь?

— Это ты, Рррр?

— Я. Подойди к дальнему от двери углу и помоги мне.

Алиса тихонько поднялась и подошла, куда велел Рррр.

И она увидела, что там, в углу, решетка. К решетке снизу прижалось пушистое лицо маленького археолога.

— Не печалься, — прошептал археолог, подмигивая сиреневым глазом. — Мы тебя выручим.

— А ты как здесь оказался?

— Сейчас некогда рассказывать. В общем, пока они кричали и гонялись за тобой, я раскрыл «молнию» на сумке и выскочил. Меня чуть не затоптали. А потом я проследил, куда тебя повели, — ведь на котенка никто не обращает внимания. Тем более, хвост я все-таки пришил.

— Ну, и дальше что?

— А дальше я обследовал это здание. И нашел решетку. Я ее отпер снизу, но у меня не хватает сил ее поднять. Давай быстренько, поднатужься.

Алиса взялась за решетку. Решетка поддавалась еле-еле.

— Тяни! — умолял Рррр. — Они вот-вот за тобой придут.

За дверью послышались голоса. Кто-то шел к камере.

Алиса изо всей силы дернула за решетку, и она выпала и громко звякнула о каменный пол.

— Прыгай! — приказал Рррр. — Не бойся, здесь невысоко.

И в тот момент, когда дверь в камеру начала открываться, Алиса, зажмурившись, прыгнула в черную дыру, и Рррр еле успел отскочить в сторону.

— Беги за мной, — сказал он.

Алиса долго бежала по темным коридорам сложного подземного хозяйства космопорта. Она набила синяков на руках и коленках, разорвала рукав платья, но остановиться не могла — Рррр бежал впереди и торопил ее:

— Отдохнешь дома. Слышишь, за нами погоня.

Они успели выбежать на задний двор космопорта за минуту до того, как все здание оцепили войска. Спасло их то, что народу на космодроме все еще было так много, что солдатам и полицейским, которые ловили государственную преступницу, было трудно передвигаться быстро.

17

Долгий шумный день на планете Колеида уже кончался. Солнце опустилось к высоким деревьям парка, который тянулся за космопортом.

— Ой, как я устала! — сказала Алиса, добежав до первого дерева и обняв его ствол. — Вот-вот упаду.

Пушистый археолог выглянул из-за дерева, смотря, нет ли погони.

— Не распускайся, Алиса, — сказал он. — Держи себя в руках. Сделана только половина дела.

— Почему половина? Мы же все сделали и спасли планету.

— Не знаю, — ответил Рррр. — Не знаю, моя девочка.

Он говорил, словно старый, мудрый дедушка.

— Ты распылила вакцину, это так. Но только если мы вернемся назад, мы узнаем, дало ли это какой-нибудь результат.

— Ты хочешь сказать, что мы вернемся и все осталось как прежде?

— Не знаю...

— Тогда лучше не возвращаться. Лучше остаться здесь.

— Ты устала, Алиса, — сказал Рррр, — и нервничаешь.

До леса доносились глухие удары барабанов. Это далеко-далеко играли оркестры. Густой теплый воздух вздрагивал от барабанного буханья. Над крышей космопорта взлетела гирлянда огромных разноцветных воздушных шаров.

— Я просто не могу представить, что они все заболеют, — сказала Алиса.

— Может быть, и не заболеют. А если бы ты не распылила вакцину, ты бы наверняка знала, что все они обречены. И было бы еще хуже.

Алиса кивнула. Маленький археолог был прав.

— Отдохнула немножко? — спросил он. — Нам надо спешить. До темноты мы должны уйти подальше от города.

— А куда мы теперь? — спросила Алиса, которой никуда идти не хотелось. Лечь бы сейчас на траву и заснуть. А проснуться уже дома. — На вокзал?

— Ни в коем случае, — ответил Рррр. — Нас там сразу узнают. Ведь ты сейчас после космонавтов самый популярный человек в городе. Несколько миллионов колеидян видело тебя по телевизору. Мы пойдем пешком.

И они пошли через лес. Рррр бежал впереди. Он шел по солнцу так, чтобы выбраться к железной дороге и вдоль нее добираться до городка, у которого лагерь археологов.

Алиса натерла ногу, но разуваться Рррр не разрешил. «Интересно получается, — подумала Алиса. — Пока мы ехали туда, я была главной, а теперь он вдруг вспомнил, что он старше, и ведет меня». Но спорить с маленьким археологом не хотелось. И не хотелось убеждать его, что все равно Петров с Ричардом найдут их и спа-

сут. Ведь Рррр тогда обязательно скажет, что их могут не найти.

Вдруг лес кончился. Он оказался узким. За ним началися пустыри, а дальше снова дома. И выйти из-под деревьев было нельзя — над пустырем кружил маленький желтый вертолет и от домов к лесу медленно двигалась цепочка полицейских.

— Облава, — сказал Рррр. — Они подозревают, что мы скрылись в лесу.

— Что делать? — спросила Алиса. — Заберемся на дерево?

— Они догадаются. Бежим обратно.

Оказывается, Рррр заметил в лесу какие-то строения. Туда он и повел Алису.

На большой истоптанной и пыльной поляне, обнесенные низким заборчиком, стояли аттракционы — качели, горки, «чертовы колеса» и другие развлекательные машины, похожие на те, что стоят в парках на Земле, и в то же время совсем другие.

Беглецы забрались под скрипучую карусель и улеглись на землю. Совсем близко нависал дощатый пол, и в щель между досками Алиса видела тонкую полоску очень светлого неба.

Они вовремя спрятались. Минуты через три к аттракционам подошли полицейские. Слышно было, как они перекликаются. Потом один из них забрался на карусель, и доски прогибались под его башмаками.

Алисе захотелось чихнуть — под каруселью было пыльно и душно. Полицейский остановился прямо над ней, закрыв подошвами светлую полоску, и спросил громко у кого-то:

— Под каруселью смотрел?

— Нет, — ответили издали. — Сам погляди.

— У меня фонаря нету.

— Без фонаря увидишь. Вряд ли кто туда мог забраться.

Полицейский спустился на землю, Алиса быстро отползла к дальней стенке и прижалась к ней.

Деревянная дверца распахнулась и в ней появился черный силуэт полицейского. Он долго вглядывался, потом спросил на всякий случай:

— Есть здесь кто?

— Ты идешь? — раздался крик издали.

— Иду, — ответил полицейский и захлопнул дверь.
— Нет здесь никого. Она уж, наверно, на самолете улетела.

— Конечно, — согласился с ним второй голос. — Такое покушение в одиночку не совершишь.

— Останемся здесь до темноты, — сказал Рррр, когда шаги полицейских смолкли. — А то сейчас нас быстро поймают.

Им удалось выбраться из-под карусели только поздно вечером. Примерно через час после того, как полицейские ушли, парк стал наполняться народом. Хозяин карусели долго вытирали ее тряпкой, подметали, потом включили и часа три подряд под веселую, но страшно надоевшую Алисе музыку карусель вертелась над головой, скрипела, и казалось, вот-вот кто-нибудь провалится сквозь пол и задавит беглецов.

Наконец, когда Алиса отлежала себе все бока и измучилась оттого, что страшно хотелось спать, а уснуть под гром музыки и скрип карусели было совершенно невозможно, веселье подошло к концу. Мотор карусели все реже заводился, реже раздавались голоса вокруг. И к полночи все стихло.

Они выползли наружу, и Рррр долго растирал сильными ручками ноги Алисы. Ноги так занемели, что идти было невозможно. А потом стало еще хуже — ноги отходили, и казалось, что тысячи иголок вонзились в них.

— Ну, сможешь идти? — спросил Рррр.

— Смогу, — ответила Алиса.

Теперь, когда столько пришлось вытерпеть, она уже поняла, что любой ценой они должны добраться до своих.

И они добрались.

Они снова пересекли темный лес, вышли на пустырь и, обходя ямы и кучи мусора, доплелись до нового района города. Пока не остались позади последние дома, они шли медленно — Рррр забегал вперед, смотрел, нет ли кого, только потом Алиса следовала за ним.

Было уже почти два часа ночи, когда они вышли к полотну железной дороги. Рельсы поблескивали под луной.

Они вышли на тропинку, которая бежала вдоль полотна, и направились прочь от столицы. Алиса старалась представить себе, как мать космонавта Толо ругает ее, рассказывает своему сыну, что Алиса втерлась к ней в

доверие. Ей казалось даже, что она слышит голос ста-
рушки: «Я ее даже помидорами кормила. Знала бы, ни-
чего не дала бы. И котенок у нее был подозрительный».

И уже под утро им удалось взобраться на платформу товарного поезда, который притормозил у разъезда.

И с первыми лучами солнца, изодранные, измучен-
ные, еле живые, страшно счастливые, они поднялись на
пригорок. Оставалось сделать всего один шаг, и машина
времени заберет их обратно, в лагерь археологов.

И Алиса вдруг поняла, что ей очень трудно сделать
этот последний шаг.

— Я боюсь, — сказала она маленькому археологу.

— Я тоже боюсь, — сказал он. — Я понимаю.

— А вдруг мы вернемся, а там все по-старому?
Вдруг не удалось?

— Ой, — сказал Рррр, — и не говори!

Он снова потерял где-то свой хвост, теперь уже без-
возвратно.

Они помолчали немного.

Потом Алиса наклонилась и взяла археолога на руки.
И сделала последний шаг.

Что-то щелкнуло. Легкий туман окутал ее, и пока-
залось, что она несетя куда-то, падает... падает...

И вот она стоит в кабине машины времени.

18

За стеклом возвышался Громозека. Рядом — Петров.
Ричард наклонился над пультом управления.

Алиса стояла в кабине, не смея шелохнуться.

Дверь не открывалась.

Громозека поднял щупальце, показывая, что она за-
была нажать на кнопку.

— Ну да, кнопка, — сказала Алиса.

Она нажала на зеленую кнопку. Дверь отошла в сто-
рону. Алиса выпустила из рук археолога, и тот упал на
пол.

— Все в порядке, — сказал Громозека. — Можете
стартовать.

— Есть стартовать, — отозвался голос из динамика.

Глухо заревели двигатели, пульт управления качнулся,
и Алиса почувствовала, как увеличивается тяжесть —
заработали гравитационные установки.

— Ну что? — спросил наконец Рррр.

Громозека протянул вперед свои длинные щупальца, поднял Алису, и она вдруг увидела, что по его широко-ченному зеленому лицу текут дымящиеся слезы.

— Доченька моя, — сказал он. — Милая! Спасибо!

— Ну что? — спросила тогда Алиса.

— Все в п-порядке, — сказал Петров. — Все в п-порядке. Хотя это и безобразие.

— Победителей не судят, — сказал Ричард. — И вы, Михаил Петрович, это знаете.

— А я, — сказал Громозека, все еще не выпуская из щупалец Алису, — я согласен теперь на любое наказание.

— Так получилось? — настаивал Рррр.

— Все получилось.

— А почему мы движемся?

— Мы летим, — сказал Громозека. — Улетаем.

— Почему? — удивилась Алиса. Ей было так уютно в объятиях Громозеки, и она совсем не чувствовала ног.

— Потому что как только вы с Рррр ушли в прошлое, я разбудил весь лагерь, — сказал Громозека.

— Чтобы за нами гнаться?

— Ничего подобного. Я же знал, что ты ночью попытаешься сама убежать в прошлое. И ты знаешь мое к этому отношение. Я не мешал тебе.

— Ты тогда не спал?

— Я же велел тебе не забыть свитер.

— А я так старалась не шуметь! — сказала Алиса.

— Я сделал все, что мог. Я объяснил тебе действие баллона с вакциной, заставил тебя сделать все уколы. И попросил Рррр отправиться в прошлое вместе с тобой. Одну я тебя отправлять не хотел.

— Так ты, котенок, — обернулась Алиса к своему спутнику, — тоже заранее знал, что я убегу?

— Знал, — сказал маленький археолог. — И, кроме меня, некому было тебя сопровождать. Я ведь самый маленький. И хвост я заготовил заранее. И ведь я тебе пригодился?

— Пригодился. Знаешь, Громозека, он меня освободил, когда меня поймали.

— Да? Ну и отлично. Потом все расскажешь. А мы очень волновались. Мы думали, что, если тебя поймают, придется отправлять в прошлое спасательную партию.

— Все-таки почему мы на корабле? — спросила Алиса.

— Потому что как только вы ушли в прошлое, я приказал на всякий случай сворачивать лагерь и временный центр. Мы же не знали, что произойдет здесь за сто лет. Вдруг на месте наших палаток вырастет новый город? Или искусственное море?

— Вот уж была работа! — сказал Ричард. — Мы за шесть часов свернули весь лагерь, разобрали станцию и погрузили камеру времени на последний корабль. И стали ждать.

— И дождались? — спросила Алиса. — Можно, я посмотрю?

Громозека поднес ее к иллюминатору.

Корабль уже поднялся довольно высоко, и Колеида занимала половину неба. И все лицо планеты было затято пятнами света — это горели огни ее городов и заводов.

— Все случилось во второй половине дня, — сказал Громозека. — Мы стояли у иллюминаторов и смотрели. Мы же знали, во сколько прилетает космический корабль. Мы стояли и считали минуты. Ведь мы не очень верили, что тебе удастся пробраться к кораблю...

— И тут, — перебил его Ричард, — мы увидели, как в одну секунду поля стали зелеными.

— И высокие дома выросли на месте старого города, — сказал Петров.

— И над нами пролетела птица, — сказал Громозека.

— И мы поняли, что Алиса убила космическую чуму.

— А как же вас не заметили? — спросил Рррр.

— Наш корабль был погружен в землю и покрыт сверху маскировочной сеткой. Нам повезло — это поле было не застроено. Зато теперь, когда мы взлетели, они нас наверняка заметили.

В этот момент в динамике раздался голос:

— Говорят капитан корабля. Только что с нами вышли на связь внешние спутники планеты Колеида. Нас спрашивают, что мы за корабль, куда летим, почему не предупредили о своем полете диспетчера.

— Отвечайте им, что мы держим курс к их дежурному спутнику, — сказал Громозека. — Пусть ждут. Мы им все расскажем.

Когда Громозека с переодетой и вымытой Алисой шел по коридору дежурного спутника планеты Колеида, Алиса попросила главного археолога:

— Когда ты будешь им все объяснять, спроси, пожалуйста, нет ли мне памятника.

— Что? — удивился Громозека.

— Нет ли нам с Рррр памятника, — повторила Алиса. — Ведь мы их спасли.

Громозека улыбнулся, но ничего не ответил.

Дежурный диспетчер встретил гостей на центральном пульте. Он оказался маленьким человечком, чуть повыше Алисы, и был похож на инженера Толо. При виде Громозеки он вздрогнул и отступил на шаг, но тут же справился с испугом и попытался улыбнуться.

— Мы с планеты Земля, — сказал Громозека, поздоровавшись, — и с других планет Галактического содружества, куда вы в скором времени, наверно, вступите. Простите, что мы побывали на вашей планете без разрешения, — так уж получилось.

— Я совершенно не могу понять, — сказал диспетчер, — как вам удалось сесть рядом с большим городом и никто вас не заметил.

— А мы не только сели, — сказал Громозека, — мы даже пробыли у вас на планете почти полгода.

— Как так?

— Мы археологи. Мы выясняли, почему погибла ваша планета.

— Но наша планета никогда не гибла, — сказал диспетчер. — Вы меня разыгрываете?

— Ни в коем случае, — сказал Громозека. — Скажите, вам эта девочка незнакома? — Он показал на Алису.

— Нет, конечно, — ответил диспетчер.

— Странно, — сказала Алиса.

— Она была уже у вас на планете. Только давно.

— Когда?

— Сто лет назад.

— Вы говорите загадками, — сказал диспетчер. — И если это шутки, то очень странные.

— Сто лет назад, — сказал Громозека, — вернулся ваш первый космический корабль, не так ли?

— Так, — сказал диспетчер. — Мы праздновали столетие этого события в прошлом году.

— А не было никакого происшествия в тот момент, когда корабль опустился на Колеиду?

— Нет, — сказал диспетчер. — Все прошло нормально. С тех пор этот день мы отмечаем как праздник.

— И все-таки я настаиваю, что именно в тот день и в тот момент эта девочка, которую зовут Алиса, была на космодроме и даже спасла вашу планету от гибели.

— И меня даже посадили в тюрьму, — вмешалась Алиса.

Диспетчер тяжело вздохнул, будто устал слушать сумасшедших гостей.

— Не верит, — сказал Громозека. — Не верят нам с тобой, Алиса. А скажите, у вас нет на борту библиотеки?

— Зачем?

— Там может быть книжка по истории.

— Ну хорошо, — сказал диспетчер и пожал плечами. — Погодите.

Он нажал кнопку на пульте, панель на стене отодвинулась, и там оказались полки с книгами. Диспетчер снял одну из книг.

— Тут есть описание прилета первых космонавтов? — спросил Громозека.

— Одну минутку, — сказал диспетчер.

Он перелистал книгу.

— Читайте, — сказал Громозека.

В предвкушении удовольствия он даже притопывал щупальцами по гладкому полу дежурного спутника.

— «И вот показался корабль», — прочел диспетчер.

— Дальше, дальше, — торопил его Громозека, заглядывая через плечо маленькому человечку. — Вот. — И он ткнул ногтем в строчку.

— «Праздник был украшен любопытным поступком одной из девушек, — прочел диспетчер. — Она первой подбежала к кораблю и опрыскала космонавтов духами. Имя ее осталось неизвестным».

— И все? — спросила Алиса.

— И все.

— Это была я. Только никакие это были не духи. А вакцина.

Но тут Громозека понял, что терпение диспетчера полностью истощилось, и сказал:

— Шутки в сторону. Разговор нам предстоит долгий и серьезный. Я обращаюсь к вам официально: корабль «Земля» просит разрешения Колеиды совершить посадку на удобном для вас космодроме. Больше я не буду говорить загадками и все подробно объясню представителям вашего правительства.

— Подождите немного, — сказал диспетчер с облегчением. — Сейчас я узнаю, на каком из космодромов есть свободные стоянки.

А когда Алиса с Громозекой шли обратно к своему кораблю, Громозека легонько потрепал Алису когтем по плечу и сказал:

— Не расстраивайся. Может, тебе еще поставят памятник на этой планете.

— Не нужен мне их памятник, — сказала Алиса. — Главное — что они остались живы и здоровы.

Она помолчала и добавила:

— Только обидно, что в истории написано, будто я поливала их духами.

— В истории остается только главное, — сказал Громозека. — А детали могут и не сохраниться в памяти людей.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕВОЧКА, С КОТОРОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ	
Рассказы о жизни маленькой девочки в XXI веке, записанные ее отцом	3
НОВОСТИ БУДУЩЕГО ВЕКА	31
ВТОРОГОДНИКИ	
Фантастический рассказ	38
ЭТО ТЫ, АЛИСА!	47
ОСТРОВ РЖАВОГО ЛЕЙТЕНАНТА	50
ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ	
Фантастическая повесть	114
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АЛИСЫ	294

Кир БУЛЫЧЕВ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ

Путешествие Алисы

Редактор-составитель С. Митрохина

Оформление Ф. Барбышева

Иллюстрации Е. Мигунова

Художественный редактор В. Горин

Технический редактор Т. Самсонова

Корректор Е. Смирнова

Сдано в набор 23.10.90. Подписано в печать 5.04.91.

Формат 84×108/32. Печать высокая. Бумага тип. № 2.

Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 16,7. Тираж 350 000 экз.

Заказ 2096. Цена 12 р.

Издательское объединение «Культура». 141200, г. Пушкино
Московской обл., ул. Некрасова, 5.

Диапозитивы изготовлены в типографии НИИ «Геодезия».

Отпечатано на Книжной фабрике № 1 Министерства
печати и массовой информации РСФСР. 144003, г. Электро-
сталь Московской обл., ул. Тевоясова, 25.

Кир Бульчев · Приключения Алисы

